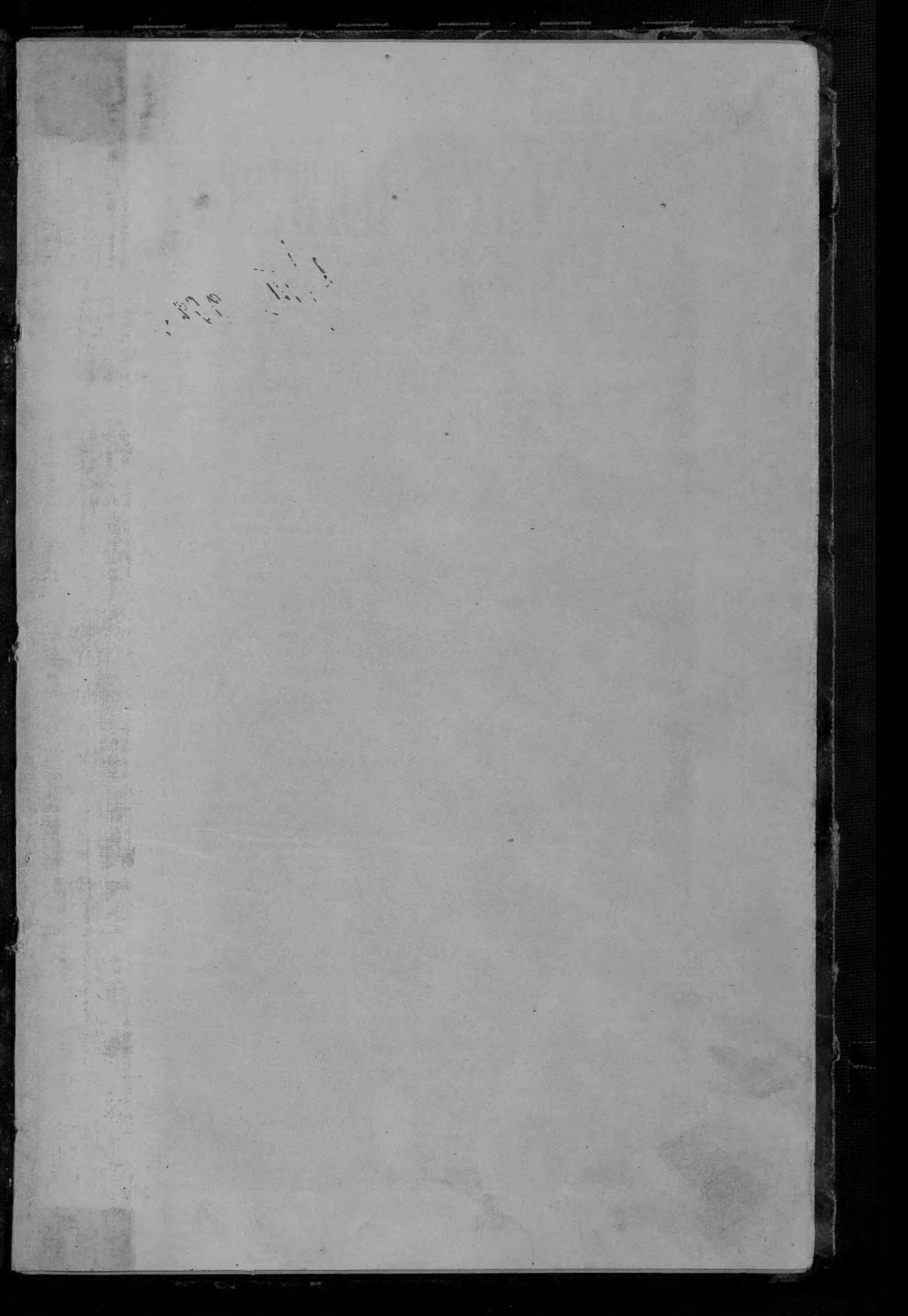

2/III-902.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

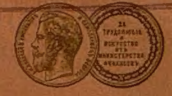
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. МАРТЪ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подьяческая, № 39.
1902.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1902 года.

Библiографическiй листокъ.

Къ столѣтiю Комитета-Министровъ (1802—1902). Историческiй обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ первый.— Комитетъ Министровъ въ царствованiе императора Александра (1802 г. сентября 8—1825 ноября 19). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданiе Канцелярiи Комитета Министровъ. СПб. 1902 г.

Въ разсматриваемой нами книгѣ авторъ поставилъ себѣ цѣлью: представить историческiй обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, характеризовать его членовъ, выяснить, что внесено было совмѣстною ихъ работою въ управленiе Россiею, насколько было достигнуто единство во внутренней политикѣ и дать въ доступной всѣмъ формѣ матерiалъ для новѣйшей исторiи Россiи.

Обзоръ дѣятельности Комитета составленъ по журналамъ, меморiямъ и другимъ рукописнымъ книгамъ архива Комитета, и на эти документы сдѣланы ссылки.

Дѣятельность Комитета Министровъ обнимала всѣ отрасли государственнаго управленiя; въ царствованiе императоровъ Александра I и Николая I онъ рѣшалъ по 2.000 — 2.500 и, даже иногда, 3.000 дѣлъ въ годъ. Такъ какъ многiя изъ этихъ дѣлъ не представляютъ историческаго интереса (напр., очень многочисленныя дѣла по личному составу управленiй: назначенiя, увольненiя, отпуски, награды, производства и пенсiи служащихъ, просьбы о пособiяхъ и проч.),—то о нихъ въ трудѣ г. Середонина только упоминается, а главное вниманiе удѣлено дѣламъ наиболѣе важнымъ.

Трудъ С. М. Середонина состоитъ изъ предисловiя, семи главъ и приложенiй.

В ъ п е р в о й г л а в ѣ говорится о возникновенiи Комитета Министровъ, его устройствѣ и значенiи. Манифестъ 8-го сентября 1802 г., опредѣливъ отношенiя вновь установленныхъ министерствъ къ Сенату, пунктомъ 15-мъ гласилъ: всѣ министры суть члены Совѣта и присутствуютъ въ Сенатѣ; Совѣтъ не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнiю дѣлъ, какъ въ присутствiи по меньшей мѣрѣ пяти министровъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться и министръ, по части котораго дѣло будетъ трактовано. Д ѣ л а о б ы к н о в е н н ы я т р а к т у ю т с я в ъ К о м и т е т ѣ, составленномъ единственно изъ нихъ; для другихъ же, особую важность въ себѣ содержащихъ, прочiе члены Совѣта будутъ собираться одинъ разъ въ недѣлю. Въ силу этого манифеста вновь назначенные министры и ихъ товарищи собрались 10-го сентября въ 11 час. утра въ домѣ государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова и постановили: Совѣту быть по понедѣльникамъ, а имъ, министрамъ, собираться и д е р ж а т ь Комитетъ по вторникамъ и пятницамъ въ 6 час. по полудни, испросивъ высочайшее повелѣнiе, гдѣ держать Комитетъ; и въ заключенiе они поручили дѣйствительному камергеру Новосильцову просить государя, не угодно ли будетъ ему удостоить Комитетъ Министровъ своимъ присутствiемъ. Чрезъ Новосильцова объявлено было Комитету, что государь просьбу его принялъ съ благоволенiемъ и изволилъ указать гофъ-маршалу приготовить нарочную для засѣданiя Комитета комнату во дворцѣ. Члены Комитета собирались въ Зимнемъ дворцѣ въ Большой столовой; государь выходилъ въ Малую столовую, куда приглашались члены, гдѣ и происходили засѣданiя Комитета. Слѣдующее засѣданiе 16-го сентября состоялось уже подъ предсѣдательствомъ его величества, и изъ 23 засѣданiй 1802 года только на трехъ государь не присутствовалъ. Въ первые три года своего существованiя Комитетъ разсматривалъ смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, обсуждалъ мѣры, которыми бы можно было покрыть дефицитъ, уменьшалъ размѣръ пошлины съ нѣкоторыхъ товаровъ, утверждалъ положенiя и штаты департаментовъ и управленiй въ министерствахъ, устанавливалъ новое раздѣленiе губернiй.

До сентября 1805 г. Комитетъ не имѣлъ ни устава своего, ни какой-либо инструкцiи: въ томъ и въ другой не было надобности, потому что Комитетъ почти всегда собирался въ присутствiи государя. Это обстоятельство придавало Комитету исключительное значенiе и, конечно, отразилось на правилахъ, впервые ему данныхъ. Первыми правилами былъ опредѣленъ кругъ дѣятельности Комитета; въ него поступали дѣла: 1) по которымъ министры представляли государю доклады; 2) которыя государь самъ опредѣляетъ разсмотрѣть въ Комитетѣ и 3) которыя министры внесутъ въ силу сомнѣнiя. Тогда же было дано, на время отсутствiя государя, Комитету важное право— приводить въ исполненiе свои рѣшенiя по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства. Дѣла въ Комитетѣ рѣшались по большинству голосовъ; предсѣдательствовалъ одинъ изъ членовъ [1])

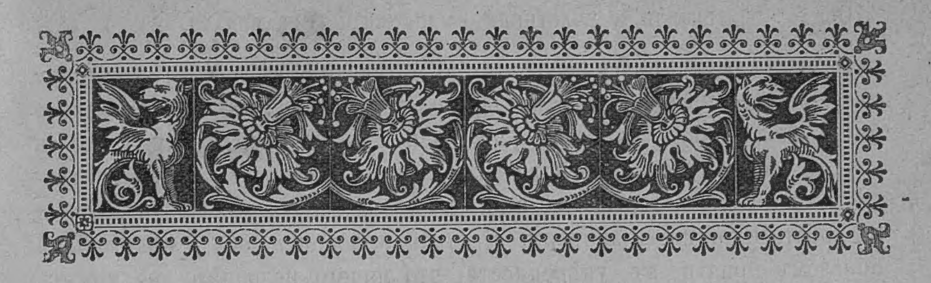

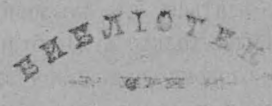
[1]) Членами Комитета состояли всѣ министры; въ случаѣ отсутствiя министра, товарищъ его вступалъ во всѣ права министра; сверхъ того, Комитетъ имѣлъ право приглашать въ свое собранiе военнаго губернатора, оберъ-полицiймейстера и начальниковъ другихъ мѣстъ—для объясненiя и совокупнаго соображенiя дѣла.

Дозв. ценз. СПБ., 28 января 1902 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., д. 39.

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
КАПУСТИНЪ.

Дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго.

Неизданная глава изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа [1]).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Введеніе.

Повѣсть о паденіи Сперанскаго представляетъ, въ нашихъ лѣтописяхъ, почти такое же явленіе, какъ во Франціи исторія Желѣзной Маски. Уже давно все это было, уже давно нѣтъ ни Сперанскаго, ни того, кто былъ его благомъ и казнію, ни участниковъ и дѣятелей его низверженія, а эта повѣсть, несмотря на всѣ изысканія и усилія, все еще остается загадкою, къ которой не отыскано ключа. Въ кроткое царствованіе Александра, среди утопій либерализма и конституціонныхъ идей, вдругъ, надъ человѣкомъ, взысканнымъ, въ глазахъ цѣлой Россіи, всею любовію и всѣмъ довѣріемъ монарха, возобновляется одна изъ сценъ того мрачнаго деспотизма, который былъ погребенъ—казалось, навѣки—12-го марта 1801 г.... Если, въ отношеніи къ жертвѣ, событіе это отразилось на умы скорѣе

[1]) „При переработкѣ „Жизни графа Сперанскаго" третьей ея части, которою начинается II-й томъ, могли бы быть предпосланы прилагаемые листы,—писалъ баронъ М. А. Корфъ А. Ѳ. Бычкову.—Они должны бы составить первую главу этой третьей части". Настоящая глава была написана, въ своей основѣ, барономъ Корфомъ еще въ 1847 году. Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, эта неизданная глава „Жизни графа Сперанскаго" сообщаетъ совершенно новыя свѣдѣнія и въ настоящее время. И. Б.

радостно, нежели прискорбно, то, въ отношеніи къ самому характеру дѣйствія, оно произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе: актъ неслыханнаго болѣе десяти лѣтъ самовластія, противный всѣмъ изъясненіямъ, всѣмъ обѣщаніямъ Александра, поразилъ массу общимъ испугомъ; испугались даже и тѣ, которыхъ желанія онъ удовлетворялъ; всякій обратился къ собственной своей личности и, чтобы успокоить себя и нѣкоторымъ образомъ придти къ увѣренности, что ничего подобнаго не можетъ повториться надъ другимъ, всѣ старались убѣдиться, что незлобивую душу государя могло подвигнуть на такое дѣйствіе только что-нибудь совсѣмъ особенное, сокровенное, таинственное,—словомъ, одно самое лишь черное преступленіе противъ его лица и противъ государства. Къ этому должно присоединить, съ одной стороны, придворную интригу, которая, естественно, устремилась поддержать и оправдать, ложными наведеніями, то, что было ею совершено; съ другой—воспріимчивое поле, которое нашли эти наведенія въ общей ненависти всѣхъ сословій къ Сперанскому; наконецъ, послѣдующій образъ дѣйствія самого Александра, который, въ особенныхъ своихъ видахъ, совсѣмъ не недоволенъ былъ ни ложнымъ направленіемъ догадокъ публики, ни тѣмъ, что нити клубка, замотавшись во всѣ стороны, наконецъ совсѣмъ перепутались для искавшихъ прямой его основы. Отсюда тѣ многочисленныя попытки дойти до источника постигшей Сперанскаго опалы, тѣ, столь же многочисленныя, разнообразныя сказанія, въ которыхъ трудно рѣшить, чтò стояло выше: изобрѣтательность ли клеветы, или податливость легковѣрія. Но при дворѣ, какъ на морѣ, не вѣруютъ ни во что и вмѣстѣ вѣрятъ немножко всему. Донынѣ, однакожъ, еще никто не дошелъ до истиннаго слова загадки, можетъ статься отъ того, что доискивались происшествій и фактовъ тамъ, гдѣ была лишь игра характеровъ, тайны событій—тамъ, гдѣ была одна тайна личностей, наконецъ романической, нѣкоторымъ образомъ сверхъестественной завязки—тамъ, гдѣ были однѣ обыкновенныя дворскія интриги. Прибавимъ, что вообще бумаги современниковъ, дневники, записки и пр., въ историческихъ задачахъ, подобныхъ настоящей, любопытны, по большей части, единственно какъ слухи, догадки, толки того времени; но если слѣдовать имъ слѣпо и безъ критики самой строгой, то они часто могутъ ввести въ важныя погрѣшности. Люди, особенно же люди при дворѣ, рѣдко воскуриваютъ чистый ѳиміамъ истинѣ. Увлеченные—уже не говоря о личной злобѣ, зависти, клеветѣ—самолюбіемъ и тщеславіемъ, они какъ бы совѣстятся не знать тайны тѣхъ происшествій, которыя, въ ихъ эпоху, много занимали собою умы: отъ этого, за неимѣніемъ иногда вѣрныхъ данныхъ, они вдаются въ вымыслы, или по крайней мѣрѣ въ прикрасы, затемняющія правду и ведущія только къ ложнымъ заключеніямъ. Такимъ образомъ самое близкое къ намъ покрыто нерѣдко такимъ же загадоч-

нымъ мракомъ, какъ и событія самой отдаленной древности, и вотъ отъ чего и въ повѣсти о Сперанскомъ многое искажено такъ, что она превратилась почти въ миѳическую легенду. Нашею задачею будетъ собрать все, что сохранилось о ней на бумагѣ, потомъ приложить, къ писанному, преданія и мнѣнія изустныя и, наконецъ, изъ общаго свода этихъ разнородныхъ и большею частію разнорѣчивыхъ источниковъ извлечь тѣ выводы, которые, по простотѣ и естественности своей, представляются наиболѣе близкими къ истинѣ, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вѣроятными. Здѣсь, какъ и вездѣ, мы будемъ только скромными подготовителями матеріаловъ для тѣхъ, у кого достало бы нѣкогда духу и дара сдѣлаться истинными историками этой эпохи.

Приступая къ своду означенныхъ матеріаловъ, мы должны прежде всего сказать нѣсколько словъ о составѣ тѣхъ изъ нихъ, которые остались послѣ самого Сперанскаго, а здѣсь начать съ замѣчанія, что ни въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за его паденіемъ, ни позже, когда все уже было исправлено и очищено, онъ, въ частныхъ бесѣдахъ, даже самыхъ короткихъ, никогда не касался своей катастрофы. Подчиненные, естественно, не смѣли давать воли своему любопытству; равные не дѣлали вопросовъ, одни чтобъ не возбудить въ немъ печальныхъ воспоминаній; другіе—чтобъ не пострадать въ своемъ самолюбіи черезъ уклончивый, можетъ быть, съ его стороны отвѣтъ; третьи, которые продолжали до конца питать противъ него оскорбительныя подозрѣнія,—чтобъ не поддаться, въ ихъ понятіи, въ обманъ; друзей же, въ истинномъ смыслѣ слова, у Сперанскаго почти не было: ибо приближенные его были болѣе подвластные клевреты, нежели люди, которые стояли бы съ нимъ въ уровень, не только въ положеніи общественномъ, но и по высотѣ разумѣнія и чувства. Быть можетъ, что онъ распространялся иногда объ этомъ предметѣ въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Столыпинымъ [1]; но память бесѣдъ ихъ умерла вмѣстѣ съ самимъ Столыпинымъ, который былъ слишкомъ лѣнивъ и безпеченъ, чтобы что нибудь записывать. Послѣ Магницкаго и Цейера [2]) также ничего не осталось, а Лубяновскій хотя и передалъ намъ цѣлый подробный разсказъ о послѣднемъ свиданіи Александра съ государственнымъ его секретаремъ передъ ихъ разлукою [3]); но, по другимъ, достовѣрнѣйшимъ и болѣе положительнымъ источникамъ, этотъ разсказъ оказался во многомъ противнымъ истинѣ, почему и позволено думать, что Лубяновскій слышалъ его не отъ самого Сперанскаго, или слышалъ не такъ. Въ

[1]) Аркадіемъ Алексѣевичемъ († 1825), принадлежавшимъ къ числу ближайшихъ друзей Сперанскаго.

[2]) Франца Ивановича, пріятеля Сперанскаго.

[3]) Ср. Записки Ѳ. П. Лубяновскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 г., столбцы 483—486.

*

Перми, изъясняясь съ купцомъ Поповымъ [1]) весьма откровенно о многихъ обстоятельствахъ своей тревожной жизни, Сперанскій также никогда не останавливался на своей ссылкѣ и, на сдѣланный ему однажды вопросъ, отвѣчалъ совершеннымъ молчаніемъ, такъ что Поповъ самъ долго не могъ простить себѣ своего нескромнаго любопытства. Наконецъ дочь Сперанскаго, повѣренная всѣхъ его размышленій и тайныхъ думъ, никогда не слыхала отъ него никакихъ подробностей объ исторіи его паденія: при малѣйшемъ на то намекѣ ея, онъ тотчасъ прерывалъ разговоръ или обращалъ его къ другому предмету, и ни разу, до самой кончины, дочь не могла навести отца на болѣе обстоятельное изъясненіе о поводѣ и дѣятеляхъ его несчастія. Такое умолчаніе—думаетъ она—происходило отъ постановленнаго имъ себѣ правила никогда не произносить имени врага, съ которымъ потеряна была надежда или возможность примириться. Великая душа его имѣла рѣдкую способность не только прощать, но даже и забывать нанесенныя ему огорченія. Изъ всѣхъ слышанныхъ нами изустныхъ, будто бы, сообщеній Сперанскаго больше другихъ вѣры заслуживаетъ переданное имъ, еще во время его заточенія, одному изъ павшихъ вмѣстѣ съ нимъ, полковнику Воейкову [2]) и заслуживаетъ потому, что оно своимъ содержаніемъ почти отъ слова до слова сходствуетъ съ оставшеюся послѣ Сперанскаго оправдательною запискою, написанною имъ въ Перми (на французскомъ языкѣ). Наконецъ, изъ письменныхъ слѣдовъ, оставленныхъ имъ самимъ для разъясненія этого мрачно таинственнаго событія, должно, сверхъ означенной записки, упомянуть еще о письмѣ, которое онъ отправилъ, въ 1813 году, изъ Перми, къ императору Александру, и объ автобіографіи его, напечатанной, въ 1821 году, по-нѣмецки. Важнѣйшимъ здѣсь представляется письмо; французская записка очень коротка, а автобіографія, вообще тоже очень короткая, содержитъ въ себѣ касательно катастрофы—какъ предназначавшаяся къ печати—только нѣсколько поверхностныхъ намековъ.

О составѣ другихъ нашихъ матеріаловъ, не непосредственно отъ самого Сперанскаго исшедшихъ, мы здѣсь предварительно не упоминаемъ. Они означатся сами собою тамъ, гдѣ будетъ изложено ихъ содержаніе.

---

[1]) Иваномъ Николаевичемъ, въ домѣ котораго Сперанскій жилъ въ Перми и который сообщилъ барону М. А. Корфу записку о пребываніи Сперанскаго въ этомъ городѣ (см. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 71 и слѣд.).

[2]) Алексѣю Васильевичу († 1825), бывшему правителемъ канцеляріи военнаго министра.

Дѣятели и участники въ катастрофѣ Сперанскаго.

Въ обстановкѣ печальной драмы низверженія Сперанскаго является цѣлая галлерея лицъ, частію бывшихъ прямыми дѣятелями и орудіями этого событія, частію дѣйствовавшихъ только косвенно, посредствомъ общаго своего вліянія, частію, наконецъ, служившихъ лишь непреднамѣренными, даже невольными пружинами въ рукахъ другихъ. Для большей вразумительности послѣдующаго разсказа и въ видѣ введенія къ нему, намъ нужно упомянуть о каждомъ въ нѣсколькихъ особыхъ словахъ.

Темное преданіе, живущее и донынѣ, ставитъ во главѣ паденія Сперанскаго имя великой княгини Екатерины Павловны, въ то время супруги принца Георгія Ольденбургскаго, генералъ-губернатора тверскаго, новгородскаго и ярославскаго. Мы знаемъ, что она точно не любила Сперанскаго, какъ впрочемъ ненавидѣлъ его почти весь дворъ и нерасположена была къ нему и императрица Марія Ѳеодоровна. Не будемъ останавливаться на той, вѣроятно, вымышленной сказкѣ, будто бы великая княгиня желала, чтобы для ея супруга установлено было Сибирское царство, и будто бы Сперанскій, сопротивленіемъ своимъ, разрушилъ это намѣреніе. Начало и поводы ея непріязни и безъ того достаточно объясняются. Женщина съ весьма рѣшительнымъ характеромъ и съ умомъ необыкновеннымъ, но вмѣстѣ и съ необыкновеннымъ властолюбіемъ [1]), великая княгиня была обожаема своимъ братомъ и пользовалась большимъ на него вліяніемъ. Вдругъ между ними сталъ сильный временщикъ, котораго вліяніе превозмогло всѣ прочія. Эта первая причина къ непріязни безпрестанно поддерживалась и оживлялась разными впечатлѣніями внѣшними. Тверь, гдѣ жилъ принцъ, такъ близка къ Москвѣ, а старая московская аристократія такъ была вооружена противъ смѣлаго нововводителя, что вопль ея не могъ не доноситься до великой княгини. Ближайшими его проводниками служили особенно два человѣка, пользовавшіеся ея расположеніемъ: Карамзинъ, котораго мнѣніе о Сперанскомъ и преобразованіяхъ его извѣстно [2]), и Растоп-

---

[1]) Свидѣтельство Ѳ. П. Лубяновскаго.—Mémoires de Stedingk, t. III, p. 97 и 98. «Великая княгиня Екатерина Павловна—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный генералъ Ностицъ—чрезвычайно красива въ нѣкоторыхъ частностяхъ; такъ, напримѣръ, безподобны у нея: ротъ, станъ, огненный взглядъ; умъ ея необыкновенно образованъ, живъ и пронзителенъ; но въ образѣ ея изъясненія не довольно женственности, въ ея рѣчахъ—болѣе всего сентенцій и фразъ. Я вижу въ ней, по временамъ, смѣсь Петра Великаго съ Екатериною и Александромъ» (Aus Karls von Nostiz Leben und Briefwechsel, 1848, S. 173 и 174).

[2]) Записка „О древней и новой Россіи“.

чинъ, съ которымъ мы въ этомъ отношеніи сейчасъ познакомимся. Наконецъ, тутъ присоединилось еще одно случайное обстоятельство [1]). При Ольденбургскомъ принцѣ былъ секретаремъ и библіотекаремъ нѣкто Бушманъ, вывезенный имъ изъ Лейпцига—человѣкъ домашній и, такъ сказать, свой у генералъ-губернаторской четы. Великая княгиня обратилась къ Сперанскому съ просьбою исходатайствовать ему чинъ коллежскаго ассесора. Творецъ указа 1809 года отвѣчалъ, что новый законъ полагаетъ неодолимое тому препятствіе. Растопчинъ не упустилъ такого случая, чтобъ еще болѣе раздуть пламя.

— Какъ смѣетъ—говорилъ онъ великой княгинѣ—этотъ дрянной поповичъ отказывать сестрѣ своего государя, когда долженъ бы почитать за милость одно уже то, что она обратилась къ его посредничеству.

Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, непріязнь Екатерины Павловны стала еще прозрачнѣе обнаруживаться, и великая княгиня еще менѣе прежняго таилась въ своихъ чувствахъ.

— Mon frère est une tête et un caractère faible—много разъ говаривала она передъ тогдашнимъ статсъ-секретаремъ Лубяновскимъ, созданіемъ Сперанскаго:—quiconque parvient à mettre la main dessus l'a en son pouvoir. Spéransky est un homme qui écorche l'état et le mène à sa ruine, un malfaiteur enfin, et mon frère ne s'en doute guère [2]).

— Можно ли такого злодѣя при себѣ держать!—нерѣдко восклицалъ и принцъ, для котораго слово умной жены было закономъ.

Еще въ 1810 году, пользуясь проѣздомъ черезъ Тверь одного общаго пріятеля (саратовскаго помѣщика Устинова), Лубяновскій предварялъ черезъ него своего покровителя о тверскихъ злословіяхъ и сплетняхъ, умоляя взять возможныя мѣры осторожности. Но, въ полномъ чаду оказываемой ему милости, твердый при томъ убѣжденіемъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ безукоризненности своихъ дѣйствій, государственный секретарь ничему не повѣрилъ и въ шуточномъ отвѣтѣ Лубяновскому приписалъ все—преувеличеніямъ робкаго его воображенія. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что нерасположеніе великой княгини не осталось безъ вліянія на судьбы Сперанскаго. Если слова ея и внушенія не имѣли послѣдствій непосредственныхъ съ первой минуты и дѣйствовали на ея брата медленно и постепенно, то они тѣмъ не менѣе достигали своей цѣли и вливались въ общую чашу яда, которую готовили для него дру-

---

[1]) Слышано отъ Х. А. Бека.

[2]) Т. е. Мой братъ человѣкъ слабовольный и слабохарактерный; кому удастся подчинить его своему вліянію, тотъ имъ и руководитъ. Сперанскій разоряетъ государство и ведетъ его къ гибели, словомъ сказать, онъ преступникъ, а братъ мой нисколько того и не подозрѣваетъ.

гіе враги [1]). Кажется, и самъ Сперанскій, наконецъ, но уже поздно, убѣдился, что она была въ главѣ возникшихъ на него гоненій. По крайней мѣрѣ не умѣемъ мы иначе объяснить себѣ одного намека въ знаменитомъ пермскомъ его письмѣ. Исчисливъ тутъ главныхъ враговъ своихъ, указавъ поименно и на Армфельда и на Балашова, онъ писалъ далѣе: «Обращаясь еще разъ къ личнымъ отзывамъ, отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душою сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется посторроннимъ».—При извѣстности лицъ и обстоятельствъ, не колеблясь, думаемъ, Сперанскій разумѣлъ тутъ не инаго кого, какъ именно великую княгиню Екатерину Павловну [2]).

Выше упомянуто имя Растопчина. Публика всегда ставила и его въ числѣ главныхъ дѣятелей низверженія Сперанскаго, и намъ нельзя не распространиться нѣсколько подробнѣе объ этомъ примѣчательномъ

---

[1]) Между многими преданіями о средствахъ, которыя будто бы употребляла великая княгиня къ низверженію Сперанскаго—преданіями, умалчиваемыми нами или потому, что они носятъ на себѣ явный отпечатокъ нелѣпости, или потому, что нѣтъ никакихъ подтвержденій въ ихъ достовѣрности—приводимъ лишь одно, и то потому только, что оно идетъ отъ барона Г. А. Розенкампфа, передавшаго его своему другу, сенатору К. М. Бороздину. По его увѣренію, Сперанскій подалъ Александру планъ о мѣрахъ на случай вторженія французовъ въ Россію; планъ этотъ, будто бы, сообщенъ былъ отъ государя великой княгинѣ, а она, подвергнувъ его самой строгой критикѣ и доказавъ, что приведеніе въ дѣйствіе предложенныхъ мѣръ повело бы къ несомнѣнной гибели Россіи, съ тѣмъ вмѣстѣ покрыла жестокими порицаніями и самого сочинителя этого плана.

[2]) Догадка, сообщенная намъ графомъ Д. Н. Блудовымъ, по современнымъ, будто бы, слухамъ, что тутъ могъ разумѣться тогдашній оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ, не имѣетъ, положительно, никакого основанія. Во 1-хъ если бъ Сперанскій имѣлъ въ виду Кошелева, то, назвавъ Армфельда и Балашова, конечно, не затруднился бы назвать и его; во 2-хъ, Кошелевъ, хотя, и былъ тогда въ нѣкоторой силѣ, но далеко не въ такой, чтобъ соперничать съ Сперанскимъ, и при томъ тотчасъ послѣ его паденія самъ оставилъ службу; въ 3-хъ, Сперанскій, и тогда и послѣ, состоялъ съ нимъ скорѣе въ дружественныхъ, нежели въ непріязненныхъ отношеніяхъ, и впослѣдствіи, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, такъ даже съ нимъ сблизился, что былъ переписчикомъ его духовнаго завѣщанія. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ, съ весьма давняго времени, къ Кошелеву людей—А. И. Ковальковъ—утверждаетъ, что всегда, и часто, слышалъ отъ него одни лишь самые лучшіе отзывы на счетъ Сперанскаго, и нѣтъ никакого повода заключать, чтобы онъ старался когда-нибудь ему вредить. Съ другой стороны, едва ли болѣе есть основанія и въ другомъ предположеніи: будто бы Сперанскій, въ означенномъ мѣстѣ своего письма, разумѣлъ Растопчина. Если бъ онъ считалъ его во главѣ заговора противъ себя, то за чѣмъ же удержался бы произнести его имя, когда назвалъ и Армфельда и Балашова?

человѣкѣ, начавъ съ его происхожденія, о которомъ находимъ два, совершенно противоположныя показанія. Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли» (С.-Петербургъ, 1837, т. III, стр. 106) выводитъ родъ Растопчиныхъ отъ потомка, въ прямой линіи, Чингисханова,—Бориса Давыдовича, прозвищемъ Ростопча, выѣхавшаго въ Россію изъ Крымской орды въ началѣ XVI-го столѣтія. Потомки этого Ростопчи—говоритъ Бантышъ-Каменскій—отправляли, при нашихъ царяхъ, разныя службы, и одинъ изъ нихъ, Алексѣй, былъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стрѣлецкимъ головою, а другой, Никифоръ, участвовалъ, въ чинѣ капитана, въ первыхъ походахъ Петра Великаго; отецъ же графа Ѳедора Васильевича,—того, о которомъ мы говоримъ,—Василій Ѳедоровичъ, дослужась до маіорскаго чина, вышелъ въ отставку. Совсѣмъ другое пишетъ въ Запискахъ своихъ Ф. Ф. Вигель [1]), соглашающійся съ вышесказаннымъ только въ томъ, что Василій Ѳедоровичъ Растопчинъ былъ—отставной маіоръ. По его словамъ, когда сынъ Растопчинъ управлялъ уже, при Павлѣ, коллегіею иностранныхъ дѣлъ, этотъ Василій Ѳедоровичъ часто посѣщалъ тогдашняго московскаго полиціймейстера Алексѣева, Вигелева зятя, и тутъ самому Вигелю не разъ случалось слышать разсказы старика о томъ, какъ онъ выкупился изъ крѣпостнаго состоянія, вступилъ въ службу, и въ небольшихъ чинахъ наживя небольшое состояніе, не щадилъ ничего, чтобъ дать хорошее воспитаніе единственному сыну; за то и сынъ, пользуясь удобною минутою у щедраго Павла, выпросилъ отцу, изъ отставныхъ маіоровъ, прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Аннинскую ленту. Какъ бы то ни было, т. е. происходилъ ли Ѳедоръ Васильевичъ отъ древняго рода Ростопчей, или былъ сынъ выкупившагося на волю крѣпостнаго человѣка, но извѣстно, что онъ, еще въ званіи пажа, остротою своею и особенно даромъ каррикатурной подражательности, обратилъ на себя вниманіе Екатерины II-й; потомъ, дослужась только до поручика лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, вышелъ въ отставку и долго жилъ за границею; но, наконецъ, благодаря женитьбѣ на родной племянницѣ Анны Степановны Пратасовой [2]), любимицы императрицыной, въ 1792 году пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры. Здѣсь, однако, онъ предпочелъ большому двору дворъ наслѣдника въ Гатчинѣ и этому выбору былъ обязанъ послѣдующимъ быстрымъ своимъ возвышеніемъ. Назначенный, тотчасъ по воцареніи Павла, въ генералъ-адъютанты, осыпанный орденами и имѣніями, онъ не далѣе, какъ въ 1798 году былъ уже дѣйстви-

---

[1]) См. Записки Ф. Ф. Вигеля, изданіе „Русскаго Архива", Москва. 1892, часть четвертая, стр. 36.

[2]) Екатеринѣ Петровнѣ Пратасовой.

тельнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а въ 1799-мъ опредѣленъ первоприсутствующимъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главнымъ директоромъ почтъ, съ пожалованіемъ въ графы. Но въ твердомъ и благодарномъ къ своему благодѣтелю Растопчинѣ Паленъ и Зубовы видѣли препятствіе къ исполненію своихъ тайныхъ замысловъ, и ихъ происками онъ былъ ниспровергнутъ за нѣсколько дней до кончины Павла. Первый годъ послѣ того Растопчинъ провелъ въ деревнѣ, а потомъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Тутъ онъ скоро сталъ на-ряду съ вельможами, сошедшими съ поприща, которыхъ пребываніемъ древняя столица такъ гордилась. Это было не легко: всѣ они были старики, а онъ едва достигалъ сорока лѣтъ (родился 12-го марта 1763 года); всѣ они были болѣе или менѣе знатнаго происхожденія, а онъ своимъ—если вѣрить Вигелю—хвалиться не могъ; за то бо́льшую часть изъ нихъ превосходилъ умомъ и просвѣщеніемъ. Свободный отъ оковъ этикета и осторожности, которыми стѣсняются люди въ высокихъ должностяхъ, онъ давалъ полную волю своимъ рѣчамъ и извѣстному кипучему острословію. Но пока нѣкоторые считали его почти за шута, онъ прилежно изучалъ московскіе нравы и чрезвычайно забавлялся нелѣпыми толками, сплетнями и пересудами москвичей. Позже, когда правительство наше начало покорствовать Наполеону, Растопчинъ сталъ изливать досаду свою на то въ небольшихъ комедіяхъ и въ горькихъ язвительныхъ шуткахъ, въ которыхъ ко́лко осмѣивалъ иностранцевъ и приверженцевъ ихъ между нами. Александръ увидѣлъ Растопчина, впервые по воцареніи своемъ, при посѣщеніи Москвы, въ концѣ 1809 года, и, разговорясь съ нимъ, былъ увлеченъ силою и ясностью его ума. Послѣдствіемъ было приглашеніе ему пріѣхать въ Петербургъ; здѣсь онъ, въ февралѣ 1810 года, былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры, но съ дозволеніемъ оставаться въ Москвѣ, откуда, по сдѣланной привычкѣ, онъ рѣдко отлучался.

Возвращаясь къ мнѣнію, будто бы Растопчинъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей паденія Сперанскаго, мы соглашаемся съ этимъ только въ отношеніи къ наговорамъ, но не видимъ нигдѣ прямаго его участія въ дальнѣйшихъ интригахъ, во всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя приписывала ему легковѣрная молва. Роль его здѣсь легче разрѣшается, нежели въ другомъ вопросѣ, который онъ задалъ исторіи—вопросѣ о пожарѣ московскомъ. Въ суетно-праздной жизни старой столицы, ища занять чѣмъ-нибудь безпокойный духъ свой, онъ составлялъ себѣ дѣло изъ порицанія мѣръ правительства и употребляемыхъ имъ лицъ [1]): доносилъ сперва на главнокомандовавшаго въ Москвѣ графа Гудовича; потомъ—на извѣстнаго въ то время иллюмината, доктора Сальватори; наконецъ, между прочимъ, о ненависти Москвы и цѣлой Россіи къ Сперанскому; но доно-

[1]) Де-Сангленъ.

силъ только въ качествѣ частнаго человѣка, въ разговорахъ, въ партикулярныхъ письмахъ, какъ отголосокъ общаго, и безъ того болѣе или менѣе гласнаго мнѣнія, не являясь нигдѣ своимъ лицомъ въ рядахъ дѣйствователей. Не опровергая нисколько, что Растопчинъ, по свойствамъ своего характера и по необычайной дерзости, все себѣ позволявшей [1]), былъ и расположенъ, и способенъ погубить человѣка, которому завидовалъ и котораго потому ненавидѣлъ, мы не имѣемъ, однакожъ, ни уликъ, ни даже указаній, чтобъ онъ позволялъ себѣ, въ отношеніи къ этому человѣку, что-либо иное, кромѣ злобныхъ косвенныхъ наговоровъ, т. е. того, что дѣлали, болѣе или менѣе, всѣ вельможи и значущія лица того времени. Де Сангленъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить и черезъ руки котораго шло все дѣло, прямо отрицаетъ всякое въ немъ участіе Растопчина. Самъ Растопчинъ въ своихъ мемуарахъ [2]) пишетъ: «cinq

[1]) Въ доказательство, какъ Растопчинъ умѣлъ вредить своимъ врагамъ, приведемъ два письма его къ Александру о князѣ Смоленскомъ: 1) 19-го сентября 1812 года: Le prince Koutouzoff continue à ne rien faire et à empêcher les autres de faire quelque chose.... Je crains beaucoup que l'inactivité dans les opérations ou l'indifférence criminelle du prince Koutouzoff pour l'avenir ne donnent à Bonaparte les moyens de rester à Moscou". 2) 26-го октября: „Le défunt maréchal Koutouzoff ne demande pas mieux que de ne pas se battre, de commander et de vous tromper". А что онъ умѣлъ, подъ личиною благородной откровенности, быть и дерзкимъ, укажемъ еще на слѣдующее его письмо къ государю отъ 21-го сентября 1812 года: „Il faut, Sire, que vous vous décidiez à vous rendre à l'armée, à y rétablir l'ordre et à relever son courage. Tous ses succès seront votre ouvrage et vous travaillerez au salut de la patrie et à votre propre gloire. Mais si le destin a décidé la chûte de votre empire, vous devez périr avec et combattre au milieu de vos fidèles sujets, décidés à mourir sous vos yeux au champ de l'honneur. Et c'est là que vous devez vaincre ou périr vous-même". (Бумаги графа Растопчина въ Архивѣ военнаго министерства). (Переводъ: 1) 19-го сентября 1812 года: „Князь Кутузовъ попрежнему ничего не дѣлаетъ и мѣшаетъ другимъ что-либо дѣлать. Я весьма опасаюсь, какъ бы бездѣятельностью или преступною незаботливостью князя Кутузова о будущемъ не воспользовался Бонапартъ, чтобы остаться въ Москвѣ". 2) 26-го октября: „Покойникъ-фельдмаршалъ Кутузовъ только того и желаетъ, чтобъ не давать сраженій, предводительствовать арміею и васъ обманывать". 3) 21-го сентября 1812 года: „Вашему величеству слѣдуетъ рѣшиться отправиться въ армію, возстановить въ ней порядокъ и поднять ея духъ. Успѣхомъ своихъ дѣйствій она будетъ обязана вамъ, и вы позаботитесь о спасеніи отечества и о собственной вашей славѣ. Но если судьба предрѣшила паденіе вашей имперіи, вы обязаны погибнуть вмѣстѣ съ нею и должны сражаться посреди вашихъ вѣрноподданныхъ, которые готовы умереть на вашихъ глазахъ на полѣ чести. И тамъ же вы сами должны или побѣдить или погибнуть"). — Эти письма Растопчина напечатаны полностью въ „Русскомъ Архивѣ" 1892 года, книга вторая; приводимыя выдержки см. на стр. 539 и 540, 553 и 545—546.

[2]) Отрывокъ изъ Записокъ Растопчина, хранящійся въ Государственномъ архивѣ.

jours après mon arrivée à St.-Pétersbourg le renvoi de M-r Spéransky eut lieu à la grande surprise de tout le monde. Comme il fût victime d'une intrigue obscure et jamais bien dévoilée, sa disparition autorisa à supposer une trahison découverte. La société qu'il s'était formée et la protection ouverte qu'il accordait aux personnes de sa classe, lui valût la haine de la noblesse, qui apprit avec plaisir sa chûte. On l'attribua à la grande duchesse Catherine, princesse d'Oldenbourg, et on me fit donner un rôle dans cette histoire, moi, qui a été un des plus étonnés quand on m'apprit le lendemain son renvoi. Je crois jusqu'à présent que M-r Spéransky a été renvoyé à l'instigation de M-r Balaschof et d'Armfeldt qui en firent le sacrifice à la prétendue opinion publique. Ces deux messieurs, jouissant à cette époque d'un crédit marquant, voulurent le consolider par l'éloignement d'un rival dangereux par ses moyens et par l'habitude que l'empereur avait pris à son travail. Tel est, cependant, l'effet malheureusement réel de le médisance, que M-r Spéransky passa pour un scélérat qui trahissait son maître et sa patrie, et que les gens du peuple substituèrent son nom à celui de Mazeppa, épithète de traître» [1]).—При всемъ томъ, для полноты нашего повѣствованія и, вмѣстѣ, для опроверженія одного нелѣпаго слуха, который, черезъ частое и безотчетное повтореніе его, принялъ въ глазахъ многихъ силу неоспоримаго факта, мы должны коснуться здѣсь, тоже съ нѣкоторою подробностію, исторіи современнаго письма, отъ котораго, очевидно, и родилось общее мнѣніе о прямой прикосновенности Растопчина къ настоящему дѣлу.

Въ мартѣ 1812 года, т. е. въ самое время высылки Сперанскаго изъ

---

[1]) Переводъ: „Спустя пять дней послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ произошла, ко всеобщему удивленію, высылка Сперанскаго. Какъ онъ палъ жертвою сокровенной и оставшейся нераскрытою интриги, то удаленіе его возбудило слухъ, будто бы обнаружена какая-то измѣна. Общество, которымъ Сперанскій окружилъ себя, и открытое покровительство, которое онъ оказывалъ людямъ своего сословія, навлекли на него ненависть дворянства, и оно было очень обрадовано вѣстью о его паденіи. Это паденіе молва приписывала принцессѣ Ольденбургской, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вздумала дать тутъ нѣкоторую роль и мнѣ, хотя никто, конечно, не удивился болѣе меня случившемуся, когда вѣсть о высылкѣ Сперанскаго дошла до меня на слѣдующій день. Я до сихъ поръ увѣренъ, что причиною ссылки Сперанскаго были внушенія Балашова и Армфельда, принесшихъ его въ жертву мнимому общему мнѣнію. Пользуясь въ то время значительнымъ довѣріемъ при дворѣ, оба эти лица пожелали еще болѣе упрочить свое положеніе низверженіемъ соперника, который и по своимъ дарсваніямъ, и по привычкѣ къ нему государя, казался имъ опаснымъ. Таково, однакожъ, было дѣйствіе—довольно, къ несчастію, обыкновенное—клеветы, что Сперанскій прослылъ за злодѣя, измѣнившаго своему монарху и отечеству, и что его имя народъ поставилъ на-ряду съ именемъ Мазепы“.

Петербурга, начали распространяться по городу многочисленныя копіи съ слѣдующаго, писаннаго будто бы на имя государя письма:

«Служа отечеству и престолу вашего императорскаго величества [1]) слишкомъ 30 лѣтъ, къ удовольствію престола и монарха, имѣлъ счастіе пользоваться довѣренностію и, при достохвальномъ поведеніи, за старостію и слабостію здоровья, назадъ тому уже болѣе 10-ти лѣтъ, по желанію моему, отставленъ отъ службы. Проживая поднесь въ столицѣ Москвѣ, избранъ нынѣ тамошнимъ дворянствомъ и удостоенъ къ вашему величеству депутатомъ, для представленія вамъ гибельнаго зрѣлища всего государства и собственно особы вашей, умышленнаго и почти уже совсѣмъ совершеннаго толпою, васъ окружающею.

«Государь! Позвольте, по долгу сына отечества, избраннаго и удостоеннаго первѣйшимъ сословіемъ въ вѣрности къ престолу вашему, сказать откровенно, съ болѣзнованіемъ, и открыть вашему величеству бездну, предъ вами раскрытую, въ которую окружающіе желаютъ васъ свергнуть, а кто именно, суть слѣдующіе:

«Осыпанный милостями вашего императорскаго величества и возведенный изъ праха, въ теченіе краткаго времени, секретарь вашъ Сперанскій съ Магницкимъ суть первыя лица, которыя, обольстивъ и склонивъ къ себѣ неистовыхъ умышленниковъ: Г. Р., Н. М., М. Тр., И. Вол., Ѳе. Го., Гу., Вейдемейера, Яблонскаго, Бижевича [2]) и прочихъ, къ нимъ прикосновенныхъ, о коихъ, по важности, лично донесу вашему величеству, продали васъ, съ сообщниками своими, мнимому вашему союзнику, который успѣлъ въ желаніи своемъ, чрезъ посредство ихъ, удалить войска ваши изъ всей Финляндіи и даже изъ самаго Петербурга въ извѣстный вамъ край, чрезъ что открылъ себѣ самый благонадежный и свободный путь къ Петербургу. Уже разбойничья его шайка собрана въ Стральзундѣ, гдѣ производитъ поспѣшную постройку разнаго рода гребныхъ судовъ и прочихъ принадлежностей, по окончаніи ко-

---

[1]) Въ другихъ копіяхъ этого письма, и донынѣ сохраняющихся у разныхъ любителей старины, есть нѣкоторые варіанты противъ приводимой здѣсь; но наша списана съ находящейся въ дѣлѣ Секретнаго Комитета 1807 года, слѣдственно есть актъ, болѣе другихъ оффиціальный.—Въ 1873 году письмо это было издано въ „Чтеніяхъ Импер. Московск. Общества исторіи и древностей россійскихъ", книга III, отд. V. Смѣсь, стр. 159—162.

[2]) Сколько, по извѣстности тогдашнихъ лицъ, догадываться можно, эти начальныя буквы означали: графъ Румянцовъ, Николай Мордвиновъ, маркизъ Траверсе, Ѳедоръ Голубцовъ, Гудовичъ. Кто разумѣлся подъ буквами И. Вол., разрѣшить трудно. Вейдемейеръ, правитель канцеляріи прежняго Совѣта, былъ тогда сенаторомъ, а Яблонскій и Бижевичъ были малозначущіе канцелярскіе чиновники.

ихъ намѣренъ, ни мало не мѣшкавъ, перебраться чрезъ заливъ моря на твердкую землю. Трофеи его въ Шведской Помераніи развѣваются, куда уже привезена ему богато-убранная карета, въ которой намѣренъ онъ, обще съ своею императрицею, проѣзжать чрезъ Ригу прямо къ Петербургу. Разбойничья орда его, состоящая въ Стральзундѣ и Помераніи въ 120-ти тысячахъ, ожидаетъ ежеминутнаго повелѣнія двинуться на пагубу нашего отечества!

«Государь, внемли гласу справедливости, который происходитъ отъ единаго усердія къ отечеству и особѣ твоей; позволь приблизиться мнѣ къ столицѣ, прервать дѣйствіе, злоумышленное хищными звѣрями, тебя окружающими. Я знаю все подробно, даже гдѣ хранится переписка Наполеона съ обнаженными участниками; или избери орудіемъ къ сему Александра Балашова, который хотя и участвовалъ въ ономъ дѣлѣ, но принужденно, для узнанія истины, и первый открылъ сіе ужасное дѣло, письмомъ въ Москву отъ 20-го февраля. Изъ документовъ, кои отъ него будутъ отобраны, вы ясно усмотрите, что уже неистовое намѣреніе происходитъ болѣе четырехъ лѣтъ.

«Ухищреніе, коимъ онъ хотѣлъ разстроить государство, озлобить противу васъ народъ, и еще другіе важные случаи, отъ него происходящіе, изъ коихъ одинъ, и самый послѣдній, имѣю желаніе представить вашему величеству нижеслѣдующій: въ верховномъ Совѣтѣ, гдѣ представлена вамъ была выписка о новыхъ налогахъ, противу которой первый вы сдѣлали возраженіе и не соглашались оную утвердить, произнеся: «что народъ вашъ и такъ уже много претерпѣлъ въ прошедшее время, а ежели еще сіе выпустить, то неминуемо должно ожидать народнаго противъ себя озлобленія». На сіе секретарь вашъ Сперанскій первый подалъ голосъ въ опроверженіе, представляя, что время и обстоятельства требуютъ пособія вашему кабинету, для польской арміи, которая должна дѣйствовать обороняя, и что сіе есть единственное средство; а если сего не сдѣлать, то во 1-хъ, нельзя приступить къ дѣлу, а во 2-хъ, и успѣха ожидать невозможно, не имѣя достаточной на то суммы въ наличіи. Усиленная армія въ Польскомъ краѣ, подъ видомъ опасенія и напора на оную Бонапарте, въ дополненіе коей выслана какъ изъ столицы вашей вся гвардія, такъ и изъ Финляндіи всѣ войска, доказываютъ умыселъ занять васъ обороной въ Польшѣ, а чрезъ Курляндію пропустить враговъ во внутренность безъ всякой препоны. Не явенъ ли сей обманъ? Подъ видами патріотизма, онъ хотѣлъ дѣйствовать противъ особы вашей, всѣ сословія озлобить и возбудить народъ произнести великое и страшное требованіе, какое уже случалось въ Италіи и Швейцаріи. Не онъ ли былъ орудіемъ въ прошедшее время, когда ваше величество, бывъ при Тильзитѣ обмануты, заключили миръ, и миръ для Россіи самый невыгодный, бремя и тяжесть

котораго вы уже испытали, отъ котораго финансы ваши опустѣли и способы къ поправленію исчезли [1])? Чиновники, кои въ семъ важномъ дѣлѣ могли бъ для государства быть полезными, чрезъ посредство его, подъ видомъ опасныхъ, оклеветаны предъ вашимъ величествомъ и отдалены. Не удивляйся сему, монархъ! Злато и брилліанты, чрезъ французскаго посланника къ нему доставленные, ослѣпили ему глаза и удалили отъ вѣрности къ отечеству и особѣ твоей!

«Итакъ вашему величеству время заняться къ поправленію монархіи и критическаго ея положенія. Избрать людей къ сему важному дѣлу есть искусство, коимъ одарена была августѣйшая ваша бабка, а по наслѣдству принадлежитъ и вамъ.

«Открытіе всѣхъ сихъ важныхъ происшествій служитъ къ спасенію вашего величества и всего государства отъ ига иновѣрца. Письмо сіе есть послѣднее, и если останется недѣйствительнымъ, тогда сыны отечества необходимостію себѣ поставятъ двинуться въ столицу и настоятельно требовать какъ открытія сего злодѣйства, такъ и перемѣны правленія».

На копіи выставлено было 14 марта 1812 г. и означена подпись: «Графъ Растопчинъ и москвитяне» [2]).

Послѣ уже высылки Сперанскаго, одинъ экземпляръ этого письма схваченъ былъ полиціею у служившаго въ Герольдіи титулярнаго совѣтника Алексѣева [3]), который показалъ, что получилъ его отъ губернскаго секретаря Мылова и роздалъ копіи въ нѣсколько рукъ. Вступившій, за отъѣздомъ Балашова къ арміи, въ управленіе министерствомъ полиціи Вязмитиновъ представилъ перехваченный экземпляръ государю. Возвращая его 13-го мая изъ Вильны, Александръ отвѣчалъ, что «сіе письмо уже дошло до него другимъ путемъ» и что «нужно добраться подробно, кто сочинитель подобныхъ бумагъ?». Въ слѣдствіе того отобрано было полиціею въ Петербургѣ еще десять экземпляровъ и по розыску обнаружено, что къ Алексѣеву письмо дошло уже къ седьмому — все черезъ мелкихъ чиновниковъ—отъ надворнаго совѣтника Коржавина, который не могъ быть допрошенъ, потому что оказался умершимъ скоропостижно еще 28-го марта. Вязмитиновъ, доводя о томъ

---

[1]) Здѣсь клевета доходитъ уже до прямой нелѣпости. Сперанскій приближенъ былъ къ лицу государеву спустя долгое время послѣ Тильзитскаго мира и, при заключеніи его, управлялъ экспедиціею въ совершенно чуждомъ этому дѣлу министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) На нѣкоторыхъ другихъ копіяхъ подпись: „Графъ Растопчинъ, москвитянинъ". Помѣта числа была тоже различна: на иныхъ экземплярахъ 5-е марта, на другихъ 17-е—самый день высылки Сперанскаго.

[3]) Дѣло Секретнаго Комитета за 1812 годъ, № 5-й.— См. „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр., 10 въ примѣчаніи.

до свѣдѣнія Секретнаго Комитета 1807 года, писалъ, что до источника этой бумаги добраться еще не успѣли, «можетъ быть потому, что она и въ самой вещи въ Москвѣ, а не здѣсь сочинена», но что между тѣмъ слѣдствіе будетъ продолжаемо неослабно. На этомъ дѣло окончилось, и дальнѣйшихъ донесеній уже не поступало.

Было ли письмо точно отъ Растопчина, или по крайней мѣрѣ составлено при его участіи? Самаго этого вопроса нельзя почти сдѣлать безъ усмѣшки. Если Растопчинъ былъ человѣкъ злобный и дерзкій до наглости, то онъ былъ, однакожъ, и человѣкъ очень умный, очень образованный, съ очень искуснымъ перомъ, а эта бумага, хотя и при нѣкоторомъ подражаніи его тону и манерѣ, представляется, съ перваго взгляда, верхомъ невѣжества, незнанія политическихъ обстоятельствъ, нелѣпости и безграмотства. Сочиненная, вѣроятно, въ низшемъ чиновничьемъ слоѣ, въ томъ сословіи, надъ которымъ разразился указъ 1809-го года объ экзаменахъ, она, однакожъ, служитъ новымъ доказательствомъ, какъ непріязненно настроено было противъ Сперанскаго общее мнѣніе и какую воспріимчивую почву находила въ умахъ всякая противъ него клевета, хотя бы самая нелѣпая. Если Александръ и Комитетъ 1807-го года тотчасъ прозрѣли въ подлогъ, то въ публикѣ, напротивъ, огромное большинство слѣпо повѣрило и тому, что письмо точно отъ Растопчина, и истинѣ его содержанія. Но что еще удивительнѣе: и теперь, когда всѣ дѣйствовавшія лица исчезли, когда обстоятельства измѣнились и страсти умолкли, даже теперь, между людьми, занимающимися у насъ подобными вопросами, есть еще такіе, которые эту пошлую бумагу продолжаютъ, прямо и не колеблясь, приписывать творцу «Мыслей въ слухъ на Красномъ крыльцѣ».

Еще въ 1846 году одинъ писатель, стяжавшій себѣ нѣкоторую извѣстность историческими своими трудами, впалъ въ ту же явную и странную ошибку. Въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли» Бантышъ-Каменскаго (С.-Петербургъ. 1847), въ біографіи Растопчина, именно сказано: «можетъ быть, Растопчинъ далеко распространялъ усердіе свое, какъ человѣкъ, ошибался; но онъ говорилъ не за себя одного, за древнюю столицу, которая избрала его своимъ представителемъ, уполномочила ходатайствовать у престола въ пользу и защиту отечества» —и тутъ же, въ выноскѣ подъ строкою, означено подъ заглавіемъ: «Письмо къ государю графа Растопчина отъ 17-го марта 1812-го» (т. III, стр. 124).

На вопросъ нашъ г. Бантышу-Каменскому, какое это таинственное письмо, приведенное имъ однимъ заглавіемъ, онъ прислалъ намъ копію съ вышеизложенной бумаги [1])!

[1]) На счастье исторіи и къ спасенію критическаго таланта г. Бантышъ-Каменскаго отъ явнаго фіаско, самое содержаніе этой бумаги не

Теперь обратимся къ лицамъ, принимавшимъ болѣе непосредственное участіе въ низверженіи Сперанскаго, и, во главѣ ихъ, къ Балашову и Армфельду.

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, во время описываемыхъ нами событій, былъ еще не старъ и почти ровесникъ Сперанскому, потому что родился въ 1770 году [1]). Происходя изъ хорошей дворянской фамиліи, онъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ и вышелъ оттуда первымъ по экзамену; но послѣ отца, умершаго въ 1790 году, остался, съ шестью сестрами, въ большой бѣдности, разстроивъ и послѣдніе остатки скуднаго состоянія игрою. Онъ началъ службу въ Измайловскомъ полку, потомъ продолжалъ ее въ арміи, 29-ти лѣтъ былъ уже генералъ-маіоромъ и ревельскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1804-мъ году назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Москву, въ 1807-мъ генералъ-кригсъ комиссаромъ, въ мартѣ 1808-го оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургъ и, наконецъ, въ февралѣ 1809-го с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-адъютантомъ; вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ день учрежденія Государственнаго Совѣта, 1-го января 1810-го года, Балашовъ былъ почтенъ званіемъ его члена, а при преобразованіи въ томъ же году министерствъ и учрежденіи министерства полиціи, 25-го іюля назначенъ министромъ полиціи, съ оставленіемъ вмѣстѣ въ званіи с.-петербургскаго военнаго губернатора. Членомъ Совѣта и министромъ онъ былъ пожалованъ по выбору и предстательству Сперанскаго, который не зналъ, что согрѣваетъ такимъ образомъ на груди своей змѣю. Въ этомъ положеніи мы застаемъ теперь Балашова, но въ положеніи шаткомъ, потому что и Александръ, и Сперанскій начинали убѣждаться въ неудачѣ своего выбора, и даже возникало предположеніе замѣстить его бывшимъ нашимъ посломъ въ Парижѣ, графомъ П. А. Толстымъ [2]). Балашову надо было искать сдѣлаться незамѣнимымъ, т. е. необходимымъ. По характеру и образу мыслей, *средства* никогда его не затрудняли, лишь бы достигнуть своей *цѣли*. Мы имѣемъ передъ собою оставленную имъ рукописную автобіографію, подъ заглавіемъ «Записки касательно моей жизни». Тутъ онъ самъ разсказываетъ, какъ въ первой еще молодости, бывъ въ Измайловскомъ полку, обыгралъ въ карты двухъ своихъ товарищей, Скарятина и Маслова, на значительную сумму, для того единственно, какъ говоритъ, чтобы отъучить ихъ отъ страсти къ игрѣ, чего и достигъ, но не прибавляетъ, однакожъ, чтобы возвратилъ имъ потомъ выигранныя съ такимъ *благодѣтельнымъ* намѣреніемъ

вошло въ текстъ его книги — пропускъ, за который мы обязаны не его сомнѣніямъ—ихъ не было,—а единственно условіямъ тогдашней цензуры.

[1]) Записки Балашова о его жизни.

[2]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

деньги. Въ тѣхъ же Запискахъ своихъ Балашовъ пишетъ: «Не бывъ нимало гордъ или тщеславенъ, я врожденную имѣю ненависть къ поступкамъ подлымъ и врагъ раболѣпію, и принудить себя не могу къ тому даже, что хотя не есть подлость, но подобіе подлости имѣетъ».—Писалъ онъ такъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ не только способенъ былъ, но и имѣлъ особенную наклонность, особенное влеченіе ко всякому предательству, ко всякой низости, ко всякому даже вымыслу, который могъ способствовать его видамъ [1]).

Балашовъ, возведенный на одну изъ высшихъ государственныхъ степеней, на степень, гдѣ открывалась равная возможность дѣлать и много добра, и много зла, представляетъ одно изъ самыхъ непривлядныхъ явленій въ исторіи царствованія Александра.

Съ большимъ природнымъ умомъ, съ блестящими дарованіями, съ необыкновенною хитростію и столь же необыкновеннымъ искусствомъ находить расположеніе въ тѣхъ, въ комъ нуждался, онъ, несмотря на то, что былъ взращенъ въ военномъ мундирѣ, имѣлъ въ себѣ многое изъ самаго низкаго подьяческаго типа. Постыдное его лихоимство знала вся Россія. Онъ бралъ немилосердно, гдѣ только можно было; бралъ и какъ оберъ-полиціймейстеръ, и какъ военный губернаторъ, и даже какъ министръ. Страсть къ преступному любостяжанію не охладѣла въ немъ и тогда, когда, черезъ второй бракъ свой, въ 1808 году, съ дѣвицею Бекетовою, двоюродною сестрою И. И. Дмитріева, онъ сдѣлался обладателемъ огромнаго богатства [2]). Министерство его было не высшимъ, по назначенію своему, блюстительствомъ надъ общественными нравами, а полицейскою конторою, въ которой одною рукою брали, а другую употребляли на шпіонство, вывѣдыванія и клеветы. Съ первой минуты своего образованія, оно было уронено въ общемъ мнѣніи и потеряло всякое довѣріе публики. Самъ Балашовъ, пресмыкаясь, завидуя всякому высшему, пристально вглядываясь въ царскія слабости, стараясь угождать имъ, предательствуя и клевеща, изъ послушныхъ клевретовъ сдѣлался постепенно тайнымъ, но самымъ опаснымъ, самымъ дѣятельнымъ врагомъ неосторожнаго Сперанскаго, не столько изъ властолюбія и уже, конечно, не изъ патріотизма, сколько изъ духа интриги, желанія выслужиться и страха собственнаго обличенія. Нижеслѣдующій разсказъ нашъ, давая обильные матеріалы къ дальнѣйшей его характери-

[1]) Показанія Де-Санглена; графа П. В. Голенищева-Кутузова; И. С. Горголи; Бантышъ-Каменскаго; Г. В. Лерхе и многихъ другихъ современниковъ.

[2]) Такимъ же точно мы находимъ Балашова и въ позднѣйшіе годы его жизни, по назначеніи его генералъ-губернаторомъ пяти губерній, снабженнымъ особенною властію. Всѣмъ современникамъ памятно, какія жестокія дани налагалъ тогда на всѣхъ, имѣвшихъ дѣло до генералъ-губернатора, состоявшій при немъ чиновникъ Ѳедотовъ.

стикѣ, укажетъ, вмѣстѣ, и понятіе о немъ императора Александра, и тѣ средства, которыя этотъ полицейскій шпіонъ позволялъ себѣ къ низверженію избраннаго себѣ въ жертву лица, продолжая, по наружности, носить личину дружественнаго къ нему и особенно къ Магницкому расположенія. Примѣчательно, впрочемъ, что въ послѣднемъ отношеніи, т. е. касательно мнимой дружбы къ Сперанскому и Магницкому, Балашовъ стремился обмануть даже и исторію. Самъ, видно, понимая неприглядность своихъ дѣйствій, хитрый интриганъ хотѣлъ скрыть отъ потомства всякое участіе свое въ этомъ дѣлѣ. «Въ мартѣ мѣсяцѣ 1812 года -- сказано въ его мемуарахъ—имѣлъ я очень тяжелое мнѣ порученіе отобрать всѣ бумаги у Сперанскаго и Магницкаго и послать каждаго изъ нихъ, съ полицейскимъ офицеромъ, въ дальнія губерніи подъ надзоръ». Болѣе нѣтъ тутъ ни одного слова ни о Сперанскомъ, ни объ отношеніяхъ къ нему автора... Напечатанное въ разныхъ газетахъ, а потомъ и отдѣльною брошюрою, жизнеописаніе Балашова очень вѣрно—въ отношеніи къ его формуляру, т. е. къ порядку прохожденія имъ службы, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—плоскій панегирикъ, нигдѣ не вскрывающій оборота медали, такое же безусловное хвалебное слово, какое самъ Балашовъ воспѣлъ себѣ въ своихъ мемуарахъ. Если бъ положиться на эту брошюру, то, кажется, надлежало бы воздвигнуть памятникъ государственнымъ его заслугамъ, тогда какъ, въ существѣ, онъ жилъ и умеръ простымъ квартальнымъ. Въ противуположность этимъ подкупнымъ похваламъ приведемъ двѣ, очень любопытныя и болѣе достовѣрныя бумаги: одну — портретъ Балашова изъ остроумныхъ Записокъ Вигеля, другую—изображеніе его образа дѣйствій какъ министра полиціи, изъ записки, поданной императору Александру, въ позднѣйшее время (1819 г.), графомъ В. П. Кочубеемъ.

«Природа—говоритъ Вигель [1])—дала все А. Д. Балашову въ замѣнъ пріятности наружной, въ которой ему отказала; дала все, что нужно для успѣховъ: хитрость грека, смѣтливость и смѣлость русскаго, терпѣніе и скромность нѣмца. Въ ученомъ смыслѣ, какъ всѣ тогда въ Россіи, получилъ онъ плохое образованіе; но, по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ и мѣстахъ, болѣе чувствовалъ потребность въ познаніяхъ; кидался на нихъ съ жадностью и съ быстротою все пожиралъ. Заронись одна благородная искра въ этотъ необыкновенный умъ, воспламени его, и— отечество гордилось бы имъ. Рѣчи Балашова были столь же ясны, какъ его разсудокъ, и столь же холодны, какъ его душа. Жаромъ ея нельзя назвать низкихъ страстей, которыя ее волновали: неутомимой жажды къ деньгамъ и къ грубымъ наслажденіямъ любви. Онъ былъ женатъ, сперва, на одной дѣвицѣ Коновницыной, которая оставила ему дѣтей и

[1]) Записки Вигеля, Москва. 1892, часть третья, стр. 114.

весьма хорошее имущество; потомъ женился, въ другой разъ, на дѣвицѣ Бекетовой, которая была еще гораздо богаче первой жены. Доказательствомъ удивительной его ловкости служитъ то, что онъ успѣвалъ въ своихъ намѣреніяхъ, никогда не придерживаясь ни Сперанскаго, ни Аракчеева; послѣдній почиталъ его даже врагомъ своимъ и старался ему вредить».

«Confié à M-r Balaschoff—писалъ съ своей стороны Кочубей [1])—le ministère de la police s'éloigna bientôt de son but, celui de la surveillance générale et, principalement, légale. M-r Balaschoff crût devoir en faire un ministère d'espionnage. La ville se peupla d'espions; il y en avait de toutes les couleurs: espions étrangers et russes à gages, espions amis, déguisements continuels d'officiers de police, déguisements, à ce que l'on assure, du ministre lui même. Ces agents ne se bornaient point à chercher des nouvelles et à mettre le gouvernement en mesure de prévénir les crimes; ils cherchaient à faire naître le crime et les soupçons. On faisait des confidences aux gens de différentes classes, on se plaignait de votre majesté en critiquant les mesures du gouvernement, en faisant des mensonges pour provoquer ou une confidence réciproque ou des plaintes. Tout cela était arrangé ensuite à la guise de ceux qui dirigeaient ces différentes opérations. Les petites gens, effrayés par ces délations, s'arrangeaient avec des subalternes, tels que Sanglain et autres; les noms des gens plus marquants entraient dans le portefeuille du ministre, qui les en faisait sortir selon son bon plaisir. Ces vérités sont assez généralement connues. J'en ai pour mon compte la certitude. En 1812 j'ai passé par l'épreuve des confidences et des insinuations du ministre dans des visites, qu'il me fît comme pour me consulter sur les affaires de son ministère, vû, disait-il, ma grande expérience. Je n'avais pas de plaintes à faire, je n'avais pas de souhaits, et mes réponses n'étaient pas des efforts de ruse et de finesse; elles découlèrent d'une source pure, puisqu'alors j'ignorais ce qui plus tard était à la connaissance de tout le monde. J'ai passé moi-même aussi par l'essai des petits bulletins des espions. En ayant connu quelquesuns de mon premier ministère (внутреннихъ дѣлъ, оставленнаго имъ въ 1809 году) j'eus la confidence de deux bulletins où l'on rendait compte de ce qui s'était dit tel jour dans mon salon. Heureusement l'on ne faisait parler ni le maître, ni la maîtresse de la maison. Il était commode de se servir de l'expression génerale o n; mais ce qu'il y a de plus heureux pour moi c'est que cet on même n'a jamais existé» [2]).

---

[1]) Архивъ князя Кочубея.

[2]) Переводъ: Ввѣренное Балашову, министерство полиціи вскорѣ отдалилось отъ своей цѣли:—общаго надзора и, главнымъ образомъ, надзора законнаго. Балашовъ счелъ за нужное обратить его въ министерство шпіонства.

Графъ Густавъ-Морицъ Армфельдъ—тогда еще баронъ—отецъ министра статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго [1]) и сынъ генерала шведской службы, былъ лицомъ очень примѣчательнымъ по романическимъ своимъ судьбамъ. Какъ въ жизни большей части высшихъ интригановъ, онѣ прикрыты частію завѣсою какой-то таинственности, которой не снимаютъ и оставленныя имъ послѣ себя записки, оканчивающіяся, впрочемъ, временемъ поступленія его въ нашу службу [2]).

Городъ закишѣлъ шпіонами всякаго рода: тутъ были и иностранные и русскіе шпіоны, состоявшіе на жалованьѣ, шпіоны добровольные; практиковалось постоянное переодѣванье полицейскихъ офицеровъ; увѣряютъ даже, что самъ министръ прибѣгалъ къ переодѣванью. Эти агенты не ограничивались тѣмъ, что собирали извѣстія и доставляли правительству возможность предупреждать преступленія, они старались возбуждать преступленія и подозрѣнія. Они входили въ довѣренность къ лицамъ разныхъ словъ общества, выражали неудовольствіе на ваше величество, порицая правительственныя мѣропріятія, прибѣгали къ выдумкамъ, чтобы вызвать откровенность со стороны этихъ лицъ или услышать отъ нихъ жалобы. Всему этому давалось потомъ направленіе сообразно видамъ лицъ, руководившихъ этимъ дѣломъ. Мелкому люду, напуганному такими доносами, приходилось входить въ сдѣлки съ второстепенными агентами министерства полиціи, какъ напр. съ Санглепомъ и проч. О болѣе извѣстныхъ лицахъ свѣдѣнія сообщались министру, который пользовался ими по своему усмотрѣнію. Все это вообще достаточно извѣстно. Я, съ своей стороны, въ этомъ убѣжденъ. Въ 1812 году мнѣ приходилось выслушивать вкрадчивыя признанія и намеки министра, когда онъ меня посѣщалъ яко бы для совѣта со мною по дѣламъ его министерства, въ виду моей, по его словамъ, большой опытности. Мнѣ не на что было жаловаться, нечего было желать, и въ моихъ отвѣтахъ мнѣ не приходилось прибѣгать къ хитростямъ и тонкосплетеніямъ; мои отвѣты были чистосердечны, ибо тогда не зналъ я того, что впослѣдствіи стало всѣмъ извѣстно. Меня коснулись также и сообщенія шпіоновъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я зналъ, когда раньше (въ 1809 г.) былъ министромъ, и благодаря имъ я имѣлъ въ рукахъ два такихъ сообщенія съ отчетомъ о томъ, что̀ говорилось у меня въ салонѣ въ извѣстный день. Къ счастью, ни хозяинъ дома, ни хозяйка не были выставлены дѣйствующими лицами. Было сочтено удобнымъ говорить вообще, въ третьемъ лицѣ, но, на мое счастье, никакого подобнаго разговора, на самомъ дѣлѣ, вовсе даже не было".

При назначеніи Балашова генералъ-губернаторомъ пяти губерній, вотъ что писалъ Сперанскому Кочубей: „Балашовъ отправился въ прежнемъ своемъ духѣ и правилахъ. Давно потерявшись здѣсь въ общемъ мнѣніи, онъ, кажется, собирается дать себѣ бо̀льшій видъ важности въ провинціяхъ; между тѣмъ передъ отъѣздомъ не оставилъ онъ заняться маленькими интересами своими, какъ-то прогонами, столовыми деньгами и пр. Всего просилъ, и все дали; и какъ не дать, лишь бы избавиться!"

[1]) Графа Александра Густавовича, бывшаго министромъ статсъ-секретаремъ великаго княжества Финляндскаго съ 1842 г. по свою кончину († 1875).

[2]) Real-Encyklopädie. Leipzig. 1833, I Band, S. 409 (русскій переводъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, Спб. 1835, т. III, стр. 156.—Автобіографія его въ Zeitgenossen, Leipzig. 1833, Dritte Reihe, IV Heft, 6 и 7.

Онъ родился въ 1757-мъ году и, начавъ службу прапорщикомъ гвардіи въ Стокгольмѣ, прекрасною своею наружностію, ловкостію, какими-то еще, говорятъ, двусмысленными послугами и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельностію, съ которою противоборствовалъ, въ пользу Густава III, аристократической партіи, успѣлъ пріобрѣсти особенную его милость. Участвовавъ потомъ въ войнѣ противъ Россіи 1788—1790 годовъ, онъ, въ званіи генералъ-адъютанта королевскаго [1]), былъ уполномоченнымъ со стороны Швеціи при заключеніи, 3-го августа 1790 года, извѣстнаго верельскаго мира, и въ день торжества этого мира, 8-го сентября того же года, пожалованъ нашими орденами Андрея и Александра. Густавъ III, на смертномъ одрѣ, назначилъ его стокгольмскимъ генералъ-губернаторомъ и членомъ Совѣта правленія въ малолѣтство преемника своего, Густава IV; но не имѣлъ силы подписать подъ бумагою о томъ болѣе, какъ первую букву своего имени; почему герцогъ Зюдерманландскій, назначенный, прежнимъ завѣщаніемъ, въ единственные правители и опекуны къ малолѣтнему королю, не призналъ новаго акта и бросилъ его въ огонь, а Армфельда, лишивъ и званія генералъ-губернатора, отправилъ въ 1792 году посланникомъ въ Неаполь, почти какъ бы въ ссылку. Потомъ страсть герцога Зюдерманландскаго къ фрейлинѣ Руденскöльдъ, которая предпочла ему Армфельда, возбудила со стороны герцога еще сильнѣйшее гоненіе противъ счастливаго соперника. Дѣвица Руденскöльдъ была заключена въ рабочій домъ, а самъ Армфельдъ спасся отъ явныхъ преслѣдованій и тайныхъ подкупныхъ кинжаловъ шведскаго правительства только черезъ бѣгство изъ Италіи. Бывъ лишенъ въ Швеціи за свой побѣгъ, какъ государственный измѣнникъ, имѣнія, титуловъ и даже дворянства, онъ искалъ убѣжища въ Россіи. Здѣсь императрица Екатерина назначила ему, втайнѣ, пенсію въ 5 тысячъ рублей сер. и позволила жить въ Калугѣ, гдѣ онъ долго укрывался подъ именемъ Христіана Ивановича Брандта [2]). Вступленіе Густава IV въ совершеннолѣтіе положило, наконецъ, предѣлъ его опалѣ. Онъ былъ вызванъ обратно въ Швецію [3]) и, съ возвращеніемъ ему всѣхъ прежнихъ достоинствъ и имѣній, назначенъ шведскимъ посланникомъ въ Вѣну, гдѣ имѣлъ самое сильное вліяніе на тогдашнія мѣры австрійскаго кабинета противъ Наполеона.

---

[1]) Полный его титулъ тогда былъ: баронъ Густавъ-Мавриціи Ворентакскій, помѣщикъ Омпскій и Фуякпльскій, одинъ изъ 6-ти оберъ-камеръ-юнкеровъ его величества, кавалеръ ордена Слона, арміи генералъ-маіоръ, его величества генералъ-адъютантъ, кавалеръ при кронпринцѣ, Нюландскаго пѣхотнаго полка полковникъ, главный директоръ театровъ и забавъ, одинъ изъ 18-ти членовъ Академіи Шведской и кавалеръ ордена Меча большаго креста.

[2]) Сообщеніе Х. А. Бека.

[3]) Фамильныя свѣдѣнія, переданныя намъ сыномъ графа Армфельда.

Въ 1806 году ему было ввѣрено начальство надъ шведскою арміею въ Помераніи, а въ 1807-мъ онъ пожалованъ въ генералы-отъ-инфантеріи, и король предложилъ ему принять въ свое управленіе финляндскую армію, назначенную для операцій противъ Россіи. Благодарность за прежнія благодѣянія нашего правительства не позволила Армфельду согласиться на это предложеніе, и онъ вслѣдствіе того былъ назначенъ главнокомандовавшимъ арміею, сосредоточенною на границахъ норвежскихъ. Но милости къ нему никогда не суждено было долго продолжаться. Извѣстно, какіе жестокіе безпорядки господствовали тогда въ шведскихъ финансахъ и вообще во всѣхъ частяхъ управленія; Армфельдъ не утерпѣлъ обратить на нихъ, со всею искренностію, вниманіе короля, и за это, по лишеніи поста, былъ заточенъ въ зюдерманландскія свои имѣнія, гдѣ оставался празднымъ свидѣтелемъ важныхъ событій 1809 года и той династической — противной всѣмъ его чувствамъ и привязанности къ семейству его благодѣтеля—революціи, которая повлекла за собою изгнаніе Густава IV. По призывѣ его, вслѣдъ затѣмъ, Карломъ XIII въ Стокгольмъ, онъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи и сохранялъ это званіе до избранія Бернадота въ наслѣдные принцы шведскіе. Тогда, съ минованіемъ послѣдней надежды къ возстановленію на престолѣ шведскомъ рода Густава III, Армфельдъ вышелъ въ отставку и остался жить въ Стокгольмѣ частнымъ человѣкомъ, а, по завоеваніи Финляндіи, гдѣ были у него большія помѣстья, въ іюлѣ 1810 г., пріѣхалъ временно въ Петербургъ [1]); но на предложеніе императора Александра поселиться въ Россіи отвѣчалъ отрицательно, вслѣдствіе чего оффиціальное представленіе его къ нашему двору послѣдовало черезъ шведскаго посланника, причемъ онъ, однако, продолжалъ сохранять прежнюю отъ насъ пенсію. Далѣе, относительно водворенія Армфельда въ Россіи, являются два различныя сказанія. По одному, помѣщенному въ печатныхъ его біографіяхъ, онъ былъ принужденъ искать убѣжища въ Россіи вслѣдствіе новыхъ преслѣдованій, которыя навлекъ на себя любовною связью съ графинею Пиперъ—сестрою извѣстнаго оберъ-гофмаршала графа Ферзена, умерщвленнаго стокгольмскою чернью по подозрѣнію въ отравленіи преждеизбраннаго къ наслѣдію шведскаго престола принца Карла-Августа Голштейнъ-Августенбургскаго.

Другое сказаніе содержится въ одномъ сочиненіи шведскаго писателя Крузенстолпе [2])—впрочемъ почти столько же романѣ, какъ и исторіи, но котораго свидѣтельство въ этомъ отношеніи подтверждено

---

[1]) Mémoires de Stedingk, t. III, pp. 110, 115, 116, 128

[2]) Carl Johann und die Schweden, нѣмецкій переводъ (Berlin. 1845), T. I, S. 144—154, 156.

намъ и сыномъ Армфельда, по фамильнымъ свѣдѣніямъ. Этотъ писатель подробно разсказываетъ, что, послѣ замѣщенія Карла-Августа Бернадотомъ, частный секретарь Армфельда, нѣкто Вальбергъ, продалъ новому наслѣдному принцу секретныя бумаги своего патрона, обличавшія намѣреніе и указывавшія средства къ возвращенію права на скипетръ изгнанному принцу Густаву. Бернадотъ, крайне раздраженный такимъ открытіемъ, хотѣлъ тотчасъ велѣть судить Армфельда, какъ замышлявшаго государственную измѣну; но послѣдній, свѣдавъ о всемъ происшедшемъ, предупредилъ Бернадота принесеніемъ, передъ нашимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, присяги на подданство Россіи, въ качествѣ подданнаго финляндскаго [1]).

Бывъ послѣ этого высланъ изъ шведской столицы, Армфельдъ, на нашей границѣ, нашелъ повелѣніе явиться тотчасъ въ Петербургъ. Здѣсь—продолжаетъ Крузенстолпе — его осыпали милостями и почестями, не столько за участіе его къ возстановленію правъ племянника императрицы Елисаветы Алексѣевны (принца Густава), какъ за подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія, привезенныя имъ о Бернадотѣ, что, въ ту эпоху, было для Александра дѣломъ первой важности.

Роль, которую долженъ былъ занимать у насъ Армфельдъ, обозначилась тотчасъ по его прибытіи [2]). Тонкій царедворецъ, прошедшій черезъ всѣ бури и невзгоды придворной и политической жизни, съ блестящею наружностію, съ такимъ же даромъ слова и перомъ, и со всѣми формами высшаго общества и дворскими навыками, онъ былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ, самыхъ тонкихъ интригановъ своего времени [3]). Какъ Балашовъ былъ способенъ ко всякой низости изъ любостяжанія, такъ Армфельдъ готовъ былъ на всякое предательство изъ любочестія. Разность между ними, кромѣ этого различія цѣлей, заключалась еще въ

---

[1]) По фамильнымъ свѣдѣніямъ, записка въ пользу принца Густава составлена была однимъ богатымъ сканійскимъ помѣщикомъ, а Армфельдомъ только исправлена и дополнена, и при томъ не послѣ избранія наслѣднымъ принцемъ Бернадота, а еще въ 1809-мъ году, тотчасъ послѣ революціи. Когда же Бернадотъ отказалъ Армфельду въ аудіенціи, на которой онъ хотѣлъ объяснить ему это обстоятельство, сокрытое его врагами, то ему, для избѣжанія грозившихъ ему преслѣдованій, не оставалось уже ничего инаго, какъ перейти въ подданство Россіи.

[2]) Сначала Армфельдъ считался оффиціально (съ 1811-го года) только предсѣдателемъ Финляндской коммиссіи; въ русскую же службу онъ былъ перечисленъ, съ тѣмъ же чиномъ генерала-отъ-инфантеріи и съ назначеніемъ состоять при особѣ государя, только за недѣлю до паденія Сперанскаго, а именно 10-го марта 1812 года. (Свѣдѣнія изъ дѣлъ Инспекторскаго департамента Главнаго Штаба).

[3]) Показанія состоявшихъ при Армфельдѣ или бывшихъ въ близкихъ къ нему отношеніяхъ: вице-президента Финляндскаго сената Гартмана, гофмейстера барона Клинковстрёма и Эренстрёма.

двухъ вещахъ: во-первыхъ, что у Балашова являлось во всей наготѣ нечестія, то у Армфельда облагораживалось внѣшнимъ блескомъ формъ; во-вторыхъ, у Балашова ничего не было завѣтнаго, а Армфельдъ былъ по крайней мѣрѣ твердъ и неподвиженъ въ двухъ политическихъ убѣжденіяхъ: въ охраненіи правъ законности и въ ненависти къ ихъ хищнику — Наполеону. Въ этихъ убѣжденіяхъ онъ дѣйствовалъ всегда прежде, въ нихъ же онъ сосредоточилъ всѣ свои усилія и на вновь открывавшемся ему поприщѣ, гдѣ, впрочемъ, нашелъ совершенно подготовленную къ тому почву, не только въ общемъ расположеніи умовъ, въ которыхъ еще все отзывался позоръ тильзитскихъ уступокъ и уже кипѣла глубокая ненависть къ оскорбителю народнаго самолюбія, но и въ расположеніи тайныхъ помысловъ самого Александра.

Въ Петербургѣ жилъ тогда, за низверженіемъ законнаго своего короля, почти частнымъ человѣкомъ, дюкъ де Серра-Капріола, состоявшій около сорока лѣтъ неаполитанскимъ при дворѣ нашемъ посланникомъ. Со всею подвижностью живаго итальянца онъ соединялъ въ себѣ большую разсудительность, мѣткій и образованный умъ и огромную дѣловую опытность [1]). Очень хорошо постигая, что въ тайныхъ цѣляхъ вѣнскаго и лондонскаго кабинетовъ на престолѣ неаполитанскомъ хищникъ предпочтителенъ государю законному, и видя съ сокрушеніемъ, что этотъ хищникъ—Іоахимъ—признанъ уже и Россіею, дюкъ де Серра-Капріола не усматривалъ иного средства для спасенія своего монарха, какъ возстановить на тронѣ Франціи домъ Бурбоновъ, и жилъ одною этою мыслію [2]). Домъ его, одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ Петербургѣ, былъ средоточіемъ постоянной оппозиціи противъ императора французовъ, и самъ хозяинъ, украшенный первыми русскими орденами, женатый на русской, княжнѣ Вяземской [3]), состоялъ черезъ семейныя, служебныя и придворныя связи въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми людьми значущими и сильными той эпохи, одинаковаго съ нимъ образа мыслей.

Сюда, разумѣется, устремился и Армфельдъ, тотчасъ ставшій во главѣ той закулисной, невѣдомой оффиціальному министерству дипломатіи, которой душою былъ Серра-Капріола [4]).

---

[1]) Записки Розенкампфа.

[2]) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état, Paris. 1836, t. XI, pp. 277, 278, 283—286, 287, 294, 295, 303, 304, 349, 350, 368.

[3]) Княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской (р. 1770 † 1840).

[4]) Серра-Капріола не оставилъ послѣ себя Записокъ, или по крайней мѣрѣ онѣ не напечатаны. Но извѣстно, что приведенная нами выше книга: Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état (par le vicomte d'Alonville) составлена главнѣйше по бумагамъ и воспоминаніямъ дюка. Это одно изъ самыхъ серьезныхъ, достовѣрныхъ и добросовѣстныхъ сочиненій о той эпохѣ современной исторіи, и достоинство его нисколько не умаляется новѣйшими сочиненіями Тьера и Лефевра.

Посредствомъ агентовъ общества, столь извѣстнаго въ то время подъ именемъ Тугендбунда [1]), а иногда и черезъ купеческихъ коммиссіонеровъ, эта потаенная дипломатія имѣла сношенія со всѣми враждебными Наполеону дворами, и въ Европѣ, гдѣ давно знали пронырливый духъ Армфельда, не сомнѣвались, что онъ состоитъ втайнѣ на жалованьѣ англійскаго кабинета, ничего тогда не щадившаго къ возбужденію Россіи противъ Франціи [2]). Съ другой стороны, въ то же самое время, Сперанскій прокладывалъ хитрому шведу ближайшій доступъ къ лицу Александра. Между бумагами, хранящимися нынѣ въ Государственномъ архивѣ, есть одна французская записка, составленная Сперанскимъ, во время изгнанія, въ Перми, гдѣ онъ касается (въ третьемъ лицѣ) нѣкоторыхъ моментовъ и поводовъ своего паденія. «Mais comment—спрашиваетъ онъ тутъ, говоря объ Армфельдѣ—comment cet intrigant, marqué dans toute l'Europe au coin de la réprobation générale, se trouvait-il en crédit auprès de l'empereur? Quelle monstrueuse association de la franchise et de la loyauté avec l'astuce et la friponnerie? Demandez-le à ce même M-r Spéransky, qui, toujours occupé des choses, ne comptait pour rien les personnes et croyait qu'il était indifférent pour lui et pour l'état qu'un homme de ce caractère approchât du Souverain! [3])». Дѣйствительно, скучая, среди множества разнородныхъ занятій, дѣлами финляндскими и указавъ на необходимость преобразовать управленіе этихъ дѣлъ, Сперанскій вмѣсто того, чтобъ оберечь государя отъ всякаго общенія съ Армфельдомъ, самъ предложилъ послѣдняго во главу новаго управленія, въ качествѣ богатаго финляндскаго помѣщика, и, такимъ образомъ, при тогдашней важности дѣлъ по новому нашему завоеванію, самъ открылъ ему всѣ средства стать твердою ногою въ близости монарха. Александру полюбились видъ правдодушія, живость, формы и что-то рыцарское въ искусномъ интриганѣ и, увѣривъ себя,

[1]) Тайное сообщество, существовавшее въ Пруссіи подъ именемъ Союза добродѣтели (Tugendbund), имѣя начальникомъ своимъ знаменитаго барона Штейна, а сочленами множество извѣстныхъ лицъ и пламенныхъ образованныхъ молодыхъ людей, составляло власть, отъ которой зависѣлъ успѣхъ многихъ дѣлъ. Главною мыслью этого общества было одушевленіе народа ненавистью къ Наполеону, а конечною цѣлью—низверженіе ига французовъ.

[2]) Napoléon et Marie Louise. Souvenirs historiques de M-r le baron de Méneval (домашній секретарь Наполеона), Paris. 1843, t. I, pp. 352 et 353.

[3]) Переводъ: Но какимъ образомъ этотъ интриганъ, къ которому всѣ въ Европѣ относились съ осужденіемъ, пользовался довѣріемъ государя? Какое чудовищное соединеніе откровенности и честности съ коварствомъ и мошенничествомъ? Спросите объ этомъ у самого Сперанскаго, который, постоянно занятый дѣлами, ни во что не ставилъ личностей и полагалъ, что для него и для государства безразлично, если человѣкъ, съ подобнымъ характеромъ, станетъ лицомъ близкимъ къ государю.

въ переходчивомъ своемъ увлеченіи ко всему новому, что Армфельдъ душою предался Россіи [1]), онъ не замедлилъ обратить къ нему и милость свою, и довѣріе [2]).

Тогда, всемѣрно пожиная плоды этой довѣренности, Армфельдъ, въ лихорадочной дѣятельности своего честолюбія, старался охватить, такъ сказать, всѣ части, какія только могъ сдѣлать себѣ доступными. Въ одно и то же время онъ занимался интересами Польши, имѣя тамъ, по порученію Александра, постоянныхъ корреспондентовъ; писалъ для нея проектъ конституціи; склонялъ мысли государя къ прекращенію крѣпостнаго состоянія въ Россіи, подавая къ тому самъ первый примѣръ освобожденіемъ крѣпостныхъ своихъ людей въ старой Финляндіи (Выборгской губерніи); состоялъ въ сношеніяхъ съ извѣстными графомъ Огинскимъ и княземъ Любомирскимъ, которыми представленъ былъ проектъ образованія изъ западныхъ нашихъ губерній отдѣльнаго отъ Россіи княжества Литовскаго; составлялъ планъ для отраженія Наполеона на случай его вторженія, наконецъ, изыскивалъ средства воспособить нашимъ финансамъ къ предстоявшей войнѣ. Находясь въ особой милости и у императрицы Елисаветы Алексѣевны, и у императрицы-матери, Армфельдъ умѣлъ сойтись, посредствомъ вражды своей къ Наполеону, даже съ недоступнымъ графомъ Н. А. Толстымъ и привлечь къ себѣ всѣхъ, немалочисленныхъ тогда въ Петербургѣ, тайныхъ агентовъ Людовика XVIII, которыхъ просьбы и домогательства доводимы были до государя единственно черезъ его посредство. Наконецъ, португальскій посланникъ при нашемъ дворѣ, кавалеръ Наварро д'Андрадъ (впослѣдствіи баронъ de Villa Secca) приблизилъ къ нему своего пріятеля, или, лучше сказать, мужа своей пріятельницы, другаго пресловутаго интригана, извѣстнаго барона Г. А. Розенкампфа, который, вполнѣ оцѣняя непріязнь и презрѣніе къ себѣ Сперанскаго, радостно

---

[1]) Когда, вслѣдъ за паденіемъ Сперанскаго, Армфельдъ сопровождалъ Александра въ армію, между нимъ и оставшимся въ Петербургѣ Розенкампфомъ установилась постоянная частная переписка о разныхъ дѣлахъ того времени. Эта переписка была у насъ въ рукахъ: она любопытна во многихъ отношеніяхъ, хотя и не дала намъ почти никакихъ матеріаловъ собственно къ настоящей нашей работѣ. Но есть одно письмо (отъ 19-го мая 1812 года), доказывающее, какъ обманывался Александръ въ тѣхъ чувствахъ привязанности къ Россіи, которыя онъ приписывалъ Армфельду. „J'ai appris à connaître la Russie,—писалъ послѣдній—tout ce qui est bon, sage et qui tend à un objet général et grand, sans que les petits intérêts et profits y trouvent leur compte, ne rencontre qu'entraves et difficultés, au lieu que l'opposé marche un train de chasse". (Переводъ: Я узналъ Россію: все, что полезно, умно, касается общаго дѣла и направлено къ возвышенной цѣли, и при этомъ не имѣетъ въ виду мелкихъ интересовъ и выгодъ, встрѣчаетъ лишь препятствія и затрудненія, между тѣмъ какъ все противоположное идетъ быстрыми шагами).

[2]) Записки И. И. Дмитріева.—Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

ухватился за эту вѣтвь спасенія и, ставъ въ самые жаркіе союзники и сподвижники Армфельда, былъ тогда же (26-го октября 1811 г.) опредѣленъ къ нему и въ Коммиссію финляндскихъ дѣлъ [1]. Между тѣмъ быстрое возвышеніе, токъ милостей и неограниченное, повидимому, благорасположеніе Александра вскружили голову новому любимцу.

---

[1]) Д'Андрадъ вскорѣ послѣ того оставилъ Россію, но и изъ-за границы велъ постоянную дружественную переписку съ баронессою Розенкампфъ. Эта переписка также была у насъ въ рукахъ. Въ ней собственныя имена дѣйствовавшихъ лицъ замѣнены были условными: такъ Армфельдъ назывался—Lafleur, Сперанскій—Langsam, императоръ Александръ—le bon enfant. Тутъ отражались, какъ въ зеркалѣ, постепенное возвышеніе Армфельда, полагаемыя на него Розенкампфомъ надежды и общая ихъ ненависть къ Сперанскому. Вотъ нѣсколько выписокъ: „Lafleur comble M-r de R. d'amitié, et nous sommes parsuadés que s'il ne tenait qu'à lui M-r de R. aurait déjà obtenu tout ce qu'il désire; mais malheureusement les oukazes passent par des mains d'où rien ne sort. Lafleur l'a déjà remarqué avec étonnement. Il faut croire que son énergie mettra fin à ces longueurs interminables".—„Vous avez raison d'aimer Lafleur, et je suis enchanté d'apprendre qu'il est toujours de mieux en mieux auprès du bon enfant... Je suis charmé d'entendre ce que vous me dites des procédés de Lafleur envers M-r de R. et je me flatte que ce dernier en sera content, quoiqu'il court peut-être risque de perdre par là la confiance de M-r Langsam, ce qui au reste n'est pas une grande perte, car c'est, selon moi, un bien plat personnage et très égoïste par-dessus le marché... J'éprouve une véritable satisfaction en voyant que le brave Lafleur continue à monter et à se bien conduire envers M-r de R... Je savais déjà tout ce que vous me mandez au sujet de M-r Langsam. C'est un grand bonheur que M-r de R. ait tenu à Lafleur et n'ait pas eu assez à se louer de Langsam pour en être intime et par conséquent, quoiqu'innocemment, enveloppé dans sa chûte... Je fais des voeux pour que le bon Lafleur continue à être bien auprès du bon enfant. Quant à Langsam, sa chûte ne m'étonne nullement, et vous vous souviendrez que je me suis toujours défié de ses principes. Dès qu'un parvenu arrive à un certain point d'élévation, s'il est, comme Langsam, dévoré d'ambition, il est capable de tout. C'est fort heureux que l'arrivée de Zafleur ait distrait M-r de R. de ses liaisons, quoique seulement d'office, avec ce malheureux Langsam". (Переводъ: Лафлеръ преисполненъ дружбы къ Р., и мы убѣждены, что, если бы это зависѣло только отъ него, Р. уже получилъ бы все, что онъ желаетъ. Но, къ несчастію, указы проходятъ черезъ такія руки, которыя все задерживаютъ. Лафлеръ уже это замѣтилъ съ удивленіемъ. Надо надѣяться, что его энергія положитъ предѣлъ этимъ безконечнымъ задержкамъ. Вы правы, что любите Лафлера, и мнѣ чрезвычайно пріятно узнать, что его отношенія къ доброму малому (bon enfant) становятся все лучшими. Я въ восторгѣ отъ того, что вы мнѣ сообщаете, что Лафлеръ хорошо относится къ Р., и я льщу себя надеждою, что этотъ послѣдній будетъ имъ доволенъ, хотя, быть можетъ, онъ подвергается опасности потерять довѣріе Лангзама (медлителя), что, впрочемъ, не большая потеря, такъ какъ, по-моему, это весьма низкій человѣкъ и сверхъ того эгоистъ. Я чувствую истинное удовлетвореніе, видя, что честный Лафлеръ продолжаетъ возвышаться и по-прежнему хорошо

Подъ вліяніемъ аристократической партіи, а также ненависти своей къ императору французовъ и злобныхъ внушеній Розенкампфа, Армфельдъ видѣлъ въ Сперанскомъ почитателя, можетъ быть—по навѣтамъ его враговъ—даже тайнаго агента Наполеонова, и рѣшился приложить всѣ усилія къ его низверженію. Въ этомъ намѣреніи большую, безъ сомнѣнія, долю должно приписать и необузданному честолюбію Армфельда: онъ не терпѣлъ соперничества и, въ мечтаніяхъ безумной самонадѣянности, увлекался, вѣроятно, надеждою, какъ ни чуждъ былъ Россіи, ея потребностямъ и даже языку, не только попрать Сперанскаго, но и вполнѣ замѣстить его во вліяніи на дѣла [1]). Такъ точно онъ ненавидѣлъ и Балашова, хотя тутъ не было предлога наполеоновской партіи, старался попрать и его, и лишь тогда, когда убѣдился, что безъ помощи министра полиціи трудно достигнуть главной цѣли—низверженія Сперанскаго, вступилъ съ нимъ въ наружный союзъ, хотя въ душѣ своей продолжалъ его ненавидѣть, презирать и даже втайнѣ ему вредить у Александра [2]). По совѣту Балашова [3]) онъ началъ съ передачи государю, въ тонѣ крайняго негодованія, слышанныхъ отъ довѣрчиваго Сперанскаго, при разговорахъ съ нимъ, неосторожныхъ отзывовъ о томъ, что на государя нельзя полагаться, что онъ измѣнчивъ, непостояненъ и пр. Но это входитъ уже въ самую нить событій, которой мы не хотимъ здѣсь предварять.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ тому, черезъ руки котораго—какъ уже упомянуто—шло все дѣло, и именно, къ Де-Санглену, мы еще должны означить роль лицъ, занимавшихъ въ дѣлѣ болѣе подчиненную степень, или привлеченныхъ въ связь съ этимъ дѣломъ современною общею молвою. Въ числѣ ихъ назовемъ графа Н. А. Толстаго, кавалера де-Вернега, Болховскаго, Воейкова и Хитрово.

Роль графа Николая Александровича Толстаго, оберъ-гофмаршала и брата бывшаго посла нашего въ Парижѣ, въ настоящемъ дѣлѣ

относится къ Р. Все, что вы сообщаете мнѣ о г. Лангзамѣ, мнѣ было уже извѣстно. Какое счастье, что Р. держался Лафлера и не на столько восторгался Лангзамомъ, чтобы считаться близкимъ къ нему человѣкомъ и потому, хотя и невинно, быть вовлеченнымъ въ его паденіе. Желаю, чтобы добрый Лафлеръ продолжалъ пользоваться благосклонностью Bon enfant. Что касается Лангзама, то его паденіе меня нисколько не удивляетъ, и вы припомните, что я всегда относился съ недовѣріемъ къ его нравственнымъ правиламъ. Когда выскочка достигаетъ извѣстной степени положенія, если онъ, какъ Лангзамъ, снѣдаемъ честолюбіемъ, то онъ становится способнымъ на все. Какъ хорошо, что пріѣздъ Лафлера отвлекъ Р. отъ его сношеній, хотя только служебныхъ, съ этимъ несчастнымъ Лангзамомъ).

[1]) Показанія Гартмана; Клинковстрёма; Бека.

[2]) Записки де-Санглена.

[3]) Магницкій, въ разсказѣ А. И. Михайловскому-Данилевскому.

была похожа на роль Растопчина. Она заключалась въ наговорахъ и переносахъ, къ которымъ Толстой имѣлъ весьма часто всѣ случаи, находясь неотлучно при государѣ и присвоивъ себѣ право говорить все, что ни вспадало ему на мысль [1]). Въ этомъ смыслѣ сакерментъ— такъ называлъ его Александръ—представлялъ, нѣкоторымъ образомъ, прислужника Армфельда и всей аристократической партіи, находившихъ въ немъ всегда охотное орудіе къ доведенію до свѣдѣнія государя всевозможныхъ жалобъ и клеветъ на ненавистнаго поповича.

Кавалера де-Вернега (chevalier de Vernègues), одного изъ тайныхъ и, впрочемъ, довольно второстепенныхъ агентовъ Людовика XVIII при нашемъ дворѣ [2]), городская молва выдавала за человѣка очень близкаго къ супругѣ графа Толстаго [3]). Онъ являлся въ высшемъ обществѣ душою семейныхъ спектаклей, живыхъ картинъ и пр., былъ въ безпрестанной бѣготнѣ, все подслушивалъ, все передавалъ и кипучую дѣятельность свою скрывалъ подъ личиною самой утонченной свѣтской любезности. Съ Армфельдомъ связывала его общая цѣль: возбужденіе противъ Наполеона и въ пользу Бурбоновъ, и въ этомъ отношеніи де Вернегъ служилъ жаркимъ посредникомъ между Армфельдомъ и Толстымъ, въ домѣ котораго былъ почти безвыходнымъ гостемъ.

Дмитрій Николаевичъ Бологовской (Болховской), племянникъ Балашова, офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и нѣкогда участникъ въ событіи 12-го марта 1801 года (послѣ вологодскій военный губернаторъ, а потомъ сенаторъ въ Москвѣ), былъ почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ своему дядѣ, какъ Магницкій къ Сперанскому. Пустой и хвастливый болтунъ, извѣстный своею наклонностію ко лжи, онъ, самъ не зная, въ чемъ дѣло, переносилъ вѣсти, исполнялъ порученія и служилъ, такъ сказать, ширмами, заграждавшими Балашова Сперанскому [4]). Однажды, когда послѣдніе уже совсѣмъ между собою разошлись, Бологовской обѣдалъ гдѣ-то вмѣстѣ съ Магницкимъ и, въ шумѣ винныхъ паровъ, спросилъ [5]):

— Зачѣмъ вашъ Михайло Михайловичъ дѣлаетъ такія глупости?

— Какія?

---

[1]) Свидѣтельства Лёвенштерна; Де-Санглена; Бека; графа А. А. Закревскаго.

[2]) Высшими и, такъ сказать, гласными были: Блакасъ, Полиньякъ и Бріонъ.—Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état, t. XI, p. 359.—Михайловскій-Данилевскій. — Де-Санглепъ. — Lefevre, Histoire des cabinets de l'Europe, t. II, p. 145.

[3]) Послѣ смерти графа, когда она уѣхала въ чужіе края, даже—и за тайнаго ея мужа.

[4]) Записки де-Санглена.—Разсказъ И. С. Горголи.

[5]) Разсказъ Ѳ. П. Лубяновскаго.

— Зачѣмъ онъ въ распрѣ съ Балашовымъ? Оба—люди добрые и умные, а между тѣмъ не только не говорятъ, даже и не кланяются другъ съ другомъ, тогда какъ вмѣстѣ могли бы дѣйствовать гораздо успѣшнѣе. Отчего бы имъ не помириться, когда нѣтъ и настоящей причины къ ссорѣ?

Слово за словомъ, Магницкій взялся переговорить объ этомъ съ Сперанскимъ, а Бологовской съ Балашовымъ, и, черезъ ихъ посредство, оба непріятеля изъявили согласіе на примиреніе: одинъ съ незлобивымъ своимъ чистосердечіемъ, другой—съ тѣми же коварными намѣреніями, которыя внушили предательское лобзаніе Іудино. Вопросъ оставался лишь въ томъ, кому первому протянуть руку? Балашовъ, ссылаясь на то, что онъ министръ и генералъ-адъютантъ, уклонился отъ перваго визита. Сперанскій, въ простодушной своей довѣрчивости къ людямъ, всегда его отличавшей, былъ менѣе щекотливъ. Уже назначенъ былъ и день, когда ему пріѣхать къ Балашову, какъ вдругъ, въ самый тотъ день, у него сильно заболѣла голова. Онъ написалъ къ Магницкому, какъ посреднику съ своей стороны, что внезапное нездоровье препятствуетъ ему имѣть удовольствіе явиться на предположенное свиданіе съ Балашовымъ. Магницкій эту записку переслалъ, въ подлинникѣ, по принадлежности, а Балашову только и нужно было, для дальнѣйшихъ своихъ намѣреній, имѣть въ рукахъ собственноручное изъявленіе Сперанскимъ желанія съ нимъ сблизиться. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какое важное значеніе было придано помянутой запискѣ.

Алексѣй Васильевичъ Воейковъ принадлежалъ скорѣе къ числу лицъ, увлеченныхъ въ паденіе Сперанскаго, нежели къ возбудителямъ катастрофы, но публика дала и ему особую роль въ этой таинственной трагедіи. Въ ту эпоху, которую мы теперь описываемъ, полковникъ, флигель-адъютантъ и правитель канцеляріи военнаго министра Барклая-де-Толли, онъ былъ совоспитанникомъ Магницкаго по Московскому благородному пансіону [1]). Сохранивъ тѣсную дружбу съ Магницкимъ и въ жизни, гдѣ совокупныя работы по военному министерству ставили ихъ въ еженедѣльное соприкосновеніе, онъ, черезъ эту связь, вошелъ въ близкія отношенія и съ Сперанскимъ.

Въ началѣ 1812 года Воейковъ былъ сговоренъ съ молодою сиротой Львовою, жившею въ домѣ дяди своего, великаго нашего поэта Державина. Какъ женихъ [2]), онъ бывалъ тамъ безпрестанно и почти ежедневно обѣдалъ; но 16-го марта, въ воскресенье, прощаясь, сказалъ,

---

[1]) Источники: показанія вдовы Воейкова и ея сына.—К. М. Бороздинъ.

[2]) Этотъ разсказъ о Воейковѣ былъ сообщенъ барономъ Корфомъ академику Я. К. Гроту, который помѣстилъ его въ „Русскомъ Архивѣ" 1871 г., столб. 2121—2124. См. тоже въ Трудахъ Я. К. Грота, т. IV (Спб., 1901), стр. 678—679.

что въ понедѣльникъ не будетъ, потому что приглашенъ къ Магницкому на присланную ему дикую козу, на которую назвался и Сперанскій. Вдругъ, однакожъ, въ этотъ понедѣльникъ онъ нежданно является къ Державинымъ. На немъ не было лица. Въ ночь тайно схватили и увезли и Магницкаго, и Сперанскаго....

Нѣсколько дней спустя, Воейковъ былъ призванъ къ военному министру. Старецъ, очевидно смущенный, объявилъ ему, что имъ, по обстоятельствамъ, нельзя болѣе служить вмѣстѣ, и что государь посылаетъ его, Воейкова, въ армію командовать бригадою. Напрасно Воейковъ домогался узнать причину такой немилости; Барклай уклонился отъ всякаго отвѣта. Уже только гораздо позже первому сдѣлалось извѣстнымъ, что государь спрашивалъ тогда военнаго министра, доволенъ ли онъ своимъ правителемъ канцеляріи?

— Прежде—отвѣчалъ Барклай—я не могъ имъ нахвалиться, но теперь, съ тѣхъ поръ, что онъ женихъ, начинаю замѣчать въ немъ нѣкоторую разсѣянность и небреженіе.

— Ну, такъ и кстати—сказалъ Александръ,—послѣ удаленія друзей его, Сперанскаго и Магницкаго, неловко его здѣсь оставлять: отправимъ его въ армію.

Такъ сохранилось сказаніе объ этомъ событіи въ семействѣ Воейкова (самъ онъ умеръ еще въ 1825 году). Но въ современной публикѣ думали и говорили иначе. Разсказываютъ [1]), будто бы военный министръ, возвратясь однажды отъ государя, всѣ доложенныя бумаги сдалъ, по обыкновенію, Воейкову, который, также по обыкновенію, привезъ ихъ къ себѣ на домъ. Случилось, что въ тотъ же самый день заѣхалъ къ нему Магницкій и, не заставъ его, остался ждать. Кабинетъ былъ отпертъ, и Магницкій, какъ старый пріятель, не затруднился туда войти. Здѣсь, увидя на столѣ портфель, онъ, отъ нечего ли дѣлать, или изъ особаго любопытства, заглянулъ въ него и нашелъ бумаги глубочайшей тогдашней тайны, относившіяся къ военнымъ приготовленіямъ и планамъ, о которыхъ ни онъ, Магницкій, ни Сперанскій, не имѣли положительныхъ и полныхъ свѣдѣній. Первымъ порывомъ Магницкаго было, захвативъ эти бумаги, броситься съ ними тотчасъ къ своему патрону. Потомъ, когда послѣдній пробѣжалъ ихъ содержаніе, онѣ были опять немедленно отвезены на свое мѣсто. Воейкова все еще не было дома. Сперанскій, съ своей стороны, вслѣдъ за прочтеніемъ бумагъ, отправился къ государю и съ жаромъ началъ порицать и опровергать вывѣданныя изъ нихъ предположенія. Это будто бы обратилось въ одну изъ главныхъ причинъ къ гнѣву на него, а, вмѣстѣ, и къ

---

[1]) Г. С. Батенковъ, со словъ Сперанскаго, въ разсказѣ К. Г. Рѣпинскому.— И. С. Кайсаровъ.

удаленію Воейкова, какъ не умѣвшаго хранить ввѣренныхъ ему тайнъ, хотя послѣдній вовсе не зналъ, какія и какъ вышли изъ его кабинета.

Справедливъ ли этотъ разсказъ, или нѣтъ, но въ семействѣ Воейкова сохранился одинъ документъ, свидѣтельствующій, что на него точно была распространена въ то время какая-то дурная молва и что въ публикѣ тяготѣли надъ нимъ таинственныя нареканія, которыя и ему самому оставались небезызвѣстными. Участвовавъ потомъ съ отличіемъ въ отечественной войнѣ, онъ приготовилъ письмо къ фельдмаршалу князю Смоленскому, которое 12-го сентября 1812 года, изъ-подъ Тарутина, отправилъ въ проектѣ на предварительный просмотръ къ Державину, и это-то письмо и составляетъ упомянутый документъ. «По несчастному и неожиданному для меня случаю — писалъ Воейковъ—общее мнѣніе обвиняетъ меня безвинно въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, чрезъ что̀ начальники мои колеблются въ довѣріи ихъ ко мнѣ, подчиненные мои осмѣливаются предпочитать себя предо мною въ усердіи къ службѣ, и наконецъ товарищи мои язвительными намеками раздражаютъ честолюбіе. Тяжело въ таковомъ положеніи быть полезнымъ въ службѣ; но я все преодолѣвалъ для выполненія высочайшей воли, объявленной мнѣ военнымъ министромъ, чтобъ отличіемъ на войнѣ заглушить народную молву, и похвала начальниковъ, заслуженная мною въ пяти жарчайшихъ сраженіяхъ: при Красномъ, двое сутокъ въ Смоленскѣ, двое сутокъ на лѣвомъ флангѣ при Бородинѣ, и во многихъ авангардныхъ дѣлахъ, подаютъ мнѣ смѣлость просить вашу свѣтлость особеннаго на сей предметъ вашего обо мнѣ представленія, или отправить меня курьеромъ въ Петербургъ отъ арміи, дабы я при семъ случаѣ могъ лично всеподданнѣйше просить у государя императора снисхожденія къ моей невинности и возвращеніемъ мнѣ прежняго высочайшаго благоволенія перемѣнить общее обо мнѣ мнѣніе».

Но Державинъ, которому, вѣроятно, ближе были извѣстны обстоятельства, совѣтовалъ удержаться, до времени, этимъ шагомъ. Потомъ Воейковъ, видно, самъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Письмо, не бывъ отправлено, осталось только въ проектѣ. Воейковъ, участвовавъ и во всѣхъ послѣдующихъ кампаніяхъ, былъ произведенъ въ генералы и вскорѣ потомъ оставилъ службу.

Наконецъ нѣсколько словъ о Хитрово.

Есть люди, которые какъ бы отъ самой природы предназначены на зло и другимъ, и самимъ себѣ. Таковъ былъ Николай Захаровичъ Хитрово, также флигель-адъютантъ, зять фельдмаршала князя Смоленскаго и братъ бывшаго при Николаѣ I государственнаго контролера [1]). Безъ особеннаго ума или дарованій, но заносчивый, въ высшей степени не-

---

[1]) Алексѣя Захаровича Хитрово.

скромный, болтливый, неосновательный и злобный болѣе изъ легкомыслія, нежели изъ прямаго желанія вредить,—онъ, однакожъ, вредилъ почти всѣмъ, если не самымъ дѣломъ, то по крайней мѣрѣ своимъ языкомъ, имѣя свободный доступъ къ императору Александру, который, по общей чертѣ своего характера, любилъ слушать его переносы и болтовню [1]). Съ врожденною страстію къ занятіямъ полицейскимъ, Хитрово, послѣ неудачной попытки получить полиціймейстерское мѣсто въ Петербургѣ, не нашелъ инаго средства къ удовлетворенію своихъ вкусовъ, какъ броситься въ объятія тайной полиціи, имѣвшей тогда своихъ агентовъ—какъ мы уже знаемъ—во всѣхъ салонахъ. Онъ сдѣлался, по виду, однимъ изъ усердныхъ ея сподвижниковъ, но, кажется, болѣе для того, чтобъ маскировать этимъ тѣсную связь свою съ тогдашнимъ наполеоновскимъ посломъ Коленкуромъ, успѣвшимъ, какъ подозрѣвали, подкупить его въ пользу своихъ интересовъ. Какъ бы то ни было, но, состоя въ то же время и въ короткомъ знакомствѣ съ Сперанскимъ, а особенно съ Магницкимъ, Хитрово нескромно переносилъ слова и вѣсти одного къ другому, а потомъ, при свиданіяхъ съ Александромъ, величаясь своими связями [2]), передавалъ ему все слышанное, особенно всѣ городскія сплетни насчетъ государственнаго секретаря. Въ совокупности съ прочими впечатлѣніями, эти разговоры не могли не производить своего дѣйствія на подозрительную душу Александра, и такимъ образомъ Хитрово сдѣлался также однимъ изъ орудій тогдашней аристократической партіи, къ которой принадлежалъ и по рожденію, и по браку.

Вдругъ, въ самые послѣдніе дни 1810 года, во время бала у Коленкура, Хитрово неожиданно схватили и, при полицейскомъ офицерѣ, отправили въ Вятку.

Это происшествіе было объясняемо чрезвычайно различно. Вотъ истина:

Въ исходѣ 1810 года была у насъ перлюстрована депеша Коленкура къ его двору. Она была писана шифрами, но начальникъ этой части въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Бекъ [3]), успѣлъ

---

[1]) Показаніе Ѳ. П. Опочинина, который былъ женатъ также на дочери фельдмаршала князя Кутузова.—Дневникъ Л. И. Голенищева-Кутузова.

[2]) Хитрово былъ, между прочимъ, и нестерпимый хвастунъ, хвастая даже и такими вещами, которыхъ никто другой, конечно, не приписалъ бы себѣ въ честь. Такъ, проживая послѣ въ Москвѣ, онъ въ одинъ изъ пріѣздовъ туда Александра, хвасталъ передъ де-Сангленомъ, что государь далъ ему своеручно—пощечину. „C'était donc à distance—отвѣчалъ де-Сангленъ—puisque vous n'avez pas vu l'empereur" (т. е.: но это было издалека, такъ какъ вы не видали государя).—Хитрово засмѣялся.

[3]) Извѣстный Христіанъ Андреевичъ Бекъ, завѣдывавшій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ дешифровкою депешъ.

разобрать, что Коленкуръ изъявлялъ надежду достать, въ самомъ непродолжительномъ времени, росписаніе состава и дислокаціи нашихъ военныхъ силъ. Нельзя было только прочесть, черезъ кого Коленкуръ надѣется получить это свѣдѣніе. Государь втайнѣ поручилъ Сперанскому дознать у Бека, кого—по работѣ надъ подробностями и приблизительной извѣстности лицъ—онъ съ своей стороны подозрѣвалъ бы въ такомъ предательствѣ. Бекъ не могъ доискаться самаго имени; но, по соображеніямъ своимъ надъ всѣмъ остальнымъ содержаніемъ депеши, равно какъ и нѣсколькихъ другихъ, ей предшествовавшихъ, выставилъ столько обстоятельствъ, разлившихъ ясный свѣтъ на лицо измѣнника, что Александръ, не останавливаясь, написалъ противъ пробѣла: «Хитрово».—Вслѣдствіе того Балашову велѣно было тотчасъ приставить къ Хитрово секретный надзоръ, и этотъ надзоръ обнаружилъ какъ близость жены его къ чиновнику французскаго посольства Лажаръ, такъ и личныя его, переходившія за предѣлы простаго знакомства, сношенія съ этимъ посольствомъ [1]). Однажды, при сборахъ его на балъ къ Коленкуру, къ нему явился тогдашній оберъ-полиціймейстеръ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, пересмотрѣлъ и забралъ всѣ его бумаги, а его самого, какъ уже сказано, отправилъ—подъ предлогомъ какого-то порученія—при полицейскомъ офицерѣ въ Вятку [2]). Но главнаго акта обвиненія не было найдено: приготовленныя уже предателемъ и написанныя собственною его рукою по-французски таблицы о силѣ нашей арміи и о ея расположеніи лежали въ эполетномъ футлярѣ, и Кутузовъ, при вскрытіи его, увидѣвъ эполеты, не сталъ искать подъ ними... [3]). Оттого Хитрово не подвергся никакому дальнѣйшему преслѣдованію и впослѣдствіи былъ даже произведенъ въ генералы [4]).

Очевидно, что все это дѣло не имѣло никакого отношенія къ Сперанскому, черезъ котораго дано было только порученіе Беку стараться развѣдать тайный каналъ французскаго посольства. Но Хитрово, и самъ по себѣ, и по женѣ своей, былъ въ родствѣ съ половиною Петербурга. Чтобъ отдалить отъ семьи срамъ предательскаго подозрѣнія на одного изъ ея членовъ, камарилла тотчасъ разгласила, что онъ былъ гнусно оклеветанъ передъ государемъ со стороны ненавидящаго аристократію «поповича». Наконецъ, старались даже дать разумѣть, что Спе-

---

[1]) Разсказъ Ѳ. П. Опочинина.

[2]) Дневникъ Л. И. Голенищева-Кутузова.

[3]) Тотъ же дневникъ, по собственному разсказу жены Хитрово.

[4]) Были люди, которые утверждали, что свѣдѣнія свои Хитрово получилъ отъ Воейкова, и ставили въ связь съ этимъ немилость къ послѣднему. Но, во 1-хъ, правительство, благодаря оплошности Кутузова, совсѣмъ не раскрыло, чтобы въ рукахъ Хитрово были такія свѣдѣнія, а во 2-хъ, онъ былъ удаленъ въ декабрѣ 1810 г., а Воейковъ только въ мартѣ 1812 г.

ранскій самъ былъ то лицо, отъ котораго Коленкуръ ожидалъ обѣщанныхъ свѣдѣній, но что онъ съ намѣреніемъ заставилъ трусливаго Бека вывѣдать будто въ депешѣ, изъ его тайныхъ для всѣхъ шифровъ, такія обстоятельства, которыя навлекли подозрѣнія государя на другаго, и именно на Хитрово. Неотысканіе у послѣдняго предполагаемыхъ свѣдѣній приходилось тутъ очень кстати [1]).

Теперь обратимся къ лицу важнѣйшему—къ де-Санглену. Въ разныхъ современныхъ преданіяхъ, изустныхъ и письменныхъ, вездѣ Сангленъ выставлялся главнымъ дѣятелемъ, или по крайней мѣрѣ главнымъ орудіемъ низверженія Сперанскаго, но безъ объясненія подробностей, въ какомъ-то неопредѣленномъ полусвѣтѣ, тѣмъ болѣе возбуждавшемъ наше любопытство. Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, представлялось необходимымъ дознаться, кто и что такое было это таинственное лицо.

Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ (Sanglin), несмотря на иностранные звуки своей фамиліи,—русскій, уроженецъ ревельскій [2]), сынъ—какъ увѣряютъ нѣкоторые [3])—извѣстнаго генерала Александровскихъ временъ, князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, имѣвшаго еще и другихъ незаконныхъ дѣтей, съ данными имъ различными фамиліями. Сперва въ Петербургѣ и Кронштадтѣ морской офицеръ; потомъ въ Москвѣ [4]) учитель нѣмецкаго языка, издатель неудавшагося журнала Аврора и сочинитель русскаго Тристрама Шанди [5]), доставившаго ему нѣкоторую литературную извѣстность; послѣ, кажется, частный приставъ, онъ, наконецъ, по образованіи министерства полиціи и назначеніи Балашова министромъ, былъ опредѣленъ въ правители особенной его канцеляріи, соотвѣтствовавшей бывшему потомъ III-му Отдѣленію Собственной его величества канцеляріи [6]). Мнѣнія насчетъ него чрезвычайно различны. Всѣ соглашаются въ томъ, что онъ человѣкъ очень

---

[1]) Показанія А. З. Хитрово; Бека; князя А. Ѳ. Голицына, по разсказу цесаревича Константина Павловича.

[2]) Де-Сангленъ родился въ 1776 году.

[3]) А. И. Рибопьеръ.

[4]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.—Записки Вигеля.—Свидѣтельства Г. В. Лерхе; И. С. Горголи; П. И. Аверина; генерала Лёвенштерна; В. Д. Карнильева; К. А. Полевого.—Записки И. И. Дмитріева.

[5]) Жизнь и мнѣнія новаго Тристрама (Москва. 1825).

[6]) Вотъ точныя данныя о службѣ де-Санглена за 1810 и 1811 годы, извлеченныя изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ: въ 1810 г., іюля 12-го, занимая должность правителя иностраннаго отдѣленія С.-Петербургской конторы адресовъ, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.—21-го іюля 1811 г. перемѣщенъ въ штатъ министерства полиціи, 3-го августа того же года пожалованъ въ коллежскіе совѣтники, а 7-го сентября 1811 г. былъ назначенъ правителемъ особенной канцеляріи министра полиціи.

*

умный, очень образованный, даже ученый, очень острый и тонкій; но, относительно нравственнаго характера, одни выдаютъ его за человѣка честнаго, добраго, правдиваго, только вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько вѣтренаго, какъ говорится въ просторѣчіи «взбалмошнаго» и хвастливаго; другіе, напротивъ, называютъ его прямо мошенникомъ первой руки, человѣкомъ безъ правилъ и безъ убѣжденій, несноснымъ лгуномъ, способнымъ на всякія грязныя наушничества, наконецъ, лютымъ взяточникомъ, который, когда не могъ брать самъ, употреблялъ къ тому свою жену. Таковъ ли онъ былъ, какимъ изображаютъ его первые, или какъ описываютъ послѣдніе, но, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, достовѣрно и не подлежитъ никакому сомнѣнію одно: именно, что въ 1811 году, Александръ, не довольствуясь доносами и надзоромъ министра полиціи, втайнѣ приблизилъ къ лицу своему и его правителя канцеляріи, который, несмотря на маленькій свой чинъ коллежскаго совѣтника, бывалъ у государя наединѣ почти каждый день, оставался, нерѣдко, по нѣскольку часовъ, и составлялъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, контръ-полицію Балашова... При всемъ томъ таково было омерзѣніе, внушенное извѣстными его обязанностями, что, какъ ни страшенъ, какъ ни опасенъ онъ могъ быть для каждаго, очень немногіе хотѣли ему кланяться и даже говорить съ нимъ. Но какимъ же образомъ дано было начало его приближенію къ государю?

Особенная канцелярія министерства полиціи—тотъ же самостоятельный департаментъ—сосредоточивая въ себѣ всѣ важнѣйшія и особливо всѣ секретныя дѣла, была ключемъ къ цѣлому министерству, а де-Сангленъ, при тогдашней скудости въ образованныхъ чиновникахъ, слылъ самымъ лучшимъ въ немъ редакторомъ [1]). Доклады по особенной канцеляріи болѣе другихъ угождали государю своею точностію, сжатостію и ловкостію, и, наконецъ, побудили его обратить вниманіе на ихъ сочинителя. Это не очень нравилось завистливому Балашову, всегда ревниво охранявшему исключительное свое вліяніе; возвращая де-Санглену бумаги къ исполненію, онъ съ видимымъ неудовольствіемъ говаривалъ [2]): «Только ваши доклады и сходятъ; бумаги другихъ департаментовъ безпрестанно велятъ переправлять».—Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, послѣдствіе этого различія стало проявляться для государя—бывшаго, какъ извѣстно, очень взыскательнымъ къ редакціи—такъ рѣзко, что онъ велѣлъ, чтобы доклады и всѣхъ прочихъ департаментовъ, до внесенія къ нему, были пересматриваемы и исправляемы тѣмъ же де-Сангленомъ, и чтобы онъ ѣздилъ каждый разъ при Балашовѣ и въ

---

[1]) Показанія Г. В. Лерхе, служившаго тогда въ этой канцеляріи.

[2]) Записки де-Санглена.—Ср. «Русскую Старину» 1883 г., т. XXXVII, стр. 18—19.

Царское Село, для неотложныхъ поправокъ въ тѣхъ бумагахъ, которыя не были бы одобрены. Однажды, при такомъ пребываніи въ Царскомъ Селѣ, Балашовъ, выходя отъ государя, сказалъ своему правителю канцеляріи: «Государь желаетъ васъ видѣть; пойдемте въ садъ: мы тамъ его встрѣтимъ».—Такъ и случилось. Поравнявшись съ ними, государь остановился и сталъ разговаривать съ Балашовымъ о погодѣ, о перемѣнахъ, которыя хочетъ сдѣлать во дворцѣ, въ саду и пр., и во все это время смотрѣлъ на Санглена, который стоялъ, почтительно отступивъ на нѣсколько шаговъ. По удаленіи государя, Балашовъ сказалъ съ ироническою улыбкою: «Поздравляю васъ: вы теперь познакомились съ государемъ!»—«Да,—отвѣчалъ де-Сангленъ,—какъ статуя, на которую смотрятъ; но ваше превосходительство забыли про меня сказать, что я, по крайней мѣрѣ, подобно статуѣ Мемноновой, умѣю подавать звуки при появленіи солнца».—Балашовъ кисло улыбнулся. Вскорѣ послѣ того онъ объявилъ де-Санглену, что государь изъявилъ желаніе имѣть его полиціймейстеромъ въ Петербургѣ; но онъ, Балашовъ, отвѣтилъ, что его правитель канцеляріи могъ бы все тутъ испортить своею добротою и религіозностію; почему это мѣсто для него не годится. Поблагодаривъ за такіе лестные отзывы и понимая, что ему трудно будетъ оставаться долѣе на службѣ при Балашовѣ, де-Сангленъ съ этой минуты сталъ помышлять о средствахъ освободиться отъ своего министра, какъ вдругъ неожиданный простой случай все перемѣнилъ.

Но прежде чѣмъ описывать этотъ случай, мы должны дать отчетъ въ томъ, какимъ образомъ произошло знакомство собирателя настоящихъ матеріаловъ съ де-Сангленомъ, ограничивавшееся, впрочемъ, всегда только одною перепискою, и какими средствами намъ удалось получить отъ него тѣ свѣдѣнія, которыя онъ намъ сообщилъ. Все это важно для оцѣнки степени ихъ достовѣрности.

Мы знали, что де-Сангленъ уже и въ 1812-мъ году былъ не молодой человѣкъ, а потому считали его давно умершимъ, тѣмъ болѣе, что, послѣ предвѣщавшей ему такую будущность роли при императорѣ Александрѣ, о немъ совсѣмъ болѣе не было слышно. Вдругъ открылось, что онъ еще живъ, и хотя въ глубокой старости, но сохраняя всѣ умственныя силы, живетъ въ Москвѣ, въ давнишней отставкѣ. Мы обратились къ одному испытанному, тридцатилѣтнему другу, жившему также въ Москвѣ [1]): не знаетъ ли онъ этого примѣчательнаго лица? Отвѣтъ былъ, что не только знаетъ, но и состоитъ въ близкой съ нимъ пріязни. Тогда мы отважились на второй вопросъ: не согласится ли де-Сангленъ, по сообщеніи ему, что мы занимаемся составленіемъ подробной біографіи Сперанскаго не для современни-

---

¹) Василію Дмитріевичу Карнильеву.

ковъ, а для отдаленнаго потомства [1]), подѣлиться съ нами запасомъ своихъ воспоминаній? «Отношенія наши—написалъ онъ, въ слѣдствіе того, нашему другу — даютъ вамъ право на полную съ моей стороны откровенность; но вотъ затрудненія: эпоха эта, кажется, слишкомъ еще отъ насъ близка, чтобы раскрыть вполнѣ причины, ее произведшія. Изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ остался въ живыхъ — одинъ я. Императоръ, скрывая отъ всѣхъ сихъ лицъ настоящую причину своего неудовольствія на Сперанскаго, дозволилъ имъ тайное за нимъ наблюденіе, выслушивалъ ихъ донесенія и направлялъ все къ своей цѣли, имъ неизвѣстной, а между тѣмъ полной своей довѣренности удостоилъ меня одного, поставивъ меня между партіями, въ томъ убѣжденіи, что все, дѣлаемое за кулисами, отъ него не скроется. Тайна, повѣренная такимъ образомъ царемъ и соблюденная имъ до гроба, можетъ ли нарушена быть подданнымъ? Прилично ли заклеймить имена людей усопшихъ, игравшихъ роль, которую помрачили вѣроломствомъ? Назвать ли другихъ, которые служили слѣпыми орудіями людямъ, стоявшимъ на первой степени? Все то, что я сказать могу, не нарушая правилъ моихъ и изъ уваженія къ особѣ, желающей узнать эту эпоху, состоять будетъ въ слѣдующемъ».—Затѣмъ, сообщая, въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ, болѣе намеки на происшествія, нежели ихъ сущность и связь, и болѣе указаніе той важной роли, которую самъ онъ тутъ игралъ, нежели ея развитіе, де-Сангленъ кончалъ свое письмо такъ: «Болѣе объявлять не смѣю: ибо тайна, возложенная на меня — почему, для чего и какъ? — соблюдена быть должна свято. Развязать уста можетъ единственно высшая власть».

Такой отзывъ не могъ не раздражить еще болѣе любопытства человѣка, посвятившаго нѣсколько лѣтъ своей жизни на изученіе этой эпохи. Отлагая личные свои виды и въ одномъ интересѣ исторической истины, мы сообщили письмо де-Санглена генералъ-адъютанту графу А. Ѳ. Орлову, съ тѣмъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ испросить то высочайшее разрѣшеніе, которое первый представлялъ необходимымъ для раскрытія извѣстныхъ ему обстоятельствъ. Письмо и было, дѣйствительно, доложено императору Николаю; но, по предубѣжденіямъ, внушеннымъ, кажется, наиболѣе покойнымъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ княземъ Д. В. Голицынымъ, а, можетъ статься, и по другимъ, невѣдомымъ намъ причинамъ, государь издавна не имѣлъ никакой вѣры къ де-Санглену и даже глубоко его презиралъ. Дѣлу не было дано никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и мы остались опять при однихъ собственныхъ нашихъ

---

[1]) Тогда, при императорѣ Николаѣ, я, дѣйствительно, такъ и предполагалъ.

средствахъ. Но можно ли было упустить изъ рукъ эту важную нить, по крайней мѣрѣ не истощивъ всѣхъ усилій, всѣхъ способовъ къ ея удержанію? Не упомянувъ, разумѣется, ничего о сказанной попыткѣ, мы снова написали нашему другу, умоляя его извлечь отъ де-Санглена ближайшія свѣдѣнія и для этого поставить ему на видъ и нашу цѣль, и наши правила, и образъ мыслей, и, наконецъ, совершенную безопасность, съ которою онъ можетъ намъ довѣриться въ этомъ, давно забытомъ, дѣлѣ, котораго участниковъ уже никого нѣтъ на свѣтѣ. Если не должно давать полной и безусловной вѣры его показаніямъ—думали мы про себя,—то все же въ высшей степени любопытно будетъ посмотрѣть, въ какомъ видѣ и въ какихъ краскахъ **онъ** изображаетъ одно изъ таинственнѣйшихъ событій современной нашей исторіи.

Долго продолжались объясненія между нашимъ повѣреннымъ и де-Сангленомъ; много, со стороны перваго, употреблено было настояній и убѣжденій; наконецъ, усилія наши увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Отступая отъ прежнихъ своихъ отказовъ, увлеченный тщеславіемъ ли, или другими видами, де-Сангленъ вдругъ согласился — все высказать. «По усердію моему къ вамъ (т. е. къ Карнильеву) — написалъ онъ — и уваженію къ извѣстной особѣ, готовъ я, какъ сказано, **для потомства** открыть все извѣстное, кажется, мнѣ одному [1])»; — и въ слѣдствіе того въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выслалъ намъ, постепенно цѣлую книгу собственноручныхъ листовъ, описаніе всего дѣла отъ начала его до конца. «Чтобъ познакомить со мною ту особу, которая мнѣ довѣряетъ—говорилъ онъ въ началѣ, какъ бы въ видѣ предисловія—и указать ей, какой должно прилагать вѣсъ моему свидѣтельству, вотъ написанный мною для нея вѣрный портретъ мой: On ne m'aime pas, parce que je suis une espèce d'original; un enthousiaste passionné de toutes les nobles et saintes choses; un rêveur de belles actions, un défenseur d'opprimés; parce que je comprends tous les désintéressements, toutes les démences généreuses; parce que je sympathise avec tous ceux qui luttent et qui souffrent pour une croyance vraie et bienaimée; parce que j'ai le courage de tourner le dos à ceux que je méprise; parce que j'ai l'orgueilleuse manie de dire toujours la vérité, car je pense que personne ne vaut la grimace d'un mensonge; parce que je suis une dupe incorrigible, systhématique et insatiable; j'aime mieux m'égarer, me fourvoyer dans une bonne action hazardeuse, que de me méfier d'elle par une méfiance prudente et aride. Finalement ma suprême niaiserie est

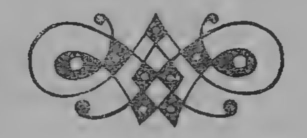
---

[1]) Мы всецѣло исполнили желаніе де-Санглена и данное ему обѣщаніе. Во всей нашей книгѣ имя его встрѣчается только однажды, тамъ, гдѣ мы говоримъ, что Сперанскій, при возвращеніи 17-го марта изъ дворца, нашелъ его у себя вмѣстѣ съ Балашовымъ. Всѣ прочія его сообщенія нами умолчаны и погребены въ настоящихъ листахъ.

de croire à la bonhomie des autres et de croire au bonheur pas hors de moi, mais bien en moi» [1]). — Затѣмъ, посылая послѣдній листокъ, онъ прибавлялъ: «Отправляю къ вамъ мои записки съ отцовскою нѣжностію и благословеніемъ. За одно ручаюсь вамъ и потомству: въ нихъ строго соблюдена историческая истина; я не щадилъ и самого себя; съ чистою совѣстію предаюсь на судъ исторіи».

Этотъ разсказъ исполненъ остроумія и увлекательнаго интереса и заключаетъ въ себѣ многочисленныя черты къ характеристикѣ императора Александра.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

[1]) Переводъ: Меня не любятъ, потому что я въ нѣкоторомъ родѣ оригиналъ; страстный поклонникъ всего благороднаго и святаго; мечтатель о прекрасныхъ поступкахъ; защитникъ угнетенныхъ; потому что я понимаю безкорыстіе, всѣ безумные порывы великодушія; потому что я сочувствую всѣмъ, кто борется и страдаетъ за то, что считаетъ истиною и что онъ любитъ; потому что я имѣю смѣлость отворачиваться отъ тѣхъ, кого презираю; потому что у меня горделивая страсть говорить всегда правду, ибо я думаю, что никто не стоитъ притворства лжи; потому что я неисправимый, систематическій и ненасытный простякъ. Я предпочитаю потеряться и ошибиться въ рискованномъ добромъ дѣлѣ, чѣмъ не довѣрять ему по сухому и осторожному расчету. Наконецъ, верхъ моей глупости—вѣрить простодушію другихъ, вѣрить, что счастье находится не внѣ меня, но во мнѣ самомъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

III [1]).

Общественная жизнь въ Вильнѣ въ 1859 и 1860 гг.—Характеристика семейства Назимовыхъ.—Польская пропаганда въ 1860 г.—Приготовленія къ встрѣчѣ государя.—Оппозиція дворянства.—Устройство иллюминаціи.—Появленіе революціонныхъ брошюръ, стиховъ и проч.—Проповѣди ксендзовъ.—Открытіе благотворительнаго общества S-t Vincent de Paul.—Отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Конецъ 1858 года, весь 1859 г. и карнавалъ 1860 года прошли для Вильны какъ сказочные сны изъ «Тысячи и одной ночи». Празднествамъ, баламъ и увеселеніямъ не было конца. Каждый день приносилъ съ собою что-нибудь новое. Радушный и гостепріимный домъ Назимовыхъ былъ открытъ для каждаго. По средамъ бывали у нихъ танцовальные вечера, на которыхъ никогда не бывало менѣе трехъ сотъ человѣкъ.

Польскіе магнаты проводили обыкновенно зиму въ Вильнѣ и не отставали въ гостепріимствѣ. Обѣды, вечера, балы, любительскіе спектакли и живыя картины смѣнялись чередою. Супруга генералъ-губернатора, А. А. Назимова, была царицею общества; всѣ наперерывъ старались сдѣлать ей угодное, и дѣйствительно она была вполнѣ достойна любви и уваженія: ни одинъ бѣдный не уходилъ отъ нея безъ утѣшенія и помощи. Будучи домашнимъ секретаремъ ея по благотворительному

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1902 г.

обществу, я ежедневно имѣлъ случай видѣть высокія качества ея доброй по истинѣ христіанской души.

Семейство Назимовыхъ олицетворяло русское широкое гостепріимство; генералъ-губернаторъ стушевывался, оффиціальность его званія не стѣсняла никого; у него не бывалъ только тотъ, кто не могъ по чему-либо быть, или не зналъ. Двери генералъ-губернаторскаго жилища растворены были настежь и разъ на всегда, всѣмъ и каждому, было сказано: «милости просимъ». Почти не проходило ни одного дня безъ того, чтобы нѣсколько постороннихъ лицъ не было приглашено къ обѣду, а приближенные изъ служащихъ обѣдали, когда желали и совершенно запросто. Простота въ обращеніи привлекала всѣхъ, кто только разъ посѣтилъ этотъ гостепріимный домъ.

По субботамъ въ 6 часовъ вечера, съѣзжались обыкновенно русскіе ко всенощной, во время которой В. И. Назимовъ читалъ иногда шестопсалміе, но по большей части дѣлалъ это П. В. Кукольникъ. Въ исходѣ восьмаго часа обыкновенно кончалась всенощная, и всѣ присутствовавшіе отправлялись внизъ пить чай, послѣ котораго общество дѣлилось на группы: дамы занимались работой и чтеніемъ, а мужчины играли на билліардѣ.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ дворцовой церкви постоянно служилась обѣдня, къ которой пріѣзжали и поляки. По окончаніи богослуженія всѣ, точно также какъ и послѣ всенощной, толпою сходили внизъ, гдѣ подавался чай, кофе и шоколадъ. Въ это время начинались визиты, и въ гостиной Назимовыхъ была чуть не давка отъ множества посѣтителей.

Нужно сказать правду: сердце у Владиміра Ивановича было золотое, не смотря на минутныя вспышки, вызывавшіяся у него желаніемъ добра и правды. Онъ былъ воистину прекрасный семьянинъ, добрѣйшій начальникъ, человѣкъ сердца, желавшій всѣмъ и каждому одно только добро. Довольно упрямый характеромъ, онъ считалъ себя свободнымъ отъ чьего-либо вліянія и въ семьѣ и на службѣ. Но, увы! Это была только одна любимая мечта его, которой на самомъ дѣлѣ никогда не суждено было осуществиться.

Въ домѣ онъ всецѣло находился подъ вліяніемъ жены, что можно отнести къ его высокому достоинству, на службѣ — подъ вліяніемъ многихъ, а это въ начальникѣ величайшій недостатокъ, которымъ нѣкоторые изъ его приближенныхъ и пользовались. Настойчивость въ мелочахъ у Владиміра Ивановича доходила иногда до смѣшнаго. Ежегодно онъ давалъ своей женѣ 2.000 руб. на булавки, какъ онъ выражался, и требовалъ непремѣнно, чтобы по израсходованіи этой суммы ему представлялся подробный отчетъ. Само собою разумѣется, что мелочныя покупки никогда аккуратно не записывались, и вотъ передъ

праздниками Рождества Христова, когда обыкновенно выдавались расходныя деньги, вся семья, вмѣстѣ съ гувернантками, занималась составленіемъ подробнаго отчета, и всегда оказывалась значительная передержка. Она постоянно покрывалась, съ выраженіемъ удовольствія за аккуратное веденіе расходной бухгалтеріи и удивленія, какъ можетъ выходить такая бездна денегъ на булавки, тесемки и тому подобные пустяки.

Въ водоворотѣ такихъ увеселеній, намъ, русскимъ, казалось, что польскій вопросъ канулъ въ вѣчность, или, правильнѣе сказать, мы о немъ совершенно забыли. Русскіе чиновники, которыхъ тогда было очень немного, въ томъ числѣ и я, подъ вліяніемъ высказываемой поляками и въ особенности польками дружбы, стали въ домахъ своихъ говорить по-польски, польскій языкъ введенъ былъ въ число предметовъ преподаванія по учебнымъ заведеніямъ; самое семейство Назимовыхъ стало учиться польскому языку.

Не могу умолчать здѣсь объ одномъ весьма знаменательномъ фактѣ, характеризующемъ тайное подготовленіе къ мятежу, при явныхъ увѣреніяхъ въ любви и преданности законному правительству. Между возвратившимися въ Вильну выходцами изъ-за границы былъ нѣкто А. Ганусевичъ, который, пятнадцати лѣтъ отъ роду, бѣжалъ изъ гимназіи въ Парижъ, гдѣ и пробылъ девять лѣтъ. Для снисканія себѣ пропитанія, онъ изучалъ ремесло переплетчика. По возвращеніи своемъ на родину, онъ нашелъ въ Вильнѣ роднаго своего брата, который служилъ въ городскомъ театрѣ актеромъ; помощи отъ него, при скудости получаемаго содержанія, онъ, само собою разумѣется, получить не могъ, а жить бѣдняку было надо. Я познакомился съ нимъ и пригласилъ его къ себѣ въ домъ давать уроки французскаго языка, при чемъ далъ ему впередъ денегъ на уплату за полученные имъ изъ-за границы инструменты и разный матеріалъ для переплета книгъ. Онъ былъ очень добрый малый и веселаго характера человѣкъ; ходилъ онъ ко мнѣ очень часто и разсказывалъ про свое житье-бытье въ Парижѣ, гдѣ пришлось ему порядкомъ помыкать горя. Однажды, сидя съ нимъ вдвоемъ за чаемъ и разговорившись про веселую жизнь въ Вильнѣ и видимо упрочившуюся дружбу поляковъ къ русскимъ, какъ мнѣ тогда казалось, я сказалъ ему:

— Вотъ что значитъ благость и милосердіе нашего добраго государя. Прошло немного времени, а мы видимъ уже сближеніе русскихъ съ поляками, теперь польскій вопросъ можно считать поконченнымъ...

Послѣднія слова мои подбросили его какъ-бы на воздухъ.

— Напрасно вы такъ думаете, — вскричалъ онъ, вскочивши со стула, — польскій вопросъ не только еще не конченъ, но и не начинался...

Признаюсь откровенно, этотъ отвѣтъ, произнесенный съ порывомъ полнаго убѣжденія, поразилъ меня, но понять смыслъ его я никакъ не могъ въ то время. Только слѣдственныя дѣла 1863 — 1864 годовъ открыли множество фактовъ, которыми участіе въ мятежѣ большей части возвращенныхъ по манифесту 1856 года изъ-за границы было доказано положительно. Выходцы, вернувшіеся изъ Франціи, были, такъ сказать, авангардомъ польской справы, которая въ 1860 году стала явно кричать по Европѣ о необходимости возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года! Оказалось также, что еще въ 1857 году, въ Вильнѣ существовало отдѣленіе революціоннаго комитета, членъ котораго нѣкто Абихтъ, укравши на почтѣ нѣсколько тысячъ рублей, неизвѣстно куда скрылся. Во время мятежа 1863 года, онъ былъ пойманъ и казненъ въ Варшавѣ, какъ принимавшій самое дѣятельное въ немъ участіе.

Весною 1860 года, В. И. Назимовъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ по просьбѣ его, онъ осчастливленъ былъ обѣщаніемъ государя императора посѣтить Вильну въ началѣ осени. Возвратясь изъ поѣздки, генералъ-губернаторъ объявилъ польскому обществу объ ожидавшемъ его счастіи видѣть на балу обожаемаго монарха, но, къ его удивленію, онъ не только не встрѣтилъ въ полякахъ прежняго сочувствія, а напротивъ, ему было даже прямо замѣчено, что ожидаемая крестьянская реформа ставитъ польское дворянство въ критическое положеніе, которое не позволяетъ имъ дѣлать излишніе расходы на пріемъ... По увѣреніямъ нѣкоторыхъ предводителей дворямства, что все обойдется благополучно, генералъ-губернаторъ не обратилъ сначала на заявленіе дворянъ никакого вниманія; но возбудительныя статьи противу Россіи заграничной прессы, недовольные толки ополяченныхъ дворянъ, разъѣзды ихъ по деревнямъ и за границу изъ Вильны—сильно озабочивали добрѣйшаго В. И. Назимова. Между тѣмъ губернское начальство готовилось къ пріему; князь Огинскій, въ домѣ котораго былъ устроенъ первый пріемъ государя, строилъ на свой счетъ особую залу для принятія его величества; но подпольная интрига не дремала. По городу стали носиться тревожные слухи на счетъ прочности залы; припоминалась катастрофа, случившаяся въ Закретскомъ замкѣ предъ пріѣздомъ Александра I въ 1812 году. Поляки относились къ пріѣзду государя несочувственно, и при всѣхъ усиліяхъ на иллюминацію города вмѣсто прежнихъ пятнадцати тысячъ собрано было только 2.500 руб.

Предъ предположеннымъ посѣщеніемъ государя, судя по совершившемуся разъѣзду дворянства, изъ края за границу, Вильна осталась бы почти пустою. Мѣстныя власти окончательно теряли головы, да и было отъ чего,—до высочайшаго пріѣзда оставалось не болѣе 6—7 недѣль. Находясь въ такомъ критическомъ положеніи и видя непріязненныя

выходки польскаго высшаго общества, генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ наконецъ написать объ этомъ въ Петербургъ для доклада государю и получилъ отвѣтъ, что, проѣздомъ въ Варшаву, его величество будетъ въ концѣ сентября смотрѣть въ Вильнѣ войска, а на балу у дворянства, не желая его разорять, не будетъ.

Когда положеніе дѣла разъяснилось такимъ образомъ, виленское начальство торопливо принялось за приготовленія къ высочайшему пріему. По составленнымъ на иллюминацію чертежамъ для освѣщенія четырехъ мѣстъ города Вильны: Дворцовой площади, Замковой горы, Каѳедральной площади и зданія городскаго театра, исчислено было до 15 тысячъ руб.; затѣмъ въ общемъ засѣданіи архитекторовъ, городскаго головы, старшаго полиціймейстера и депутатовъ отъ сословій, подъ предсѣдательствомъ губернатора Похвиснева, цыфра расходовъ была сокращена до восьми тысячъ рублей; денегъ же на лицо было только 2.500 руб. Что дѣлать, на что рѣшиться, никто не зналъ. Бывши случайно очевидцемъ доклада губернатора В. И. Назимову, по поводу состоявшагося о высочайшемъ пріемѣ засѣданія и видя затруднительность положенія обоихъ представителей русской власти въ русскомъ краѣ, я попросилъ для просмотра всѣ чертежи и смѣты, обѣщая начальству переговорить съ купцами и дать на другой день рѣшительный отвѣтъ Похвисневу, которому генералъ-губернаторъ поручилъ вести все дѣло. Само собой разумѣется—отказа мнѣ въ томъ не послѣдовало, тѣмъ болѣе, что оба они знали любовь мою къ пиротехникѣ и иллюминаціи. Просмотрѣвъ чертежи и измѣривши мѣстность въ натурѣ, я пришелъ къ полному убѣжденію, что при соблюденіи экономіи въ работахъ, которыя я предполагалъ произвести своими домашними силами, 2.500 руб. будетъ достаточно на все. Мысль, что поляки дерзаютъ поступать такъ гнусно, противу того, кто, въ безграничной любви своей, излилъ на нихъ столько щедротъ, возмущала меня сильно и придала мнѣ еще болѣе энергіи въ этомъ дѣлѣ. Разсказавъ на другой день губернатору свои предположенія, я объявилъ ему, что берусь за 2.500 руб. освѣщать Вильну по даннымъ рисункамъ, во время двухдневнаго пребыванія государя въ городѣ, съ тѣмъ однако же, чтобы мнѣ, въ случаѣ нужды, разрѣшено было на тѣ же деньги съѣздить за границу для необходимыхъ закупокъ и чтобы онѣ выданы были мнѣ въ полное мое распоряженіе. По докладу губернаторомъ моихъ предложеній В. И. Назимовъ далъ мнѣ carte blanche.

Не теряя затѣмъ времени, я тотчасъ же вручилъ купчихѣ Страшунской задатокъ на поставку къ опредѣленному сроку всего количества сала, нужнаго, по моему разсчету, для иллюминаціи, при чемъ заключилъ съ нею на это письменное условіе,—предосторожность, какъ оказалось, не лишняя. Когда узнали жиды, что работы по иллюминаціи

поручены мнѣ, они тотчасъ же возвысили цѣну на простые шкалики съ 15 руб. до 50 р. за тысячу, сало тоже поднялось въ цѣнѣ. Въ виду подобной стачки и желая проучить еврейскую хищность, я рѣшился ѣхать въ Берлинъ за цвѣтными шкаликами; тутъ я имѣлъ двѣ цѣли: во-первыхъ, купить хоть нѣкоторую часть необходимаго для меня стекла изъ остатковъ отъ бывшей тогда въ Берлинѣ иллюминаціи въ честь наслѣднаго принца и, во-вторыхъ, сдѣланною покупкою, размѣръ которой оставался для всѣхъ тайною, сбить цѣну торговцамъ шкаликами. Полный успѣхъ оправдалъ мои соображеніи. Въ Берлинѣ я сдѣлалъ заказъ на четыре тысячи цвѣтныхъ шкаликовъ, съ обязательствомъ доставить ихъ черезъ четыре недѣли въ Вильну и, кромѣ того, накупилъ тамъ множество разнородныхъ шкаликовъ, оставшихся отъ иллюминаціи по весьма дешевой цѣнѣ. Изъ Берлина проѣхалъ я въ Варшаву, осмотрѣлъ въ Лазенкахъ приготовляющуюся къ пріѣзду государя иллюминацію и, возвратясь домой съ новыми свѣдѣніями по этой части, распустилъ по городу слухъ, что не нуждаюсь въ простыхъ шкаликахъ по случаю сдѣланной за границею покупки цвѣтныхъ; затѣмъ приступилъ немедленно къ постройкѣ деревянныхъ приспособленій для иллюминаціи. Во время двухнедѣльнаго моего путешествія за границу, жена моя собственноручно склеила 1.200 цвѣтныхъ фонарей изъ французской цвѣтной бумаги семи радужныхъ цвѣтовъ и тридцать штукъ шарообразныхъ въ полтора аршина въ діаметрѣ, бѣлаго, синяго и краснаго цвѣтовъ, предназначавшихся мною для освѣщенія рѣшетки сада на Каѳедральной площади; подъ ея же наблюденіемъ, домашними средствами приготовлено было тридцать тысячъ свѣтиленъ и столько же штукъ проволоки для вставки шкаликовъ на мѣстахъ; кромѣ того сшиты были всѣ флаги. Дѣло остановилось только за стекломъ, то-есть за самымъ главнымъ, между тѣмъ евреи, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, хотя каждый день приходили ко мнѣ на дачу, на Поплавахъ, близъ Маркуцъ, гдѣ я жилъ каждое лѣто, и предлагали мнѣ купить у нихъ шкалики, но не спускали ни одной копѣйки—съ объявленной ими по пятидесяти рублей за тысячу цѣны; они были увѣрены, что я не обойдусь безъ нихъ, что въ дѣйствительности и было бы безъ моей настойчивости, но, къ счастью моему, жиды не сумѣли выдержать характеръ. Въ августѣ мѣсяцѣ, когда я получилъ четыре большихъ ящика съ заграничнымъ цвѣтнымъ стекломъ изъ Ковны, жиды стали сговорчивѣй и сбросили по десяти рублей съ тысячи безъ всякаго даже съ моей стороны предложенія. Зная жидовскую натуру, я не входилъ съ ними ни въ какіе переговоры и объявилъ имъ, категорически, что въ дрянныхъ ихъ шкаликахъ не нуждаюсь. Жидки попризадумались; наконецъ, когда объявлено было, что государь императоръ 1-го октября прибудетъ въ Вильну и когда декорація передъ дворцомъ наполнилась цвѣтными

шкаликами и украсилась флагами, жидовскія сердца дрогнули, имъ дѣйствительно показалось, что простые шкалики, которые они заготовили во множествѣ, мнѣ не нужны, и вотъ 28-го сентября утромъ цѣлая вереница сыновъ и дщерей Израиля явилась ко мнѣ на дачу и застала меня за наливкою сала въ запасные цвѣтные шкалики. Начались упрашиванія купить у нихъ стекло, и наконецъ послѣ долгихъ моленій и просьбъ они уступили мнѣ съ первоначальной цѣны болѣе 350 процентовъ! Иллюминація удалась какъ нельзя лучше; вмѣсто предложенныхъ четырехъ пунктовъ, было освѣщено семь и вмѣсто двухъ вечеровъ иллюминація горѣла три. По окончаніи торжества, я представилъ подробный отчетъ губернатору и сто рублей, оставшихся отъ расходовъ денегъ; все цвѣтное стекло сдалъ смотрителю дворца; четыре тысячи налитыхъ саломъ шкаликовъ передалъ въ городскую думу со всѣми принадлежностями къ иллюминаціи. Слава Богу! Все кончилось благополучно, а было чего опасаться... О чемъ и поведу разсказъ.

Лѣто 1860 года прошло довольно сносно, хотя въ воздухѣ начинало попахивать политическою гарью. Толпы гимназистовъ постоянно собирались на Бекешовой горѣ, одной изъ трехъ прилегающихъ къ бывшему ботаническому, а нынѣ генералъ-губернаторскому саду. Сборища эти не предвѣщали ничего добраго, что̀ и подтвердилось впослѣдствіи [1]). На письменное приказаніе генералъ-губернатора, воспрещавшее ходить на гору и прибитое на садовыхъ воротахъ, не обращалось никакого вниманія, даже садовый сторожъ, хотѣвшій однажды не пропустить гимназистовъ, былъ сброшенъ ими съ моста и чуть не поплатился жизнію за исполненіе своихъ обязанностей. Когда деревянные помосты для иллюминаціи передъ дворцомъ были уже устроены, я на другой день утромъ замѣтилъ, что вся прибитая проволока для шкаликовъ, аршина на два отъ земли, была оторвана и неизвѣстно куда исчезла. Чьи это были продѣлки, я терялся въ догадкахъ и сталъ положительно въ тупикъ. Подозрѣвать рабочихъ я не могъ, такъ какъ у меня были наняты старовѣры. Дѣлать было нечего, я велѣлъ возобновить проволоку и поставилъ на ночь караульныхъ. Доискиваясь затѣмъ причины исчезновенія проволоки и видя описанное выше движеніе между гимназистами, которые постоянно вертѣлись около иллюминаціонныхъ пунктовъ, я былъ почти увѣренъ, что злостная шалость была дѣломъ ихъ рукъ, а потому я отправился къ директору гимназіи Фрейману съ просьбою: воспретить ученикамъ подходить близко къ иллюминаціоннымъ декораціямъ, а тѣмъ болѣе портить ихъ, такъ какъ приглашенія моего—не мѣшать работать—они не слушаютъ.

— Помилуйте, какъ можно допустить, чтобы благовоспитанныя дѣти

---

[1]) Коноводы мятежа собирали туда молодежь и затѣмъ, подъ открытымъ небомъ, безопасно вели свои мятежническія бесѣды.

стали дѣлать подобныя вещи,—отвѣтилъ мнѣ съ видимымъ неудовольствіемъ директоръ.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—сказалъ я ему, откланиваясь;—только нужнымъ считаю васъ предварить, что, если гимназисты снова не послушаются моего распоряженія, я прикажу отгонять ихъ прочь отъ декорацій наравнѣ съ невоспитанными мальчишками.

Подозрѣніе мое оправдалось на другой же день. Возвращаясь на извозчикѣ, въ часу пятомъ по полудни, изъ крѣпости съ Замковой горы, гдѣ я осматривалъ строившуюся декорацію древняго Литовскаго за̀мка, я замѣтилъ, поровнявшись съ римско-католическимъ каѳедральнымъ костеломъ, двухъ гимназистовъ, отгибавшихъ проволоку на пьедесталѣ поставленномъ на площади декораціоннаго обелиска, въ восемь саженъ вышины. Соскочить съ дрожекъ и обернуть форменную фуражку козырькомъ назадъ, чтобы по кокардѣ не быть издали замѣченнымъ шалунами—было для меня дѣломъ одной секунды. Приказавъ извозчику ѣхать поскорѣе на перерѣзъ линіи могущаго быть бѣгства гимназистовъ и не обращая, повидимому, никакого вниманія на интересовавшій меня обелискъ, быстрыми шагами пошелъ я по діагонами площади отъ колокольни къ Замковой улицѣ и, подойдя затѣмъ на разстояніе четырехъ-пяти саженъ, бросился со всѣхъ ногъ къ обелиску. Одинъ гимназистъ успѣлъ бѣжать; стоявшаго же ко мнѣ спиною я схватилъ за руку, которою онъ отгибалъ еще проволоку.

— Что это вы тутъ дѣлаете?—спросилъ я шалуна.

— Поправляю проволоку,—отвѣтилъ онъ бойко.

— Да развѣ это ваше дѣло? Вы видите, она нарочно пригнута и забѣлена, чтобы дать понять каждому, что отгибать ее не слѣдуетъ. А куда же дѣвалась отогнутая проволока,—спросилъ я пойманнаго, замѣтивъ, что болѣе десятка саженъ ея было уже оторвано отъ декораціи, между тѣмъ на землѣ, кругомъ постройки, не было видно ни одной.

— Почему же я знаю, у меня ихъ нѣтъ, можете обыскать,—отвѣчалъ съ наглою усмѣшкою мальчишка, порываясь удалиться.

— Нѣтъ, позвольте, мой милый, такъ скоро отъ меня вы не отдѣлаетесь,—замѣтилъ я ему, поправляя свою фуражку;—я васъ отведу къ директору и попрошу наказать построже за подобныя шалости, чтобъ и другимъ не было повадно...

— Ужъ не думаете ли вы, что меня высѣкутъ... Польскихъ дворянъ не сѣкутъ,—отвѣтилъ мнѣ малый.

Кровь у меня бросилась въ голову отъ подобнаго нахальства; едва успѣлъ онъ выговорить эту фразу, какъ сильнѣе схвативши его за руку, я потащилъ его къ директору и видно до того ее крѣпко сжалъ, что дерзкій мальчишка упалъ на колѣни, и шляхетская голова слезно попросила пардону. Мнѣ стало его жаль.

— Убирайтесь же прочь отсюда, да скажите всѣмъ вашимъ товарищамъ, что если они осмѣлятся близко подходить къ иллюминаціоннымъ декораціямъ, то имъ будетъ плохо.

Къ сожалѣнію, дѣло этимъ не кончилось.

Въ день пріѣзда государя императора въ Вильну, 1-го октября, пришелъ я, во второмъ часу дня, съ рабочими на Каѳедральную площадь, чтобы развѣсить по забору фонарную гирлянду. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что на всемъ протяженіи забора отъ римско-католической каѳедры до Замковой горы не осталось ни одного изъ трехъ тысячъ гвоздей, вбитыхъ мною наканунѣ, по рисунку, въ рѣшетку забора! Всѣ до единаго гвозди были выдернуты или поломаны. Однако медлить было нечего; купивши гвозди, я снова принялся за прибивку цвѣтныхъ фонарей; послѣдній былъ повѣшенъ тогда, когда поданъ былъ сигналъ къ иллюминаціи города. Вотъ какія дѣла совершались уже въ 1860 году, а мы все еще съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрили въ польскую къ намъ любовь и дружбу.

Къ концу года общественная жизнь въ Вильнѣ, хотя и текла, повидимому, прежнимъ веселымъ и беззаботнымъ порядкомъ, но политическій горизонтъ, мало, впрочемъ, насъ интересовавшій, все болѣе и болѣе омрачался. Въ разныхъ статьяхъ заграничной прессы проповѣдывалась открытая вражда къ Россіи и высказывались требованія возстановленія Польши ни болѣе ни менѣе какъ въ предѣлахъ 1772 года. Разныя революціонныя брошюры и патріотическіе стихи во множествѣ появились въ рукахъ польской молодежи, въ высшихъ и среднихъ кругахъ польскаго общества велись постоянно политическаго свойства разговоры о Польшѣ, о ея быломъ, о незаконности раздѣла... Короче, подготовлялась почва для будущихъ дѣйствій. Въ одной Вильнѣ продано болѣе двухъ тысячъ экземпляровъ польской патріотической мазурки: «Еще польска не сгинела», въ переводѣ текста на нѣмецкій языкъ; на заглавномъ листѣ пьесы изображены были съ крестообразно положенными древками два знамя, на которыхъ, по пунцовому полю, красовались французскій и польскій одноглавые орлы. На городскомъ театрѣ шли патріотическія польскія пьесы; я самъ усердно хлопоталъ объ изящной постановкѣ «Варвара Радзивиллъ», поэта Одынца, имѣвшей громадный успѣхъ. Польская цѣчь царила всюду; даже русскіе говорили по-польски; польскій языкъ введенъ былъ въ число предметовъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, а польскіе чиновники, имя которымъ легіонъ, вводили польскій языкъ даже и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ крестьянами; на польскихъ сочиненіяхъ, во множествѣ печатавшихся въ Вильнѣ, въ цензурномъ комитетѣ русскій цензоръ писалъ и подписывалъ разрѣшеніе по-польски. Дѣло польское велось такъ искусно, что всѣ русскіе попали, не замѣчая того, въ панургово стадо. Невольм-

но краснѣешь, вспоминая столь недавнее прошлое. Какъ политическая пропаганда, прикрытая только для видимости нравственною цѣлью, быстро распространялась по краю проповѣдь ксендзовъ о воздержаніи отъ крѣпкихъ напитковъ подъ названіемъ «Общества трезвости», сдѣлавшая громадные успѣхи, особенно въ Ковенской губерніи между жмудинами.

Вотъ наглядное тому доказательство. 4-го декабря 1858 года пріѣхалъ я въ г. Шавли Ковенской губерніи для производства, по порученію генералъ-губернатора, слѣдствія по жалобамъ вольныхъ людей имѣнія Куршаны на помѣщиковъ Гружевскихъ; изъ разговора съ исправникомъ Шабловскимъ, по поводу интересовавшаго всѣхъ «Общества трезвости», я узналъ отъ него, что питейный доходъ въ казну въ теченіе съ небольшимъ пяти мѣсяцевъ со времени начала пропаганды, съ тридцати пяти тысячъ и нѣсколькихъ сотъ рублей въ мѣсяцъ упалъ до пяти сотъ съ небольшимъ рублей. Не даромъ епископъ Волончевскій, при моемъ свиданіи съ нимъ, въ 1863 году выразилъ мнѣ, что, въ виду нравственной цѣли, онъ могъ метать громъ и молнію. Впрочемъ, въ дѣло употреблялась не одна только проповѣдь, а даже и истязанія. Мнѣ разсказали одинъ случай, бывшій тамъ незадолго до моего пріѣзда, что одна шестнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка, выпившая на свадьбѣ родной сестры за ея здоровье рюмку наливки, была высѣчена по распоряженію ксендза, передъ костеломъ, при чемъ выходившій изъ костела народъ переступалъ черезъ нее и плевалъ на нее. Патеръ вѣроятно дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на основаніи грамоты Ягайлы, разрѣшавшей сѣчь тѣхъ, которые упорствовали въ совращеніи въ католицизмъ [1]).

На подобныя выходки ксендзовъ, въ виду нравственной цѣли, мѣстная администрація, состоявшая исключительно изъ поляковъ, не обращала никакого вниманія, или впослѣдствіи, въ виду ожидавшейся крестьянской реформы, запугивала главное начальство при всякомъ рѣзко выдающемся случаѣ самоуправія, могущемъ возникнуть крестьянскимъ бунтомъ. Дѣло ведено было такъ искусно, что ковенскій губернаторъ Кригеръ, почти наканунѣ вооруженнаго мятежа, подписывалъ бланки, дабы не задерживать выдачу ружей помѣщикамъ, изъ опасенія,

---

[1]) Изъ грамоты Ягайлы, хранящейся въ виленскомъ капитулѣ: „А если противъ сего нашего запрещенія кто-либо изъ русиновъ обоего пола соединится бракомъ съ католикомъ или католичкою, то сочетавшіеся не разлучаются, но тотъ изъ супруговъ, который принадлежитъ къ другой сектѣ, долженъ принять вѣру католическую и дѣйствительно признать покорность католической церкви, къ чему слѣдуетъ принуждать ихъ даже тѣлеснымъ наказаніемъ“.

будто бы, ожидаемаго, нападенія на нихъ крестьянъ, послѣ окончанія обязательной повинности 19-го февраля 1863 года.

Какъ тайное подготовленіе къ мятежу было самовольное открытіе въ Вильнѣ общества «St. Vincente de Paul».

Въ концѣ 1859 года возвратилась въ Вильну изъ Парижа виленская помѣщица Матильда Бучинская, имѣвшая въ Вильнѣ большой каменный домъ, напротивъ костела Малыхъ Бусачекъ [1]).

Въ виду того обстоятельства, что А. А. Назимова, при постоянной заботливости своей о судьбѣ бѣдныхъ, устроила еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1857 года Острobрамскую школу рукодѣлія во имя св. Маріи, въ которой на средства частной благотворительности 52 бѣдныя дѣвушки, на полномъ содержаніи, и 18 приходящихъ учениць могли учиться разнымъ рукодѣліямъ, хитрая полька, зная недостаточность средствъ этого заведенія, распространила между дамами высшаго польскаго общества мысль объ учрежденіи въ Вильнѣ общества для вспомоществованія бѣднымъ на подобіе парижскаго общества «St. Vincent de Paul».

Мысль эта встрѣчена была весьма сочувственно не только между поляками, но и между русскими, отъ которыхъ политическая цѣль общества, само собою разумѣется, была скрыта; сами Назимовы были заинтересованы этимъ вопросомъ. Принявъ на себя дѣятельную роль въ учрежденіи этого общества, Бучинская обратилась съ просьбою къ римско-католическому епископу Красинскому и представила чрезъ него уставъ общества на утвержденіе начальства. Не получая разрѣшенія, Бучинская, приготовившая уже все необходимое для открытія дѣйствій общества, обратилась сама съ просьбою къ римско-католическому митрополиту Жилинскому въ Петербургъ, въ которой ходатайствовала о скорѣйшемъ утвержденіи выработаннаго ею устава; когда же митрополитъ Жилинскій отвѣтилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ по закону разрѣшить существованіе подобнаго общества, Бучинская съ навербованными ею членами комитета,—въ которомъ и меня пригласили занять мѣсто секретаря, но получили отказъ,—рѣшилась самовольно открыть дѣйствія сказаннаго общества; при чемъ принятъ былъ въ руководство уставъ общества св. Викентія, напечатанный въ Варшавѣ. Въ открытіи общества не только принялъ самое дѣятельное участіе виленскій римско-католическій епископъ Красинскій, но впослѣдствіи жертвовалъ на него деньгами, участвовалъ въ собраніяхъ общества и въ январѣ 1862 года простилъ всѣмъ его членамъ грѣхи.

Во время открытія общества генералъ-губернаторъ находился въ

---

[1]) Костелъ разобранъ въ 1878 году, а на мѣстѣ костельныхъ строеній открытъ скверъ и устроены торговые лари для продажи разныхъ съѣстныхъ припасовъ, зелени и пр.

Петербургѣ; когда Бучинская пріѣхала къ А. А. Назимовой съ извѣстіемъ объ открытіи общества, между ними произошелъ довольно оживленный разговоръ, по поводу высказаннаго самоволія; это случилось во время вечерней репетиціи домашняго спектакля, который готовился сюрпризомъ къ пріѣзду В. И. Назимова. Болѣе часу продолжались между ними оживленные разговоры по этому предмету, и, какъ водится, хитрая полька сумѣла успокоить высказанное ей въ разговорѣ съ добрѣйшею А. А. Назимовою неудовольствіе, къ усиленію котораго отчасти служило и то обстоятельство, что въ виду дѣйствій общества, учрежденная А. А. Назимовой Маріинская школа рукодѣлія неминуемо должна была пострадать отъ уменьшенія средствъ. Скоро обнаружилась неблагонамѣренная цѣль этого общества [1]), которое поддерживало возникшіе въ краѣ безпорядки, и 14-го апрѣля 1861 года графомъ Муравьевымъ сдѣлано было распоряженіе какъ о закрытіи самаго общества, такъ и о высылкѣ его предсѣдательницы Бучинской изъ Вильны на жительство въ имѣніе. Какъ оказалось, распоряженіе это не повело ни къ чему; общество продолжало свои дѣйствія и, признавая отсутствующую Бучинскую по-прежнему своею предсѣдательницею, передало распорядительную власть на совѣщаніяхъ ксендзу Шилейкѣ. Къ этому же времени относится расширеніе благотворительнаго заведенія дворянки Домбровской, за Зеленымъ мостомъ, въ которомъ призрѣвались бѣдные люди обоего пола. Въ 1863 году было также обнаружено, что оттуда роздано было до тридцати тысячъ кружекъ для денежныхъ сборовъ по цѣлому краю; деньги же шли на политику, хотя и собирались подъ благовиднымъ предлогомъ на пособіе бѣднымъ.

Кстати здѣсь будетъ разсказать еще про одинъ случай, наглядно характеризующій тайную подготовку къ вооруженному мятежу.

Въ первой половинѣ 1859 года, въ зданіи № 14 виленской цитадели занятомъ политическою тюрьмою, содержался подъ арестомъ нѣкто Михайловскій, дворянинъ Ковенской губерніи, родственникъ очень богатаго помѣщика Помарнацкаго, котораго красавица жена была очень дружна съ А. А. Назимовой [2]). Этотъ Михайловскій арендовалъ у Помарнацкаго одинъ изъ принадлежащихъ ему въ Ковенской губерніи фольварковъ. Въ этомъ фольваркѣ, по полученнымъ въ генералъ-губернаторскомъ управленіи свѣдѣніямъ, Михайловскій скрывалъ оружіе и порохъ; сначала не хотѣли было вѣрить въ этотъ фактъ,—такъ казался онъ невѣроятенъ, въ то время начальству, но такъ какъ свѣдѣнія были весьма положительныя и шли отъ случайнаго очевидца сокрытія военной кон-

---

[1]) При графѣ М. Н. Муравьевѣ общество это было упразднено.

[2]) Мнѣ всегда казалось, что дружба эта была неискреннею и имѣла основаніемъ желаніе выгородить изъ бѣды своего несчастнаго родича.

трабанды, то, по распоряженію генералъ-губернатора, у Михайловскаго былъ сдѣланъ обыскъ, во время котораго у него отобрали множество книгъ и брошюръ на польскомъ языкѣ самаго революціоннаго содержанія; вмѣстѣ съ тѣмъ найдено было въ одномъ подвалѣ тридцать четыре штуцера, упакованныхъ въ ящики, и восемнадцать пудовъ пороху; входъ въ подвалъ былъ скрытъ и наглухо задѣланъ кирпичемъ. По опросу оказалось, что для тайнаго привоза и сокрытія военной контрабанды Михайловскимъ приняты были всѣ надлежащія мѣры предосторожности. На вопросъ слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммиссіи, въ которой я состоялъ постояннымъ членомъ, о цѣли покупки и храненія пороха и оружія, ясневельможный панъ отвѣтилъ: «что, любя страстно охоту, онъ купилъ все у него найденное отъ неизвѣстнаго ему жида за весьма ничтожную цѣну, которая его и соблазнила; равнымъ образомъ, изучая литературу, онъ купилъ у неизвѣстнаго букиниста-еврея и найденныя при обыскѣ книги».

На подобныя объясненія у насъ въ то время смотрѣли очень легко. По очевидно наглымъ отвѣтамъ поляка шла нѣсколько мѣсяцевъ слѣдственная переписка, ничего не разъяснившая; назначенъ былъ судъ, который и приговорилъ Михайловскаго къ выдержанію подъ арестомъ въ теченіе одного года, съ зачетомъ ему въ таковой и времени содержанія во время слѣдствія.

Этотъ эпизодъ какъ нельзя лучше характеризуетъ то направленіе, какое заблаговременно принимали польскіе паны въ виду задуманнаго мятежа, о которомъ, какъ увидимъ ниже, намъ, русскимъ, и во снѣ не снилось, не смотря на всѣ приготовленія къ нему, происходившія передъ нашими глазами. О выходкахъ же ихъ по крестьянской реформѣ нелишнимъ будетъ здѣсь сказать нѣсколько словъ, такъ какъ они разъяснятъ наглядно ту подпольную тактику польской справы, къ которой она имѣетъ обыкновеніе прибѣгать постоянно, чтобы достичь предположенной цѣли. Страннымъ кажется только то, что, несмотря на одинаковость пріемовъ, она остается для большинства постоянно неуловимою.

Лѣтомъ 1856 года, въ Москвѣ, передъ коронаціею государя императора, генералъ-губернаторъ Назимовъ, какъ мы уже говорили, имѣлъ счастье представить его величеству всеподданнѣйшую записку, въ которой онъ доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія заявленіе губернскихъ предводителей дворянства ввѣреннаго ему края о готовности тамошняго дворянства идти рука объ руку съ правительствомъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, о чемъ еще тогда говорилось шопотомъ. Въ 1858 году, польское дворянство, за выраженное имъ желаніе, осчастливлено было въ Вильнѣ всемилостивѣйшею благодарностію его величества; но, въ то самое время, когда подготовительная работа была въ полномъ ходу и повсюду собирались необходимыя данныя для осуществленія

великой реформы, паны, пользуясь свѣдѣніями, которыя для многихъ, непосвященныхъ въ дѣло, были еще тайною, принялись за практическое устраненіе причинъ, имѣвшихъ возможность вредно подѣйствовать на ожидавшееся уменьшеніе матеріальнаго ихъ благосостоянія по случаю предстоявшаго освобожденія крестьянъ. Примѣровъ можно было бы найти множество въ архивныхъ дѣлахъ главной и мѣстной администраціи края, такъ что можно было бы написать объ этомъ цѣлые томы, но въ настоящее время это не поведетъ ни къ чему; выставлю здѣсь нѣкоторые случаи изъ моей собственной служебной практики, которые достаточно прольютъ свѣтъ на суть дѣла.

Въ былое время, когда экономская дисциплина (плеть), подкрѣпленная безконтрольною панскою властью, свободно и безпощадно разгуливала по холопской спинѣ бѣдняка-крестьянина, не щадя иногда ни пола, ни возраста, лишь изрѣдка поднимались одинокіе голоса утѣсненныхъ пахарей съ жалобою къ правительству на ихъ невыносимое положеніе; но эти жалобы большею частью вели за собою тяжелыя для жалобщиковъ послѣдствія: жестокое наказаніе или ссылка были ихъ удѣломъ. Какова же была ихъ жизнь, если и эта будущность не страшила ихъ и казалась имъ во сто разъ лучше тогдашняго ихъ положенія? Но, вотъ занималась заря новой жизни, въ числѣ другихъ, и для бѣднаго литовца и бѣлорусса-крестьянина. По мощному слову царя Освободителя, закипѣла работа, обѣщавшая своимъ конечнымъ результатомъ живительную свободу тому, кто не зналъ ни будней, ни праздника за тяжелою панщизною.

Еще въ 1857 году правительство сдѣлало нѣкоторыя секретныя распоряженія, направленныя къ ограниченію произвола помѣщичьей власти, но эти распоряженія не помѣшали панамъ, хотя и съ большею противу прежняго осмотрительностью, творить свое дѣло. Зато, съ другой стороны, чуткое сердце простолюдина предугадывало оказанное ему покровительство,—начались протесты, и съ 1858 года жалобы на разныя притѣсненія помѣщичьей власти стали появляться все чаще и чаще. Изъ выставленныхъ примѣровъ пусть судитъ читатель о томъ, что выстрадалъ здѣшній крестьянинъ въ тяжелое прошлое время.

Въ концѣ іюля 1858 года, въ одинъ изъ тѣхъ знойныхъ дней, когда истома виситъ въ раскаленномъ воздухѣ, на тряской перекладной, запыленный съ ногъ до головы, подкатилъ я къ крыльцу господскаго дома въ имѣніи Владыкишкахъ, богатаго польскаго помѣщика Ромера. Смѣнивши въ отведенной мнѣ комнатѣ пыльный дорожный костюмъ на форменный фракъ и отрекомендовавшись радушно принявшимъ меня хозяевамъ, я тотчасъ же отправился собирать свѣдѣнія по поданнымъ двумя крестьянами генералъ-губернатору жалобамъ на смѣщеніе ихъ помѣщикомъ съ усадебъ. Обѣ жалобы подтвердились. Одинъ изъ

крестьянъ, послѣ 25-лѣтняго хозяйствованія, былъ переведенъ съ отличной усадьбы на другой участокъ въ совершенно ветхую избу, на которомъ, какъ оказалось, по осмотру, не было никакихъ хозяйственныхъ построекъ. Причину смѣщенія владѣлецъ пояснилъ лѣнью и нерадѣніемъ послѣ-то двадцатипятилѣтняго имъ хозяйствованія! Другой крестьянинъ былъ смѣщенъ съ усадьбы по случаю отчужденія части земли подъ линію желѣзной дороги. При опросѣ крестьянъ, съ глазу на глазъ, всѣ они одобрили поведеніе жалобщиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единогласно жаловались на тягость барщины, и дѣйствительно было, на что пожаловаться.

По инвентарю имѣнія, крестьяне обязаны были отбывать со двора по шести дней барщины въ недѣлю, конной и пѣшей поровну, кромѣ того облагались они разными приношеніями въ пользу помѣщика: яйцами, грибами, орѣхами, ягодами, пряжею, а также разными работами во дворѣ; отбывали по очереди ночной караулъ, при разныхъ занятіяхъ во дворѣ, вопреки инвентаря; должны были ежегодно сдѣлать нѣсколько дорогъ съ подводами и, наконецъ, отбыть двору шарварковую (строительную) повинность; кромѣ того помѣщикъ могъ назначать гвалты или общій поголовный сгонъ крестьянъ для спѣшныхъ работъ. Внушивши крестьянамъ строгое повиновеніе владѣльцу и объявивши имъ, что жалобщики должны ожидать рѣшенія поданныхъ жалобъ изъ Вильны отъ генералъ-губернатора, я обѣщалъ имъ замолвить о нихъ слово и предъ помѣщикомъ.

Напутствуемый разными ихъ благопожеланіями, я отправился въ домъ, гдѣ ожидалъ меня роскошный ужинъ въ семьѣ помѣщика. Домъ былъ отлично устроенъ, и, судя по обстановкѣ, въ немъ жилось привольно. Въ одушевленномъ разговорѣ за стаканомъ стараго меду и пива, о которыхъ мы теперь не имѣемъ уже ни малѣйшаго понятія, я объяснилъ радушному хозяину тяжесть инвентарнаго положенія для его крестьянъ, тѣмъ еще большую, что въ сосѣднемъ имѣніи Жижморахъ, по инвентарю, отбывалось только четыре дня въ недѣлю барщины, и посовѣтовалъ ему, безъ вмѣшательства власти, удовлетворить справедливыя жалобы крестьянъ. Само собой разумѣется, мнѣ это было тотчасъ же обѣщано; при чемъ владѣлецъ добавилъ, что полное инвентарное положеніе примѣнялось только къ ослушникамъ. Такимъ образомъ крестьянинъ былъ въ полной кабалѣ у пана, по малѣйшей прихоти котораго и за малѣйшую оплошность труженикъ могъ быть поставленъ въ безвыходное положеніе. Стоило только потребовать работы по инвентарю, и онъ постоянно оказывался лѣнтяемъ или ослушникомъ. Такъ какъ данное мнѣ порученіе было окончено, то на другой день, воскресный, я поѣхалъ обратно въ Вильну и былъ крайне удивленъ, что крестьяне,

вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, занимались полевыми работами. Я замѣтилъ имъ это...

— Да что же намъ дѣлать, панычёкъ, случается по праздникамъ отбывать недоимку на панскихъ поляхъ, а сегодня хоть свое успѣемъ припрятать.

Если подобныя вещи встрѣчались у богатыхъ помѣщиковъ, слывшихъ довольно еще снисходительными, то что же бывало у крутыхъ? Невольно чувствуется холодъ при воспоминаніяхъ столь недавняго еще прошлаго, и усердная мольба несется къ престолу Того, Кто вдохнулъ въ доброе сердце царево великое безсмертное дѣло!

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ января мѣсяца 1861 года мнѣ дано было генералъ-губернаторомъ порученіе, въ составѣ особой коммиссіи, произвести слѣдствіе въ Виленскомъ уѣздѣ по жалобамъ крестьянъ помѣщика Даукши. Дѣло это тянулось очень долго; по неоднократнымъ крестьянскимъ жалобамъ было произведено два разслѣдованія, но жалобы не прекращались. Послѣднее производилось коммиссіею подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства Ивана Тышкевича. Во избѣжаніе нареканій крестьянъ въ потворствѣ помѣщику, коммиссія помѣстилась не у него въ домѣ, а въ сосѣднемъ помѣстьи уѣзднаго предводителя дворянства, съ которымъ мнѣ пришлось тутъ и познакомиться. Пріѣхавши на мѣсто часу въ двѣнадцатомъ утра, я засталъ графа упражняющимся въ стрѣльбѣ изъ двухствольнаго ружья пулями влетъ въ подбрасываемую ему камердинеромъ его небольшую дощечку. Посмотрѣвши на его ловкость, я отправился въ назначенную мнѣ комнату и занялся разсмотрѣніемъ обстоятельствъ дѣла, что̀ и продлилось до самаго обѣда. Жалобы крестьянъ заключались въ отнятіи у нихъ помѣщикомъ луговъ и земли, въ крайнемъ обремененіи ихъ барщиною и работами, вопреки инвентаря, отчего они пришли въ нищету и, наконецъ, жаловались на жестокое съ ними обращеніе не только владѣльца, но его эконома и ключницы. Въ пять часовъ по полудни двери въ мою комнату распахнулись, и парадный дворецкій именемъ графа пригласилъ меня къ обѣденному столу. Вышедши въ столовую, я нашелъ тамъ цѣлую коммиссію: штабъ-офицера корпуса жандармовъ Зигмонтовскаго, виленскаго уѣзднаго исправника Григорьева, уѣзднаго стряпчаго и мѣстнаго ксендза; письмоводитель предводителя дворянства, молодой человѣкъ, Мокржецкій, распоряжался угощеніемъ. Домъ въ имѣніи Сужанахъ былъ очень старый, не похожій на графское жилище, но столъ былъ отлично сервированъ.

— А гдѣ же графъ?—спросилъ я у дворецкаго послѣ привѣтствія своимъ товарищамъ.

— Графъ кушаетъ постоянно у себя,—отвѣчалъ тотъ.

И, дѣйствительно, въ это время послышался стукъ перемѣщаемыхъ тарелокъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Въ такомъ случаѣ и я буду обѣдать у себя, Владиміръ,—крикнулъ я своему человѣку,—съ намѣреніемъ быть услышаннымъ по сосѣдству. Купи мнѣ курицу въ корчмѣ и свари поскорѣе супъ!

Отдавши такое приказаніе, я вышелъ изъ столовой. Не прошло за этою сценою и двухъ минутъ, какъ явился въ мою комнату съ извиненіями гордый графъ.

— Извините меня, пожалуйста, что я обѣдаю отдѣльно... Болѣзнь моя тому причиною...

— Помилуйте, графъ, назадъ тому часовъ пять, вы цвѣли полнымъ здоровьемъ и въ легкомъ пальто стрѣляли изъ ружья на дворѣ, а по словамъ вашего дворецкаго обѣденная ваша болѣзнь повторяется ежедневно; потому извините меня—обѣдать у васъ не буду.

На столь категорическій отвѣтъ послышались новыя извиненія и приглашенія сіятельнаго графа, съ завѣреніемъ, что онъ будетъ вмѣстѣ обѣдать съ своими гостями. Урокъ былъ достаточно внушителенъ, и я уступилъ; во все время слѣдствія гордый графъ былъ крайне любезенъ съ своими служебными гостями. Вообще этотъ индивидуумъ, надѣленный умомъ, отличался напыщенностью и набожностью, простиравшеюся до ханжества: безъ своего каплана онъ не дѣлалъ никуда шагу.

На другой день утромъ, часовъ въ восемь, я былъ разбуженъ монотоннымъ голосомъ, раздававшимся по временамъ въ сосѣдней съ моею спальнею комнатѣ. Оказалось, что рядомъ была домашняя каплица, устроенная, какъ водится, безъ разрѣшенія правительства, въ которой богомольный графъ прислуживалъ своему фактотуму-ксендзу и повторялъ монотонно слово—аминь. На другой день моего пріѣзда случился новый курьезъ. Разбирая показанія допрошенныхъ коммиссіею лицъ и разныя постановленія по дѣлу, писанныя моею рукою и подписанныя мною, я замѣтилъ, что графъ помѣстилъ свою подпись выше моей. Сдѣлать это ему было очень удобно, такъ какъ, написавши фразу: «показаніе отбирали» и поставивъ двоеточіе, я подписывался по обыкновенію въ слѣдующей строкѣ. Воспользовавшись этимъ, графъ и помѣстилъ свою сіятельную фамилію послѣ двухъ точекъ надъ моею подписью, не объяснясь даже напередъ со мною. Такъ какъ предсѣдательство въ коммиссіи, на основаніи распоряженія генералъ-губернатора, принадлежало мнѣ, то всѣ отобранныя показанія и постановленія того дня я подписалъ уже въ строку. Выше меня подписаться не было никакой возможности. И вотъ вечеромъ того же дня послѣ окончанія засѣданія, является ко мнѣ письмоводитель графа Мокржецкій съ какимъ-то таинственнымъ видомъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я вошедшаго, подавая ему стулъ.

— Графъ очень оскорбленъ генералъ-губернаторомъ и желалъ бы знать тому причину.

— Я васъ не понимаю, объясните, пожалуйста, въ чемъ дѣло?!.

— Помилуйте, какъ же иначе... Вы командированы генералъ-губернаторомъ по представленію графа къ губернатору, а между тѣмъ вы предсѣдательствуете въ коммиссіи и подписываетесь выше графа!

Вотъ въ чемъ дѣло, подумалъ я, цѣль достигается.

— Прошу васъ передать вашему графу,—отвѣчалъ я посланному,— что генералъ-губернаторъ, давая мнѣ порученіе, не имѣлъ рѣшительно никакого намѣренія оскорбить его, если же онъ думаетъ, что я командированъ по его требованію, то ошибается вдвойнѣ.

— Нѣтъ, это точно такъ,—продолжалъ посланный,—графъ просилъ губернатора замѣстить въ коммиссіи исправника, занятаго по службѣ, кѣмъ-либо другимъ, а пріѣхали вы...

— Ну-съ, что же дальше?

— Значитъ, вы командированы на мѣсто исправника...

— Извините меня, графъ сильно ошибается, предполагая это. Онъ просилъ губернатора командировать своего чиновника на мѣсто исправника; губернаторъ, не имѣя свободнаго лица, вошелъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору, а его высокопревосходительство призналъ нужнымъ поручить производство слѣдствія мнѣ, въ составѣ коммиссіи, при участіи жандармскаго штабъ-офицера, гдѣ графъ только депутатъ; подъ дѣломъ есть предписаніе. Если же онъ полагаетъ, что командированіемъ меня генералъ-губернаторъ хотѣлъ оскорбить его, то, пожалуйста, успокойте графа; я буду подписываться послѣднимъ; моей пустой головѣ отъ мѣста подписи ума не прибудетъ.

Письмоводитель улыбнулся и вышелъ.

По окончаніи слѣдствія и наканунѣ отъѣзда моего въ Вильну тотъ же самый письмоводитель, очень веселый и развитой молодой человѣкъ, приподнесъ мнѣ новый курьезъ, характеризовавшій какъ нельзя болѣе польское чванство. Бесѣдуя со мною о томъ, о семъ, какъ будто бы совершенно случайно онъ спросилъ у меня, буду ли я у графа на парадномъ обѣдѣ, который имѣетъ быть у него въ Вильнѣ по случаю свадьбы брата его графа Іосифа Тышкевича, состоявшаго адъютантомъ при В. И. Назимовѣ.

— Съ графомъ я не знакомъ домами, — отвѣчалъ я, — а потому и на обѣдѣ у него не буду.

— Помилуйте, цѣлый городъ будетъ у его сіятельства. Сдѣлайте по пріѣздѣ визитъ и получите приглашеніе.

— Благодарю васъ за совѣтъ. Если графъ желаетъ вести знакомство со мною, то легко можетъ сдѣлать этотъ визитъ и самъ; вы видите, что даже и здѣсь я отказываюсь отъ его обѣдовъ.

— Графиня такая прелестная особа,—продолжалъ собесѣдникъ, — вы будете приняты радушно... съѣздите къ нимъ съ визитомъ, у нихъ очень весело.

— Позвольте мнѣ, г. Мокржецкій, остаться при своемъ,—отвѣтилъ я ему, не подозрѣвая нисколько, что онъ былъ подосланъ графомъ, какъ это объяснилось совершенно неожиданно для меня на другой день.

Въ Вильну возвратился я вмѣстѣ съ графомъ, который предложилъ мнѣ свой экипажъ. Отказаться было неловко; дорогою онъ просилъ меня заѣхать къ нему для подписанія окончательныхъ бумагъ по дѣлу, въ ожиданіи которыхъ намъ подали чай. Болтая съ графомъ о томъ о семъ, я похвалилъ его квартиру и билліардъ, виднѣвшійся въ сосѣдней комнатѣ. Графъ любезно предложилъ мнѣ посмотрѣть свое жилище, которое онъ незадолго предъ тѣмъ роскошно отдѣлалъ. Не подозрѣвая ничего, я шелъ за нимъ изъ комнаты въ комнату, восхищаясь обстановкою квартиры, и вдругъ очутился предъ молодою красавицею-графинею въ ея роскошномъ будуарѣ. Она сидѣла на оттоманѣ и читала или дѣлала видъ, что читаетъ какую-то книгу. Положеніе мое было крайне неловкое. Одѣтый по-дорожному въ сѣраго цвѣта костюмъ, съ запачканными въ чернилахъ пальцами, я остановился передъ нею, какъ школьникъ, пойманный на шалости. Между тѣмъ, графъ, представивъ меня своей женѣ, куда-то исчезъ. Замѣтивъ мое смущеніе, графиня пригласила меня сѣсть подлѣ нея; машинально опустился я на стулъ, бормоча какое-то извиненіе. Четверть часа, которые я провелъ у ней, были для меня настоящею пыткою. Замѣтивши мое неловкое положеніе, графиня щебетала, какъ птичка, хвалила мою игру въ недавно бывшемъ у Назимовыхъ любительскомъ спектаклѣ, и когда я, при видѣ вошедшаго графа, всталъ, чтобы раскланяться, она, любезно протянувъ мнѣ свою ручку, выразила надежду, что я буду посѣщать ихъ. Затѣмъ мы разстались. Но, увы! этой надеждѣ не пришлось осуществиться. Почти вслѣдъ начались политическіе безпорядки, въ которыхъ сіятельная чета приняла самое дѣятельное участіе, о чемъ и разскажу въ своемъ мѣстѣ. Долженъ сознаться откровенно, что, выходя изъ кабинета молодой графини, я невольно подумалъ: чортъ побери васъ, польки, какъ вы хороши!.. И дѣйствительно въ нихъ-то и таится вся сила польской справы. Воспитаніе польской женщины въ русскомъ направленіи — одна изъ самыхъ существенныхъ мѣръ противодѣйствія польско-ксендзовской политикѣ, но гдѣ намъ возиться съ перевоспитаніемъ полекъ, когда у насъ нѣтъ настойчивой послѣдовательности въ этомъ дѣлѣ и когда намъ нужно серьезно подумать о своемъ перевоспитаніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Высочайшее замѣчаніе Государственному Совѣту.

Рескриптъ князю Лопухину.

10 февраля 1822 г. № 7.

Князь Петръ Васильевичъ! При поднесеніи мнѣ журнала Государственнаго Совѣта по предмету разсматриваемаго проекта гражданскаго уложенія, прочитавъ приложенное при ономъ особое мнѣніе оберъ-гофмейстера графа Литты относительно 6-й главы о бракахъ, на французскомъ языкѣ писанное, я усмотрѣлъ въ немъ двоякое неприличіе. Первое: невмѣстно, чтобы члены россійскаго верховнаго судилища излагали сужденія свои на иностранномъ языкѣ; о чемъ я поручаю вамъ объявить волю мою, дабы на предъ будущее время желающіе подавать свои мнѣнія не иначе представляли оныя, какъ на россійскомъ языкѣ. Второе: въ означенномъ мнѣніи графа Литты помѣщено язвительное выраженіе, которое должно относиться къ тѣмъ изъ членовъ, кои предложили и приняли новую редакцію приведенной здѣсь главы о бракахъ,—то находя непристойнымъ оставлять мнѣніе такое при дѣлахъ Государственнаго Совѣта, я предоставляю вамъ бумагу сію подавшему ее члену обратно возвратить, съ должнымъ замѣчаніемъ на сей случай.

Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ

и его письма къ А. А. Борзенко.

Извѣстный юристъ, выдающійся педагогъ, администраторъ и общественный дѣятель, Михаилъ Николаевичъ Капустинъ родился въ 1828 году, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и послѣ защиты магистерской диссертаціи заняль въ томъ же университетѣ каѳедру международнаго права. Въ 1870 году онъ былъ назначенъ директоромъ Демидовскаго Ярославскаго лицея.

Въ теченіе 13-ти-лѣтняго управленія, онъ успѣлъ поставить Лицей на такую высоту, что всѣ лучшія традиціи послѣдняго соединяются исключительно съ именемъ М. Н. Капустина. Онъ сгруппировалъ около себя лучшія молодыя силы и поставилъ преподаваніе въ Лицеѣ на уровень современныхъ требованій. Отношенія его къ студентамъ были самыя сердечныя. Въ устроенное имъ же попечительство о недостаточныхъ студентахъ онъ внесъ, въ разное время, 2.000 рублей; образовалъ въ Лицеѣ интернатъ, «чтобы поддержать все доброе, охранить отъ искушеній и житейской нужды, продлить молодость и устранить заботы о матеріальной обстановкѣ, подчасъ очень тяжелой». Въ пользу тѣхъ же студентовъ онъ отказывался отъ платы за лекціи по вакантнымъ каѳедрамъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, напримѣръ, по каѳедрѣ энциклопедіи права — 12 лѣтъ. Наконецъ, по его иниціативѣ сталъ издаваться при Лицеѣ «Временникъ», въ которомъ помѣщались труды профессоровъ и выдающіяся сочиненія студентовъ.

Такова была его дѣятельность во время управленія Демидовскимъ Лицеемъ; не менѣе оживленной и плодотворной она оказалась и при его новомъ назначеніи. Въ 1883 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ

Дерптскаго, нынѣ Рижскаго учебнаго округа и проявилъ здѣсь съ особеннымъ блескомъ свои способности администратора.

Ставъ затѣмъ, въ 1890 году, попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, онъ и здѣсь оставилъ по себѣ память прекраснаго начальника и руководителя. Всегда ровный и доступный, онъ поощрялъ коллективное обсужденіе вызываемыхъ жизнью вопросовъ, нерѣдко самъ являлся въ такія собранія не какъ попечитель округа, а какъ педагогъ - товарищъ, желающій прислушаться къ различнымъ мнѣніямъ. Самъ высоко держа знамя педагога, онъ и отъ другихъ требовалъ, во-первыхъ, хорошей подготовки и, во-вторыхъ, честнаго, строгаго исполненія своихъ обязанностей. Для первой цѣли онъ учредилъ институтъ сверхштатныхъ преподавателей и кандидатовъ на преподавательскія мѣста. По отношенію къ ученикамъ онъ постоянно стремился къ возможно бо̀льшему облегченію ихъ отъ тягостей излишняго ученія и настаивалъ на переводѣ безъ экзаменовъ.

Несмотря на значительные труды по управленію округомъ, М. Н. Капустинъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ С.-Петербургскаго Юридическаго общества и общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, въ которомъ былъ предсѣдателемъ, состоялъ инспекторомъ классовъ, членомъ совѣта и профессоромъ по каѳедрѣ энциклопедіи права въ училищѣ Правовѣдѣнія, предсѣдателемъ совѣта С.-Петербургскаго Маріинскаго института, членомъ совѣта Павловскаго института и съ 1895 г. почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи.

Кромѣ того М. Н. Капустинъ не разъ исполнялъ довольно сложныя особыя порученія, возлагаемыя на него высочайшей волею. Такъ, въ 1891 г. онъ былъ назначенъ третейскимъ судьею въ спорѣ между Франціею и Голландію по вопросу о Гвіанскихъ владѣніяхъ; въ 1892 г. состоялъ предсѣдателемъ высочайше утвержденной при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ коммиссіи для разсмотрѣнія претензій великобританскаго правительства по поводу задержанія нашими крейсерами канадскихъ промысловыхъ шкунъ за недозволяемый бой морскихъ котиковъ въ русскихъ водахъ Берингова моря. Затѣмъ, участвовалъ въ занятіяхъ коммиссіи, разсматривавшей постановленія парижскаго третейскаго суда по поводу спора между Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами; читалъ лекціи по международному праву нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и, наконецъ, въ 1894 г. былъ командированъ по высочайшему повелѣнію въ Абасъ-Туманъ для занятія съ недавно въ Бозѣ почившимъ наслѣдникомъ, великимъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ.

Отличительную черту въ характерѣ и умственномъ складѣ М. Н. Капустина составляетъ отзывчивость его къ людямъ, дѣятельности кото-

рыхъ онъ придавалъ значенiе. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ его квартирѣ въ Москвѣ на Молчановкѣ, въ домѣ его тестя профессора Н. С. Топорова, часто бывалъ извѣстный англiйскiй писатель Гепфортъ Диксонъ, работавшiй въ то время надъ своей книгой о Россiи подъ заглавiемъ «Firee Russia».

Сидя въ уютномъ кабинетѣ М. Н. Капустина, Диксонъ оживленно бесѣдовалъ, при чемъ обращался къ хозяину съ заявленiемъ: «когда машина работаетъ, ей нужно топливо, а мнѣ, когда я говорю, необходима бутылка добраго портвейна». Требуемое вино появлялось, и бесѣда продолжалась далеко за полночь.

Когда М. Н. Капустина назначили въ 1870 году директоромъ Демидовскаго Лицея, то въ обширной директорской квартирѣ находили прiютъ иностранные писатели, прiѣзжавшiе въ Россiю для изученiя ея быта. Такъ здѣсь жилъ профессоръ Collège de France, славяновѣдъ Луи Леже, описавшiй свое пребыванiе у М. Н. Капустина въ своей книгѣ «Etudes Slaves». Затѣмъ въ теченiе трехъ лѣтъ прожилъ въ квартирѣ М. Н. Капустина въ Ярославлѣ англичанинъ, корреспондентъ газеты «Times» сэръ Дональдъ Макензи Уаласъ, написавшiй здѣсь свое двухтомное сочиненiе о Россiи подъ заглавiемъ «Russia», переведенное на всѣ европейскiе языки и выдержавшее нѣсколько изданiй. Сэръ Дональдъ Макензи Уаласъ, вернувшись въ Англiю, былъ назначенъ секретаремъ къ вице-королю Индiи лорду Дефферину, а въ настоящее время состоитъ однимъ изъ редакторовъ газеты «Times» и живетъ въ Лондонѣ.

Отзывчивость къ людямъ со стороны М. Н. Капустина не ограничивалась лицами выдающимися, но была одинакова и къ тѣмъ, которые, не выдѣляясь изъ общаго уровня, обнаруживали стремленiе сдѣлать доброе дѣло. Такъ въ Ярославлѣ М. Н. Капустинъ съ большой энергiей оказалъ содѣйствiе престарѣлой дамѣ П. А. Соболевой, задумавшей въ 1876 году учредить въ этомъ городѣ прiютъ для болгарскихъ дѣвочекъ, оставшихся сиротами во время послѣдней русско-турецкой войны. Предсѣдатель Славянскаго благотворительнаго общества въ Москвѣ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ чрезъ своихъ агентовъ въ Болгарiи доставилъ въ Ярославль дѣвочекъ-болгарокъ, которыя были торжественно встрѣчены преосвященнымъ ярославскимъ архiепископомъ Іоанафаномъ и мѣстными властями. Жители Ярославля долго ходили толпами въ «болгарскiй прiютъ» посмотрѣть на дѣтей, приносили имъ угощенiе и свой ласковый привѣтъ.

Нѣсколько мѣстныхъ ярославскихъ жителей соединились подъ руководствомъ М. Н. Капустина и учредили исправительный прiютъ для малолѣтнихъ преступниковъ.

Студенты Демидовскаго лицея устраивали любительскiе спектакли, и М. Н. Капустинъ привозилъ имъ для этого изъ Москвы литографи-

рованныя изданія новыхъ пьесъ. Такъ комедія Островскаго «Блажь» [1]) была поставлена на сценѣ Ярославскаго городскаго театра благодаря участію и содѣйствію директора лицея.

М. Н. Капустинъ былъ иниціаторъ устройства въ Ярославлѣ въ половинѣ 70-хъ годовъ «народныхъ чтеній съ туманными картинами», которыя тогда только-что начинали вводиться, а въ настоящее время примѣняются почти повсюду.

Дѣятельность М. Н. Капустина, какъ профессора Московскаго университета, слишкомъ хорошо извѣстна изъ воспоминаній о немъ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1900 годъ, чтобы нужно было на ней останавливаться въ настоящей замѣткѣ.

Отмѣченная здѣсь отличительная черта въ характерѣ М. Н. Капустина, его отзывчивость къ людямъ,—нашла яркое выраженіе въ одной изъ его ежегодныхъ актовыхъ рѣчей, произносимыхъ 30-го августа въ Демидовскомъ лицеѣ, когда онъ, привѣтствуя студентовъ, приводилъ слова поэта:

Здравствуй, племя молодое, незнакомое!..

М. Н. Капустинъ скончался 11-го ноября 1899 г., и теперь настала пора для этого нѣкогда «молодаго и незнакомаго племени» принести свое спасибо человѣку, столь отзывчиво относившемуся къ запросамъ нашей русской дѣйствительности, смыслъ и значеніе которой онъ старался раскрыть тѣмъ иностраннымъ изслѣдователямъ, которые изучали современную Русь...

Письма М. Н. Капустина Александру Александровичу Борзенко.

1.

23-го декабря 1885 г.
Дерптъ.

Еще разъ въ нынѣшнемъ году хочется поблагодарить васъ за дружескія чувства, которыя вы мнѣ выказывали постоянно и которыми я привыкъ дорожить. Ваше послѣднее письмо пришло почти въ тотъ день, когда пріѣхалъ Д. В. Пенскій [2]),—и мы, конечно, много говорили о васъ.

Душевно радуюсь добрымъ перемахамъ въ вашей жизни. Когда спдишь въ теплѣ, то отъ воспоминаній о претерпѣнномъ холодѣ становится еще теплѣе. Помогай вамъ Богъ,—и да представляетъ вамъ бу-

---

[1]) Была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ 1881 г. Кн. 3-я.

[2]) Дмитрій Васильевичъ Пенскій сынъ члена редакціонной коммиссіи по выработкѣ Положенія объ освобожденіи крестьянъ 19-го февраля 1861 г.

дущее отраду и спокойствіе. Жена моя, находящаяся теперь въ Даксѣ (Dax, Landes), гдѣ она лѣчится водами, поручаетъ мнѣ передать вамъ ея привѣтъ, на новый годъ; зная, что ее интересуетъ все, что до васъ касается я писалъ ей о вашей новой дѣятельности и о томъ, что вы вспомнили о ней.

О своей дѣятельности писать не стану. Вы знаете изъ газетъ, какую историческую эпоху переживаетъ здѣшній край. Не по силамъ и не по годамъ выпала мнѣ на долю тяжелая работа. Но я исполню обѣщаніе, данное мною государю,—всего себя отдать возлагаемому имъ на меня дѣлу. Вы не повѣрите, какое счастіе слышать изъ его устъ царскую русскую волю,—и на сколько ободряетъ это слово, проникнутое сознаніемъ силы и отвѣтственности. Онъ выслушиваетъ всякую подробность и поражаетъ своимъ яснымъ рѣшеніемъ каждаго вопроса. Вы знаете, что около 2.000 сельскихъ лютеранскихъ училищъ передано въ наше вѣдѣніе. На что не рѣшался императоръ Николай съ своею желѣзною волею и при энергичномъ министрѣ Уваровѣ, то понялъ и не задумаясь приказалъ исполнить намъ Богомъ данный царь». «Да вѣдь это необходимо,—а потому и думать нечего; я васъ прошу представить мнѣ, какъ привести въ исполненіе это дѣло, а самое дѣло я рѣшилъ». Вотъ какъ совершается исторія.

Не боюсь обвиненій въ неделикатности и просто прошу васъ: помогите собрать сколько возможно денегъ. Въ будущемъ году исполнится 100 лѣтъ городскимъ училищамъ Екатерины. Нужно жить въ этомъ краѣ, чтобы понять все важное значеніе великой императрицы. Ея дѣятельность здѣсь напоминаетъ чудныя мозаическія работы: въ теченіе долгаго времени онѣ закрашивались плохими картинами; но когда царственный художникъ началъ очищать ихъ,—во всей красѣ предстала дивная кисть геніальной царицы. Не даромъ балты[1]) не могутъ произносить равнодушно ея имя. И вотъ чувствуется потребность учредить стипендіи въ русскомъ Екатерининскомъ городскомъ училищѣ въ Ригѣ. Пусть москвичи помогутъ сколько Богъ на душу положитъ. На одну стипендію нужно 500 руб. Припоминаю, какъ въ Ярославлѣ вы собирали на добрыя дѣла: за недостаткомъ денегъ вамъ давали часы,—такъ вы умѣли раздуть огонь искры добра въ сердцахъ. Не откажите и теперь потрудиться для составленія стипендіи для «воспитанія латышей» въ русскомъ училищѣ и слѣдовательно въ любви къ Россіи. Эти стипендіи,— одна изъ звеньевъ той исторической цѣпи, которой окраины Россіи связываются съ Москвою. Дай вамъ Богъ успѣха. Именемъ покойнаго Юр. Ѳед. Самарина прошу васъ послужить русско-латышскому дѣлу.

Будьте благополучны въ новомъ году. Обнимаю, душевно преданный М. Капустинъ.

[1]) Т. е. жители балтійскаго края.

2.

2-го января 1886 г.
Ревель.

Въ новомъ году здравствуйте, многоуважаемый Александръ Александровичъ. Искренне благодарю васъ за то, что откликнулись на мою просьбу, но мои желанія гораздо скромнѣе, чѣмъ вы думаете. Я полагалъ просто, что въ теченіе полугода вы можете собрать среди вашихъ знакомыхъ и кліентовъ рублей 200 на стипендію отъ Москвы. По всему вѣроятію, во всей Россіи будутъ учреждаться стипендіи въ память 100-лѣтія Екатерининскаго указа о городскихъ училищахъ; наше право въ этомъ случаѣ одно: при мнѣ нѣмецкія училища стали преобразовывать въ русскія, и слѣдовательно только черезъ сто лѣтъ приведенъ въ исполненіе Екатерининскій указъ.

Что касается училища въ Ригѣ, то оно основано было въ 1789 г. и имѣло характеръ начальнаго; городскимъ стало въ 1874 г. Въ немъ 250 учениковъ, т. е. столько, сколько можетъ вмѣстить домъ.

Едва-ли согласятся въ Москвѣ дать концертъ въ пользу забытой окраины Россіи. Одинъ только покойный Ю. Ѳ. Самаринъ понималъ значеніе этого края и отдавалъ ему свой трудъ и свои матеріальныя средства. Съ тѣхъ поръ Москва узнаетъ о латышско-эстонской окраинѣ только по корреспонденціямъ «Руси».

Такъ вотъ, добрый Александръ Александровичъ, какъ скромны мои желанія и надежды. Стипендія собственно въ Ригѣ требуетъ капиталъ въ 500 рублей (плата за ученіе 25 руб.), а въ прочихъ городахъ 300 рублей и даже 200. Лично для меня дорогъ отзывъ Москвы по поводу какого бы то ни было училища. Обѣщать награду за пожертвованіе я не въ правѣ, да и не въ моихъ это убѣжденіяхъ. Ваши товарищи по профессіи, знакомые и нуждающіеся въ васъ, если захотятъ дать по 3 или по 2 рубля, такъ и наберется 200 или 300 рублей.

Я пріѣхалъ въ Ревель дня на четыре, чтобы отдохнуть въ русскомъ кружкѣ кн. Шаховскаго и ближайшихъ сотрудниковъ; между послѣдними есть сынъ ярославскаго Калачева.

Князь окружилъ себя людьми, такъ или иначе связанными съ Москвой и съ центральной Россіею.

Еще разъ благодарю за отзывчатость къ моей мысли. Желаю успѣха во всѣхъ дѣлахъ вашихъ, крѣпко жму руку. Искренне преданный М. Капустинъ.

3.

18-го января 1886 г.
Дерптъ.

Очень вамъ благодаренъ за участіе къ моей мысли о стипендіи для городскихъ училищъ. Конечно, концертъ далъ бы возможность учре-

дить ихъ нѣсколько и служилъ бы выраженіемъ сочувствія Москвы къ новому направленію правительственной политики въ здѣшнемъ краѣ. Мнѣ Господь судилъ на закатѣ дней поработать русскому дѣлу,—и всякое сочувственное слово изъ Россіи даетъ мнѣ бодрость и силу. Высказанное вами предложеніе я обдумаю и стану дѣйствовать сообразно съ этимъ. Отъ скромныхъ плановъ, съ которыхъ я началъ, приходится перейти къ болѣе широкимъ. Да и дѣло расширяется: 1-го іюля я преобразовывалъ восемь нѣмецкихъ училищъ въ русскія и открылъ два новыхъ. Ничего даже подходящаго еще не бывало. Но не успѣешь открыть русское училище, какъ оно переполняется, и приходится строить новый домъ. Голова кругомъ идетъ.

Обращаясь къ вашему личному вопросу, скажу прежде всего, что вы обратились къ плохому совѣтчику. Я не знаю ничего лучше профессорства, а потому всегда и всякому посовѣтую принять мѣсто профессора. Вы поставлены въ благопріятныя условія; не будучи обязаны писать ради денегъ, вы можете работать спокойно ради науки и студентовъ. Не думаю, чтобы адвокатура доставила вамъ столько нравственнаго удовлетворенія, сколько даетъ научная работа. Въ настоящее время, когда я оторванъ отъ науки, я съ особенной силой чувствую лишеніе и готовъ бы промѣнять мое попечительство на каѳедру. Но можетъ быть вы нашли другой болѣе сильный интересъ. Я такого не знаю, а потому скажу не колеблясь: идите на каѳедру; ничто съ ней не можетъ сравняться. Вы теперь перебродили, улеглись,—а потому стали много сильнѣе прежняго. Успѣхъ дѣла для васъ обезпеченъ.

Я писалъ вамъ изъ Ревеля, гдѣ провелъ первые дни новаго года.

Еще разъ благодарю, крѣпко жму руку, преданный М. Капустинъ.

4.

3-го декабря 1887 г.
Рига.

Въ виду возможнаго преобразованія Дерптскаго юридическаго факультета изъ нѣмецкаго въ русскій, я хотѣлъ бы знать, какими силами могло бы располагать правительство при этой реформѣ.

Поэтому обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: согласились ли бы вы и при какихъ условіяхъ занять каѳедру въ Дерптскомъ университетѣ. Я полагаю, что по вашей спеціальности вы могли бы читать не только гражданское право, но также римское и судопроизводство. Бросьте адвокатуру и возвращатесь на каѳедру; здѣсь ваше настоящее мѣсто.

Буду ожидать отвѣта. Мнѣ пріятно думать, что намъ предстоитъ снова совмѣстная работа.

Искренно преданный и уважающій М. Капустинъ.

5.

24-го декабря 1887 г.
Рига.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за ваши сочувственныя письма, пожеланія и поздравленія. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, въ теченіе котораго я надѣюсь подвинуть ввѣренное мнѣ дѣло.

Въ предполагаемомъ преобразованіи Дерптскаго юридическаго факультета я разсчитывалъ на ваше содѣйствіе не по всѣмъ поименованнымъ мною каѳедрамъ, но по одной изъ нихъ,—въ которой раньше другихъ окажется надобность. Въ виду того, что въ октябрѣ будущаго года вводится судебная реформа въ прибалтійскихъ губерніяхъ, а въ январѣ 1889 года открываются суды, я полагаю, что придется прежде всего подумать о судопроизводствѣ гражданскомъ. Профессоръ римскаго права старикъ Мейковъ готовъ читать по-русски, но его годы и здоровье не позволятъ ему работать долго.

Я вспоминаю о жизни въ Дерптѣ не безъ удовольствія. Моими лучшими друзьями были иностранцы. Это люди науки, очень пріятные и сближащіеся съ русскими. Я старался и стараюсь увеличить ихъ число,—чтобы лишить университетъ его балтскаго характера.

Если не произойдетъ чего-либо непредвидѣннаго, то приблизительно около 10-го января думаю быть въ Петербургѣ. Надѣюсь, тамъ увидимся и переговоримъ подробнѣе.

Еще разъ будьте благополучны въ новомъ году. Крѣпко жму руку, преданный М. Капустинъ.

6.

14-го мая 1888 г.
Рига.

...Моя война не прекращается и не ослабѣваетъ. Я представлялъ оффиціально о здѣшнемъ положеніи дѣлъ, которое можетъ быть измѣнено только радикальными мѣрами. Учебное вѣдомство пошло въ авангардѣ; но до сихъ поръ le gros de l'armée не подходитъ ему на помощь: и полиція и судъ плетутся медленно и сдѣлали длинный привалъ. Въ Ригѣ я сообщилъ бы вамъ не мало интересныхъ вещей не по гражданскому, а по государственному праву.

Увеличеніе платы со студентовъ Дерптскаго университета съ 20 до 50-ти рублей высочайше утверждено. Новый доходъ министръ предполагаетъ обратить на усиленіе русскаго преподавательскаго персонала.

Будьте благополучны. Крѣпко жму руку. До свиданія! Уважающій я преданный М. Капустинъ.

P. S. Поѣздки въ Петербургъ мнѣ не миновать. На-дняхъ представилъ записки о такихъ важныхъ вопросахъ, что, вѣроятно, министръ захочетъ объясниться лично.

7.

3-го января 1889 г.
Рига.

Благодарю васъ за добрую память и поздравленія. Отъ души желаю вамъ добраго года и успѣховъ во всемъ.

Пасквильную нѣмецкую книгу я читалъ еще лѣтомъ и свою біографію показывалъ Софьѣ Николаевнѣ [1]); мы оба посмѣялись тому, какъ вѣрно изображена она и я. Меня давно уже не сердятъ подобныя выходки «культурныхъ» балтовъ. Авторы подобныхъ книгъ суть коллективныя лица; мои доброжелатели изъ балтовъ даютъ матеріалы какому-нибудь нѣмецкому писакѣ, который выпускаетъ въ свѣтъ свое грязное издѣліе. Сердиться на это не приходится. Въ этомъ нужно видѣть признакъ отчаяннаго положенія балтійскаго дѣла, для защиты котораго прибѣгаютъ къ клеветѣ и брани. Въ сущности это указываетъ на успѣхъ русскаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія книга тѣмъ пріятнѣе для насъ, чѣмъ она злѣе. Надѣюсь, что меня обвинятъ еще въ воровствѣ и убійствѣ по мѣрѣ того, какъ русскій языкъ будетъ вводиться въ бо̀льшее число училищъ; уголовный кодексъ еще не весь исчерпанъ. Когда дѣлаешь общественное дѣло, — нужно быть готовымъ на всякія непріятности.

Я прожилъ въ Петербургѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ и возвратился сюда въ концѣ декабря, передъ самыми праздниками. Теперь занятъ тѣмъ, чтобы подвинуть русское дѣло и вызвать новую біографію свою въ какой-нибудь нѣмецкой книгѣ.

Я между прочимъ согласился принять на себя званіе предсѣдателя юридической испытательной коммиссіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Работа начнется въ августѣ или въ сентябрѣ. По этому поводу мнѣ придется, вѣроятно, сдѣлать еще поѣздку въ Петербургъ ранѣе марта мѣсяца, который проведу тамъ же. Мартъ посвящу главнымъ образомъ вопросу объ университетѣ. Буду очень радъ, если ваша поѣздка въ столицу совпадетъ съ моимъ пребываніемъ въ ней.

Еще разъ отъ души желаю счастливаго года, преданный М. Капустинъ.

---

[1]) Супруга М. Н. Капустина, урожденная Топорова, профессора-медика въ Московскомъ университетѣ.—Вслѣдствіе болѣзни она жила почти постоянно за границей и скончалась въ 1891 году.

8.

8-го февраля 1891 года. С.-Петербургъ.

Отъ души благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за ваше вниманіе по дѣлу о напечатаніи отвѣта Трейланда [1]).

Но вышло не то, что я ожидалъ. Я попросилъ С. А. Петровскаго [2]) исключить все, что касается автора письма Трейланда. Я знаю его по дѣятельности въ Дерптскомъ округѣ; да при томъ никакихъ тенденцій онъ провести не можетъ, такъ какъ живетъ въ Ригѣ и завѣдуетъ только училищами города Риги на глазахъ у директора народныхъ училищъ и попечителя. Меня интересовало дѣло, а не Трейландъ, а между тѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» едва-ли не главное мѣсто отведено Трейланду. Появись корреспонденція изъ Риги въ то время, когда я былъ дерптскимъ попечителемъ, я не просилъ бы печатать опроверженіе ея; теперь я просилъ о томъ изъ уваженія къ новому попечителю. Очень сожалѣю, что вмѣсто указанія С. А. Петровскому, какія страницы слѣдовало бы исключить, я не вырѣзалъ этихъ страницъ.

Вопросъ сводится къ тому,—можно ли безграмотнаго инородца начать обучать прямо русскому чтенію. По этому вопросу я велъ переписку съ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа; затѣмъ для опыта давалъ маленькихъ латышей въ обученіе русскимъ учителямъ, не знавшимъ по-латышски. И переписка, и опыты привели къ отрицательному отвѣту. Попробуйте *безграмотнаго* русскаго, не знающаго ни слова по-французски, обучать читать по-французски. Балты испробовали всѣ пріемы учить латышей по-нѣмецки, и они начинали съ латышской грамоты.

Кто бы ни былъ рижскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», онъ не понимаетъ устройства начальной школы и пріурочиваетъ ее къ гимназіи, съ раздѣленіемъ на классы и проч. Онъ говоритъ о 5-ти русскихъ училищахъ въ округѣ, когда я въ 1883 году нашелъ ихъ до 10-ти и, конечно, не закрылъ ни одного. Самый добросовѣстный корреспондентъ можетъ ошибаться и по невѣрнымъ свѣдѣніямъ даже ска-

---

[1]) Трейландъ считалъ цѣлесообразнымъ сохранить преподаваніе въ народныхъ училищахъ для латышей на латышскомъ языкѣ, который они знаютъ, и не вводить преподаванія на русскомъ языкѣ, котораго латыши не понимаютъ. „Московскія Вѣдомости“, возражая Трейланду, требовали введенія русскаго языка въ народныя училища для латышей. М. Н. Капустинъ, въ званіи попечителя Дерптскаго (нынѣ Рижскаго) учебнаго округа, выступилъ въ защиту системы преподаванія латышамъ на ихъ родномъ языкѣ въ письмѣ отъ 8-го февраля 1891 г. А. Б.

[2]) Бывшаго издателя и редактора „Московскихъ Вѣдомостей“.

зать, будто число учениковъ въ русскихъ школахъ уменьшилось, тогда какъ я чуть не каждый годъ принужденъ былъ дѣлать надстройки въ домахъ училищныхъ,—такъ велико было ихъ число.

Если выберу время, я самъ напишу статью о прибалтійскихъ школахъ. Мнѣ предстоитъ теперь обращать въ русскія (даже) школы Петербургской губерніи, и я уже вошелъ съ ходатайствомъ о введеніи русскаго языка (въ) преподаваніе въ Колпинской учительской семинаріи, въ которой почему-то обучаютъ финновъ по-нѣмецки. Но безъ учителей-финновъ, хорошо знающихъ по-русски, ничего нельзя сдѣлать; до сихъ поръ до 60-ти школъ Петербургской губерніи остаются финскими. Въ Прибалтійскомъ краѣ у меня былъ контингентъ учителей, которыхъ давали двѣ семинаріи,—въ Дерптѣ и Гольдингенѣ. Понятно, что гораздо больше латышей, знающихъ по-русски, чѣмъ русскихъ, знающихъ по-латышски, хотя въ Рижской духовной семинаріи, въ двухъ учительскихъ семинаріяхъ и даже въ гимназіяхъ казенныхъ преподаются мѣстные языки. Къ сожалѣнію, имъ учатся только латыши и эсты. А вы не найдете ни одного барона, который не говорилъ бы по-латышски или по-эстонски. Въ третьемъ году предводитель дворянства баронъ Мейендорфъ на латышскомъ пѣвческомъ празднествѣ произнесъ рѣчь по-латышски; почетный мировой судья графъ Сиверсъ, въ Венденѣ, переводитъ прочимъ судьямъ все, что говорятъ тяжущіеся. А мы всѣ въ нашихъ рѣчахъ и архіерей въ своихъ проповѣдяхъ принуждены останавливаться на каждой точкѣ и ждать, пока сказанное будетъ изложено переводчикомъ по-латышски. Будущее поколѣніе заговоритъ по-русски, но этого можно достигнуть только при помощи учителей, знающихъ по-латышски, то-есть при настоящихъ условіяхъ при помощи латышей, которые прошли курсъ нашей семинаріи, гдѣ кромѣ русскаго языка усвоили себѣ и русское міровоззрѣніе. Тотъ же образъ дѣйствія предстоитъ мнѣ и здѣсь по отношенію къ финской школѣ. Пока у меня не будетъ учителей-финновъ, хорошо владѣющихъ русскимъ языкомъ и проникнутыхъ русскимъ чувствомъ, нельзя ни къ чему приступить.

Извиняюсь за многорѣчіе въ дѣлѣ, васъ мало можетъ быть интересующемъ, но для меня жизненномъ. Защищать кого бы то ни было или обвинять въ ущербъ дѣлу не слѣдуетъ. Также не слѣдуетъ вѣрить слухамъ, исходящимъ отъ всякаго недовольнаго или обманувшагося въ своихъ ожиданіяхъ русскаго. Мнѣ приходилось слышать упреки, что я не давалъ мѣстъ невѣжественнымъ или еще хуже русскимъ, но если бъ я поступалъ иначе, то уронилъ бы русское дѣло, какъ это было когда-то въ Варшавѣ, благодаря собиравшимся тамъ подонкамъ русскаго общества. Едва-ли газета должна служить орудіемъ жалобъ недовольныхъ, которые выступаютъ только съ выраженіемъ своего личнаго чувства.

Еще разъ извиняюсь за многорѣчивость. Д. В. Пенскаго я ожидалъ,

судя по его письму, на прошлой недѣлѣ. Вѣроятно, онъ остался до свадьбы М. М. Катковой.

Крѣпко жму руку, преданный М. Капустинъ.

9.

7-го сентября 1891 г. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за доброе участіе въ моемъ здоровьи. Дѣйствительно, я простудился въ послѣдніе дни, но надѣюсь, это скоро пройдетъ. На будущей недѣлѣ собираюсь начать чтеніе лекцій по энциклопедіи права въ училищѣ Правовѣдѣнія. Думаю, что это мнѣ послужитъ отдыхомъ и освѣженіемъ при моихъ бумажныхъ работахъ. Училище Правовѣдѣнія возложило на меня общее наблюденіе за преподаваніемъ юридическихъ наукъ; преподавателями же состоятъ Пахманъ, Таганцевъ и подобные тузы. Я назначенъ членомъ совѣта училища.

Отъ Топорова сейчасъ получилъ письмо изъ Эмса; онъ останется за границею еще довольно долго; проситъ писать въ Парижъ poste restante.

Еще разъ благодарю за любезное письмо. Уважающій и преданный М. Капустинъ.

10.

21-го апрѣля 1892 г. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за то, что не забываете меня. Я получилъ три ваши брошюры и порадовался, что энергія ваша не ослабѣваетъ. Надѣюсь, что у васъ совершенно изгладилось изъ памяти нападеніе, сдѣланное кѣмъ-то въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Я пожалѣлъ о томъ, что вы приняли этотъ случай горячо къ сердцу. Разъ вступаешь на поприще общественной дѣятельности,— нужно быть готовымъ ко всякаго рода непріятностямъ и уколамъ. Всѣ испытываютъ подобное, а иногда бываетъ и хуже: по поводу общественнаго дѣла забираются въ вашу частную жизнь. Я увѣренъ, что вся бывшая исторія не оставила въ васъ и слѣда горечи. Я не получаю «Русское Обозрѣніе», но если не ошибаюсь, присланныя вами брошюры были напечатаны въ этомъ журналѣ.

О себѣ не имѣю сообщить вамъ ничего новаго. Работаю по-прежнему; но дѣло наше здѣсь такого рода, что трудно замѣтить его ростъ. А рости оно можетъ не внѣшними мѣропріятіями, а оживленіемъ дѣятелей и ихъ сердечнымъ участіемъ къ тому, чему они служатъ.

Боюсь сказать съ увѣренностью, но кажется, здоровье мое улучшилось, по крайней мѣрѣ, я выѣзжаю изъ дому ежедневно, и не только по дѣламъ. На-дняхъ, былъ на пріемѣ у французскаго посла, на экономическомъ обѣдѣ и проч. Недѣли черезъ три собираюсь выѣхать за границу, чтобы 18-го мая, въ годовщину смерти жены, быть въ Парижѣ. Дм. Вас. Пенскій уѣхалъ туда еще на пятой недѣлѣ поста и покинулъ меня въ одиночествѣ.

На-дняхъ видѣлъ здѣсь П. Н. Топорова. Удивительные люди на свѣтѣ. Вы устроили его дѣло скоро и отлично; а онъ все ворчитъ на что-то. Или въ самомъ дѣлѣ, такъ трудно разставаться съ маленькими деньгами, даже въ томъ случаѣ, когда нежданно-негаданно падаютъ съ неба большія суммы? Подите, разберитесь въ человѣческой душѣ!

Что вы думаете дѣлать лѣтомъ? Предпочтете ли знойный край Россіи или чужія страны? По обстоятельствамъ, у меня оказывается недвижимость во Франціи: при жизни жены я началъ строить домъ въ Эксѣ, и теперь онъ приходитъ къ концу. Тамъ же я располагаю провести разрѣшенное мнѣ время вакацій. Думаю въ концѣ іюля пріѣхать въ Москву на конгрессъ; мало имѣю надежды застать васъ тамъ.

Желаю всего лучшаго и прошу вѣрить искреннему уваженію, преданный М. Капустинъ.

11.

28-го августа 1892 г. С.-Петербургъ.

Радуюсь вашему оживленію и стойкой работѣ, любезный Александръ Александровичъ. Откровенно говоря, я не вполнѣ раздѣляю ваши взгляды на литературную собственность: это особый міръ отношеній, который еще сравнительно недавно получилъ имущественный характеръ. Здѣсь входитъ новый элементъ: имя, репутація, слава. Слабое произведеніе знаменитости цѣнится выше хорошаго, вышедшаго изъ-подъ пера неизвѣстнаго писателя. А какъ пріобрѣтается имя и слава? Критики участвуютъ въ увеличеніи цѣнности, и по справедливости на ихъ долю должна бы приходиться значительная часть барышей. Наибольшую матеріальную выгоду приносятъ не наиболѣе художественныя произведенія. Сквозь все юридическое построеніе литературной собственности проходитъ мысль о славѣ, объ имени, о происхожденіи. Стоитъ сказать, что я излагаю мысли такого-то, и я могу воспроизводить чужое. Если бъ у меня былъ геніальный сынъ, я требовалъ бы, чтобы всѣ признавали меня его отцомъ, я требую также, чтобы никто не позорилъ моего отца, хотя бы умершаго. Но трудно юридически мыслить оба отношенія, какъ собственность. Очевидно, что римское право пасуетъ въ этой области.

Вопросъ о нѣмецкомъ вліяніи въ нашей школѣ крайне интересный,

но требующій большаго изученія. Необходимо ознакомиться со всей исторіей нашихъ училищъ и нашей педагогики. Объ этомъ писано много. Насъ учили исключительно нѣмцы; они засѣли въ Россіи давно и сидятъ до сихъ поръ. Замѣчательно, что наши сатирики, начиная съ фонъ-Визина и Грибоѣдова, сражались противъ французскаго вліянія, которое никогда не было глубокимъ; изъ нѣмцевъ только колбасники вызывали насмѣшки на сценѣ. А между тѣмъ они, втихомолку пользуясь то нашею борьбою съ католицизмомъ, то нашимъ страхомъ нигилизма, заняли прочно мѣста и, какъ землевладѣльцы, и какъ чиновники, и какъ педагоги. Въ послѣднихъ книжкахъ «Русской Школы» напечатаны статьи Демкова о задачахъ русской педагогики, изъ которыхъ видно наше раболѣпіе передъ Германіею. Шмидтъ въ своей книгѣ «Исторія учебныхъ заведеній въ Россіи», изданной на счетъ нашего министерства, съ торжествомъ рисуетъ господство Германіи; да и до сихъ поръ въ каждой запискѣ Г—аго по учебнымъ вопросамъ на каждой страницѣ есть ссылка на Германію. Шальная фраза Бисмарка о томъ, что побѣдилъ школьный учитель, сбила насъ еще болѣе съ толку. Подражательныя французскія платья давно износились, а подражательное нѣмецкое воспитаніе все идетъ въ глубь и пускаетъ корни. Я началъ въ Петербургѣ борьбу противъ нѣмецкой школы безъ надежды на успѣхъ. Очень былъ бы радъ дать вамъ матеріалъ, но по его безграничности желалъ бы имѣть вопросы. Въ моей канцеляріи есть не мало бумагъ, мною писанныхъ, которыя рисуютъ положеніе дѣла. Искренно преданный М. Капустинъ.

12.

16-го ноября 1892 г. С.-Петербургъ.

Любезный Александръ Александровичъ, я былъ увѣренъ, что отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо, и очень смутился тѣмъ, что, пересматривая свою корреспонденцію, нашелъ его въ числѣ lettres à repondre. Прошу великодушно извинить меня.

Вы желали бы ѣхать въ Чикаго, имѣя оффиціальное положеніе. Если вы не будете просить денегъ, то дѣло легко устроится. Но петербуржцы очень не любятъ уступать кому-либо доступъ къ казенному сундуку. Въ министерствѣ финансовъ выставка поручена Глуховскому. Это—московскій студентъ, котораго я знаю и встрѣчаю у общихъ знакомыхъ Бобриковыхъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ у меня также знакомые. Если вы пріѣдете сюда, то, вѣроятно, ваше желаніе исполнится, только приступайте къ дѣлу, предпославъ ему заявленіе, что вы денегъ не просите.

Что вы подѣлываете? Я все мечтаю объ Эксѣ, хотя рѣшительнаго шага для переселенія туда еще не сдѣлалъ. Впрочемъ, ни отъ кого не скрываю, что провожу послѣднюю здѣсь зиму, и объявилъ хозяйкѣ дома, въ которомъ живу, что моя плата за квартиру—до 20-го апрѣля—есть послѣдняя. Мой министръ это чуетъ и старается предотвратить, но я въ своемъ рѣшеніи твердъ. Хуже Петербурга трудно себѣ представить что-нибудь. Здѣсь стекаются всѣ мерзости до-петровской и послѣ-петровской Руси, да навезено не мало гадостей изъ Берлина. Я буду считать счастливымъ тотъ день, когда брошу прощальный и презрительный взглядъ на это болото.

Очень бы хотѣлось побывать въ Москвѣ, хотя бы на праздникахъ; но не знаю, удастся ли это.

Здоровье мое такъ себѣ. И то хорошо, что не хуже прежняго. Авось протяну зиму.

Дм. Вас. Пенскаго я не ожидаю сюда. Онъ сидитъ въ Парижѣ. Недавно разыскивалъ брошюру Ціона, но таковой не оказалось; она напечатана въ 3-хъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ посланъ государю, а два остались у автора.

Завтра хоронимъ москвича Галахова.

Буду радъ получить отъ васъ вѣсточку. Крѣпко жму руку, преданный М. Капустинъ.

13.

18-го января 1893 г.

Въ новомъ году здравствуйте, любезный Александръ Александровичъ. Благодарю васъ за то, что вы балуете меня вашими письмами. Они словно дѣлаютъ меня моложе и бодрѣе: ваша энергія передается и мнѣ. Замѣтку о быстроходныхъ судахъ я передамъ нашему главному агенту выставки Н. И. Глуховскому. Онъ собирается въ февралѣ въ Чикаго и безъ ужаса не можетъ вспомнить о переѣздѣ въ Америку, который ему пришлось уже дѣлать одинъ разъ. Сокращеніе пути утѣшитъ его.

Петербургъ устроенъ чудно. Никакого особеннаго дѣла я не дѣлаю, а время уходитъ все безъ остатка. Впрочемъ эти дни я предсѣдательствую, по волѣ государя, въ коммиссіи для разбора англійскихъ жалобъ по поводу нашего захвата Канадскихъ шкунъ, занимавшихся ловлею котиковъ. Членами коммиссіи—делегаты отъ трехъ министерствъ (иностранныхъ дѣлъ, морскаго и государственныхъ имуществъ, по два отъ каждаго), и я имѣю случай наблюдать нашу правительственную машину. Каждое министерство критикуетъ два другія и на нихъ сваливаетъ всю вину. Засѣданія коммиссіи негласныя, да и сама коммиссія дер-

жится въ секретѣ. Вопросъ самъ по себѣ интересный, и я еще не на столько состарился, чтобы равнодушно относиться къ дѣлу и не желать научиться чему-нибудь.

Небеса повидимому милостивѣе къ намъ, чѣмъ къ москвичамъ. Здѣсь наступила почти итальянская зима. Впрочемъ, въ письмахъ изъ Парижа описывается ужасъ холодовъ, особенно чувствительныхъ при отсутствіи хорошихъ печей.

Я теперь печатаю свои лекціи по энциклопедіи для воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія. Эта работа мнѣ по душѣ.

Подаю признаки жизни и въ округѣ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ другихъ газетахъ перепечатанъ былъ мой циркуляръ объ единицахъ, при чемъ по ошибкѣ онъ приписанъ министру. Въ педагогическомъ мірѣ циркуляръ возбудилъ много толковъ,—во всякомъ случаѣ вызвалъ оживленіе, а мнѣ именно это и нужно. Очень ужъ соннымъ стало педагогическое царство; куда ни посмотришь—вездѣ спящія дѣвы.

Не теряю надежды, что нынѣшній учебный годъ будетъ для меня послѣднимъ и что я получу желанную свободу. Право, пора.

Желаю отъ души добраго года. Для себя прошу прежняго расположенія и былъ бы очень радъ принять васъ въ Эксѣ въ своемъ домѣ; тамъ есть для васъ комната, которая вамъ понравится. Крѣпко жму руку, вашъ искренній М. Капустинъ.

14.

3—6-го апрѣля 1893 г. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за добрую память и поздравленіе. Отъ всей души желаю вамъ свѣтлыхъ и радостныхъ дней. Очень желалъ бы, чтобы вашъ путь въ Чикаго лежалъ на Петербургъ въ то время, когда я буду здѣсь. А остаюсь я въ Петербургѣ до конца мая. Затѣмъ уѣду въ Эксъ и Парижъ, а что предприму для себя потомъ, пока не знаю. Недавно въ фельетонѣ «Новаго Времени» наткнулся на вѣрную антитезу. Авторъ говоритъ о томъ, что каждый французъ работаетъ, пока есть силы, и затѣмъ идетъ на отдыхъ въ качествѣ rentier; у насъ же если кому достанется казенная соска, то онъ сосетъ ее до могилы. Съ другой стороны я спрашиваю себя, неужели каждая почтовая лошадь осуждена околѣть на перегонѣ между станціями и не смѣетъ стать на конюшню въ старости? Всѣ подобныя мысли приходятъ мнѣ въ голову, когда я думаю о своемъ будущемъ.

Вопросъ о котикахъ меня заинтересовалъ очень. Не далѣе, какъ третьяго дня, въ четвергъ, было если не послѣднее, то одно изъ послѣднихъ засѣданій. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ получаются де-

пеши и ноты англійскаго правительства, онѣ передаются намъ для составленія отвѣта на нихъ. Завтра англійскій посолъ долженъ уѣхать въ Крымъ, а потому настанетъ перерывъ въ сношеніяхъ и въ нашей работѣ. Думаю, что мы съ достоинствомъ отстаиваемъ права Россіи.

6-го апрѣля. Всѣ эти дни не удосужился взяться за перо, чтобъ окончить начатое письмо къ вамъ. Вы также посвящаете свое время международнымъ вопросамъ. Въ нашъ вѣкъ принципъ всеобщаго для всѣхъ права, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ сторонъ жизни, выдвигается все болѣе и болѣе. Помогай вамъ Богъ! Подъ старость радостно видѣть работу болѣе молодыхъ силъ. Жаль будетъ, если вы покинете Москву, какъ предполагаете. Надѣюсь, что отсутствіе ваше продлится недолго, и что вы снова возьметесь за привычную работу. Такъ какъ вы въ іюлѣ предполагаете быть въ Лондонѣ, а я въ это время буду въ Эксѣ, то не знаю, когда увидимся, развѣ вы пріѣдете до іюня сюда; въ такомъ случаѣ у меня найдется для васъ комната. Мнѣ теперь предстоитъ терять время на антипатичные для меня экзамены. Положеніе незавидное. Округъ представляетъ собой огромный лѣсъ, требующій постоянной работы, превышающей мои силы; а кромѣ того при всякой попыткѣ проникнуть въ лѣсную чащу встрѣчаешь непроходимые завалы. Перешагнуть чрезъ нихъ нѣтъ возможности,—а въ результатѣ оказывается равнодушіе къ дѣлу. Примириться или смириться я не умѣю, а ограничиваться рукоприкладствомъ считаю безсовѣстнымъ.

Еще разъ поздравляю васъ съ праздникомъ и обнимаю, вашъ М. Капустинъ.

15.

12-го сентября 1893 г.

Любезный Александръ Александровичъ, благодарю васъ за добрую память. Въ водоворотѣ американской жизни и новыхъ впечатлѣтій вы не забывали старыхъ друзей и давали о себѣ извѣстія. Не знаю, получили ли вы мое письмо въ Парижѣ, отправленное мною по вашему указанію poste restante. Дмитрій Васильевичъ Пенскій, у котораго я провелъ іюль мѣсяцъ, не могъ мнѣ сообщить ничего объ этомъ.

Радъ очень получать отъ васъ извѣстія. Самое отрадное будетъ о томъ, что вы хотя не надолго пріѣдете въ Петербургъ и доставите удовольствіе видѣть васъ; надѣюсь, что вы остановитесь у меня. Много есть о чемъ поговорить,—о минувшемъ и о настоящемъ.

Вѣроятно, не безъ вашего участія меня избрали членомъ Literary Society. Я получилъ объ этомъ извѣщеніе въ Эксѣ и до сихъ поръ не поблагодарилъ предсѣдателя и не выслалъ 5-ти рублей. Будьте любезны сообщите мнѣ побольше подробностей объ этомъ обществѣ, чтобъ я могъ исполнить долгъ вѣжливости и сдѣлать слѣдующій съ меня взносъ.

Я провелъ лѣто по обыкновенію въ Эксѣ и въ Парижѣ. За границей чувствовалъ себя отлично; но, возвратившись въ Петербургъ въ половинѣ августа, попалъ на ужасную погоду, которая продолжается до сихъ поръ. Не проходитъ одного дня безъ дождя, такъ, что мы рады приближающимся холодамъ.

Дѣло мое идетъ по-прежнему. На далекое будущее разсчитывать мнѣ поздно; но не только по словамъ другихъ, но и по собственному наблюденію я убѣждаюсь въ томъ, что работа моя и въ этомъ округѣ не осталась безплодною: кое-что измѣнилось дѣйствительно къ лучшему. Но учебное дѣло такого рода, что надо долго ждать, пока взойдетъ брошенное сѣмя. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, нужна увѣренность въ томъ, что останешься на мѣстѣ до времени всхода. А меня очень соблазняетъ мысль объ отдыхѣ и о полной свободѣ. Буду смотрѣть и любоваться на то, какъ другіе дѣлаютъ дѣло.

Помогай вамъ Господь во всемъ. Увидите Уолласа,—передайте ему мой поклонъ. Не теряю надежды еще видѣться съ вами и съ нимъ. Крѣпко жму руку. Вашъ М. Капустинъ.

16.

24-го декабря 1893 г. С.-Петербургъ.

Дорогой Александръ Александровичъ! Благодарю васъ за дружескія извѣщенія о себѣ. Грустно одно: вы отдаляетесь отъ Петербурга, и надежда видѣть васъ блѣднѣетъ все больше и больше.

Поздравляю васъ съ наступившими праздниками и съ новымъ годомъ; душевно желаю вамъ успѣха въ вашимъ предпріятіяхъ. Мнѣ думается, что въ Россіи нѣтъ лучшаго дѣла, какъ воспитаніе народа. Польза грамотности еще подлежитъ спору; но очеловѣченіе народа, сохраненіе въ немъ идеаловъ во всѣхъ областяхъ духа только одно можетъ укрѣпить цивилизацію противъ волны отрицанія и кровожадности звѣриной. Сколько добра можно сдѣлать на этомъ поприщѣ, — доказалъ С. А. Рачинскій своимъ примѣромъ. Вопросъ поднятъ во Франціи; «Temps» говоритъ о немъ ежедневно. Нужно только избѣгать односторонности: Рачинскій все сосредоточилъ на одной религіи.

Трепаться по разнымъ засѣданіямъ, актамъ и проч. приходится много, а настоящей работы дѣлается мало. Здоровье мое настолько порядочно, что я выѣзжаю каждый день. Думаю, что это послѣдняя зима, которую я провожу въ Петербургѣ. На-дняхъ видѣлъ Вышнеградскаго молодымъ и бодрымъ; онъ объясняетъ это тѣмъ, что бросилъ портфель министра и даже не читаетъ газетъ, чтобы не смутить своего душевнаго спокойствія. Это хорошій примѣръ для многихъ, въ томъ числѣ и для меня.

Благодарю за присылку членскаго билета A. R. L. Society. Пишу благодарственное письмо Казалету [1]). Отъ души желаю успѣха обществу, хотя и сомнѣваюсь, чтобъ интересъ къ нему продержался долго. Нашъ русскій языкъ для иностранцевъ неодолимъ, а знакомство съ Россiею они ограничиваютъ ея военными силами; смыслъ нашей жизни останется для нихъ еще долго загадкою. Но нельзя не привѣтствовать всякую попытку къ сближенію и къ совмѣстной работѣ.

Еще разъ благодарю за память. Вѣрьте, что я съ сердечнымъ участіемъ отношусь ко всему, что васъ касается, всегда преданный М. Капустинъ.

17.

25-го декабря 1894 года. Абастуманъ.

Дорогой Александръ Александровичъ! Большое вамъ спасибо за письмо ваше. Повидимому, Одесса ближе къ Абастуману, чѣмъ Петербургъ, но письма изъ Петербурга получаются черезъ 8 дней, ваше же я получилъ на 11-й. По этому разсчету вы получите настоящія строки, когда уже привыкнете къ новому году. Прошу принять мои поздравленія и сердечныя пожеланія въ этомъ будущемъ, всегда неизвѣстномъ и своевольномъ. Надѣюсь, что не ошибусь, если буду считать извѣстнымъ ваше доброе расположеніе ко мнѣ. Я здѣсь съ 24-го ноября преподаю великому князю. Читаю ему лекціи ежедневно и нахожу въ немъ постоянно новыя привлекательныя черты характера; его доброта и привѣтливость безграничны. Кажется, онъ только и думаетъ о томъ, чтобы сдѣлать другимъ пріятное. Стоитъ только посмотрѣть на его глаза, чтобъ убѣдиться въ его прекрасной душѣ: это свѣтлые ласкающіе глаза, унаслѣдованные имъ отъ отца. Здоровье его видимо улучшается. Онъ доволенъ и веселъ, каждый день или ѣздитъ на охоту, или катается, или дѣлаетъ прогулки пѣшкомъ. Насъ здѣсь состоящихъ при великомъ князѣ семеро: ожидается на-дняхъ восьмой, В. О. Ключевскій, пятеро—моряки. Мы собираемся у великаго князя въ 11 часовъ за завтракомъ, въ 3 часа за предобѣденнымъ чаемъ, въ 6 часовъ за обѣдомъ. Два раза въ недѣлю сходимся вечеромъ у женатыхъ моряковъ (ихъ здѣсь двое), гдѣ происходитъ бесѣда и чтеніе въ присутствіи великаго князя.

Абастуманъ—ущелье, въ которое солнце проникаетъ часовъ на пять въ день. Но зато—солнце южное, теплое, неаполитанское (Абастуманъ подъ однимъ градусомъ съ Неаполемъ). Если бы вмѣсто пяти часовъ

---

[1]) Казалетъ учредилъ въ Лондонѣ въ 1893 году „Англо-русское литературное общество“. Мать Э. А. Казалета русская, баронесса Боде, а отецъ англичанинъ.

солнце приходило на 15, то Абастуманъ былъ бы очаровательною station d'hiver. Но теперь приходится 19 часовъ спасаться отъ холода (который доходилъ уже до 12 градусовъ) въ картонныхъ домахъ, построенныхъ въ разсчетѣ на лѣто. Ущелье тянется версты на четыре. Это пространство застроено дачами, въ числѣ которыхъ два дворца великаго князя наслѣдника и великаго князя Александра Михаиловича. Я здѣсь останусь навѣрное до половины февраля. Чтò будетъ далѣе, т. е. гдѣ будетъ находиться великій князь, пока не рѣшено.

Благодарю за извѣщеніе о вашихъ новыхъ работахъ и за выражаемую готовность отозваться на просьбу о помощи и содѣйствіи. Крѣпко жму руку. Преданный М. Капустинъ.

18.

6-го іюня 1895. Петербургъ.

Любезный Александръ Александровичъ! Давно не писалъ вамъ; все ожидалъ, не могу ли сообщить вамъ что-нибудь новое о себѣ, но новаго ничего не оказывается. Живу попрежнему, да въ мои годы горизонты будущаго не могутъ быть широки. Чувствую усталость и потребность отдохнуть и съ этою цѣлью уѣзжаю за границу, гдѣ проведу два мѣсяца и буду пить воды въ Контрксевилѣ; туда направилъ меня Захарьинъ.

Вы спрашиваете меня, какое лучшее назначеніе могло бы дать дворянство своимъ средствамъ въ дѣлѣ воспитанія? Я противъ учрежденія стипендій, такъ какъ въ нашихъ пансіонахъ воспитательный элементъ отсутствуетъ, да онъ и невозможенъ при господствѣ «разночинца». Думаю, что московское дворянство поступило очень умно, устроивши свой пансіонъ-пріютъ, а теперь выговоривши себѣ право помѣщать своихъ дѣтей въ одну изъ гимназій, съ исключеніемъ лицъ прочихъ сословій. Посмотрите, какъ всѣ стремятся въ Лицей и въ училище Правовѣдѣнія, и это объясняется не правами, а составомъ учащихся. Боже меня избави затруднять образованіе низшихъ классовъ. Я самъ учредилъ на моемъ вѣку 10 стипендій, но изъ нихъ только одну въ реальномъ училищѣ; всѣ прочія въ низшихъ училищахъ для народа. Зачѣмъ ему университетское образованіе? На одного Ломоносова приходятся сотни тысячъ чиновниковъ, дѣлающихъ дѣло кое-какъ, подобно барщинѣ. Это новые крѣпостные, только во фракахъ и погоняемые къ работѣ нуждою и привычками болѣе льготной жизни. Семинаристы, выдвинувшіеся впередъ, благодаря латинскому и греческому языкамъ, едва-ли въ состояніи внести элементъ порядочности, мы ихъ знаемъ по Ярославлю. Поэтому дворянству слѣдуетъ позаботиться именно о воспитаніи и поддержать въ своихъ дѣтяхъ культъ всего высокаго и прекраснаго.

Вотъ вамъ искренній отвѣтъ на вопросъ о воспитанія. Я стою близко къ этому дѣлу и скорблю о немъ всею душою.

Говорю вамъ, что думаю и говорю для васъ; не придавайте моимъ письмамъ значенія статей; они никого не могутъ интересовать, кромѣ васъ; лучшаго или инаго я не имѣю въ виду. Крѣпко жму вамъ руку, душевно преданный М. Капустинъ.

19.

23-го (11-го) іюля 1896. Эксъ въ Савойѣ.

Любезный Александръ Александровичъ, пишу къ вамъ изъ города, съ которымъ для меня соединяется воспоминаніе о вашемъ пріѣздѣ для свиданія со мною. Я цѣню это выраженіе добраго чувства; думаю, что старое дерево съ привязанностью смотритъ на растущіе вкругъ него свѣжіе и сильные побѣги молодыхъ деревьевъ.

Я почти машинально пріѣзжаю сюда каждый годъ, не отдавая себѣ отчета, необходимо ли это для моего здоровья. Впрочемъ на сей разъ мои связи съ Эксомъ значительно ослабли: мнѣ удалось наконецъ, хотя и съ большимъ убыткомъ, продать свой здѣшній домъ. Не пристало намъ, русскимъ, владѣть недвижимостью за границею, да и не выгодно. Думаю купить маленькую усадьбу въ Финляндіи, чтобъ имѣть прибѣжище на лѣто.

Вы строите новые планы въ будущемъ, а я приближаюсь все больше къ тому положенію, въ которомъ, по выраженію Шербулье, on est condamné aux galères du repos. Иной разъ пробуждается энергія, но эта вспышка скоро гаснетъ, особенно если встрѣтится крупное препятствіе. Мое дѣло теперь—не самому работать, а одушевлять другихъ къ работѣ. Въ этомъ отношеніи я не могу пожаловаться, такъ какъ мнѣ удалось значительно оживить педагогическій персоналъ моего округа. Vivos voco,—и на этотъ призывъ слышится откликъ.

Радуюсь успѣхамъ созданной вами библіотеки и сочувствію. Только напрасно вы помѣщаете туда мои письма, едва-ли они могутъ имѣть какой-нибудь интересъ,—даже для моего біографа, если такой найдется послѣ моей смерти.

Съ уменьшеніемъ силъ, дѣла у меня прибавляется. Кромѣ учебнаго округа и училища Правовѣдѣнія, я согласился принять на себя завѣдываніе двумя институтами, — Маріинскимъ и Павловскимъ. Опять должна проснуться во мнѣ энергія; дѣло новое для меня и увлекательное,—нельзя не отдаться ему всѣми остающимися еще во мнѣ способностями и силами.

Завтра выѣзжаю въ Парижъ къ Дм. Вас. Пенскому. Думаю затѣмъ

недѣли двѣ пробыть въ Англіи, а послѣдній мѣсяцъ моего отпуска провести въ Эмсѣ, гдѣ хочу полѣчиться. Въ Петербургъ возвращусь около 1-го нашего сентября.

Благодарю за письмо, желаю всего лучшаго, дружески жму руку, преданный М. Капустинъ.

20.

27-го (15-го) августа 1896. Bad-Ems

Любезный Александръ Александровичъ. Какъ видите, я уже на послѣдней станціи своей заграничной поѣздки и почти наканунѣ возвращенія въ Петербургъ. Не знаю, какое улучшеніе здоровья я привезу съ собою. Если адъ вымощенъ добрыми намѣреніями, что не доказано, то мостовая на землѣ несомнѣнно состоитъ изъ надеждъ и утѣшеній. По этой мостовой и я хожу теперь, подъ неперестающимъ въ теченіе 10-ти дней дождемъ, при 8° тепла, согрѣваясь не очень горячею водою Крэнхенъ.

Когда я бываю за границею, то испытываю чувство зависти при видѣ здѣшняго культурнаго благоустройства, а еще болѣе прочныхъ нравственныхъ устоевъ. Здѣсь не боятся круглый годъ ѣсть не только коровье масло, но и самого быка; но боятся сдѣлать гадость, хотя бъ она была скрыта для всѣхъ постороннихъ глазъ. Здѣсь привыкли разсчитывать на свои силы, а не на милости и подачки со стороны; можетъ быть, иная щука и съѣстъ карася, но это не возводится въ правила жизни. Я впрочемъ никогда не кончилъ бы, еслибы продолжалъ сравненія. Теперь же мнѣ приходитъ въ голову такое размышленіе.

Мы съ вами въ порядочной мѣрѣ культурные люди, и по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ обязаны этимъ труду нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ, которымъ платилось за наше воспитаніе. Но не зависитъ ли отъ насъ отблагодарить за добро, намъ сдѣланное. Научили ли мы темный народъ, что страшны не мясо по средамъ и пятницамъ, даже и не чортъ, а наша совѣсть, которая требуетъ насъ къ отчету? Доказали ли мы ему, что надо уважать и любить каждаго, хотя бы то былъ и карась, и что подлость слѣдуетъ считать подлостью, а не молодечествомъ; непойманный воръ не лучше, а пожалуй и хуже пойманнаго. Помогли ли мы ему въ нуждѣ и невѣжествѣ и вывели ли на широкую дорогу труда?

Я откровенно сознаю, что не уплатилъ моего долга, и развѣ изрѣдка вношу по немъ минимальные проценты; пользуюсь же своею культурою очень широко. Вотъ и теперь былъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и чувствовалъ себя хорошо, пользуясь всѣми удобствами, какія завела у себя

и для себя европейская буржуазія. Все это хорошо, но не заглушаетъ упрека совѣсти.

Желаю вамъ успѣха и благополучія въ вашей поѣздкѣ вокругъ свѣта, хотя и не понимаю ея. Чтò вынесете вы изъ посѣщенія Азіи, кромѣ впечатлѣній мѣстностей; чтò привезете вы съ собою пригоднаго для русской жизни? Едва-ли много. Если искать только новаго и невидѣннаго, то лучше ѣхать съ Андрэ къ сѣверному полюсу. Меня никогда не манила чужая Азія,—по Сибири же я проѣхалъ бы съ удовольствіемъ, посмотрѣлъ бы на переселенцевъ и можетъ быть принесъ бы имъ пользу добрымъ указаніемъ.

Казалета я не видѣлъ. Онъ нездоровъ и не только не былъ въ засѣданіи Р. Л. Общества, но не принималъ у себя.

Впрочемъ пора кончить. Отъ души желаю всего лучшаго и благодарю за письмо, полученное мною въ Парижѣ. Д. Д. Пенскій шлетъ привѣтъ. Преданный М. Капустинъ.

21.

10-го января 1897. С.-Петербургъ.

Любезный Александръ Александровичъ, благодарю отъ души за добрую память и новогодній привѣтъ. Сердечно желаю, чтобъ и для васъ наступившій годъ былъ благополучнымъ и радостнымъ. Хотя я продолжаю не понимать вашего путешествія на востокъ;—но—разъ, вы рѣшились на него,—да хранитъ васъ Господь отъ всякихъ бѣдъ.

Еще гр. Уваровъ доказывалъ, что чѣмъ ближе къ намъ исторія, тѣмъ менѣе она достовѣрна. Въ интересахъ точности могу сказать, что я дѣйствительно въ теченіе двухъ дней выходилъ къ студенческой толпѣ, убѣждая ее успокоиться. Но это была толпа цивилизованная, крайне вѣжливая и почтительная. Я даже слышалъ отъ нея похвальное слово моимъ заслугамъ. Думаю, что своимъ спокойнымъ тономъ я успѣлъ утишить страсти,—во всякомъ случаѣ не дать имъ разыграться. Дѣло обошлось безъ арестовъ, безъ увольненій,—и то хорошо. Но въ Уставѣ 1884 г. есть много нездороваго, чтò будетъ сказываться постоянно.

О себѣ сказать почти ничего не могу. Я дожилъ до того предѣла, когда все по величинѣ кажется среднимъ, а по цвѣту сѣренькимъ. Смерть вырываетъ кругомъ людей близкихъ, и на смѣну имъ приходятъ все маленькіе люди. Количество лежащихъ на мнѣ работъ достигло крайнихъ предѣловъ,—и долженъ наступить кризисъ. Я управляю округомъ и двумя институтами, читаю лекціи въ училищѣ Правовѣдѣнія, предсѣдательствую въ административномъ отдѣлѣ юридическаго общества и въ обществѣ переселенцевъ, присутствую въ опекунскомъ совѣтѣ и

проч. Для всего этого мало 24-хъ часовъ въ сутки, и этимъ объясняется, почему я такъ рѣдко пишу вамъ.

Купилъ себѣ дачу въ Финляндіи и устроиваю ее для лѣтняго пребыванія. Мѣстность прекрасная и народъ культурный.

Жаль мнѣ Бор. Алексѣев. Лопухина [1]). Онъ умеръ внезапно отъ удара.

Русская журналистика изъ рукъ вонъ плоха. Она способна своими пріемами опошлить всѣ дорогія наши убѣжденія; одни журналисты бьютъ себя въ грудь и увѣряютъ, что только ими и держится Россія; другіе фиглярствуютъ и призываютъ только къ веселью. Пожалуй, послѣдніе лучше, потому что въ нихъ менѣе желчи.

Однако я затронулъ вопросъ очень широкій. Богъ съ нимъ! Еще разъ желаю всего лучшаго. Крѣпко жму руку, вашъ М. Капустинъ.

22.

25-го января 1898 г. С.-Петербургъ.

Давно собираюсь писать вамъ, дорогой Александръ Александровичъ, и поблагодарить за постоянное доброе вниманіе и память. Отъ души желаю вамъ радостнаго наступившаго года, а также прежней энергіи.

Къ сожалѣнію, у меня ея почти вовсе нѣтъ,—а разъ потерявши интересъ къ дѣлу, я считалъ не честнымъ держать его въ своихъ некрѣпкихъ рукахъ. Мнѣ стукнуло 11-го января 70 лѣтъ, а 12-го, въ Татьянинъ день, я исполнилъ свой долгъ, т. е. подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности попечителя, на 49 году своей учебной службы.

Если я останусь жить въ Петербургѣ, то въ занятіяхъ недостатка не будетъ; кромѣ лекцій въ училищѣ Правовѣдѣнія, у меня есть два института и надо воспитывать мою дѣвочку, которой уже 5-й годъ. Если же для жизни въ Петербургѣ у меня не достанетъ средствъ, то уѣду за границу и поселюсь въ скромномъ и дешевомъ мѣстѣ, гдѣ буду отдыхать......

Еще разъ желаю всего лучшаго въ будущемъ и благодарю за прошлое. Крѣпко жму вамъ руку, вашъ М. Капустинъ.

---

[1]) Борисъ Алексѣевичъ Лопухинъ былъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Будучи студентомъ Московскаго университета, онъ сблизился съ М. Н. Капустинымъ, какъ своимъ профессоромъ. А. Б.

23.

17-го мая 1898. С.-Петербургъ.

Отъ души благодарю васъ за ваше любезное дружеское приглашеніе провести лѣто съ вами въ Одессѣ. Не нужно никакого усилія воображенія, чтобы представить себѣ то удовольствіе, которое доставило бы мнѣ лѣтнее пребываніе у васъ. Но увы! я дошелъ до такой степени физическаго разрушенія, что обязанъ везти свое бренное тѣло куда-нибудь въ починку. Думаю направиться въ Nauheim, не найду ли тамъ Силоамскую купель для своихъ недуговъ?

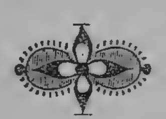
Вы не повѣрите, какую усталость чувствую я постоянно; кажется, я былъ бы способенъ цѣлый день лежать на диванѣ. Слава Богу, остается не болѣе двухъ недѣль моей службы въ должности попечителя,—и я съ нетерпѣніемъ жду того дня, когда покину Петербургъ и забуду о гимназистахъ и объ экзаменахъ. Думаю, что слово «маяться» сочинено учащимися и происходитъ отъ «май», когда бываютъ экзамены...

Вѣроятно, скоро прійдется прекратить лекціи и въ училищѣ Правовѣдѣнія, и я на старости останусь только съ институтками.

На наши дѣла по народному просвѣщенію я смотрю уже почти только въ качествѣ наблюдателя. Трудныя задачи предстоятъ новому министру. Все такъ связано одно съ другимъ, что частичныя поправки не помогутъ, а надо, благословясь, ломать все разомъ и строить по новымъ чертежамъ.

Еще разъ прошу принять выраженіе моей благодарности за дружбу. Крѣпко жму руку, душевно преданный М. Капустинъ.

Сообщилъ **А. А. Борзенко.**

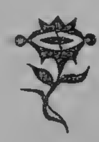
Порядокъ молебствія по поводу изгнанія непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году.

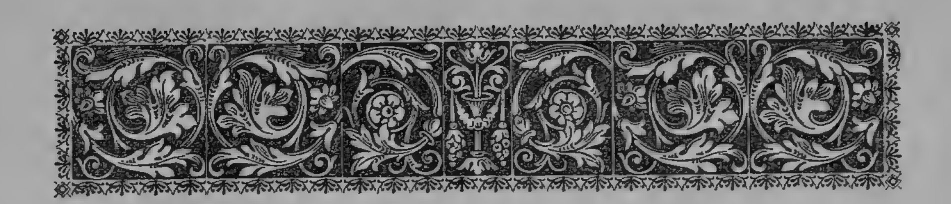
Отношеніе статсъ-секретаря Н. Н. Муравьева митрополиту Серафиму.

22-го декабря 1825 года за № 1497.

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать государю императору о моихъ съ вами объясненіяхъ во исполненіе высочайшей его величества воли: и вслѣдствіе того его императорское величество высочайше соизволяетъ, дабы во время установленнаго ежегоднаго въ 25-й день декабря молебствованія въ воспоминаніе избавленія Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти народовъ, какъ въ наступающій 25 день сего мѣсяца, такъ и на всегда впредь въ оный день, былъ наблюдаемъ слѣдующій порядокъ: первое, въ молитвѣ, съ колѣнопреклоненіемъ во время онаго молебствія читаемой, слова: «Благочестивѣйшаго же царя нашего Александра Павловича вѣнчалъ еси оружіемъ благоволенія твоего», оставить въ ней навсегда, подобно тому, какъ сохраняется имя императора Петра І-го въ учрежденномъ на всегдашнія времена молебствованіи за побѣду подъ Полтавою, вмѣстивъ въ періодъ сей молитвы, начинающійся: «Утверди Благословеніе Твое на благочестивѣйшемъ самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ императорѣ»,—высочайшее имя его императорскаго величества Николая Павловича, вмѣсто находившагося въ немъ имени императора Александра Павловича; второе, послѣ оной молитвы и по возглашеніи многолѣтія царствующему императорскому дому возглашать вѣчную память въ бозѣ почивающему государю императору Александру Первому; а потомъ уже многая лѣта христолюбивому всероссійскому побѣдоносному воинству.

Поспѣшая сообщить вашему высокопреосвященству таковую его императорскаго величества высочайшую волю, для надлежащаго по ней съ вашей стороны исполненія, имѣю честь быть и проч.

А. А. Кавелинъ, какъ воспитатель императора Александра II.

Время, о которомъ мнѣ приходится говорить, уже давно миновало, осталось въ живыхъ очень мало свидѣтелей, да и тѣ немногіе старики, которые доживаютъ свой вѣкъ, въ ту пору были еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Славное царствованіе въ бозѣ почивающаго «Царя-Освободителя», столь обильное великими реформами, также миновало и сдѣлалось достояніемъ исторіи. Изъ числа нѣсколькихъ свидѣтелей событій 30-хъ и 40-хъ годовъ, относящихся къ юношеству императора Александра Николаевича, остались въ живыхъ мой старшій братъ и я. Какъ сыновьямъ воспитателя покойнаго государя, намъ должно быть болѣе всѣхъ извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находился нашъ отецъ къ своему августѣйшему питомцу, хотя бы по той простой причинѣ, что мы постоянно слышали разговоры отца про прекрасныя качества и способности его возлюбленнаго воспитанника.

Съ 1834 года А. А. Кавелинъ съ семействомъ занималъ помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ и всякій день по нѣсколько часовъ находился при особѣ наслѣдника цесаревича. Между тѣмъ въ послѣднія 20—25 лѣтъ въ печати стали появляться сообщенія, будто воспитателемъ императора Александра II-го былъ нашъ знаменитый поэтъ Жуковскій, а по другимъ версіямъ—В. И. Назимовъ.

Въ дѣйствительности воспитателями императора Александра II состояли: первоначально генералъ Мердеръ, а со времени его болѣзни, съ 1833 года, и послѣ его смерти,—мой покойный отецъ генералъ-адъютантъ Александръ Александровичъ Кавелинъ, ближайшими помощниками коего были флигель-адъютантъ полковникъ В. И. Назимовъ и спеціально для фронтоваго образованія генералъ Юрьевичъ. В. А. Жу-

ковскій, будучи преподавателемъ русской словесности, исполнялъ одновременно обязанности инспектора классовъ, т. е. наблюдалъ за точнымъ выполненіемъ образовательной программы, утвержденной лично императоромъ Николаемъ I. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая крупная личность, какъ В. А. Жуковскій, будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ наслѣдникомъ, долженъ былъ имѣть и несомнѣнно имѣлъ большое вліяніе на образъ мыслей августѣйшаго ученика. Заслугъ В. А. Жуковскаго никто не отрицаетъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ считаться воспитателемъ наслѣдника, такъ какъ таковымъ былъ А. А. Кавелинъ. Въ подтвержденіе справедливости нашихъ словъ приводимъ нижеслѣдующій рескриптъ императора Николая моему отцу отъ 6-го декабря 1841 года:

«Александръ Александровичъ! Въ продолженіе двадцати-трехъ лѣтней службы вашей при мнѣ, ознакомясь близко съ отличающими васъ превосходными качествами, я, съ полною увѣренностію въ неизмѣнности вашихъ правилъ, поручилъ вамъ нравственное образованіе вселюбезнѣйшаго моего сына, великаго князя Александра Николаевича, опредѣливъ васъ къ особѣ его императорскаго высочества въ качествѣ его воспитателя. Довѣренность мою въ этомъ драгоцѣнномъ для сердца моего отношеніи вы оправдали совершенно. Бывъ постояннымъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ дѣйствій, я еще болѣе убѣдился въ непоколебимости вашихъ уваженія достойныхъ правилъ.

«Это убѣжденіе рѣшило меня избрать васъ предсѣдателемъ учрежденной въ Вильнѣ слѣдственной коммиссіи надъ лицами, обвиняемыми въ преступныхъ намѣреніяхъ противу правительства. Этимъ выборомъ я имѣлъ въ виду положить конецъ, сколь можно скорый и справедливый, многолѣтнимъ изысканіямъ надъ сими преступниками, а съ другой стороны явить краю, которому лица сіи принадлежатъ, новое доказательство, сколь мнѣ близки его спокойствіе и благоденствіе. При всей трудности и многосложности этого порученія, вы успѣли окончить его скорѣе, нежели ожидать было можно, и при томъ со всею желаемою полнотою, ясностью и отчетливостію. Разсмотрѣвъ во всей подробности донесенія ваши, я поручилъ военному министру передать вамъ повелѣнія мои на счетъ закрытія коммиссіи и по нѣкоторымъ, до изысканій ея относящимся предметамъ, а между тѣмъ исполняю долгъ, самый для меня пріятный, изъявляя вамъ совершенную мою признательность и благодарность за достохвальный и добросовѣстный трудъ вашъ».

Александръ Александровичъ Кавелинъ родился 9-го іюня 1793 года. Отецъ его, небогатый тульскій помѣщикъ, состоялъ на службѣ совѣтникомъ казенной палаты. Получивъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, А. А. Кавелинъ въ 1808 году состоялъ камеръ-пажемъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; въ 1810 году онъ былъ

произведенъ въ офицеры подпоручикомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ; въ 1812 году въ сраженіи при Бородинѣ раненъ въ ногу картечью и въ руку пулею. Въ 1818 году въ чинѣ капитана онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу и въ 1827 году произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества. Во время похода въ Турцію въ 1828 г. состоялъ комендантомъ императорской главной квартиры и принималъ участіе въ главныхъ сраженіяхъ. Въ 1830 году А. А. назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса и вслѣдъ затѣмъ генералъ-адъютантомъ е. и. величества; 5-го мая 1834 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи А. А. Кавелина состоять при его высочествѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ въ качествѣ его воспитателя. Въ 1841 году А. А. Кавелинъ былъ назначенъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, въ 1842 году с.-петербургскимъ военнымъ генералъ губернаторомъ и въ 1843 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Вслѣдствіе сильнаго нервнаго разстройства и тяжкой болѣзни, А. А. принужденъ былъ въ 1846 г. оставить занятія и подвергнуться серьезному и продолжительному лѣченію. Послѣ почти двухъ-лѣтняго пребыванія за границею Александръ Александровичъ поправился и, вернувшись въ Петербургъ, состоялъ генералъ-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, но не долго, такъ какъ въ 1850 году болѣзненные припадки повторились, и доктора нашли необходимымъ удалить его отъ всѣхъ близкихъ. Александръ Александровичъ скончался 4-го ноября 1850 года, 57-ми лѣтъ отъ роду [1]).

Для того чтобы дать понятіе о нравственныхъ качествахъ Александра Александровича, привожу нѣкоторые изъ совѣтовъ, оставленныхъ имъ своимъ дѣтямъ, написанныхъ въ Дармштатѣ въ апрѣлѣ 1840 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія его служебной дѣятельности при наслѣдникѣ цесаревичѣ въ качествѣ его воспитателя. Эти совѣты весьма важны въ виду, къ сожалѣнію, довольно распространеннаго, но совершенно ошибочнаго мнѣнія о ненормальности умственныхъ способностей Александра Александровича въ то будто-бы время, когда онъ состоялъ при его высочествѣ [2]).

---

[1]) Скоро послѣ смерти А. А. появился въ „Русскомъ Инвалидѣ“ некрологъ его, написанный съ не совсѣмъ вѣрною передачею словъ Ал. Ал. въ его совѣтахъ и признаніяхъ своимъ дѣтямъ, вѣроятно вслѣдствіе строгихъ въ то время цензурныхъ правилъ.

[2]) Въ первый разъ болѣзненные симптомы появились у Ал. Ал. лишь въ 1846 г., т. е. послѣ того какъ Александръ Александровичъ уже четыре года исполнялъ обязанности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

«Моимъ дѣтямъ».

«Я совершенно убѣдился, что безъ религіознаго чувства человѣкъ не можетъ быть истинно счастливъ, какъ бы онъ ни былъ высокопоставленъ обстоятельствами, какую бы славу и богатство онъ ни пріобрѣлъ. Религіозное чувство оживляетъ душу, поощряя ее къ добру, даетъ вамъ неоцѣненное сокровище—чистую совѣсть, и будетъ для васъ самой вѣрной опорой въ жизни и утѣшеніемъ.

«Совѣтую вамъ посвятить себя на служеніе царю и отечеству, вѣрой и правдой, по своимъ способностямъ, которыя должны сами тщательно испытать, не увлекаясь пустымъ тщеславіемъ или блестящими поприщами. Стократъ лучше быть болѣе полезнымъ, нежели болѣе извѣстнымъ.

«Я всегда смотрѣлъ съ презрѣніемъ на тѣхъ государственныхъ людей, которые занимаютъ мѣста выше своихъ способностей, и особенно когда они достигаютъ ихъ подлостями и интригами, и потому всегда боялся занимать мѣсто выше своего достоинства; но Богу угодно было меня испытать этимъ. По не заслуженной довѣренности ко мнѣ государя императора, я былъ избранъ имъ, послѣ смерти моего предмѣстника, въ важнѣйшее званіе **воспитателя** наслѣдника престола великаго царства Русскаго, былъ избранъ, не чувствуя въ себѣ способностей, необходимыхъ для такого великаго званія; но совѣсть моя чиста. Въ 1822 году, по первому мнѣ предложенію, я рѣшился отказаться отъ него, написавъ мою «исповѣдь» отцу предлагаемаго мнѣ воспитанника, какъ я бы высказался и предъ самимъ Богомъ; по второму сдѣланному мнѣ предложенію въ концѣ 1832 года, за болѣзнію генерала Мердера, я не могъ отказаться принять это предложеніе—на время. Послѣ смерти Мердера я опять писалъ государю вторую подобную первой «исповѣдь», но не устоялъ противъ убѣдительныхъ просьбъ государя, моего личнаго благодѣтеля. Я принялъ скрѣпя сердце обязанность воспитателя наслѣдника. Добрый и превосходный характеръ его и самыя пріятныя сношенія—касательно воспитанія—съ высокимъ родителемъ его облегчили мнѣ ходъ моего служенія; но, не смотря на то, я страдалъ много и часто въ глубинѣ души моей отъ являвшихся не рѣдко случаевъ, доказывавшихъ мнѣ, что я былъ правъ, когда увѣрялъ государя, что не имѣю нужныхъ способностей для моего званія. Жизнь и царствованіе наслѣдника, если оное ему Богъ назначилъ, рѣшатъ это дѣло. Я получалъ много разнаго рода наградъ, но радость получать ихъ всегда уступала во мнѣ горести самосознанія недостатковъ моихъ,—уступала по искреннему душевному и совсѣмъ не принужденному чувству. Если бы кому изъ васъ случилось быть близкимъ къ царю, Боже васъ избави, — интригами или лестью снискивать его милости; ревностной службой и правдой—дѣло другое,

ибо поступками подлыми, не смотря на ваши почести, вы заслужите общее презрѣніе; а что всего хуже,—ваше собственное...

«Съ начальниками своими будьте учтивы и почтительны, хотя бы вамъ и случилось встрѣчать такихъ, которые бы не совсѣмъ заслуживали это, но учтивость не должна доходить до низости и подлости. Хорошій начальникъ до нихъ не охотникъ, а дурному совѣтую вамъ отказать въ этомъ, если бы онъ и желалъ того,—отказать, хотя бы это и сопряжено было съ потерею вашихъ выгодъ. Въ обхожденіи съ прочими, совѣтую вамъ искать и умѣть сохранять друзей, но друзьями избирать людей достойныхъ, а не увлекаться фальшивымъ блескомъ знатности и суетности.

«Подчиненныхъ слѣдуетъ любить, заботиться о ихъ пользахъ, исправлять ихъ безъ злости, но однако же съ твердостію».

Чувство справедливости и безпристрастія побуждаютъ меня, сына Александра Александровича, откровенно сознаться, что, не смотря на его высокія нравственныя качества, признаваемыя всѣми его лично знавшими, не смотря на его необыкновенную доброту, онъ, какъ и всѣ люди, имѣлъ недостатки, которые главнымъ образомъ состояли въ нетерпѣливости, раздражительности и рѣзкости въ выраженіяхъ. Недостатки эти, а въ особенности довѣренность къ нему императора и замѣчательно быстрая его служебная карьера создали ему множество враговъ и недоброжелателей, въ особенности между его сверстниками по службѣ. Дошло до того, что нѣсколько лѣтъ послѣ смерти А. А. Кавелина, извѣстный эмигрантъ А. И. Герценъ въ издаваемомъ имъ въ Лондонѣ журналѣ «Колоколъ», не стѣсняясь, сталъ распространять про бывшаго воспитателя императора Александра Николаевича самыя невѣроятныя нелѣпости, и легковѣрная публика повѣрила Герцену, да по всей вѣроятности и теперь продолжаетъ вѣрить. Императоръ Николай I высоко оцѣнилъ воспитательную дѣятельность А. А. Кавелина, и всѣ мы, оставшіеся въ живыхъ сыновья и дочери Александра Александровича, и по сіе время продолжаемъ пользоваться милостію императора Николая Павловича, назначившаго вдовѣ и дѣтямъ А. А. Кавелина пожизненныя пенсіи.

У одного изъ моихъ братьевъ хранятся портреты наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, пожалованные имъ моему отцу въ разное время; на одномъ изъ нихъ сдѣлана карандашомъ слѣдующая собственноручная надпись его высочества: «Другу моему и бывшему наставнику Александру Александровичу Кавелину въ знакъ памяти и искренней признательности.

Александръ».

Петергофъ 9-го іюня 1841 года [1]).

---

[1]) День рожденія моего отца.

Вообще императоръ Александръ II искренно и горячо любилъ не только Александра Александровича, но и все его семейство.

Въ 1870 годахъ, во время служенія моего въ Москвѣ въ должности завѣдующаго Московскимъ отдѣленіемъ контроля и кассы министерства императорскаго двора, по болѣзни управляющаго императорскими театрами г-на Пельта, и послѣ смерти его, мнѣ было поручено управленіе императорскими московскими театрами. Въ то время почти ежегодно проѣздомъ черезъ Москву, императоръ Александръ II посѣщалъ московскіе— Большой и Малый театры. Исполняя обязанности директора, я всякій разъ имѣлъ счастіе лично встрѣчать его величество при входѣ его въ ложу. Часто случалось, что государя сопровождали иностранные принцы, и въ такихъ случаяхъ его величество представлялъ меня этимъ принцамъ, произнося всегда слѣдующія слова: «Le directeur des théâtres Kaveline, ex-Garde-à-cheval, le fils de mon précepteur» (директоръ театровъ Кавелинъ, бывшій конногвардеецъ, сынъ моего воспитателя).

Въ заключеніе упоминаю еще объ одномъ фактѣ, случайномъ, но довольно замѣчательномъ. Послѣ мученической кончины въ Бозѣ почивающаго императора Александра Николаевича въ день печальной церемоніи перевезенія тѣла усопшаго государя изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ, въ суетѣ забыли прикрѣпить саблю къ крышкѣ гроба; въ послѣднюю минуту принесли первую попавшуюся подъ руки саблю, и сабля эта—въ золотой оправѣ—оказалась именно та, которая была подарена государю моимъ отцомъ А. А. Кавелинымъ. Замѣчательно то, что эта же сабля, проводившая государя до могилы, была завѣщана имъ (какъ послѣ того оказалось) старшему брату моему Александру Александровичу Кавелину [1]), у котораго она и теперь хранится вмѣстѣ съ портретомъ государя, также завѣщаннымъ брату.

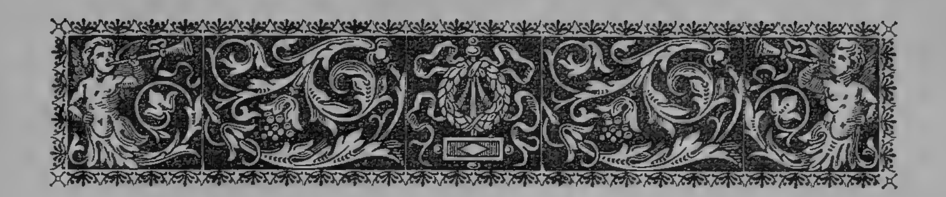
Послѣ всего сказаннаго можно ли сомнѣваться въ томъ, что воспитателемъ покойнаго императора Александра II былъ дѣйствительно Александръ Александровичъ Кавелинъ?

П. Кавелинъ.

---

[1]) Братъ мой Александръ Александровичъ Кавелинъ въ 1854 году, въ чинѣ прапорщика л.-гв. Измайловскаго полка, назначенъ былъ состоять ординарцемъ при наслѣдникѣ. Съ 1855 года состоялъ флигель-адъютантомъ и съ производствомъ въ генералъ-маіоры былъ назначенъ въ свиту его императорскаго величества. Онъ былъ таврическимъ и затѣмъ смоленскимъ губернаторомъ, а въ настоящее время въ отставкѣ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

(По бумагамъ графа Франца-Габріэля де-Брэ) [1]).

I.

Избраніе императора Павла I гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена.—Столкновеніе его съ Баваріею.—Присылка баварскихъ депутатовъ.—Путешествіе ихъ до Петербурга.

Въ 1798 г. императоръ Павелъ I, какъ извѣстно, былъ избранъ гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена. За пять лѣтъ до этого событія, т. е. въ 1793 г., наслѣдникъ баварскаго престола, герцогъ Цвейбрюкенскій, Максимиліанъ Іосифъ (впослѣдствіи курфюрстъ и король Максимиліанъ I) началъ тяжбу съ орденомъ Іоаннитовъ, съ цѣлью отобрать принадлежавшія ему баварскія земли. Въ 1795 г. посѣтивъ свою будущую столицу, онъ составилъ «актъ», въ силу котораго всѣ земли, принадлежавшія баварскому великому пріорству Мальтійскаго ордена, подлежали немедлен-

[1]) Рыцарь Мальтійскаго ордена, графъ Францъ-Габріэль де-Брэ (р. 1765 † 1832 г.), впослѣдствіи извѣстный баварскій дипломатъ, сталкивался во время своей продолжительной и разнообразной дипломатической карьеры съ извѣстнѣйшими людьми своего времени и былъ свидѣтелемъ и участникомъ событій, которыя волновали этихъ людей. Человѣкъ разносторонне образованный, одаренный проницательнымъ умомъ и наблюдательностью, онъ прекрасно владѣлъ перомъ и усвоилъ себѣ привычку заносить въ свою записную книжку замѣтки и впечатлѣнія по поводу имъ пережитаго. Такимъ образомъ, помимо обширнаго собранія документовъ и писемъ, прошедшихъ чрезъ его руки, которыя хранились имъ въ замѣчательномъ порядкѣ, де-Брэ оставилъ нѣсколько дневниковъ, которые не только не утратили своего значенія по прошествіи ста лѣтъ послѣ того, какъ они были написаны, но

ной конфискаціи. Этотъ актъ былъ приведенъ въ началѣ 1799 г. въ исполненіе, не взирая на то, что обстоятельства съ теченіемъ времени измѣнились и что орденъ получилъ (11-го ноября 1798 г.) могущественнаго покровителя въ лицѣ своего новаго гроссмейстера, русскаго императора Павла I. Гнѣвъ императора по поводу нарушенія правъ, которыя онъ считалъ своими собственными, не имѣлъ границъ. Баварскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Поршъ, былъ посаженъ въ «кибитку» и высланъ за границу; ко всѣмъ дружественнымъ дворамъ былъ посланъ гнѣвный протестъ, и русскимъ войскамъ, двинутымъ къ Рейну, для борьбы съ французами, было приказано относиться къ Баваріи какъ къ странѣ непріятельской. Встревоженному курфюрсту ничего не оставалось, какъ пойти на уступку, возвратить конфискованныя земли, успокоить гнѣвъ русскаго царя обѣщаніемъ, что Баварія приметъ участіе въ войнѣ съ Франціей, и послать въ Петербургъ депутацію мальтійскихъ рыцарей съ изъявленіемъ ихъ преданности и почтенія гроссмейстеру ордена, котораго всѣ чрезвычайно боялись. Въ числѣ этихъ депутатовъ находился рыцарь Мальтійскаго ордена и будущій дипломатическій дѣятель Баваріи графъ Францискъ де-Брэ.

Путешествіе въ далекую русскую столицу было сопряжено въ исходѣ XVIII вѣка съ такими же трудностями и съ такимъ же страхомъ, съ какимъ Дидро описывалъ свою поѣздку на берега Невы, совершенную имъ въ 1773 г. Она представлялась еще страшнѣе съ тѣхъ поръ, какъ на престолѣ сѣверной Семирамиды (Екатерины II) возсѣдалъ ея сынъ, «самый своенравный и грозный царь нашего времени». Даже въ самомъ

въ нѣкоторомъ отношеніи представляютъ нынѣ еще большій интересъ. Все сколько-нибудь любопытное изъ замѣтокъ этого умнаго и высоко образованнаго дипломата сгруппировано въ связномъ разсказѣ въ появившейся въ Лейпцигѣ книгѣ: „Изъ жизни дипломата старой школы" (Aus dem Leben eines Diplomaten alter Schule. Aufzeichnungen und Denkwürdigkeiten des Grafen François Gabriel de Bray. Leipzig. 1901), въ которой встрѣчаются главы, представляющія высокій интересъ для русскихъ читателей. Де-Брэ былъ два раза при петербургскомъ дворѣ, впервые въ царствованіе Павла I въ 1799—1800 гг., въ качествѣ депутата отъ Мальтійскаго ордена и вторично въ качествѣ баварскаго посланника, передъ отечественной войною (1808—1812 гг.). Всегда столь проницательный дипломатъ, на этотъ разъ не былъ безошибоченъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, ибо упорно не вѣрилъ въ возможность и даже близость войны Россіи съ Наполеономъ.

Въ бумагахъ де-Брэ сохранилась между прочимъ копія съ крайне любопытнаго донесенія бывшаго много лѣтъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Баваріи при петербургскомъ дворѣ г. Ольри (Olry), въ которомъ сообщаются разныя подробности, сопровождавшія возвращеніе въ Россію императора Александра I послѣ продолжительнаго отсутствія, вызваннаго вмѣшательствомъ Россіи въ европейскія дѣла въ 1805 г. **В. Т.**

благопріятномъ случаѣ путешественникъ долженъ былъ готовиться къ всевозможнымъ случайностямъ, неслыханнымъ въ ту пору въ цивилизованномъ мірѣ. Сверхъ того предстояло утомительное, многонедѣльное путешествіе на лошадяхъ по мѣстности, которая считалась въ то время въ западной и въ южной Европѣ страною варварской, вообще мало кому извѣстной. Съ названіемъ Восточная Пруссія, Литва, Курляндія, Лифляндія и Ингерманландія связывались весьма смутныя представленія.

По причинѣ дурныхъ дорогъ, медленной ѣзды и истощенныхъ лошадей, путешествіе было сопряжено съ самаго начала со всевозможными затрудненіями, описанію которыхъ посвящены многія страницы дневника, начатаго графомъ де-Брэ съ самаго выѣзда его изъ Мюнхена въ исходѣ іюля 1799 г.

Дорога отъ Кенигсберга до Мемеля сухимъ путемъ пользовалась, вслѣдствіе плохаго состоянія дорогъ, такою дурною славою, что путешественники совершали ее обыкновенно моремъ. Но такъ какъ де-Брэ и его спутники были связаны экипажами, то имъ пришлось ѣхать сухимъ путемъ; эта часть поѣздки была самая утомительная. Въ экипажъ приходилось припрягать до двѣнадцати лошадей, такъ какъ прибрежная полоса Восточной Пруссіи была дотого песчана, что мѣстами встрѣчались цѣлыя горы песку.

«Я никогда не могъ представить себѣ, записалъ де-Брэ, что въ цивилизованной странѣ могли быть такія отвратительныя дороги, какъ въ окрестностяхъ Кенигсберга; это самая скверная часть на всемъ пути до Курляндіи и Петербурга. Иной разъ намъ случалось ѣхать четыре мили цѣлыхъ девять часовъ».

«За Мемелемъ дорога стала еще хуже. До близъ лежащей деревни Ниммерштадта, до которой было отъ Мемеля всего три мили, пришлось ѣхать восемь часовъ».

Курляндія находилась не особенно давно подъ русскимъ владычествомъ и производила такое же впечатлѣніе, какъ во времена управленія ею герцогами. (Послѣдній герцогъ Петръ Биронъ отказался отъ престола 25-го марта 1795 г.). Впечатлѣніе это было весьма благопріятное и не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, какое производила въ то время сосѣдняя Германія. Дороги были хороши, обработка полей и жилища, мимо которыхъ приходилось проѣзжать, свидѣтельствовали объ извѣстномъ достаткѣ, постоялые дворы (круги) были благоустроены, такъ какъ Курляндія составляла въ теченіе долгихъ лѣтъ главную артерію, по которой происходили сношенія Берлина съ Петербургомъ и по которой перевозилось огромное количество клади и грузовъ между Кенигсбергомъ и Ригою.

«Содержатели постоялыхъ дворовъ чистоплотны и вѣжливы», гово-

ритъ де-Брэ; подобнаго же рода отзывы встрѣчаются и въ дальнѣйшихъ помѣтахъ его дневника.

Вслѣдствіе неблагопріятной погоды и проливныхъ дождей, въ конецъ испортившихъ дороги, путешественники прибыли въ Митаву только въ исходѣ августа. Они явились къ губернатору, барону Дризену, служившему сначала въ прусской службѣ, а затѣмъ перешедшему на службу Россіи, и были имъ представлены проживавшему въ Митавѣ на иждивеніи русскаго правительства, королю Людовику XVIII, сынъ котораго, герцогъ Ангулемскій только-что передъ тѣмъ женился (10-го іюня 1799 г.) на несчастной дочери Людовика XVI.

«Окрестности Митавы болотисты и некрасивы, пишетъ де-Брэ, отель de-Russie, въ которомъ мы остановились, весьма посредственный. Представившись королю, живущему въ старинномъ герцогскомъ за́мкѣ, мы осмотрѣли городъ, который показался намъ весьма нечистымъ и состоялъ по преимуществу изъ деревянныхъ домовъ. Сколько-нибудь сносныхъ зданій весьма мало».

Переѣхавъ черезъ Двину по плавучему мосту, де-Брэ прибылъ въ Ригу, въ которой насчитывали въ то время всего 30.000 жителей. Желая какъ можно скорѣе быть въ Петербургѣ, путешественники поспѣшили размѣнять свои дукаты на рубли и, устроивъ кое-какія другія дѣла, отправились далѣе въ Дерптъ. Миновавъ Нарву, они уже болѣе не слышали нѣмецкой рѣчи и должны были пользоваться услугами курьера, служившаго имъ переводчикомъ.

На послѣдней станціи, не доѣзжая Стрѣльны, де-Брэ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Хотя въ ихъ два экипажа было впряжено 25 лошадей, но все-таки имъ пришлось ѣхать 21 версту до Стрѣльны цѣлыхъ десять часовъ; грязь была дотого невылазная, а число ямъ и ухабовъ было такъ велико, что они опасались ежеминутно за свою жизнь и имъ пришлось даже идти часть дороги пѣшкомъ.

«Прибывъ въ Стрѣльну, мы почувствовали, что избавились наконецъ отъ страшной муки»,—пишетъ де-Брэ,—и на слѣдующее утро покатили уже по прекрасной дорогѣ, встрѣчая по пути роскошные загородные дома и красивые сады. Черезъ два часа по выѣздѣ изъ Стрѣльны подъѣхали къ «очень красивымъ Нарвскимъ воротамъ», гдѣ были осмотрѣны паспорта, а въ пятомъ часу дорожный экипажъ остановился передъ гостиницей, въ которой путешественники остановились.

Видѣвъ большіе города Западной Европы, де-Брэ не могъ, разумѣется, особенно восторгаться Петербургомъ, конца XVIII вѣка, который еще былъ далеко не отстроенъ, такъ что персидскій принцъ, посѣтившій берега Невы, выразился наивно, что этотъ городъ будетъ, вѣроятно, очень красивъ, когда его «перестройка» будетъ окончена.

Императоръ Павелъ, желая противупоставить преграду революціон-

ному потоку, стремившемуся изъ Франціи, и оградить существовавшія правовыя и имущественныя отношенія отъ посягательствъ парижской директоріи и ея генераловъ, вступилъ въ 1798 г. съ Австріей и Англіей въ союзъ противъ Французской республики и, принявъ званіе гроссмейстера Мальтійскаго ордена, сталъ на защиту его интересовъ; привлечь къ созданной имъ коалиціи Пруссію русскому монарху не удалось, и связанныя съ нею надежды не осуществились. Хотя славный походъ Суворова въ Италію и увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ, но Павлу не удалось упрочить свои отношенія къ кабинетамъ Вѣнскому и Лондонскому, созданныя второй коалиціей. Тогда какъ царь стремился исключительно къ достиженію идеальной цѣли: возстановленія существовавшаго въ Европѣ порядка и униженія революціонной Франціи, императоръ Францъ и его министръ Тугутъ объявили войну революціи главнымъ образомъ съ цѣлью возстановить австрійское владычество въ верхней Италіи. Тугутъ съумѣлъ внушить русскому министру, что цѣль, которую они преслѣдовали, можетъ быть достигнута скорѣе всего, если театръ военныхъ дѣйствій будетъ перенесенъ въ Швейцарію и оттуда будетъ произведено нападеніе на восточныя провинціи Франціи. Суворовъ къ величайшему его неудовольствію, былъ принужденъ оставить верхнюю Италію, гдѣ имъ были одержаны столь блестящія побѣды, и перейти Альпы. Главныя силы австрійской арміи отступили въ Швабію, и Суворовъ, которому не было дано достаточно сильнаго подкрѣпленія, очутился лицомъ къ лицу съ несравненно болѣе сильной французской арміей, съ которой онъ долго не могъ справиться. Раздраженный болѣе чѣмъ двусмысленнымъ поведеніемъ своего союзника, помышлявшаго только о завоеваніяхъ въ Италіи, царь рѣшилъ разорвать союзъ съ Австріей, продолжать войну совмѣстно съ Англіей, Пруссіей, Даніей и Швеціей, и ограничить «честолюбивые виды Австріи». Но и этотъ планъ не былъ приведенъ во исполненіе, такъ какъ убѣдить Пруссію отказаться отъ ея нейтралитета не было никакой возможности; въ добавокъ попытка англо-русскаго флота произвести десантъ въ Голландіи (въ августѣ 1799 г.) окончилась неудачею, Англія же возбудила сильное неудовольствіе русскаго монарха совѣтомъ войти въ соглашеніе съ Австріей. Озлобленіе императора противъ его бывшаго союзника достигло высшей степени, когда Тугутъ, въ нотѣ, врученной петербургскому кабинету въ началѣ декабря 1799 г., перечислилъ всѣ италіанскія земли, которыя Австрія желала получить въ видѣ вознагражденія, и когда въ то же время стало извѣстно, что генералъ Фрелихъ (Fröhlich) занялъ исключительно своими войсками крѣпость Анкону, взятую имъ вмѣстѣ съ русскимъ генераломъ Войновичемъ, и спустилъ русскій флагъ, поднятый въ Анконской гавани рядомъ съ австрійскимъ.

Совѣтники Павла, желавшіе отстранить Россію отъ всякаго участія въ европейскихъ дѣлахъ, съумѣли повернуть дѣло такъ, что къ причинамъ политическаго свойства, побудившимъ императора измѣнить первоначальные его планы, присоединились личныя соображенія, возымѣвшія самое пагубное вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ.

Графъ де-Брэ старался уяснить себѣ эти въ высшей степени запутанныя обстоятельства и по возвращеніи въ Мюнхенъ, и поступленіи въ Баваріи въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ изложилъ сдѣланныя имъ въ Россіи наблюденія и выведенныя изъ нихъ заключенія въ особой запискѣ, которая была представлена курфюрсту въ 1800 г. [1]). Впечатлѣніе, произведенное этой запиской, было необычайное. Выдержки и копіи съ нея ходили по рукамъ при разныхъ европейскихъ дворахъ и возбудили столь живые толки, что въ Петербургѣ всячески старались доискаться, кто былъ ея авторомъ. Эти розыски, которые могли внушить опасенія за будущую судьбу де-Брэ, прекратились только въ 1801 г., со смертью Павла Петровича. Какъ великъ былъ интересъ, возбужденный запискою де-Брэ, и какое ей придавалось значеніе, видно изъ того, что о ней говорили въ Россіи еще десятки лѣтъ спустя.

II.

Политическое положеніе Россіи при императорѣ Павлѣ I.—Характеристика императора Павла I и его отношенія къ европейскимъ государствамъ.—Настойчивость характера императора Павла I.—Первые шаги его царствованія.—Графъ Кутайсовъ.—Актриса Шевалье.—Куракины.—Нелидова и княгиня Лопухина.—День императора Павла.—Строгости въ Петербургѣ.—Графы Ростопчинъ и Панинъ.—Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ.—Министръ торговли кн. Гагаринъ.—Обергофмаршалъ Нарышкинъ.—Послы: Серра Капріола.—Витвортъ.—Штедингъ.—Бломъ и Розенкранцъ.

1.

Вотъ эта любопытная записка.

«Императоръ Павелъ I, поглощенный мыслію о возстановленіи французской монархіи, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, озлобленный противъ всего того, что помѣшало этому законному предпріятію, и поддерживаемый сознаніемъ своего могущества, былъ убѣжденъ, что онъ въ состояніи низвергнуть всѣ препятствія и поднять всю Европу противъ Франціи. Онъ дѣйствовалъ то угрозами, то обѣщаньями, полагая, что ему удастся заинтересовать всѣ кабинеты въ его намѣре-

---

[1]) Записка эта озаглавлена: „Mémoire Sur la Russie, composé par M. le chevalier de Bray a Münich en Avril 1800. (Записка о Россіи, составленная г. кавалеромъ де-Брэ въ Мюнхенѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1800 г.).

ніяхъ. Но тонъ, принятый имъ, и угрозы, кои онъ позволялъ себѣ, отнюдь не могли привести къ подобному результату. Пруссія, на которую онъ особенно разсчитывалъ и которую, основываясь на ошибочныхъ донесеніяхъ, онъ считалъ готовой примкнуть къ коалиціи, оказалась глуха ко всѣмъ сдѣланнымъ ей предложеніямъ. Всѣ старанія Репнина и Гренвилля ни привели ни къ чему, и англо-русскому договору, заключенному въ томъ разсчетѣ, что къ нему присоединится Пруссія, былъ нанесенъ этимъ ударъ, который весьма пагубно отразился на послѣдствіяхъ. Императоръ, раздраженный тѣмъ, что большая часть сѣверныхъ кабинетовъ противодѣйствовала его намѣреніямъ, позволилъ себѣ высказать такія угрозы, которыя по существу своему должны были еще болѣе утвердить Пруссію и ея сторонниковъ въ правильности ихъ политики и въ необходимости соблюдать нейтралитетъ. Пруссія не боялась минутнаго гнѣва русскаго царя; Саксонія и прочія сѣверо-германскія государства сгруппировались рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, вокругъ Берлинскаго кабинета, и при проѣздѣ моемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1799 г., чрезъ прусскую столицу, графъ Гаугвицъ говорилъ мнѣ съ увѣренностью о томъ, какое именно рѣшеніе императоръ долженъ будетъ принять въ концѣ концовъ. Предложенія, сдѣланныя Павлу I королемъ шведскимъ, по его собственной инициативѣ, въ значительной степени склонили императора къ принятію того геройскаго рѣшенія, которое съиграло въ руку Франціи. Король, человѣкъ восторженный, горѣвшій жаждою дѣтельности и подстрекаемый къ тому идеями, унаслѣдованными имъ отъ отца, предложилъ Россіи заключить договоръ, коимъ онъ обязывался выставить 8.000 человѣкъ въ томъ случаѣ, если бы субсидія, полученная отъ Англіи, дала возможность исполнить это. Баронъ Толь, посланный королемъ въ Петербургъ, началъ переговоры касательно этого предложенія, сдѣланнаго королемъ самостоятельно безъ предварительнаго совѣщанія съ министрами, которые держались совершенно иныхъ взглядовъ и съумѣли повернуть дѣло такъ, что намѣренія, высказанныя ихъ монархомъ, незамѣтнымъ образомъ измѣнились; королю успѣли доказать, что Швеція можетъ только потерять, ставъ во враждебныя отношенія къ Франціи, и что отношенія, существующія между Англіей и Швеціей, не таковы, чтобы можно было разсчитывать на прочный союзъ между этими государствами. Какъ разъ въ то время въ англійскихъ портахъ было задержано до 800 шведскихъ кораблей, и можно было думать, что Англія поставила себѣ цѣлью уничтожить шведскую торговлю.

Результатомъ этого разногласія во взглядахъ между королемъ шведскимъ и его министрами было то, что баронъ Толь, передавъ Павлу предложеніе своего монарха примкнуть къ коалиціи, предъявилъ столь многообразныя требованія относительно продовольствія шведскихъ войскъ

и времени посадки ихъ на суда, что ихъ не было никакой возможности согласовать съ проектомъ высадки войскъ въ Голландіи. Это обстоятельство избавило Швецію отъ необходимости объявить войну Франціи, и она ограничилась тѣмъ, что дала на Регенсбургскомъ сеймѣ чрезъ своего посланника самыя странныя объясненія своему образу дѣйствій. Франція, у которой и безъ того было довольно много враговъ, сдѣлала видъ, что она не обращаетъ вниманія на заявленія, сдѣланныя Швеціей, не понимаетъ, чѣмъ они были вызваны, и считаетъ ихъ лишь деклараціей, которую государственные чины обязаны были сдѣлать по конституціи. Шведскій уполномоченный въ дѣлахъ остался въ Парижѣ, а баронъ Толь вернулся въ Швецію, ничего не сдѣлавъ. Эти подробности были сообщены мнѣ самимъ шведскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ. Между тѣмъ эти шаги произвели сильное впечатлѣніе на русскаго императора, и этотъ монархъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ остальныхъ государствъ то, что одно государство добровольно предлагало ему.

Русскій дворъ настаивалъ на томъ, чтобы Данія предоставила ему транспорныя суда для перевозки войскъ, которыя предполагали высадить въ Голландіи. Данія же медлила рѣшительнымъ отвѣтомъ. Она хотѣла заключить предварительно съ Россіей союзъ противъ Франціи и предоставить свои суда въ ея распоряженіе уже послѣ того, какъ въ Германію было бы послано русское войско для прикрытія ея границъ и защиты ихъ отъ французовъ, которые находились въ Грёнингенѣ, въ разстояніи всего двухдневнаго перехода отъ Датской территоріи. Время тянулось въ переговорахъ, и надобно приписать только личному уваженію императора къ датскому посланнику барону Бломэ то обстоятельство, что баронъ не получилъ приказанія выѣхать изъ Россіи. Въ концѣ концовъ императоромъ были приняты рѣшенія, почти противуположныя его первоначальнымъ намѣреніямъ.

Единственный дворъ, принявшій предложеніе Россіи, былъ Мюнхенскій. Не имѣя ни въ комъ поддержки, тѣснимый обоими императорскими дворами и покинутый Пруссіей (которая сама совѣтовала Баваріи примкнуть къ коалиціи), ему ничего не оставалось, какъ преувеличивать значеніе своихъ силъ въ такой степени, что и врагамъ и друзьямъ одинаково казалось желательнымъ заручиться его поддержкой. Выработанный въ этомъ смыслѣ планъ былъ съ большою ловкостью и успѣхомъ приведенъ въ исполненіе министрами его высочества.

Послѣ того какъ ближайшимъ послѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ русско-австрійскими войсками, оказалось завоеваніе Піемонта, между союзниками появились первые признаки несогласія. Особенно достойно вниманія то обстоятельство, что императоръ Павелъ, возвѣстившій всему міру, что онъ со всѣми своими силами идетъ воевать противъ незаконнаго

правительства и намѣренъ защищать законныя права всѣхъ и каждаго, никакъ не могъ добиться того, чтобы Австрія со своей стороны подобнымъ же образомъ громогласно объяснила цѣль начатой ею войны; она не сдѣлала этого даже тогда, когда его войска начали дѣйствовать совмѣстно съ арміей Священной Римской имперіи. Австрія умѣла хранить свои намѣренія въ тайнѣ и обнаружила свои заднія мысли лишь настолько, насколько успѣхи, достигнутые ея союзникомъ, внушали ей довѣріе. Первымъ камнемъ преткновенія оказалось занятіе Піемонта. Король Сардинскій, которому императоръ Павелъ предложилъ возвратиться въ его владѣнія, былъ задержанъ въ Тосканѣ и не могъ продолжать своего путешествія. Вскорѣ послѣ этого столкновенія несогласіе въ политическихъ взглядахъ отразилось и на военныхъ дѣйствіяхъ.

Было рѣшено, что русская армія, подъ предводительствомъ Суворова, сосредоточится въ Швейцаріи и что эрцгерцогъ (Карлъ) двинется туда же только тогда, когда русскіе тамъ утвердятся, а затѣмъ отправится въ Германію, гдѣ австрійское войско должно было осадить Майнцъ и Эренбрейтенштейнъ.

Между тѣмъ, Массена угадалъ этотъ планъ, выработанный совмѣстно съ Англіей. Не желая дать сосредоточеннымъ противъ него войскамъ время атаковать его, онъ отбросилъ 5-го сентября эрцгерцога, а 25-го сентября Корсакова.

Эрцгерцогъ настаивалъ на выполненіи обѣими арміями одного общаго наступательнаго плана и даже хотѣлъ выждать Суворова, но графъ Францъ Дитрихштейнъ, посланный австрійскимъ дворомъ въ главную квартиру, въ іюлѣ мѣсяцѣ, оспаривалъ этотъ планъ и грубо замѣтилъ эрцгерцогу, въ присутствіи собравшагося военнаго совѣта, что «его дѣло не совѣтовать, а повиноваться». Это слишкомъ поспѣшное отозваніе австрійскихъ войскъ изъ Швейцаріи подало Россіи поводъ къ жалобамъ, но Австрія со своей стороны имѣла поводъ жаловаться на русскихъ за то, что, не смотря на требованіе эрцгерцога, Корсаковъ отказался дѣйствовать съ нимъ совмѣстно, говоря, что онъ обязанъ исполнять только приказаніе фельдмаршала Суворова, а таковыхъ онъ еще не получалъ. Эрцгерцогъ въ отчаяніи двинулся въ Швабію, гдѣ французы уже зашли довольно далеко. Онъ отбросилъ непріятеля и одержалъ надъ нимъ значительную побѣду, когда рѣшительное пораженіе, понесенное Корсаковымъ, заставило его двинуться въ лѣсные кантоны Швейцаріи. Въ это время подоспѣлъ Суворовъ, но, не смотря на всю выказанную имъ храбрость, ему ничего не оставалось, какъ отступить къ Граубиндену. Полученное отъ него обстоятельное донесеніе, полное самыхъ тяжкихъ обвиненій противъ Тугута и генерала Меласа, было опубликовано по повелѣнію императора Павла, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Это донесеніе русскаго генерала, въ которомъ говори-

лось между прочимъ: «Тугутъ обманулъ меня» и «препятствія, противопоставленныя мнѣ непріятелемъ и природою, были не самыя главныя», подало графу Кобенцелю поводъ къ энергичнымъ жалобамъ, которыя были оставлены императоромъ безъ вниманія.

Впрочемъ, императоръ Павелъ еще ранѣе выражалъ свое нерасположеніе къ Вѣнскому двору. Когда графъ Дитрихштейнъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ (Іосифомъ) [1], то императоръ отказался принять перваго изъ нихъ въ Гатчинѣ; не смотря на всѣ представленія эрцгерцога, графъ былъ допущенъ къ императору только тогда, когда до него дошла очередь.

Императоръ обвинялъ Дитрихштейна главнымъ образомъ за его образъ дѣйствій въ Швейцаріи и кромѣ того считалъ его креатурою Тугута, которому онъ (императоръ) все болѣе и болѣе не довѣрялъ. При полученіи извѣстія о томъ, что графъ Дитрихштейнъ, маркизъ де-Галло и принцъ Фердинандъ [2]) Виртембергскій предполагали пріѣхать въ Россію, онъ воскликнулъ: «Слѣдовательно, мой дворецъ будетъ запятнанъ политикой».

Императоръ относился подозрительно къ маркизу де-Галло и къ графу Кобенцелю потому, что они вели переговоры при заключеніи мира въ Кампо-Форміо, къ тому же онъ подозрѣвалъ ихъ въ соучастіи въ тайныхъ проискахъ. Герцогъ Серра-Капріола отчасти также былъ причиною, что маркизъ де-Галло, къ которому императоръ относился вначалѣ весьма милостиво, лишился высочайшаго благоволенія, такъ какъ ему хотѣлось, чтобы его дворъ назначилъ другаго посланника.

Графъ Дитрихштейнъ и его супруга, рожденная Шувалова, уѣхали изъ Петербурга, пробывъ въ немъ всего три дня, а эрцгерцогъ (Іосифъ), принцъ Фердинандъ, князь Ауерспергъ и графъ Кобенцель, оставшіеся тамъ долѣе, испытывали на себѣ все время дурное расположеніе духа императора. Съ эрцгерцогомъ императоръ не сказалъ ни слова во все время его пребыванія въ Гатчинѣ и въ своемъ озлобленіи хотѣлъ даже подвергнуть его домашнему аресту.

Что касается графа Кобенцеля, то онъ утратилъ, со времени своего возвращенія въ Петербургъ, всякое значеніе. Отвратительная болѣзнь, которой онъ страдалъ, еще болѣе обезобразила его лицо, и наружность его была столь же отталкивающая, какъ и его вѣроломный характеръ. Когда Кобенцель, какъ представитель эрцгерцога, долженъ былъ за него быть обвѣнчанъ съ великой княжной Александрой Павловной, то онъ внушилъ ей и императрицѣ, ея матери, столь сильное отвращеніе,

---

[1]) Эрцгерцогъ, палатинъ венгерскій Іосифъ, былъ обрученъ съ дочерью императора Павла, великой княжною Александрой Павловной († 1801 г.).

[2]) Принцъ Фердинандъ Виртембергскій († 1834) былъ младшій братъ короля Виртембергскаго.

что онѣ заявили, что великая княжна не желаетъ пить съ нимъ по православному обряду изъ одной чаши. Заочное вѣнчаніе было отмѣнено, и эрцгерцогу пришлось пріѣхать для совершенія обряда лично. Императоръ перестала говорить съ посланникомъ съ самаго его пріѣзда въ Гатчину; съ этого момента неблагосклонное отношеніе къ нему Павла все увеличивалось. Императоръ относился къ нему въ высшей степени холодно все время, пока эрцгерцогъ былъ въ Россіи, и не стѣсняясь дѣлалъ колкія замѣчанія о вѣнскомъ дворѣ, его политикѣ и уполномоченныхъ.

— Съ тѣхъ поръ,—сказалъ онъ однажды,—какъ мои генералы вступили въ Италію и ѣли тамъ пармезанъ, они достаточно заплатили за него.

Графу Кобенцелю, не смотря на все его низкопоклонство, не удалось заставить императора измѣнить о немъ мнѣніе и относиться къ нему доброжелательнѣе. Напротивъ того, раздраженіе монарха все увеличивалось, и 29-го сентября 1799 года онъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ угрожалъ отозвать свои войска. Этотъ актъ былъ первымъ проявленіемъ того новаго направленія его воли, которое не замедлило выразиться яснѣе.

На планы императора также имѣлъ значительное вліяніе неудачный исходъ экспедиціи въ Голландію [1]). Онъ относился къ ней все время несочувственно, но всѣ его возраженія съ успѣхомъ были оспариваемы капитаномъ Попгамомъ[2]) (Porham), человѣкомъ ловкимъ и краснорѣчивымъ, такъ что онъ (императоръ) согласился наконецъ примкнуть къ конвеціи, предложенной Витвортомъ.

— Хорошо, я согласенъ,—сказалъ императоръ,—но я не сочувствую этому дѣлу.

Наказаніе, коему подвергся генералъ Германъ [3]), смѣщеніе Корсакова и другіе признаки страшнаго гнѣва монарха давали поводъ предполагать, что съ нимъ нельзя было вести переговоры, такъ какъ онъ видѣлъ, что его чистыя и честныя намѣренія не согласовались съ планами его союзниковъ и парализовались ходомъ военныхъ дѣйствій.

8-го ноября фельдмаршалу Суворову было послано наконецъ повелѣніе возвратиться въ Россію; это случилось одновременно съ пріѣздомъ

---

[1]) Англо-русскія войска (17.000 русскихъ и 26.000 англичанъ), высадившіяся въ августѣ мѣсяцѣ 1791 г. на берегу Сѣверной Голландіи подъ командою герцога Іоркскаго, были разбиты генераломъ Брюномъ близъ Бергена и должны были очистить Нидерланды на основаніи заключенной съ нимъ капитуляціи.

[2]) Чиновникъ, состоявшій при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

[3]) Онъ командовалъ посланной въ Голландію русской экспедиціей, былъ взятъ въ плѣнъ близъ Бергена и лишенъ за это чиновъ.

изъ Баваріи депутаціи, прибывшей въ Гатчину при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Приказаніе, посланное Суворову, вызвало среди лицъ, сочувствовавшихъ коалиціи, живѣйшее волненіе и безпокойство. Витвортъ передалъ императору по этому поводу энергично и убѣдительно написанную записку, принадлежавшую перу Мезоннева, бывшаго посланникомъ Мальтійскаго ордена въ Берлинѣ и другомъ Витворта, въ которой онъ коснулся по моей просьбѣ, на сколько было возможно, интересовъ Баваріи. Подобнаго же рода записка была вручена мною министру графу Панину, который изложилъ могущія быть послѣдствія отъ этой мѣры въ написанной имъ образцовой запискѣ. Можетъ ли Россія (писалъ онъ) покинуть союзниковъ, коихъ она сама искала, и оставить на произволъ судьбы соратниковъ, которые никогда не рѣшились бы начать войну, если бы Россія не склонила ихъ къ тому? Отступить послѣ того, какъ были даны столь ясныя заявленія, было бы равносильно внушить Франціи снова самоувѣренность, придать ей новыя силы и какъ бы дать ей армію для борьбы съ коалиціей и тѣми принципами, коихъ она является защитницей; это значило бы пошатнуть свое собственное политическое значеніе и предоставить австрійскому и англійскому кабинетамъ полную свободу для осуществленія ихъ честолюбивыхъ плановъ.

Написанную въ этомъ смыслѣ записку графъ Панинъ препроводилъ графу Ростопчину въ Гатчину. Ростопчинъ спросилъ Панина, хорошо ли онъ обдумалъ содержаніе записки и дѣйствительно ли онъ желаетъ, чтобы она была представлена императору.

— Да,—отвѣчалъ графъ Панинъ,—я убѣдительно прошу васъ о томъ именемъ моего отечества; прошу васъ также приложить къ ней сіе мое разъясненіе.

Записка графа Панина, дѣйствительно, была представлена императору, который и безъ того былъ уже поколебленъ продолжительной и пространной бесѣдою съ принцемъ Фердинандомъ, за день до его отъѣзда: онъ отмѣнилъ повелѣніе объ отозваніи русскихъ войскъ.

Принцъ Фердинандъ, котораго поддерживала при этихъ переговорахъ императрица, старался главнымъ образомъ разъяснить сущность обвиненій, предъявленныхъ Австріи, и склонить императора къ тому, чтобы онъ снова принялъ участіе въ общемъ дѣлѣ.

Принявъ это рѣшеніе, императоръ руководствовался исключительно чувствомъ. Но окружающіе съумѣли снова возбудить опасенія монарха, выставить тысячу причинъ противъ коалиціи, которой они никогда не сочувствовали, и такимъ образомъ достигли того, что императоръ подтвердилъ вновь свое первое повелѣніе.

Панинъ былъ въ отчаяніи, но старался по возможности скрывать свои мысли. Между тѣмъ, какъ графъ Ростопчинъ и его друзья съ

гордостью говорили о рѣшеніи, принятомъ императоромъ, какъ о вопросѣ, не подлежащемъ измѣненію, Панинъ никому не говорилъ о немъ, и только двѣ недѣли спустя, когда дѣлать было уже нечего, онъ заявилъ объ этомъ оффиціально нѣкоторымъ членамъ дипломатическаго корпуса.

Бывъ своевременно освѣдомленъ объ истинномъ положеніи дѣлъ, я извѣстилъ о томъ ваше королевское высочество. Впослѣдствіи, 15-го января 1800 г., мною была составлена записка, въ которой я разъяснилъ этотъ новый планъ и его значеніе для Баваріи. Въ этой запискѣ я обсуждалъ возможность заключить съ Англіей договоръ о субсидіи и условія, на которыхъ баварская армія могла бы дѣйствовать совмѣстно съ Австріей. Графъ Панинъ высказывалъ намъ со своей стороны все время величайшее доброжелательство, но, не смотря на наилучшія намѣренія министра, ничего нельзя было сдѣлать, такъ какъ графъ Панинъ, пользуясь вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія и никогда не имѣлъ возможности говорить съ глаза на глазъ съ монархомъ.

Поэтому на Россію надобно смотрѣть, какъ на державу, которая непричастна къ войнѣ, ею же самой возбужденной, и которая слѣдитъ болѣе зорко, чѣмъ когда-либо, за той державой, которая подстрекнула ее къ этой войнѣ (Австрія).

Подобное положеніе было слишкомъ выгодно для Баваріи, чтобы имъ не воспользоваться. Поэтому гарантіи, обезпеченныя Гатчинскимъ договоромъ, были приняты за основаніе дальнѣйшихъ дѣйствій, и всѣ наши шаги были направлены къ тому, чтобы обезпечить Баварію отъ всякихъ поползновеній со стороны Австріи. Обстоятельства приняли такой оборотъ, что Россія настойчиво предлагала защитить насъ отъ несправедливыхъ требованій Австріи и вошла по этому поводу въ соглашеніе съ Берлинскимъ кабинетомъ. Теперь весьма важно не озлоблять умы и не давать новой пищи возгорѣвшемуся пламени.

Императоръ предлагалъ по-прежнему Баваріи самыя успокоительныя гарантіи и вошелъ въ соглашеніе съ Пруссіей касательно утвержденія договора по этому вопросу. 8-го января къ графу Кобенцелю прибылъ отъ его двора курьеръ съ депешами, въ коихъ былъ затронутъ вопросъ о вознагражденіи, требуемомъ Австріей въ Италіи. Вѣнскій кабинетъ желалъ получить Миланскую область, всю Венецію, три римскія легатства и смежные съ Граубинденскимъ кантономъ итальянскіе округи (baillages); затѣмъ онъ предлагалъ уступить королю Сардинскому Пьемонтъ съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ австрійскому дому Тортонскую и Наварскую области. Австрія обѣщала не увеличивать своихъ владѣній въ Германіи, возвратить полную независимость Швейцаріи и выставить новыя войска для продолженія войны съ Франціей.

Въ то время какъ прибылъ этотъ курьеръ, Кобенцель жилъ въ Гат-

чинѣ. Онъ написалъ находившемуся тамъ же графу Ростопчину и просилъ у него свиданія для переговоровъ по важному дѣлу. Ростопчинъ предложилъ графу Кобенцелю обратиться къ находившемуся въ Петербургѣ графу Панину, «особо уполномоченному для переговоровъ съ иностранными министрами», и Кобенцелю пришлось ѣхать за 40 верстъ въ Петербургъ, чтобы переговорить съ Панинымъ и затѣмъ возвратиться въ Гатчину, гдѣ Ростопчинъ всего нѣсколько дней передъ тѣмъ принималъ шведскаго посланника.

Предложенія Австріи чрезвычайно не понравились императору и еще болѣе отдалили его отъ вѣнскаго двора. Онъ объявилъ, что отзоветъ свои войска на границу, чтобы защищать свои собственныя владѣнія и своихъ друзей.

Австріи пришлось убѣдиться въ томъ, что всѣ ея планы и попытки къ примиренію не привели ни къ чему. Затѣмъ случились извѣстныя событія въ Анконѣ [1]), которыя окончательно уронили во мнѣніи императора Кобенцеля. Послѣ того какъ ему было приказано не появляться болѣе при дворѣ, онъ сидѣлъ безвыходно дома и былъ всѣми оставленъ. Нѣкоторыя лица, продолжавшія бывать у него, были высланы изъ столицы, и наконецъ иностраннымъ посланникамъ было объявлено, по повелѣнію императора, что всякое сношеніе съ Кобенцелемъ воспрещается. Такимъ образомъ съ посланникомъ первой европейской державы обращались, какъ съ зачумленнымъ, и ему было даже воспрещено сообщаться со своими коллегами.

Уѣхавъ изъ Гатчины, императоръ ни съ кѣмъ болѣе не говорилъ, онъ сталъ относиться подозрительно даже къ Витворту, къ которому онъ былъ до тѣхъ поръ весьма благосклоненъ. Этотъ посланникъ старался примирить умы и интересы и говорилъ въ пользу Австріи, но этимъ повредилъ своему собственному дѣлу. Императоръ дѣлалъ ему умышленно всевозможныя непріятности и выслалъ подъ самымъ не-

---

[1]) Анкона, принадлежавшая къ церковнымъ владѣніямъ папы, была взята въ 1797 г. французскимъ маршаломъ Викторомъ и объявлена независимой республикой, но ея самостоятельное существованіе продолжалось недолго. Въ 1799 г. она была осаждена неаполитанцами, русскими, англичанами и австрійцами. Комендантъ Анконы, генералъ Монье съ незначительнымъ гарнизономъ (1.600 чел.), послѣ геройской защиты, продолжавшейся 105 дней, былъ вынужденъ сдаться, за отсутствіемъ съѣстныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ. Австрійцы отнеслись къ нему великодушно и разрѣшили гарнизону, за высказанное имъ геройство, выйти изъ крѣпости со всѣми воинскими почестями и возвратиться во Францію любымъ путемъ на средства Австріи. При капитуляціи крѣпости, австрійскій генералъ Фрёлихъ, вслѣдствіе разногласія во мнѣніи, возникшаго между нимъ и русскимъ адмираломъ Ушаковымъ, позволилъ себѣ удалить знамя, водруженное адмираломъ на этой крѣпости, и допустилъ въ капитуляціи обидную для Россіи статью. В. Т.

справедливымъ предлогомъ г-жу Жеребцову, съ которой Витвортъ давно уже былъ очень близокъ, и которую императоръ до тѣхъ поръ терпѣлъ изъ уваженія къ Витворту, не смотря на свою ненависть къ ея брату князю Зубову. Витворту пришлось пострадать за то, что онъ посѣтилъ графа Кобенцеля.

— Этотъ человѣкъ—сказалъ императоръ,—котораго я считалъ своимъ другомъ, сдѣлается моимъ врагомъ, если его дворъ прикажетъ ему это.

Клеветы, распущенныя противъ Австріи и переданныя великимъ княземъ Константиномъ, по возвращеніи его (изъ италіанской арміи Суворова), и нѣкоторыя домашнія непріятности, о коихъ будетъ рѣчь далѣе, дотого озлобили императора, что къ нему почти нельзя было подступиться; чуть не каждый день ознаменовывался проявленіемъ его крайней жестокости.

Надъ Петербургомъ тяготѣлъ настоящій ужасъ, всѣ боялись бывать другъ у друга, говорить другъ съ другомъ, такъ какъ все могло быть превратно истолковано. Всѣ должны были обречь себя на полнѣйшее бездѣйствіе. Особенно тягостно было подобное положеніе дѣлъ для дипломатическаго корпуса. Хотя въ общемъ составъ его былъ удачный, но все же среди его членовъ существовало различіе во взглядахъ и мнѣніяхъ. Герцогъ Серра Капріола выказывалъ сильную ненависть къ Австріи и ея притязаніямъ, старался обратить все вниманіе Россіи на Италію и говорилъ во всеуслышаніе, что онъ не столько боится для своего отечества французскаго владычества (само собою разумѣется, временнаго), сколько политическаго униженія, на которое его всегда стремится обречь Австрія, и что если бы пришлось выбирать между Тугутомъ и Бонапартомъ, то въ выборѣ нельзя было бы сомнѣваться. Затѣмъ онъ сказалъ, что зеленые мундиры (т. е. русскіе) должны остаться въ Италіи для того, чтобы ограничить деспотизмъ Австріи. Точно также онъ старался какъ можно ярче оттѣнить разницу между поведеніемъ неаполитанцевъ и образомъ дѣйствій австрійцевъ въ Анконѣ и пояснить прокламаціи генераловъ Назелли и Фрёлиха. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пояснялъ планъ нападенія на Мальту и указывалъ на нецѣлесообразность, съ политической точки зрѣнія, отказаться отъ плана совмѣстнаго дѣйствія России, Неаполя и Англіи, въ интересахъ Мальты. Серра Капріола имѣлъ удовольствіе достигнуть цѣли и добиться того, что въ Италіи и въ Средиземномъ морѣ былъ оставленъ корпусъ русскихъ войскъ.

Нѣсколько времени спустя тотъ же министръ принесъ императору, какъ гроссмейстеру Мальтійскаго ордена, присягу на вѣрность отъ провинціи Капуи, Барлетти и Мессины. Эта предупредительность неаполитанскаго короля не мало содѣйствовала упроченію императора, весьма чувствительнаго въ этомъ отношеніи, въ благопріятныхъ чувствахъ къ королю неаполитанскому; съ другой стороны, этотъ послан-

никъ жаловался на Англію и ея морской деспотизмъ и побудилъ сардинскаго посланника приписать Австріи всѣ невзгоды, постигшія его страну.

Само собою разумѣется, что таковое положеніе дѣлъ должно было оказать самое пагубное вліяніе на взаимныя отношенія союзныхъ державъ. Австрія, умудренная опытомъ относительно того, что совмѣстныя военныя дѣйствія съ Россіей сопряжены съ большими неудобствами, рѣшилась измѣнить свои планы только послѣ большаго колебанія. Она выказала Россіи большое уваженіе, можно даже сказать, почтеніе (respekt), но, стараясь снискать расположеніе императора Павла и удержать его разными мелочами, не сдѣлала ни одного шага, который соотвѣтствовалъ бы этому намѣренію. Далѣе, дѣлая видъ, что она проситъ Россію оставить ея войска за границею, Австрія дала въ то же время Англіи тѣ объясненія, въ коихъ она отказала Россіи, руководствуясь въ этомъ случаѣ соображеніемъ, что этимъ объясненіемъ она точно также не связывала себя ничѣмъ, какъ и Англія. Австрія старалась привлечь эту державу на свою сторону всевозможными обманчивыми обѣщаніями и въ то же время употребляла всевозможныя средства, чтобы удалить русскихъ отъ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ они были бы неудобными свидѣтелями или нежеланными сотоварищами. Разсмотрѣвъ поближе прокламаціи генераловъ Фрёлиха и Меласа, мы увидимъ, что въ нихъ не упоминается о русскихъ и что вся слава и всѣ лавры приписываются исключительно австрійской арміи. Почти невѣроятно, что генералъ Фрёлихъ допустилъ въ капитуляціи (Анконы) обидную для Россіи статью, но разумѣется еще болѣе невѣроятно, что онъ приказалъ удалить знамя, водруженное адмираломъ Ушаковымъ на укрѣпленіяхъ этой гавани. Трудно допустить, что генералъ могъ сдѣлать столь неприличный и неумѣстный поступокъ самовольно. Все сказанное по этому поводу графомъ Панинымъ не только графу Кобенцелю, но и всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса доказываетъ, какъ сильно императоръ былъ этимъ раздраженъ.

Тѣмъ не менѣе вѣнскій дворъ продолжалъ свою систему мнимаго подчиненія, а на самомъ дѣлѣ противодѣйствія Россіи, и предлагалъ ей всевозможныя вознагражденія, не уступая однако ни въ одномъ существенномъ пунктѣ. Не смотря на то, что Кобенцель сдѣлался для императора предметомъ ненависти и презрѣнія, онъ остался на своемъ посту. Монархъ наносилъ этому посланнику ежедневно оскорбленія, но терпѣніе г. Тугута отъ этого не истощилось: посланника обрекли повидимому быть козлищемъ отпущенія. Графъ Кобенцель неоднократно просилъ отозвать его, но не могъ этого добиться. Его правительство хотѣло, чтобы онъ уѣхалъ по своей собственной инціативѣ, чтобы такимъ образомъ не быть вынужденнымъ уплатить его долги, и русскій послан-

никъ г. Колычевъ доносилъ, что г. Тугутъ никогда не заикался о замѣщеніи Кобенцеля въ Петербургѣ. Тщетно задаешь себѣ вопросъ, съ какою цѣлью, вѣнскій дворъ оставлялъ на своемъ посту человѣка, котораго постигла при петербургскомъ дворѣ гражданская смерть, и трудно понять, какіе переговоры могутъ вестись при посредствѣ человѣка, не имѣющаго голоса.

Между тѣмъ Австрія не только игнорировала это оскорбленіе, но не высказала ни малѣйшей жалобы и по поводу отозванія графа Разумовскаго, котораго она желала сохранить и котораго ей было обѣщано оставить. Съ другой стороны, Англія, недовольная Россіей и озабоченная тѣмъ, что ей придется составлять планъ новой кампаніи совмѣстно съ такимъ непостояннымъ и раздражительнымъ монархомъ, все еще желала произвести высадку въ Голландію и хотѣла, чтобы съ этой цѣлью были употреблены находившіяся тамъ войска. Что касается плановъ Дюмурье [1]) и его грандіозныхъ замысловъ, касательно экспедиціи въ Нормандію и Голландію, то я имѣю полное основаніе думать, что Англія не принимаетъ въ этихъ планахъ ни малѣйшаго участія.

Витвортъ принялъ извѣстіе о пріѣздѣ Дюмурье такъ холодно, что изъ этого можно было понять, что ему не велѣно поддерживать его предложенія и планы. Дюмурье живетъ въ гостиницѣ совершенно замкнуто и лишенъ почти всего необходимаго. Его присутствіе въ Петербургѣ составляло для всѣхъ лицъ, его знавшихъ, предметъ удивленія. Ему докучаютъ посланцы изъ Митавы, которые считаютъ его подходящимъ орудіемъ для своихъ цѣлей и проклинаютъ его за измѣну политическимъ взглядамъ и за то, что онъ прикидывается кающимся грѣшникомъ. Говорятъ, будто Дюмурье подъ впечатлѣніемъ необузданныхъ проявленій деспотизма, коихъ онъ бываетъ ежедневно свидѣтелемъ, сдѣлался снова республиканцемъ; съ императоромъ онъ говорилъ только однажды на парадѣ.

Павелъ I все еще поддерживаетъ сношенія съ французскимъ дворомъ, имѣющимъ резиденцію въ Митавѣ, но его отношенія къ нему приняли какой-то чисто дѣтскій характеръ и ограничиваются обмѣномъ орденовъ и тому подобныхъ бездѣлокъ и даютъ поводъ расточать похвалы, сочиняемыя по поводу интимныхъ отношеній, существующихъ между королемъ и его покровителемъ. Въ сущности король

---

[1]) Генералъ Дюмурье (р. 1739 † 1823 г. въ Англіи), измѣнившій республикѣ 4-го апрѣля 1793 г. и бѣжавшій въ австрійскій лагерь, прибылъ лѣтомъ 1799 г. въ Митаву къ Людовику XVIII, избралъ вмѣстѣ съ нимъ мѣсто для высадки войскъ и взялся уговорить императора Павла къ принятію и выполненію этого плана. Принятый благосклонно онъ былъ вынужденъ впослѣдствіи оставить Петербургъ, получивъ денежный подарокъ.

находится въ полной зависимости и ему приходится расплачиваться за оказываемое ему вспомоществованіе, всевозможными униженіями и съ досадою видѣть, что самые вѣрные и преданные ему люди высылаются одинъ за другимъ: Павелъ I любитъ и охраняетъ монархію, но не любитъ ея монарха. Всѣ преданные ему люди испытали на себѣ одинъ за другимъ немилость императора: герцогъ Брольи высланъ въ Ригу, графъ де-Сенъ Пріестъ лишился своей должности, графъ Шуазель-Гуфье также потерялъ свое мѣсто въ Петербургѣ и высланъ точно такъ же, какъ маркизъ Ламбертъ. Къ этимъ враждебнымъ шагамъ побудилъ императора графъ Ростопчинъ, извѣстный врагъ коалиціи и ревностный гонитель всѣхъ поступившихъ на русскую службу иностранцевъ; онъ непрестанно повторялъ государю, что Россіи нѣтъ нужды до остальнаго міра, что она можетъ во всякое время перейти къ такому политическому плану и играть такую роль, какую она считаетъ наиболѣе цѣлесообразной. Кромѣ того онъ внушаетъ императору, что войска его величества подвергаются величайшимъ непріятностямъ и потерямъ, которыя по всей вѣроятности умышленно подготовлены его завистливыми союзниками. Рѣчи, которыя держалъ великій князь Константинъ Павловичъ по возвращеніи своемъ, утвердили монарха въ этихъ взглядахъ и увеличили его антипатію къ Австріи. Хотя Австрія дѣлала видъ, что она предполагаетъ начать новую кампанію, и хотя фельдмаршалъ предложилъ для этого подходящій планъ, но все же было рѣшено отказаться отъ коалиціи и о рѣшеніи этомъ было доведено до свѣдѣнія вашего королевскаго величества, двумя письмами императора. Немного позже былъ посланъ курьеръ въ Англію, съ приказаніемъ находившемуся тамъ флоту возвратиться въ Россію. Таково было положеніе дѣлъ въ то время какъ я оставилъ Россію 19-го февраля 1800 г.»

2.

Въ Россіи не существуетъ болѣе настоящей правительственной системы. Русская политика есть не что иное, какъ выраженіе воли ея монарха, а этой волею руководятъ страсти, которыя слишкомъ сильны, чтобы съ ними возможно было считаться. Между тѣмъ намѣренія императора не измѣнились. Пожалуй, не было еще на свѣтѣ человѣка, коимъ столь всецѣло овладѣла бы одна мысль, одно чувство, какъ императоромъ Павломъ.

Тѣмъ удивительнѣе, что подобная стойкость во взглядахъ идетъ рука объ руку съ такою удивительной измѣнчивостью относительно тѣхъ средствъ, коими достигаются эти цѣли.

Мелочная честность, искреннее желаніе предоставить каждому возможность пользоваться своими правами, глубоко укоренившаяся наклон-

ность къ деспотизму, извѣстное рыцарство, которое ведетъ къ самымъ великодушнымъ и самымъ двухсмысленнымъ поступкамъ — таковы побужденія, руководящія Павломъ I въ его отношеніяхъ къ прочимъ державамъ. Онъ сталъ во главѣ коалиціи, движимый не заботою объ интересамъ государства, а единственно повинуясь чувствамъ справедливости.

Въ началѣ своего царствованія онъ слѣдовалъ противуположному направленію потому, что во главѣ министерства стоялъ Безбородко, глубоко проникнутый принципами Екатерины II, которая незадолго до своей кончины возстановила (противъ Франціи) всѣ прочія державы, но сама не хотѣла ничего предпринять. Такъ какъ императрица, въ послѣднее время своей жизни, выказала желаніе измѣнить свои мѣропріятія, то императоръ рѣшилъ ни въ чемъ не поступать согласно принятому ею направленію. Изъ уваженія къ старику канцлеру Павелъ оставилъ его у дѣлъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что князь Безбородко былъ бы отставленъ, если бы онъ прожилъ долѣе года. Еще при жизни канцлера вслѣдствіе завоеванія Наполеономъ Мальты въ умѣ императора зародились тѣ мысли, которыя онъ осуществилъ впослѣдствіи. Онъ хотѣлъ возстановить въ Европѣ прежній порядокъ и надѣялся устроить все по своему желанію. Онъ былъ введенъ въ заблужденіе ложною мыслью, что ему достаточно будетъ заявить, что «его дѣйствіями руководятъ не личныя соображенія и не честолюбіе» для того, чтобы прочія державы рѣшили дѣйствовать въ томъ же духѣ. Онъ въ этомъ жестоко ошибся.

Австрія скрывала свои намѣренія потому, что онъ (императоръ) и его вліяніе были ей нужны для того, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе и положить конецъ страху, обуявшему Европу подъ вліяніемъ побѣдъ, одержанныхъ Франціей въ 1796 и 1797 г.г. и собственныхъ ея успѣховъ въ 1798 и 1799 г.г.

Императоръ Павелъ примкнулъ къ коалиціи съ самыми чистыми намѣреніями и не имѣлъ задней мысли, говоря, что хочетъ ниспровергнуть безбожное французское правительство. Онъ дѣйствительно не хотѣлъ ничего для себя, а хотѣлъ только возвратить все тѣмъ, кои лишились законной собственности. Но тотъ, кому были мало-мальски извѣстны цѣли, которыя преслѣдовались союзниками императора Павла, тотъ долженъ былъ предвидѣть, что эти цѣли будутъ въ противорѣчіи съ планами русскаго государя. Чѣмъ болѣе ускорялся ходъ дѣлъ, чѣмъ яснѣе обнаруживалась политика союзниковъ императора, тѣмъ яснѣе выказалось несоотвѣтствіе, существовавшее между его честными намѣреніями и тѣми цѣлями, какія преслѣдовались союзными державами. Вслѣдствіе этого императоръ возненавидѣлъ политику; всѣ рѣчи, которыя онъ произносилъ въ то время, дышали нападками на политику и ея агентовъ. Онъ замкнулся въ самомъ себѣ и сталъ презирать всѣхъ тѣхъ, коихъ онъ

считалъ пропитанными принципами, не согласными съ его собственными взглядами.

Если бы Павелъ I лучше зналъ людей и болѣе понималъ свое время, то онъ не впалъ бы въ ошибку и не думалъ бы, что единственною заботою этихъ людей было защищать справедливость. Онъ не подумалъ бы дѣлать при помощи другихъ державъ абсолютное добро, но удовольствовался бы достиженіемъ этого добра въ предѣлахъ возможнаго. При его взглядахъ на вещи, онъ самъ былъ виноватъ, что его благородныя намѣренія не только остались невыполненными, но даже принесли вредъ. Онъ озадачилъ людей и далъ поводъ возгорѣться тѣмъ именно страстямъ, которыя онъ хотѣлъ подавить. Наконецъ онъ лишилъ Россію ея вліянія и ея политическаго значенія, придавъ своей политикѣ характеръ неустойчивости и необузданной страстности, коими онъ самъ отличался.

Въ самомъ дѣлѣ—можно ли полагаться на союзы, которые могутъ быть нарушены по прихоти, и можно ли ставить успѣхъ обширныхъ предпріятій въ зависимость отъ случайныхъ поступковъ союзника? Англія и Австрія доказали, что они цѣнятъ содѣйствіе такого союзника не особенно высоко. Онѣ ограничились дружественными и почтительными заявленіями, но не сдѣлали шага къ возстановленію прежнихъ отношеній.

Императоръ началъ между тѣмъ переговоры съ разными другими державами и заключилъ договоры съ Баваріей, Швеціей и Португаліей въ то время, какъ онъ уже собирался отозвать свои войска. Всѣ эти договоры обязывали обѣ стороны оказывать другъ другу взаимную поддержку въ случаѣ нападенія на которую-нибудь изъ нихъ. Всѣ они отмѣчены печатью той высшей справедливости и честности, которыя составляли отличительную черту самого императора. Этими свойствами его характера можно было бы воспользоваться во всѣхъ случаяхъ, когда какому-либо государству угрожала бы опасность со стороны сосѣдней державы, которая могла напасть на него или угрожать его существованію. Для великихъ державъ императоръ представляетъ собою крайне стѣснительнаго и докучливаго союзника, но для маленькихъ государствъ онъ можетъ быть весьма полезнымъ покровителемъ. Союзъ съ нимъ можетъ быть тяжелъ и стѣснителенъ, но его вражда можетъ быть въ высокой степени опасна. Это объясняется тѣмъ, что, при совмѣстныхъ предпріятіяхъ, малѣйшее разногласіе во мнѣніи, малѣйшее постороннее обстоятельство можетъ послужить поводомъ къ разрыву.

Поэтому Австрія боится императора не только какъ союзника, но и какъ противника. Эта держава знаетъ, что онъ не пропуститъ ничего, что могло бы угрожать его безопасности. Я склоненъ думать поэтому, что при жизни этого монарха Австрія откажется отъ расширенія своихъ владѣній на востокъ, югъ и сѣверъ. Ужъ если небольшія пріобрѣтенія

и поползновенія Австріи, направленныя къ югу, могли такъ сильно возстановить императора Павла I противъ этой державы, какъ это случилось въ настоящее время, то всякіе шаги, которые непосредственно противорѣчили бы принятымъ имъ на себя обязательствамъ, привели бы его несомнѣнно въ крайнее раздраженіе. Его поступку съ австрійскимъ посланникомъ нѣтъ подобнаго въ лѣтописяхъ дипломатіи, но онъ относится и къ Англіи съ такой суровостью, которая показываетъ, что онъ ничего не принимаетъ въ соображеніе, если считаетъ задѣтыми тѣ принципы, которые особенно близки его сердцу.

Русскій императоръ относится въ настоящее время особенно враждебно къ Франціи потому, что онъ считаетъ правительство этой страны незаконнымъ; но поводомъ къ войнѣ съ Франціей для него можетъ быть только одно обстоятельство—Мальта. Съ Испаніей онъ находится также во враждеждебныхъ отношеніяхъ, хотя объявленіе войны, послѣдовавшее между этими государствами, не привело ни къ какимъ послѣдствіямъ; его отношенія къ Австріи отмѣчены взаимной ненавистью, которая едва-ли можетъ уступить мѣсто другимъ чувствамъ, такъ какъ она дѣйствительно зависитъ отъ глубокаго различія во взглядахъ. Отношенія императора къ Англіи холодны, къ Даніи отмѣчены равнодушіемъ. Королю сардинскому Павелъ I покровительствуетъ потому, что онъ несчастенъ; Неаполь—единственная держава, близкая его сердцу, главнымъ образомъ потому, что неаполитанскій посланникъ высказываетъ величайшее недружелюбіе къ Австріи; съ Портою императоръ заключилъ союзъ потому, что подобное отношеніе къ этой странѣ занимаетъ его. Отношешенія императора къ Пруссіи одни только и соотвѣтствуютъ политическимъ традиціямъ. Они направляются графомъ Панинымъ, который привыкъ дѣйствовать методически, съ любовью къ порядку и придаетъ такое значеніе доброму согласію съ Пруссіей какое придавалъ этому его дядя.

Если все вышесказанное справедливо, то изъ этого можетъ быть выведено то заключеніе, что отношенія Россіи къ прочимъ державамъ походятъ на отношенія частныхъ людей между собою. Этими отношеніями руководятъ не разсчеты и соображенія, а чувства и страсти. Императоръ имѣетъ извѣстныя желанія, но не преслѣдуетъ никакихъ плановъ; о выполненіи какихъ-либо намѣреній, для осуществленія которыхъ требуется обдуманность и подготовка, не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе для Баваріи чрезвычайно важно заручиться его покровительствомъ и дружбою. Баварія не можетъ пріобрѣсти лучшаго защитника противъ какихъ бы то ни было враждебныхъ поползновеній со стороны Австріи. Но надобно остерегаться, чтобы еще болѣе не возстановить Павла I противъ Австріи. Если бы между ними дѣло дошло до войны, то Австрія не обратитъ болѣе никакого вниманія на Россію, а тѣмъ

болѣе на насъ, между тѣмъ боязнь войны съ такимъ фанатическимъ монархомъ можетъ побудить Вѣнскій дворъ щадить насъ постолько, посколько Россія интересуется Баваріей.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ для достиженія этой цѣли было бы избрать искуснаго посланника, честнаго и прямодушнаго въ личныхъ сношеніяхъ и при веденіи переговоровъ.

3.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что въ Россіи есть только одна движущая сила, только одна воля въ лицѣ императора. Его воля и его желанія являются для Петербурга руководящимъ принципомъ всѣхъ желаній и чувствъ. Одаренный отъ природы большимъ умомъ, благороднымъ и даже чувствительнымъ сердцемъ, онъ находился въ теченіе тридцати лѣтъ подъ постояннымъ гнетомъ и принужденіемъ и долженъ былъ постоянно скрывать свои мысли и чувства. Когда онъ вступилъ на престолъ, все то, что ему приходилось скрывать, вылилось наружу съ ужасающей силою.

Смерть отца произвела на него глубокое впечатлѣніе; покойная государыня держала его положительно въ страхѣ. Онъ былъ удрученъ мыслію, что никогда не достигнетъ престола, и считалъ свое происхожденіе загадочнымъ. Онъ неоднократно высказывалъ это своимъ близкимъ друзьямъ и однажды сказалъ графинѣ Розенбергъ, съ которой онъ познакомился въ путешествіи и къ которой благоволилъ:

— Мнѣ никогда не дадутъ вступить на престолъ, и я на это и не разсчитываю. Но если судьбѣ будетъ угодно, чтобы я сдѣлался императоромъ, то не удивляйтесь тому, что вы тогда увидите. Вы знаете мое сердце, но вы не знаете этихъ людей (русскихъ),—а я знаю ихъ и знаю, какъ съ ними надобно обращаться.

Эти слова были переданы мнѣ г. Гаугвицемъ, который слышалъ ихъ изъ устъ самой графини.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ засвидѣтельствовалъ свое отвращеніе къ событію 1762 г. и рѣшилъ предупредить злополучныя послѣдствія, вызванныя извѣстнымъ актомъ Петра Великаго, коимъ онъ поставилъ престолонаслѣдіе въ зависимость отъ рѣшенія и выбора царствующаго монарха. Павелъ, имѣвшій поводъ опасаться для себя повторенія событія 1762 г., издалъ законъ, коимъ женщины устраняются отъ престола, и онъ переходитъ разъ навсегда къ старшему въ родѣ мужскаго пола.

Императоръ выказалъ большую признательность къ людямъ, которые были преданы ему въ то время, когда онъ былъ великимъ княземъ. Куракины заняли высшія должности, и Ростопчинъ, получившій съ

самаго начала повышеніе, будетъ играть очень важную роль. Кромѣ того вступленіе на престолъ было ознаменовано различными актами правосудія. Король польскій былъ приглашенъ въ Петербургъ; ему отведено помѣщеніе въ Мраморномъ дворцѣ, и ему оказывали всевозможное вниманіе. На его похоронахъ императоръ лично командовалъ тринадцатью тысячами солдатъ, которые сопровождали его тѣло. Костюшко былъ освобожденъ изъ заключенія и осыпанъ милостями, которыя онъ могъ бы принять съ бо̀льшею благодарностью, чѣмъ онъ выказалъ по этому случаю. Чувство справедливости въ императорѣ такъ велико, что Польша получила бы снова свою независимость, если бы это зависѣло единственно отъ него. Князь Безбородко [1]) былъ назначенъ имъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и осыпанъ почестями и одаренъ помѣстьями.

Нѣсколько времени спустя, необычайная вспыльчивость, которая всегда была свойственна императору, но которую онъ до тѣхъ поръ болѣе или менѣе сдерживалъ, проявилась съ такою страшной силою, что Куракины начали опасаться за свою участь. Они пытались образовать партію и поставить во главѣ ея императрицу и дѣйствовали съ этой цѣлью чрезъ фрейлину Нелидову. Этотъ планъ былъ разстроенъ графомъ Кутайсовымъ, турецкимъ невольникомъ, взятымъ въ плѣнъ подъ Очаковомъ, который состоялъ при императорѣ. Павелъ, давъ ему образованіе, сдѣлалъ его своимъ камердинеромъ, а затѣмъ своимъ довѣреннымъ человѣкомъ.

Исторія Кутайсова извѣстна—она служитъ примѣромъ неслыханнаго счастья и быстраго повышенія, какое возможно только при неограниченномъ образѣ правленія. Кутайсовъ обладаетъ ловкостью и пронырствомъ своихъ соотечественниковъ и какъ нельзя лучше изучилъ характеръ своего монарха. Онъ не золъ и не мстителенъ, но лишенъ всякихъ нравственныхъ основъ, которыя дали бы ему возможность вести себя соотвѣтственно его положенію и достоинству его монарха. Кутайсовъ—убѣжденный противникъ коалиціи противъ Франціи и сходится въ этомъ случаѣ съ графомъ Ростопчинымъ, вліяніе котораго опирается на его (Кутайсова) вліяніе. Поэтому можно себѣ представить, какъ сильна эта партія и какъ обширны средства, коими она можетъ вліять на императора. Причины, вслѣдствіе которыхъ въ политической системѣ этого монарха наступила внезапно перемѣна, истолковывались различно. Несомнѣнно, что событія, совершившіяся въ Пьемонтѣ, разногласіе во взглядахъ относительно вывода войскъ изъ Швейцаріи и упорство, съ

---

[1]) Безбородко, тотчасъ по смерти Екатерины, передалъ Павлу всѣ документы, касавшіеся устраненія его отъ престола.

*

какимъ Пруссія настаивала на своемъ нейтралитетѣ, постепенно раздражили императора и что 12-го сентября, при обнародованіи извѣстнаго манифеста къ подданнымъ, онъ уже имѣлъ намѣреніе отклониться отъ участія въ коалиціи. Но надобно полагать, что на охлажденіе, происшедшее между императоромъ и его союзниками, повліяли и другія причины и между прочимъ нѣкоторыя вліятельныя лица, которыя довели этотъ новый взглядъ до тѣхъ размѣровъ, какихъ онъ достигъ нынѣ. Лица, хорошо знающія Россію и русскихъ, утверждаютъ съ полнымъ основаніемъ, что въ этомъ смыслѣ дѣйствовалъ Кутайсовъ, по наущенію французской актрисы, г-жи Шевалье. Эта дама сдѣлалась въ Петербургѣ весьма важной особой. Какъ возлюбленная Кутайсова, она окружена цѣлымъ сонмомъ людей пронырливыхъ и честолюбивыхъ, въ числѣ коихъ есть лица высшаго общества, не стыдящіеся искать ея покровительства и дѣлать ей самыя постыдныя предложенія. Такъ напр. оберкамергеръ, графъ Шереметевъ, платитъ всегда за ложу на ея бенефисъ три тысячи рублей. Деньги и подарки сыпятся на эту особу, которой императоръ дѣлалъ также неоднократно богатыя подношенія, хотя не требовалъ за это ничего; всѣ дѣлаемыя по этому поводу предположенія лишены всякаго основанія.

Вначалѣ императрица старалась устранить госпожу Шевалье; но, благодаря Кутайсову, съ которымъ сошлась эта особа, она находится нынѣ въ совершенной безопасности. Императоръ предназначилъ даже одну ложу въ Эрмитажѣ для ея личнаго употребленія и освободилъ ее отъ обязательства выступать публично.

Г-жа Шевалье хороша собою и привѣтлива въ обхожденіи; она жила прежде въ Ліонѣ и Гамбургѣ и вышла замужъ за величайшаго негодяя—бывшаго нѣкогда довѣреннымъ лицомъ Колло д' Ербуа и его сообщниковъ, во время извѣстныхъ событій въ Ліонѣ. Этотъ гнусный человѣкъ способенъ на всякое постыдное дѣло; онъ имѣетъ большое вліяніе на свою жену, которая сдѣлалась въ его рукахъ опаснымъ оружіемъ. Гаугвицъ, близко знакомый съ этой госпожею, разсказывалъ мнѣ о ней много интимныхъ подробностей, между прочимъ, что, во время послѣдняго путешествія покойнаго короля прусскаго, Шевалье пріѣхалъ въ Пирмонтъ и всячески старался сблизить свою жену съ королемъ или съ Гаугвицомъ. Но послѣдній, узнавъ о сношеніяхъ супружеской четы съ парижскими демократами, выслалъ ихъ отдуда. И эти люди раздаютъ въ настоящее время въ Петербургѣ милости, и имъ извѣстны всѣ государственныя тайны! Шевалье, бывшій нѣкогда плохенькимъ плясуномъ, сдѣлался тутъ балетмейстеромъ; императоръ пожаловалъ ему чинъ коллежскаго асессора, и дерзость этого человѣка дошла дотого, что онъ выразилъ надежду получить Мальтійскій крестъ.

Почемъ знать, быть можетъ, онъ и получитъ его—имѣетъ же его Кутайсовъ.

Принявъ во вниманіе, что Шевалье имѣетъ вліяніе на свою жену, она на Кутайсова, а этотъ послѣдній въ свою очередь на императора, можно вывести извѣстныя заключенія. Кутайсовъ посѣщаетъ каждый вечеръ г-жу Шевалье и отъ нея отправляется во дворецъ, гдѣ онъ занимаетъ покои, въ которыхъ помѣщались нѣкогда фавориты императрицы Екатерины. Одна изъ этихъ комнатъ приходится подъ покоями императора и соединена съ ними потайною лѣстницею. Монархъ и слуга могутъ видѣться такъ часто, какъ они того пожелаютъ.

О Куракиныхъ и объ ихъ прежнихъ планахъ можно сказать слѣдующее. Одинъ изъ нихъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, другой генералъ-прокуроръ—оба они лишились своихъ мѣстъ; а фрейлина Нелидова удалена отъ двора; императрица утратила свое вліяніе на императора и его довѣріе. Вслѣдствіе этого, благоволеніе, коимъ пользуется Кутайсовъ, достигло высшей степени; онъ сдѣлался самымъ близкимъ, довѣреннымъ лицомъ императора, находится при немъ непрестанно, занимаетъ должность обершталмейстера, имѣетъ Мальтійскій крестъ, ордена Анненскій и Александра Невскаго. Императрица играетъ съ тѣхъ поръ второстепенную роль. Изъ любви къ своему брату, принцу Фердинанду [1]), она сдѣлалась сторонницей Австріи, а это самая плохая рекомендація въ глазахъ императора. Прежде императоръ былъ образцовымъ мужемъ и отцомъ, и доводилъ проявленія своей нѣжности по отношенію къ женѣ и дѣтямъ до аффектаціи. Но, повѣривъ наговору, будто противъ него былъ составленъ заговоръ, онъ потерялъ довѣріе, которое имъ уже не удастся вернуть. Люди, отвлекшіе его отъ императрицы, съумѣли кромѣ того связать его другими узами.

Привязанность императора къ дѣвицѣ Нелидовой была чисто платоническаго свойства и основана на извѣстномъ сродствѣ душъ. Эта особа очень дурна собою, но умна и образована.

Кутайсовъ рѣшилъ, что императоръ только тогда освободится отъ вліянія императрицы, которое онъ считалъ для себя опаснымъ, если онъ сойдется съ какою-либо особою, которая будетъ имѣть на него вліяніе. Онъ намѣтилъ княжну Лопухину, дочь Лопухина, заступившаго мѣсто князя Куракина. Эта молодая особа была фрейлиной императрицы и довольно хороша собою; у нея очень красивые черные глаза, извѣстное обаяніе молодости, при этомъ не особенно много ума, но, какъ говорили, страстный темпераментъ. Она довольно долго противилась ухаживанію

---

[1]) Герцогъ Фердинандъ Виртембергскій († 1834 г.) перешелъ при Павлѣ I изъ прусской въ русскую военную службу одновременно со своимъ братомъ, впослѣдствіи королемъ Фридрихомъ I.

императора, которое льстило ея тщеславію, но всѣ его признанія въ любви не могли побороть въ ней чувства собственнаго достоинства. Расположеніе къ ней императора возростало съ каждымъ днемъ, и когда Кутайсову угрожало однажды лишиться милости, то онъ ловко съумѣлъ завести рѣчь объ этомъ дѣлѣ и отвратить собиравшіяся надъ нимъ грозныя тучи. Съ этой поры фаворитъ старался непрестанно удовлетворить желаніе императора. Онъ съумѣлъ заручиться содѣйствіемъ отца Лопухиной, который, какъ низкій царедворецъ, какъ человѣкъ пресмыкающійся, употребилъ все свое вліяніе на то, чтобы устроить судьбу своей собственной дочери.... Императоръ пожаловалъ ей большой крестъ Мальтійскаго ордена и предоставилъ ей первое мѣсто среди принцевъ крови. Хотя она была осыпана милостями, но все-таки ей не удалось оградить отца отъ немилости императора. Лопухинъ, назначенный на мѣсто Куракина генералъ-прокуроромъ, лишился должности, которая была передана Беклешову, но и ему пришлось уступить, въ февралѣ мѣсяцѣ 1800 г., мѣсто Обольянинову. Это четвертый генералъ-прокуроръ со времени восшествія на престолъ Павла I.

Безмѣрный въ любви и ненависти, императоръ пришелъ въ такое возбужденное состояніе, которое затрудняетъ всякое сношеніе съ нимъ, что сильно вліяетъ на дѣла внѣшней политики. Это состояніе продолжается непрерывно съ декабря мѣсяца.

Онъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ своей власти, что устраняетъ со своего пути все то, что хотя сколько-нибудь ограничиваетъ власть. Сообразно съ этимъ онъ пріумножаетъ число церемоній и празднествъ, которыя даютъ ему случай появляться передъ публикой окруженнымъ всѣмъ блескомъ царственнаго величія, съ короною на головѣ, во главѣ блестящей и раболѣпно преданной ему свиты. То и дѣло издаются новыя предписанія о томъ, какимъ образомъ петербургская публика должна держать себя при появленіи императора и членовъ его семейства. Когда онъ появляется на улицахъ столицы и своей резиденціи, то всѣ застываютъ на мѣстѣ, разумѣется, исключая тѣхъ лицъ, которыя (не смотря на вѣтеръ и дождь) должны выходить изъ своихъ экипажей, чтобы привѣтствовать царя. Его сопровождаютъ всюду и во всякое время полицейскіе, которые арестовываютъ всякаго, не исполняющаго съ должной быстротою и точностью предписанные знаки почтенія. Чинъ, возрастъ и полъ не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи никакого различія. Малѣйшее уклоненіе считается оскорбленіемъ его царскаго достоинства и даже признакомъ заговора. Такъ напр., когда недавно случилось, что караульный офицеръ не успѣлъ во-время вызвать караулъ, то это было сочтено императоромъ за доказательство заговора, и великій князь, къ полку котораго принадлежали стоявшіе въ караулѣ солдаты, долженъ былъ выслушать самый жестокій выговоръ.

Съ тѣхъ поръ на тѣ улицы, гдѣ императоръ чаще всего проѣзжаетъ, посылаются въ караулъ люди, обладающіе самымъ сильнымъ голосомъ, которые по данному знаку кричатъ во все горло, что ѣдетъ императоръ. Другой разъ одинъ гвардейскій полкъ едва не былъ высланъ изъ Петербурга за то, что два офицера этого полка по болѣзни не явились на службу, а императоръ заподозрѣлъ въ этомъ какіе-то тайные замыслы. По этому поводу между императоромъ и великимъ княземъ Александромъ произошло столь горячее объясненіе, что послѣдній отъ волненія заболѣлъ лихорадкою, отъ которой пролежалъ три дня въ постели. Въ то время когда я былъ еще въ Петербургѣ, императоръ разжаловалъ князя Голицына и прогналъ съ вахтъ-парада весь Конногвардейскій полкъ за то, что брюки у одного солдата были желтоватѣе и сабля нѣсколько болѣе изогнута, чѣмъ у остальныхъ. Случается, что императоръ появляется гдѣ-нибудь съ быстротою молніи въ простыхъ саняхъ, и караульный офицеръ, не узнавъ его и не успѣвъ вызвать караулъ, увольняется отъ службы или подвергается наказанію. Эти несчастные стоятъ иногда весь день, вытаращивъ глаза, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. На парадѣ императоръ выказываетъ величайшую строгость. До тѣхъ поръ пока онъ не заболѣлъ въ Гатчинѣ, парадъ бывалъ ежедневно, не смотря ни на какую погоду и даже въ сильнѣйшій морозъ. Нерѣдко случается, что онъ ударяетъ офицеровъ палкою и лишаетъ ихъ чиновъ. Въ Гатчинѣ онъ приказалъ однажды великому князю Константину Павловичу дать двумъ гренадерамъ, вызвавшимъ его неудовольствіе, двадцать пять ударовъ розгою. Онъ входитъ во всѣ мелочи военной и полицейской службы, встаетъ въ шесть часовъ утра и тотчасъ принимаетъ генералъ-губернатора Палена, который докладываетъ ему обо всѣхъ прибывшихъ и выбывшихъ изъ столицы, обо всѣхъ возбудившихъ подозрѣніе, недовѣріе или неудовольствіе монарха, а также обо всѣхъ общественныхъ происшествіяхъ. Въ семь часовъ появляется графъ Ростопчинъ съ докладомъ по дѣламъ внѣшней политики; онъ подаетъ къ подписи бумаги и получаетъ приказанія относительно другихъ текущихъ дѣлъ. Въ девять часовъ императоръ отправляется на парадъ и для занятія военными дѣлами. Затѣмъ онъ совершаетъ прогулку (обыкновенно въ сопровожденіи Кутайсова). Послѣ обѣда онъ вторично совершаетъ прогулку; въ шесть часовъ навѣщаетъ императрицу, въ семь часовъ отправляется въ театръ и въ десять удаляется въ свои апартаменты. Онъ непрестанно занятъ мелочами военной службы; въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» ежедневно помѣщается длинный списокъ уволенныхъ и принятыхъ на службу офицеровъ. Говорятъ, будто во всей арміи произведено шестнадцать тысячъ таковыхъ перемѣщеній. Постоянно возбужденное состояніе, въ какомъ находится императоръ, довело его до того, что всѣ кажутся ему подозрительны,

самыя невинныя и естественныя общественныя собранія возбуждаютъ въ немъ подозрѣніе и участвующія въ нихъ нерѣдко наказываются лишеніемъ его милости. Однажды, увидавъ чрезвычайно большое число экипажей, стоявшихъ у одного англійскаго магазина, онъ приказалъ графу Палену имѣть наблюденіе за таковыми «сборищами», кои могутъ быть опасны для спокойствія государства. Вслѣдствіе этого нѣкогда столь блестящій и оживленный Петербургъ производитъ впечатлѣніе города, окаменѣвшаго отъ ужаса. Ежедневно узнаютъ, что тотъ-то смѣщенъ, такой-то арестованъ, третій высланъ, и все это по неизвѣстнымъ причинамъ. Все имѣющее какое-либо отношеніе къ лицамъ, кои непріятны императору, устраняется. Такая участь постигла напр. княгиню X., которая была близка графу Кобенцелю; тотъ, кто близокъ къ этому посланнику, можетъ быть увѣренъ, что онъ подвергнется немилости.

По вышеприведенному безусловно вѣрному описанію можно себѣ представить, какъ тягостна внутренняя жизнь двора. Братья и сестры едва осмѣливаются посѣщать другъ друга и говорить между собою— тѣмъ менѣе осмѣливается кто-либо писать, ибо въ Петербургѣ нѣтъ того письма, которое осталось бы не прочитаннымъ и нерѣдко ложно истолкованнымъ. Даже великія княжны подвержены подобнаго рода инквизиціи. Мнѣ пришлось, съ величайшей предосторожностью, передать великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ (супругѣ великаго князя Александра) письмо, данное мнѣ ея матерью, наслѣдной принцессою Баденской, и великая княгиня никогда не посмѣла упомянуть о немъ.

Удивительно, что, не смотря на всѣ вышеприведенныя обстоятельства, императоръ бываетъ иной разъ сравнительно въ хорошемъ настроеніи духа. Онъ отпускаетъ иногда остроты и предается въ иныхъ случаяхъ такой веселости, какая свойственна только людямъ, не питающимъ никакой злобы. Можно подумать, что онъ былъ когда-то очень счастливъ. Ему хорошо извѣстно, что его дѣти, а именно дочери, получили такое тщательное образованіе, которое дѣлаетъ величайшую честь императрицѣ. Нынѣ бывшей между ними дружбы болѣе не существуетъ.

Въ обращеніи императора и въ его манерахъ, когда онъ появляется въ обществѣ, замѣтна всегда какая-то напыщенность. По его мнѣнію, императоръ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ вести себя такъ, какъ прочіе люди. Когда онъ говоритъ публично, то въ его разговорѣ всегда чувствуется что-то напускное (apprêt); съ людьми, коихъ онъ видитъ впервые, онъ бываетъ въ высшей степени любезенъ, подъ часъ даже слишкомъ откровененъ. Иностранцамъ, кои не имѣли ни малѣйшаго повода вести съ нимъ бесѣду о политикѣ, онъ

открывалъ важнѣйшія свои намѣренія, чѣмъ нерѣдко были вызваны весьма прискорбныя недоразумѣнія.

При дворѣ соблюдается строгій этикетъ: все совершается, по непремѣнному желанію императора, въ высшей степени торжественно. Во время баловъ и собраній приходится быть насторожѣ и особенно внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы не оборачиваться къ нему спиною. Онъ прогналъ двухъ камергеровъ принца Виртембергскаго за то, что принцъ Фердинандъ, только что пригласившій одну даму на танцы, и не замѣтившій, что императоръ вошелъ въ зало, повернулся къ нему спиною.

Среди окружающихъ императора лицъ нѣтъ ни одного дѣйствительно умнаго человѣка. Изъ людей же, обязанныхъ своимъ положеніемъ личному расположенію императора и которые относятся враждебно къ великому князю, есть люди столь самостоятельные, какъ Кутайсовъ и Ростопчинъ.

О послѣднемъ нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ г. Зульцеръ въ своей запискѣ о Россіи охарактеризовалъ его какъ нельзя лучше и при томъ вполнѣ вѣрно. Прибавлю только, что графъ Ростопчинъ вмѣстѣ со своими пріятелями Головкинымъ и Гурьевымъ являются рѣшительными противниками коалиціи и совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріей. У Ростопчина нѣтъ политическихъ свѣдѣній, но онъ ведетъ дѣла съ какимъ-то озлобленіемъ и рѣшительностью, которыя нравятся императору. Онъ исходитъ изъ того положенія, что Россіи нѣтъ никакой надобности вмѣшиваться въ дѣла Европы и что ей достаточно одного— внушать своимъ сосѣдамъ страхъ, При томъ онъ нисколько не считаетъ себя связаннымъ договорами, имъ подписанными, и тѣми обязательствами, которыя онъ принялъ на себя, и поэтому онъ не считаетъ ихъ заслуживающими ни малѣйшаго вниманія. Единственно, чѣмъ онъ интересуется—это поддержаніемъ своего вліянія и увеличеніемъ своего состоянія.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ ему удержать свое положеніе возлѣ такого вулкана, каковъ императоръ. Я полагаю поэтому, что Ростопчинъ только выжидаетъ случая съ честью удалиться отъ дѣла, чтобы не испытать грозы, которая рано или поздно должна разразиться [1]).

Въ противуположность Ростопчину графъ Панинъ—человѣкъ съ опредѣленными взглядами, при томъ человѣкъ честный и чувствительный, скрывающій за нѣкоторой холодностью весьма привѣтливый характеръ. Этотъ государственный человѣкъ видитъ съ прискорбіемъ, что

---

[1]) Въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 г., за нѣсколько дней до кончины Павла, Ростопчинъ впалъ въ немилость и былъ посланъ въ свои помѣстья. Прим. издат.

Россія легко можетъ утратить свое значеніе и свое политическое вліяніе вслѣдствіе того, что она не исполняетъ своихъ обязательствъ, жертвуетъ самыми преданными ей союзниками и дѣйствуетъ судорожно и скачками въ то время, когда событія требуютъ извѣстной системы и послѣдовательности. Графъ Панинъ—сторонникъ коалиціи и тѣснаго союза съ Пруссіей. Такъ какъ онъ неутомимый работникъ и обладаетъ обширными познаніями, при томъ отличается безупречной честностью и пользуется у всѣхъ большимъ уваженіемъ, то онъ имѣетъ, если можно такъ выразиться, пассивное вліяніе, которое обнаруживается въ дѣлахъ его вѣдомства. Съ императоромъ онъ не приходитъ въ соприкосновеніе; всѣ дѣла идутъ чрезъ посредство Ростопчина.

Вновь назначенный на мѣсто Беклешова генералъ-прокуроръ Обольяниновъ мнѣ незнакомъ. Это выскочка, о которомъ говорятъ, что онъ имѣетъ нѣкоторыя заслуги и достоинства.... Князь Гагаринъ, министръ торговли, обладаетъ здравымъ сужденіемъ и основательными познаніями; онъ составилъ новый таможенный уставъ, коимъ замѣненъ доселѣ дѣйствовавшій нецѣлесообразный уставъ, въ которомъ вовсе не принимались во вниманіе интересы Россіи.

Во внутренней жизни двора довольно вліятельнымъ лицомъ является обергофмаршалъ Нарышкинъ. Императоръ привыкъ къ нему, и Нарышкинъ можетъ видѣть его во всякое время; онъ дотого уступчивъ, что у него не можетъ быть никакихъ столкновеній съ императоромъ. Послѣднее время императоръ неоднократно отличалъ графа Строганова, который не будетъ никогда ничѣмъ инымъ, какъ царедворцемъ. Нѣкоторымъ вліяніемъ пользуются также Кошелевы и Кутузовы, и нѣкоторыя другія фамиліи, которыя могутъ имѣть вліяніе вслѣдствіе того, что эти семьи многочисленны и имѣютъ обширныя связи.

Изъ всѣхъ здѣшнихъ представителей иностранныхъ дворовъ ни одинъ не пользуется сколько-нибудь значительнымъ вліяніемъ. Въ переговорахъ, веденныхъ въ Петербургѣ, болѣе всего посчастливилось неаполитанскому посланнику герцогу Серра Капріола. Это человѣкъ ловкій и услужливый; онъ хорошо знаетъ почву, на которой ему приходится дѣйствовать, и пріобрѣлъ своимъ бракомъ съ княгиней Вяземской связи, коими онъ умѣетъ пользоваться. При этомъ его домъ всѣми посѣщается; кстати сказать, это единственный домъ, куда съѣзжаются иностранцы. Витвортъ, преемникъ Фицгерберта и лорда Мальмсбюри, пользовался у императора большимъ вліяніемъ, но утратилъ его со времени экспедиціи въ Голландію и вслѣдствіе общаго хода политическихъ дѣлъ. Съ людьми, умѣющими внушать ему довѣріе, онъ какъ нельзя болѣе любезенъ и предупредителенъ. Когда его постигла немилость почти въ такой же степени, какъ Кобенцеля, то онъ уѣхалъ изъ Россіи,

при чемъ ни онъ, ни капитанъ Попгамъ даже не откланялись. Съ тѣхъ поръ Англія не имѣетъ дипломатическаго представителя въ Петербургѣ.

Шведскій посланникъ баронъ Штедингъ человѣкъ обходительный; не смотря на свое затруднительное денежное положеніе, онъ отлично умѣетъ вести домъ и пользуется прекрасной репутаціей, но не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія

Датскій посланникъ баронъ Бломъ съумѣлъ довольно хорошо поставить себя съ императоромъ; но возмущенный всѣмъ тѣмъ, что происходитъ въ Петербургѣ, онъ пожелалъ быть отозваннымъ, что̀ скоро и состоится. Его племянникъ Отто фонъ-Бломъ замѣститъ его въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ; посланникъ окончательно оставляетъ дипломатическое поприще. Это человѣкъ осторожный, весьма обходительный, пріятнаго характера; проживъ много лѣтъ посланникомъ въ Парижѣ, онъ отличается свойственной французамъ изысканной вѣжливостью. Его преемникомъ будетъ теперешній посланникъ въ Берлинѣ баронъ Розенкранцъ, который принялъ назначеніе въ Петербургъ только временно и на весьма выгодныхъ условіяхъ: онъ любезенъ, обходителенъ, дѣятеленъ и обладаетъ всѣми необходимыми въ его положеніи качествами.

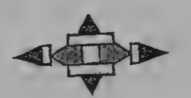
О графѣ Кобенцелѣ мнѣ нечего болѣе сказать, точно такъ же, какъ и о португальскомъ посланникѣ, кавалерѣ Герта, съ которымъ императоръ ни разу еще не говорилъ со вступленія своего на престолъ. Въ общемъ составъ дипломатическаго корпуса хорошъ; но съ теченіемъ времени пребываніе въ Петербургѣ становится дипломатамъ невыносимымъ; быть можетъ, имъ придется даже принять совмѣстно какое-нибудь рѣшеніе, чтобы измѣнить существующій нынѣ порядокъ или даже прекратить его. Рѣзкое обращеніе съ чинами дипломатическаго корпуса и постоянное нарушеніе первѣйшихъ правилъ народнаго права доходитъ дотого, что ихъ курьерамъ отказываютъ въ выдачѣ паспортовъ, имъ самимъ воспрещаютъ сношенія съ ихъ коллегами, которые находятся на дурномъ счету у императора, или же ихъ высылаютъ какъ заговорщиковъ за границу. Къ этому надобно прибавить, что посланникамъ оказываютъ при дворѣ полное невниманіе; въ теченіе всей зимы императоръ ни разу не показывался на пріемахъ, какъ это вездѣ принято; наконецъ, дипломаты не могутъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими, двери которыхъ постоянно заперты.

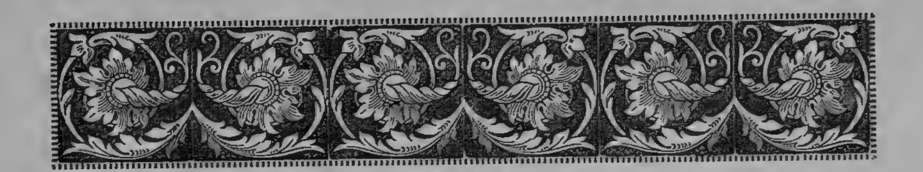
Такъ какъ императоръ удалился въ Павловскъ, то дипломатическій корпусъ будетъ избавленъ это лѣто отъ стѣсненія, коему онъ подвергался въ прошедшемъ году, когда представители иностранныхъ державъ были вынуждены совершать ежеминутно, въ полной парадной формѣ, дальнія поѣздки и присутствовать при церемоніяхъ, повторяв-

шихся безконечно. Уединеніе, на которое обрекаетъ себя нынѣ императоръ, избавляетъ дипломатическій корпусъ отъ этого безпокойства. Какъ долго все это продолжится, этого никто не можетъ предсказать».

Двѣнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ подачи этой записки, въ Мюнхенѣ было получено извѣстіе о кончинѣ Павла I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма С. П. Шевырева къ П. Я. Чаадаеву и Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову.

(О кончинѣ Н. В. Гоголя) [1].

1.

С. П. Шевыревъ къ П. Я. Чаадаеву.

Марта 28-го пятница (1852).

Милостивый Государь Петръ Яковлевичъ!

Въ понедѣльникъ на второй день Пасхи, минетъ сороковой день по кончинѣ Н. В. Гоголя. Въ Даниловѣ (монастырѣ), въ десять съ половиной часовъ утра, начнется заупокойная обѣдня и потомъ панихида по душѣ усопшаго, а потомъ предложена будетъ трапеза сорока бѣднымъ, монашествующей братіи и намъ, участникамъ поминовенія, въ кельѣ архимандрита. Издержка каждаго участника десять р. сер.

[1]) Недавно мы получили отъ Е. С. Некрасовой нѣсколько писемъ разныхъ лицъ, касающихся послѣднихъ дней и кончины Н. В. Гоголя (она извлекла ихъ, въ свою очередь, изъ бумагъ Румянцовскаго музея). Всѣмъ извѣстенъ характеръ отношеній Шевырева къ Гоголю; что касается Чаадаева, то мы не нашли до сихъ поръ какихъ-либо указаній на ихъ личныя отношенія, но извѣстно замѣчательное письмо П. Я. Чаадаева къ князю П. А. Вяземскому по поводу статьи послѣдняго: „Языковъ и Гоголь", напечатанной въ „Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ" Сушкова (2 отдѣлъ, прилож., стр. 26). Отношенія Гоголя къ А. А. Иванову подробно разобраны въ статьѣ Е. С. Некрасовой въ „Вѣстникѣ Европы" („Гоголь и Ивановъ", 1883, XII). Объ отношеніяхъ же Іордана къ Гоголю можно найти любопытныя подробности въ печатавшихся въ 1891 г. въ „Русской Старинѣ" воспоминаніяхъ самого Іордана, а также въ книгѣ П. А. Кулиша „Записки о жизни Гоголя". Наконецъ, всѣ вышеуказанныя данныя читатель можетъ найти и въ нашей книгѣ „Матеріалы для біографіи Гоголя".

В. Шенрокъ.

Вы, конечно, примете участіе въ этомъ поминовеніи; потому я счелъ долгомъ увѣдомить васъ объ этомъ. Отрадно будетъ услышать воскресную пѣсню вмѣстѣ съ заупокойной на могилѣ того, кто такъ любилъ и такъ глубоко чувствовалъ праздникъ воскресенія. Мнѣ хочется за трапезой прочесть его «Свѣтлое Воскресенье».

Желаю вамъ встрѣтить праздникъ въ радости духовной и въ полномъ здоровьи, прошу васъ принять заранѣе и сердечное поздравленіе мое и чувство полнаго къ вамъ уваженія и преданности. С. Шевыревъ.

2.

Ѳ. И. Іорданъ—А. А. Иванову.

19-го марта 1852 года.

Христосъ воскресе! Поздравляю всѣхъ.

Въ предыдущемъ письмѣ, я только-что получилъ извѣстіе изъ Сѣверной Памелы (Пальмиры?) о неожиданной, прискорбной и бѣдственной для нашей литературы, потерѣ Николая Васильевича Гоголя, который столько лѣтъ былъ нашимъ другомъ, другомъ счастливыхъ дней Рима и благодѣтелемъ въ предпринятыхъ нами трудныхъ работахъ... [1]). Никто не предполагалъ столь раннее несчастіе. Во время масляной недѣли, онъ говѣлъ и пріобщился Святыхъ Тайнъ. Подѣйствовала ли на него святость сей великой тайны, или, какъ другіе предполагаютъ, что онъ простудился, только духовная и тѣлесная боль явно оказалась опасною въ виду своихъ пріятелей. Средствъ земныхъ онъ не искалъ и отказался отъ всѣхъ пособій лучшихъ врачей первопрестольной матушки, снова пріобщился святыхъ тайнъ и долгое время питалъ себя одною просфорою, пока насталъ роковой день 21-го февраля, въ который день добрая и святая душа его отлетѣла въ вѣчность.

Московскій университетъ немедленно взялъ на свой счетъ отдать послѣдній долгъ безсмертному нашему другу. Назначено четыремъ профессорамъ безсмѣнно дежурить каждому, въ свою очередь, у гроба отшедшаго. Ими же на рукахъ перенесено было тѣло во гробѣ въ университетскую церковь, гдѣ равномѣрно продолжалось дежурство. Стеченіе народа въ продолженіе двухъ дней было невѣроятное. Рихтеръ [2]), который живетъ возлѣ университета, — писалъ мнѣ,—что два дня не было проѣзду по Никитской улицѣ. Онъ лежалъ въ сюртукѣ,—вѣрно, по собственной волѣ,—съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, который при

---

[1]) Не дописано. Здѣсь, очевидно, разумѣются картины—Иванова: Явленіе Христа народу и Іордана—Преображеніе Господне (гравюра); послѣдняя была окончена въ 1850 году.

[2]) Художникъ, жившій прежде въ Римѣ, въ одно время съ Гоголемъ.

закрытіи гроба былъ снятъ и принесъ весьма много денегъ отъ продажи листьевъ сего вѣнка. Каждый жаждалъ обогатить себя симъ памятникомъ, который украшалъ во истину въ Бозѣ почившаго. Въ день похоронъ все, что только имѣло какой-нибудь мундиръ, у каждаго онъ былъ на плечахъ; начиная съ генералъ-губернатора, каждый старался почтить внѣшнимъ знакомъ, отдавая тѣмъ послѣдній долгъ новозвратному. Ужасное стеченіе народа всѣхъ сословій и безсмѣтное число экипажей слѣдовало за гробомъ, который на рукахъ былъ несенъ профессорами и всѣмъ почетнымъ сословіемъ до могилы въ монастырь, гдѣ его положили возлѣ почившаго нѣскольк(ими) годами раньше Н. М. Языкова.

День 24-го февраля былъ день воскресный, и святая Москва, которая съ строгостью исполняетъ и святитъ день субботній, въ который день совершались его похороны [1]... и по сему случаю, вся Москва празднуя какъ день воскресный, вся пустилась отдать послѣдній долгъ тому, который ихъ (sic) веселилъ и въ то же время выказывалъ пороки многихъ. Имя его и сочиненія были всѣмъ извѣстны, и это умножило стеченіе народа до невѣроятности. Мнѣ пишутъ, что подобныхъ похоронъ не запомнятъ и старики.

За два дня (до) своей смерти, ночью топился у него камелекъ, и онъ все рвалъ и жегъ, и что-то онъ сжегъ, которое, ему казалось, сдѣлано ошибочно. Онъ замѣтилъ слугѣ: «жаль, что я это сжегъ; оно могло бы послужить пользою (sic) по моей кончинѣ», на что лакей съ обыкновенною простотою добраго прислужника отвѣчалъ: «Ничего, баринъ! авось поправитесь,—тогда еще лучше напишете». «Мертвыхъ Душъ» второй части не находятъ. Одни говорятъ, что (онъ) и это сжегъ; другіе же говорятъ, что онѣ въ Петербургѣ. Время покажетъ. Ничего не оставилъ!.. За нѣсколько дней до кончины онъ отослалъ къ сестрѣ 500 р. Родныхъ никого не оказалось, ни во время болѣзни, ниже при похоронахъ, такъ что онъ скончался въ Москвѣ, какъ нашъ братъ [2]) умираетъ въ Римѣ. Истинный талантъ сродняетъ впрочемъ со всею вселенною, и я увѣренъ, каждый уголокъ, гдѣ бы онъ ни былъ, узнавъ о смерти Николая Васильевича, вздохнетъ и пожелаетъ отъ души царствія небеснаго, кромѣ п.... Булгарина, который еще въ день смерти ругалъ его произведенія. Дай Богъ, чтобы Булгаринъ могъ встрѣтить подобное соучастіе.

Вчера я встрѣтилъ его портретъ, литографированный съ Моллера, чрезвычайно похожій. Явился и другой, когда онъ лежитъ въ гробу

[1]) Не окончена фраза.

[2]) Т. е. одинокій русскій художникъ, проживающій въ Римѣ, для усовершенствованія въ живописи.

съ лавровымъ вѣнкомъ (вѣрно, съ рисунка Скотти); снята была также маска. Вообще говорятъ, что онъ простудился и померъ отъ внутренняго воспаленія. Отъ роду ему было 44 года. Вѣчный покой и вѣчная память, добрая и великая душа, и тысяча признательностей за пособіе, оказанное мнѣ въ трудные дни моихъ занятій надъ «Преображеніемъ»!

Были письма отъ В. А. Жуковскаго, который пораженъ и скорбитъ душевно отъ плачевнаго извѣстія. Я увѣренъ, и ваша слеза горячая, слеза искренней дружбы и признательности льется надъ другомъ, къ которому вы такъ искренно были привязаны съ перваго дня вашего свиданія и знакомства. Миръ, миръ праху его! [1]).

3.

Ѳ. И. Іорданъ—А. А. Иванову [2]).

С.-Петербургъ. 4-го мая 1852 г.

Любезный Александръ Андреевичъ, на-дняхъ получилъ ваше письмо, содержащее копію письма къ В. А. Жуковскому [3]), и весьма благодаренъ за живое участіе, которое принимаете къ улучшенію моей участи, весьма незавидной и точно неблагодарной, припоминая В. А. Жуковскому желаніе насчетъ его портрета [4]); равномѣрно благодарю и за будущее знакомство съ извѣстнымъ меценатомъ изящнаго, съ г. Солдатенковымъ (Кузьма Терентьевичъ).

Вотъ отвѣтъ вамъ на ваши любезныя строки:

Теперь же обращусь съ моими вѣстями, а именно, что почтеннѣйшій и всѣми любимый Василій Андреевичъ Жуковскій пережилъ своего и нашего друга Н. В. Гоголя однимъ мѣсяцемъ и нѣсколькими днями равномѣрно переселился въ вѣчность въ Баденѣ, послѣ одиннадцатидневной водяной болѣзни; слѣдовательно, съ его вещами долго нужно ждать, пока приступятъ къ дѣлу. Кромѣ того, друзья не оставили втуне память покойнаго: ежедневно выходятъ новыя его изображенія, какъ и статейки въ журналахъ, и гравюра теперь будетъ уже запоздалое дѣло. Къ несчастію, еще м.... Булгаринъ не оставляетъ (въ покоѣ?) даже и по смерти безсмерт-

---

[1]) Далѣе идутъ сообщенія новостей, касающіяся Академіи, художниковъ и затѣмъ личныхъ денежныхъ и другихъ дѣлъ обоихъ переписывающихся пріятелей.

[2]) Это письмо представляетъ отвѣтъ на письмо А. А. Иванова къ Ѳ. И. Іордану, напечатанное въ книгѣ Боткина „А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка“, стр. 273.

[3]) См. это письмо тамъ же, стр. 273—274.

[4]) Т. е. находящагося у него портрета Гоголя, снятаго Ивановымъ.

наго Н. В. Гоголя, которое (sic) все-таки дѣлаетъ его сочиненію весьма много вреда. Однимъ словомъ, о семъ слѣдовало думать ранѣе; теперь врядъ ли найду хотя малую подписку, а заказа трудно дождаться, особенно съ вѣрными деньгами.

Кромѣ того, бывшій министръ С. С. Уваровъ желаетъ, чтобы я непремѣнно занялся бы (sic) портретомъ В. А. Жуковскаго съ Кипренскаго. Надѣюсь, что и отъ сего заказа уклонюсь, ибо глаза и желаніе къ нашему художеству здѣсь [1]) совершенно исчезаютъ и, кромѣ скуки и мысли о вашемъ счастливомъ гнѣздышкѣ изящнаго [2]), все одна пустошь лежитъ въ головѣ. Когда пріѣдете, то сами увидите на дѣлѣ. Все, все исчезло съ Римомъ, и не забывайте то блажество, коего и теперь вы есть соучастникъ. Будете же здѣсь, давши мнѣ руку, скажите: «такъ точно! это сущая правда!»

У меня вездѣ о васъ спрашиваютъ, когда кончите картину и когда пріѣдете. Отвѣтъ всѣмъ одинъ и тотъ же, что вы лучше знаете ваши дѣла и что окончаніе и пріѣздъ совершится, когда вы заблагоразсудите сами и, приводя себя въ примѣръ, говорю, что никогда не прощу себѣ глупости, повѣривъ лживому обѣщанію, разстаться со страною, родиною моихъ занятій. Это было говорено, какъ у П. А. Плетнева, такъ и у А. О. Смирновой, урожденной Россетъ, которая васъ любитъ и весьма интересуется вашими успѣхами. Не худо, если бы вы къ ней писали: прелюбезная дама. Что за дочери! просто англичаночки [3])! Здѣсь же былъ и нашъ общій другъ А. Н. Поповъ, который вамъ кланяется. Она (Смирнова) предполагаетъ, что вы не забыли, что Іоаннъ въ маломъ размѣрѣ есть ея принадлежность, если картина только не будетъ слишкомъ дорога. Я восхищался ея альбомомъ, вашею акварелью «Покупка подарка», «Бариномъ», «Альбанеске съ ея матерью и сыномъ»—прелестная вещичка!

Дай Богъ, чтобы вы свободное время употребили на составленіе композицій, которое будетъ огромное сокровище для нашей степи—изящной школы.

У насъ сегодня уже ваше 17-е мая—все черно, и ни одного еще зеленаго листочка: che allegria d'accidente!

Меня третьяго дня какъ-то посѣтилъ Великановъ и сказалъ, будто молодой Волконскій (Григорій Петровичъ) беретъ меня съ собой въ Римъ. Боже мой, какъ я обрадовался! Пускаюсь къ нему раннимъ утромъ—

[1]) Т. е. въ Россіи, въ Петербургѣ.

[2]) Въ Италіи, въ Римѣ.

[3]) Дочери Смирновой: Ольга Николаевна, Софья Николаевна, впослѣдствіи по мужу Трубецкая и Надежда Николаевна, впослѣдствіи по мужу Соренъ.

и что же нахожу? Все вздоръ! Онъ только-что проболтался и въ концѣ сказалъ тревожно, что денегъ не имѣется. Я все брежу Римомъ и увѣренъ, что все-таки усну на monte Testaccio; sara quello che sara, ma morte deva trovare a Roma al Gigetta del Falcone la mia remembranza [1]).

Денегъ отъ Ѳ. А. Моллера [2]) не могу получить. Къ вамъ ѣдетъ Бруни и съ нимъ Ѳ. А. Братъ его получитъ мое письмо; можетъ быть, и разсердится, но поступлено со мною съ ихъ стороны весьма плохо, безсовѣстно!

Будьте здоровы и счастливы! Братцу [3]) поклонъ и съ искреннею любовью и почтеніемъ вашъ сотоварищъ Іорданъ.

О племянницѣ non si sente nulla Ricordate quello, che vi dico: lasciate la in pace, altro non vale [4]).

Смерть Жуковскаго не произвела даже десятой доли сожалѣнія въ сравненіи съ нашимъ Н. В. Гоголемъ. Говорятъ, будто вторая часть существуетъ. Впрочемъ, все сіе весьма трудно [5]), ибо онъ все сжегъ.

Ахъ, какъ скучно, скучно, скучно! Какъ бы къ вамъ попить по утрамъ certosa [6]), вечеромъ за Porta Via [7]) посмотрѣть вашъ красивый народъ, полюбоваться вашею зеленью и небомъ. Что за дубина былъ я, что вѣрилъ всему, и теперь сижу, какъ ракъ на мели.

Sir Giovanni fa un inglesino, Fedoroff fa Шаповаловъ [8]).

Сообщилъ **В. Шенрокъ.**

---

[1]) Все-таки я усну на горѣ Тестаччіо; пусть будетъ, что будетъ, но смерть я долженъ встрѣтить въ Римѣ.

[2]) Живописецъ, который нарисовалъ самый лучшій портретъ Гоголя.

[3]) Братъ А. А. Иванова—Сергѣй Ивановичъ, архитекторъ.

[4]) О племянницѣ ничего не слыхать. Припомните то, что я вамъ говорю: оставьте ее въ покоѣ; ничего другаго она не заслуживаетъ.

[5]) Здѣсь пропущено одно слово.

[6]) Воды картезіанскаго монастыря.

[7]) За заставой.

[8]) Г-нъ Ивановъ рисуетъ англичанина, Ѳедорова-Шаповалова.

Письмо декабриста маіора Владиміра Ѳедосеевича Раевскаго

къ сестрѣ его

Вѣрѣ Ѳедосеевнѣ Поповой.

Съ примѣчаніями В. В. Раевскаго.

21-го мая 1868 года.

Безцѣнный и добрый другъ мой, Вѣра Ѳедосеевна [1]). Можешь ли ты сомнѣваться въ моей любви къ тебѣ? Возвратясь на родину [2]), я жилъ у тебя и только по необходимости выѣзжалъ къ другимъ; у васъ время шло такъ, что я съ болью сердечной, какъ бы со страхомъ проснулся, понимая, что я долженъ разстаться съ вами,—конечно, уже навсегда... Ты видѣла мои слезы, а я не помню отъ дѣтства, чтобы я плакалъ; не только домъ вашъ, но каждая вещь въ домѣ вашемъ — и теперь передъ глазами моими. Въ саду вашемъ я помню каждое дерево, а тебя, мужа твоего [3]), милую, очаровательную Анету [4])... тутъ уже нѣтъ выраженій, чтобы передать чувство, для котораго слова: дружба, любовь — еще недоста-

---

[1]) Вѣра Ѳедосеевна Попова, сестра Владиміра Ѳедосеевича, будучи бездѣтной, воспитала сына его—Вадима—отца автора этихъ примѣчаній. Вадимъ Владиміровичъ скончался 27-го іюля 1882 г., а Вѣра Ѳедосеевна—28-го іюня 1891 года, 80-ти съ лишнимъ лѣтъ отъ роду, въ своемъ имѣніи Дмитревское при сл. Морквино Курской губерніи, Новооскольскаго уѣзда.

[2]) Въ Курскую губернію.

[3]) Іосафъ Александровичъ Поповъ, новооскольскій уѣздный предводитель дворянства. Скончался въ 1875 году, 57 л. отъ роду.

[4]) Анна Васильевна Мухортова (теперь Гаевская)—племянница І. А. Попова, воспитанница Вѣры Ѳедосеевны.

точны. Я оставилъ у тебя Юлія [1]), я ввѣрилъ тебѣ Вадима [2])—и былъ бы счастливъ, если бы могъ кончить жизнь у васъ. Но видно не мнѣ назначена жизнь, которую называютъ счастливою. Я не роптал, считаю дѣтствомъ и слабостью жаловаться на судьбу, — но иногда дѣлаю запросъ: чѣмъ заслужилъ я, какая вина лежитъ на мнѣ, почему исключительно на мнѣ лежитъ такой гнетъ?—«Ты родился слишкомъ рано»,— и вотъ отвѣтъ, который я дѣлаю на всѣ эти вопросы самому себѣ.

Сорокъ лѣтъ, какъ я въ Сибири, при самой усиленной трудовой жизни. Въ послѣдніе годы, ты знаешь хорошо, я переносилъ нравственно и физически ударъ за ударомъ. Я буду въ этомъ письмѣ говорить съ тобою откровенно.

Вы не знаете моего дѣтства, кромѣ Бердяевой [3]), вы почти не видали и не знали меня. Я ласкалъ, цѣловалъ васъ, когда вы были еще младенцами. Жизнь мою ты знала только по разсказамъ. Но внутренняя, настоящая моя жизнь впослѣдствіи разъяснилась моимъ крѣпостнымъ заключеніемъ. Любилъ ли меня отецъ наравнѣ съ братьями Александромъ и Андреемъ,—я не хотѣлъ знать, но что онъ вѣрилъ мнѣ болѣе другихъ братьевъ, надѣялся на меня одного,—я это зналъ. Онъ хорошо понималъ меня и въ письмахъ своихъ, вмѣсто эпиграфа, начиналъ: «не будь гордъ, гордымъ Богъ противенъ»; въ моихъ отвѣтахъ я начиналъ: «униженіе паче гордости»... Я воспитывался съ братьями вмѣстѣ, братья не были дружны между собою, но оба они искренно любили меня; и когда мать наша [4]) посылала намъ деньги на конфекты въ пансіонъ, и всегда мнѣ менѣе, нежели каждому изъ нихъ,—они дѣлились со мною поровну и какъ бы стыдились за мать. Я не просилъ никогда у отца [5]) денегъ, даже выигранныя мною въ карты въ Хворостянкѣ [6]) отдавалъ ему. Насколько любилъ я сестеръ моихъ—и На-

---

[1]) Сынъ Владиміра Ѳедосеевича, нынѣ умершій. Владиміръ Ѳедосеевичъ былъ женатъ на окрестившейся буряткѣ Иркутской губ.

[2]) Вадимъ — сынъ Владиміра Ѳедосеевича, отецъ автора этихъ примѣчаній.

[3]) Надежда Ѳедосеевна Бердяева—старшая сестра Владиміра Ѳедосеевича; нѣкогда богачка, блиставшая въ петербургскомъ свѣтѣ. Разорившись окончательно, проживала около десяти лѣтъ въ Дмитревскомъ у сестры Вѣры Ѳедосеевны, до кончины ея. Скончалась въ пріютѣ для престарѣлыхъ дворянъ въ г. Курскѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ, имѣя около 100 лѣтъ отъ роду.

[4]) Александра Андреевна, урожденная княжна Фенина.

[5]) Маіоръ Ѳедосей Михайловичъ Раевскій—одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Курской губ., бывшій предводитель дворянства.

[6]) Главное гнѣздо Раевскихъ—Старооскольскаго уѣзда. Затѣмъ, принадлежало одной изъ сестеръ—Любови Ѳедосеевнѣ (въ замуж. Веригиной). Теперь принадлежитъ Александрѣ Михайловнѣ Челищевой.

талья, и Александра [1]) очень хорошо знали,—когда въ Петербургѣ съ Петербургской стороны въ Смольный монастырь, зимою, въ 30 градусовъ мороза, въ легкой шинелькѣ сверхъ мундира, въ киверѣ и въ холодныхъ сапогахъ, я ходилъ пѣшкомъ, чтобы только повидаться, поцѣловаться съ ними... Оба брата вступили въ службу раньше меня, но въ одиннадцати сраженіяхъ я получилъ два чина за отличіе и обогналъ ихъ, а двадцати пяти лѣтъ я уже былъ маіоромъ и имѣлъ два военныхъ ордена. 1822 года 6-го февраля я былъ арестованъ. Этимъ арестомъ кончилась моя свѣтлая, общественная жизнь,—началась новая, можно сказать, подземная, тюремная. Шесть лѣтъ продолжалась она. Меня перевозили изъ крѣпости въ крѣпость: сначала въ Тираспольскую, потомъ въ Петропавловскую, наконецъ, въ крѣпость Замосць. Здѣсь рѣшилась моя будущность—спокойно я выслушалъ мою конфирмацію передъ польскою бригадою, скинулъ мой военный мундиръ и какъ поселенецъ отправленъ въ Сибирь подъ строгимъ надзоромъ, на почтовыхъ. Въ Иркутскѣ уже знали и ожидали моего пріѣзда. Я былъ встрѣченъ съ любопытствомъ, вниманіемъ и, со стороны начальниковъ, очень вѣжливо.

Ты видишь, что жизнь моя состояла изъ трехъ переходовъ: съ 17-ти лѣтъ я встрѣтилъ безпощадную кровавую войну. И чтобы не описывать подробностей, я вотъ какъ стихами высказалъ (въ моемъ посланіи къ Сашѣ) [2]) это роковое вступленіе въ жизнь:

Среди моленій и проклятій,
Средь скопища пирующихъ рабовъ,
Подъ гулами убійственныхъ громовъ
И стонами въ крови лежащихъ братій,
Я встрѣтилъ жизнь, взошла заря моя...

Я изъ-за границы возвратился на родину уже съ другими, новыми понятіями. Сотни тысячъ русскихъ своею смертью искупили свободу цѣлой Европы. Армія, избалованная побѣдами и славою, вмѣсто обѣщанныхъ наградъ и льготъ, подчинилась неслыханному угнетенію. Военныя поселенія, начальники такіе, какъ Ротъ, Шварцъ, Желтухинъ и десятки другихъ—забивали солдатъ подъ палками; крѣпостной гнетъ крестьянъ продолжался, боевыхъ офицеровъ вытѣсняли изъ службы; возстановленіе всегда враждебной намъ Польши, усиленное взысканіе недоимокъ, увеличившихся войною, строгость цензуры, новые наборы рекрутъ и проч. и проч.—производили глухой ропотъ... Власть Аракчеева, ссылка Сперанскаго, неуваженіе знаменитыхъ генераловъ и такихъ сановниковъ, какъ Мордвиновъ, Трощинскій—сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновленія, улучшеній, благоден-

---

[1]) Наталья и Александра—сестры Владиміра Ѳедосеевича.

[2]) Дочь Владиміра Ѳедосеевича.

ствія, исцѣленія тяжелыхъ ранъ своего отечества... И вотъ причины, которыя заставили насъ высказаться такъ рѣшительно и безбоязненно: дѣло шло о будущности Россіи, объ оживленіи, спасеніи въ настоящемъ. И братъ твой прежде другихъ (по неясному подозрѣнію только)—былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость Тираспольскую. Тайна оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 г. она объяснилась на Сенатской площади. Изъ Тирасполя я былъ отправленъ въ крѣп. Петропавловскую, по рѣшеніи дѣла протестовалъ, меня отправили въ Царство Польское въ крѣп. Замосць, а 1827 года октября 25-го участь моя была рѣшена,—черезъ мѣсяцъ на почтовыхъ меня отправили въ Сибирь на поселеніе. Послѣ шестилѣтняго крѣпостнаго заключенія, я, наконецъ, дышалъ свѣжимъ воздухомъ, видѣлъ людей, могъ говорить съ ними, мнѣ дозволяли обѣдать на постоялыхъ дворахъ, ночевать не въ тюрьмѣ, не подъ замкомъ; чиновники и офицеры, которые назначались губернаторами тѣхъ губерній, черезъ которыя я проѣзжалъ, обходились со мною не только вѣжливо, но съ непритворнымъ уваженіемъ. Я потерялъ чины, ордена, меня лишили наслѣдственнаго имѣнія, но умственныя мои силы, физическая крѣпость, мое имя—оставались при мнѣ.

Послѣ жизни военной и тюремной, (съ) 1827 или, вѣрнѣе, 1828 года, начинается жизнь ссыльная. Вотъ уже 40 лѣтъ, какъ я въ Сибири...

По пріѣздѣ въ Сибирь я надѣялся, я даже увѣренъ былъ, что сестры мои, которымъ досталось все наслѣдство мое, позаботятся успокоить, обезпечить меня,—тѣмъ болѣе, что правительство не воспрещало присылать деньги ссыльнымъ всѣхъ разрядовъ. Я зналъ, что дѣла ваши дурны, что Петръ [1]) по довѣренности вашей расточаетъ наслѣдство (это я уже (видѣлъ) изъ письма дяди Гавріила Михайловича) [2]); вотъ почему я просилъ великаго князя Константина Павловича наложить запрещеніе на мое наслѣдство.

Изъ Сибири я писалъ къ бывшему курскому губернатору Муравьеву о томъ же и имѣю отвѣтъ. Однимъ словомъ, и въ крѣпости, и въ ссылкѣ, я хлопоталъ, заботился о сохраненіи общаго наслѣдства.

Но вышло не такъ. И сестры какъ бы судомъ семейнымъ осудили меня на нищету. Александра Ѳедосеевна на письма мои отвѣчала очень уклончиво, вовсе неудовлетворительно. Я понялъ, что ссылка моя отдѣлила сестеръ моихъ рѣзко отъ меня, предоставила имъ право не признавать меня своимъ роднымъ братомъ... Я прекратилъ переписку; восемь лѣтъ я не писалъ никому изъ васъ. Но подрастающія дѣти были причиною какъ бы новой связи, сближенія моего съ вами.

---

[1]) Петръ Ѳедосеевичъ—братъ Владиміра Ѳедосеевича, извѣстный своими безшабашными выходками и скандалами.

[2]) Братъ отца Владиміра Ѳедосеевича.

Спрашиваю тебя—обезславила ли моя ссылка васъ и родовое имя наше? Краснѣешь ли ты, называя меня своимъ братомъ? Унизилъ ли я себя приговоромъ суда? [1]) Согнула ли, испортила ли меня 30-ти-лѣтняя пытка—ты видѣла меня? За что же такія холодныя, какъ бы отталкивающія отношенія сестеръ моихъ ко мнѣ? Кому или чему приписать ихъ отказъ въ помощи мнѣ?..

35 лѣтъ ни словомъ, ни намекомъ не напоминалъ вамъ о семейномъ судѣ вашемъ. Я не нуждался. Усиленными трудами я держалъ семейство мое въ довольствѣ, далъ воспитаніе, какое слѣдовало и возможно было дать въ Сибири. Ты видѣла и дочь мою Александру, и сыновей. Я выдалъ двухъ дочерей замужъ. Мужъ Вѣры [2]) года черезъ два будетъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, имѣетъ два ордена на шеѣ. Всѣ уважаютъ его какъ самаго честнаго, прямодушнаго, дѣловаго и благороднаго человѣка. Еще я считался въ ссылкѣ, когда онѣ обѣ, т. е. Саша и Вѣра—выходили замужъ, когда Юлій произведенъ былъ въ офицеры. Четыре генералъ-губернатора входили съ представленіемъ обо мнѣ государю, о дозволеніи вступить мнѣ по гражданской части въ службу. На всѣ эти представленія—отказъ.

Что жь было причиной такой немилости? Государь считалъ меня виновнѣе другихъ, но доказательствъ не было. Второе общество составилось, когда я былъ въ крѣпостномъ заключеніи.

По водвореніи моемъ Иркутскаго округа въ с. Олонкахъ (въ) 1828 г., первоначально, по просьбѣ крестьянъ, взялъ небольшой подрядъ на перевозку вина изъ винокуреннаго завода, по одобрительному свидѣтельству, или поручительству крестьянъ. Черезъ полтора года новый откупщикъ безъ одобрительнаго свидѣтельства ввѣрилъ мнѣ всю перевозку, съ жалованьемъ 3.000 р. въ годъ. Восемь лѣтъ постоянно я занимался пріемкою вина и доставкою его во всѣ мѣста Иркутской губерніи, Забайкальской и Якутской областей. Кромѣ 3.000 р. жалованья, я получалъ до двухъ тысячъ награжденія. Купилъ мельницу, домъ въ г. Иркутскѣ, отстроился въ Олонкахъ, купилъ 30 десятинъ пашни. Когда откупъ Пономарева кончился, а я сильно заболѣлъ затверденіемъ печени, я оставилъ должность, или званіе довѣреннаго по откупу и занялся хлѣбопашествомъ и торговлею хлѣбомъ. Торговля эта давала мнѣ отъ 4—5 тысячъ дохода. Девять лѣтъ я занимался покупкою и продажею хлѣба, но съ пріѣздомъ новаго генералъ-губернатора Муравьева, вмѣсто покупки хлѣба въ казну, начался безбожный насильственный налогъ. Крестья-

---

[1]) Въ „Русскомъ Архивѣ", въ статьѣ о Пушкинѣ Ивана Петровича Липранди въ №№ 8, 9 и 10, 1867 г., сказано о заключеніи и судѣ моемъ въ крѣп. Тираспольской.

[2]) Дочь Владиміра Ѳедосеевича, въ замужествѣ Ефимова, теперь умершая.

намъ выдавались произвольно цѣны за хлѣбъ, не окупавшія труда. Я долженъ былъ бросить и хлѣбопашество, и торговлю хлѣбомъ. Нечего было дѣлать. Я взялъ на себя наемъ рабочихъ людей на бирюсинскіе золотые промыслы, до 2.000 чел. и получалъ до 3.000 р. сер. въ годъ. Но я долженъ былъ съ ноября мѣсяца по мартъ ѣздить по округамъ и деревнямъ, заключать контракты, выдавать билеты и въ это время, проѣзжая нѣсколько тысячъ верстъ, останавливаться на квартирахъ въ деревняхъ, разсчитывать каждаго особо и лично, а въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣхать на промыслы, тайгою, для разсчета съ управляющими: 250 верстъ верхомъ и обратно,—а всего 500 верстъ.

Новый откупщикъ предложилъ мнѣ взять на себя пріемку вина и поставку этого вина, отъ 700 до 800 тысячъ ведеръ, во всѣ города и дистанціи Восточной Сибири. Я согласился и при двухъ откупщикахъ занимался этимъ дѣломъ по довѣренности, какъ довѣренный, 12 лѣтъ, получая до 2.500 р. сер. Мельница безъ собственнаго присмотра не обезпечивала домашняго содержанія въ Олонкахъ. По окончаніи откупа, у меня осталось за всѣми разсчетами до пяти тысячъ рублей серебромъ. Я взялъ подрядъ на поставку вина въ города Иркутскъ и Нижнеудинскъ, 164 тысячи ведеръ, и, между прочимъ, складъ вина и нѣсколько питейныхъ домовъ.

Съ 1863 года начинаются всѣ самыя жестокія испытанія въ моей,— и безъ того, какъ ты видишь, не свѣтлой жизни: самымъ безсовѣстнымъ, притязательнымъ постановленіемъ казна удержала у меня залога 3.000 р. сер. Я жаловался министру, но никакого удовлетворенія не получилъ. Юлій, получивши мои деньги 1.200 р., въ самую нужную пору для моихъ дѣлъ, проигралъ въ карты. Убійцы не докончили убійства, но истязали меня жестоко [1]); отъ моей неосторожности у меня обгорѣла половина тѣла, и 8 недѣль я лежалъ безъ движенія; складъ вина пошелъ въ убытокъ. Я долженъ былъ бросить; жена больная, неудачная служба и отставка старшихъ сыновей, которые теперь дома въ Олонкахъ. А въ этомъ году и послѣднее подспорье въ тяжелой жизни—сгорѣла мельница. Я вошелъ въ долги и не вижу выхода изъ моего настоящаго положенія,—а мнѣ уже 73 года.

Слѣдуетъ вопросъ: чѣмъ же я жилъ? Я продавалъ все, что можно было продать, я заложилъ мельницу и домъ въ заводѣ; Миша [2]) изъ небольшаго жалованья помогаетъ мнѣ, а самъ уже вошелъ въ долги. Зять мой Ефимовъ изъ ограниченнаго жалованья выслалъ мнѣ на уплату

---

[1]) Въ одну изъ дальнихъ поѣздокъ Владиміра Ѳедосеевича на него напали разбойники и сильно изранили.

[2]) Старшій сынъ Владиміра Ѳедосеевича—впослѣдствіи казачій полковникъ, извѣстный своимъ удальствомъ и беззавѣтной храбростью; имѣлъ шашку „за храбрость“ при усмиреніи польскаго мятежа; нынѣ умершій.

долга 1.000 р., тогда какъ у него 3 сына (для которыхъ онъ нанимаетъ учителей) и жена, и жизнь въ городѣ. Саша замужемъ и слишкомъ далеко отъ насъ. Сверхъ того, Сонечка [1]) уже невѣста на рукахъ и въ деревнѣ.

Изъ всего, что я написалъ, ты видишь, въ какомъ я положеніи. Ни подъ ядрами, ни въ заточеніи, ни лишеніе правъ и состоянія, ни ссылка, ни ожиданіе смерти подъ ножомъ убійцъ—не имѣли на меня (?) такой тягостной душевной боли,—какъ отказъ сестеръ помочь мнѣ. Для меня было тѣмъ больнѣе, что я видѣлъ моихъ товарищей въ ссылкѣ, которымъ не сестры родныя, а родственники и друзья высылали деньги. Я спрашиваю сестеръ: кому принадлежало наслѣдство отца и матери, еслибъ я не былъ сосланъ?.. Слѣдственно на несчастіи моемъ основалось ваше состояніе. Я не просилъ ни раздѣла, ни отдѣленія мнѣ участка, чтобы послѣдніе дни жизни провести спокойно,—нѣтъ, я просилъ всего 3.000 рублей и, получивши ихъ, черезъ три года я навѣрное былъ бы въ состояніи возвратить эти деньги. Я жилъ и живу уже 40 лѣтъ безъ доходовъ наслѣдства отцовскаго, я привыкъ къ дѣлу, я умѣлъ составить состояніе, а съ 3.000 рублей я бы могъ уплатить долгъ и пустить въ оборотъ остальныя деньги. А безъ денегъ, что можно начать? Что сдѣлать?

Ты, любезный другъ мой, все имѣніе завѣщала сыну моему [2]). Конечно, и люди, и я, и самъ Богъ видятъ и свидѣтельствуютъ о твоемъ благородномъ материнскомъ попеченіи о немъ. Веригина имѣетъ деньги на поѣздку въ Парижъ и отказываетъ мнѣ въ такой незначительной помощи. О Бердяевой мнѣ и говорить больно: она, послѣ 40-лѣтней разлуки, не хотѣла видѣться со мною. Я ли виноватъ, что въ «Будущности» огласили ихъ поступокъ со мною? Неужели онѣ думаютъ, что это тайна. Не одинъ разъ мнѣ предлагали подать прошеніе прямо на имя государя, такъ какъ это дѣло—дѣло совѣсти, не юридиціи. Начинать дѣло, безславить имя моего отца, при моихъ правилахъ,—очень тяжело. Вамъ, конечно, непонятно, что моя просьба, если не будетъ совершенно уважена,—не останется безъ послѣдствій,—конечно, непріятныхъ уже не для меня.

Безцѣнный, добрый другъ мой, я высказалъ все,—мнѣ остается только повторить мою убѣдительную просьбу—не откладывать присылкою тобою обѣщанныхъ денегъ и убѣдить Веригину не отказывать. Чѣмъ скорѣе я получу, тѣмъ болѣе буду благодаренъ. Если домъ мой опишутъ, для меня мѣста будетъ достаточно на кладбищѣ... но больная жена,

---

[1]) Софія Владиміровна, въ замужествѣ Дьяченко—дочь Владиміра Ѳедосеевича; нынѣ умершая въ г. Красноярскѣ.

[2]) Вадиму.

но Сонichка... я и то съ нѣкотораго времени ложусь спать и просыпаюсь какъ осужденный. Ты бы не узнала своего брата—онъ постарѣлъ... Къ тебѣ, къ Вадиму я писалъ довольно часто, не понимаю, отчего вы получали не всѣ мои письма, да и отъ Вадима нѣтъ отвѣта на мои письма. Одно замѣчу тебѣ: напрасно Іоасафъ Александровичъ купилъ эту роковую Александрету [1])—не принесетъ она счастья своему владѣтелю...

Прощай, мой милый другъ. Благодарю тебя за посылку отличнаго бѣлья и за твои заботы о Сонѣ,—да, ея положеніе при такихъ обстоятельствахъ меня очень печалитъ. Искренне любящій тебя и признательный братъ Влад. Раевскій.

21-го мая 1868 г.

P. S. Сейчасъ пріѣхали съ почты, но ни отъ тебя, ни отъ Вадима нѣтъ писемъ. Поступилъ ли Вадимъ въ университетъ? Какъ онъ выдержалъ экзаменъ? Очень грустно писать такія письма, какъ это, но что жь дѣлать?.. Не роскошная жизнь, не карты и безразсчетность уронили дѣла мои, и поправить ихъ зависѣло отъ скорой помощи, на которую разсчитывалъ я. Здѣсь въ Сибири нерѣдко можно получить рубль на рубль, а 50 к. на рубль всегда. И милліонеры падаютъ, но мнѣ тяжелѣе, потому что оказанная помощь привела бы все въ настоящій порядокъ.

Іоасафъ Александровичъ, вѣроятно, полагаетъ мое положеніе не настолько стѣсненнымъ и безвыходнымъ. Онъ не жилъ такою тяжкой, трудовой и ссыльной жизнью! Прощай, другъ мой.

Сообщилъ **В. В. Раевскій.**

---

[1]) Имѣніе Новооскольскаго уѣзда, принадлежавшее раньше Александрѣ Ѳедосеевнѣ; неизвѣстно, почему это имѣніе считалъ Владиміръ Ѳедосеевичъ „роковымъ“.

Наслѣдіе Петра Великаго[1].

IV [1]).

Когда Курляндскій сеймъ открылся, кандидатура Меншикова была выставлена однимъ изъ депутатовъ, пространно распространявшимся на счетъ средствъ, которыми располагаетъ этотъ кандидатъ какъ для того, чтобы поддержать свои притязанія, такъ и для того, чтобы защитить свои интересы и интересы Курляндіи противъ ея недруговъ. Морицъ одержалъ верхъ, но горнизонтъ, въ особенности, со стороны Петербурга, оставался покрытымъ зловѣщими тучами. Вскорѣ одинъ за другимъ въ Митаву стали пріѣзжать курьеры, возвѣщавшіе то о скоромъ прибытіи неудачнаго кандидата, то о вторженіи на курляндскую территорію двѣнадцати тысячъ русскихъ. 8-го іюля Долгорукій былъ въ Митавѣ и сообщилъ сеймовому маршалу о неудовольствіи императрицы. Она не признавала сейма, засѣдавшаго незаконно, безъ согласія короля польскаго, и требовала созыва новаго сейма.

«Но польскій король не признаетъ и его!.—«Это дѣло императрицы».

Меншиковъ ожидалъ въ Ригѣ результатовъ этого перваго требованія. Вдовствующая герцогиня, съ своей стороны, тоже отправилась въ Ригу и со слезами отстаивала интересы Морица. Но фаворитъ оставался непоколебимымъ. Россія не желаетъ этого герцога, и царевна не можетъ выйти замужъ за незаконнорожденнаго. 10-го іюля онъ былъ въ Митавѣ и приказалъ занять ночью городъ отрядомъ русскихъ войскъ. На слѣдующій день произошло пресловутое свиданіе обоихъ соперниковъ, подавшее поводъ къ фантастическимъ разсказамъ; подробности этого сви-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1902 г.

данія остаются неопредѣленными. Крайне бурное по началу, оно, повидимому, приняло затѣмъ совершенно мирный оборотъ.

— Кто ваши отецъ и мать?—грубо спросилъ Меншиковъ.

— А ваши?—въ свою очередь, спросилъ сынъ Авроры Кенигсмаркъ.

Этотъ вопросъ и отвѣтъ сохранены графомъ Рабютэнъ, поддерживавшимъ въ то время постоянную переписку съ Морицемъ и имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи подробный журналъ событій, разыгравшихся въ Митавѣ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Морицъ, съ своей стороны, никогда ни слова не проронилъ о вызовѣ, «который онъ будто-бы бросилъ» Меншикову, предложивъ ему порѣшить вопросъ тотчасъ же, оружіемъ по его, Меншикова, выбору. Когда фаворитъ заговорилъ о томъ, что онъ палочными ударами докажетъ курляндцамъ, что онъ — господинъ, будущій герой Фонтенуа, «чтобы избѣгнуть лично этой демонстраціи», если вѣрить ему,—придумалъ менѣе геройское средство и предложилъ страшному сопернику поединокъ—на сто тысячъ рублей. Тотъ изъ двухъ, который останется курляндскимъ герцогомъ и которому удастся добиться признанія себя таковымъ со стороны польскаго короля, заплатитъ эту сумму другому. Послѣ этого разговоръ сразу сталъ дружескимъ, такъ какъ Меншиковъ согласился на предложенное средство и наивно попросилъ у Морица рекомендательнаго письма къ королю польскому. Подобная просьба показалась Морицу столь забавной, что онъ немедленно исполнилъ ее. Въ этомъ письмѣ встрѣчается слѣдующая двусмысленная фраза: «Онъ (Меншиковъ) желаетъ, государь, чтобы я рекомендовалъ вашему вниманію его интересы и, такъ какъ я желалъ бы доказать ему, какъ близко они касаются меня, то и умоляю ваше величество обратить на нихъ особое вниманіе».

Со странной развязкой, которую получили столь важные переговоры, преданіе связываетъ различные драматическіе эпизоды на тему о борьбѣ обоихъ соперниковъ. Такъ, разсказывали объ осадѣ, которую Морицъ, при содѣйствіи особой охраны вдовствующей герцогини, выдержалъ будто-бы со стороны драгунъ Меншикова. Къ этому припутали дочь какого-то митавскаго бюргера, яко-бы очутившуюся въ этотъ критическій моментъ возлѣ Морица и помогшую ему выйти изъ этого дѣла цѣлымъ и невредимымъ. Смятеніе, слезы, переодѣваніе въ платье красавца-офицера, побѣгъ въ такомъ видѣ черезъ окно, радость осаждавшихъ, которые, овладѣвъ бѣглянкой, думали, что захватили самого героя, гнѣвъ, затѣмъ умиленіе начальника осаждавшихъ, удерживающаго плѣнницу и впослѣдствіи дѣлающаго ее своею женою;—все это, по заключенію автора, вѣроятно, чистый вымыселъ, потому что, если бы Морицъ былъ замѣшанъ въ подобное приключеніе, то не преминулъ бы разсказать о немъ своимъ друзьямъ. Онъ же,—пишетъ Валишевскій,—ограничился тѣмъ, что сообщилъ имъ, что въ ночь съ 11-го на 12-ое

іюля онъ ожидалъ, что его атакуютъ, и поэтому былъ насторожѣ, проводя время за виномъ и картами. Но ничего не нарушило этого веселаго бодрствованія, а на слѣдующее утро Меншиковъ покинулъ Митаву съ tanto di naso, какъ писалъ Морицъ графу Фризену, нарисовавъ на поляхъ письма большой носъ. «Мое положеніе,—прибавлялъ онъ,—съ каждымъ днемъ становится все болѣе удивительнымъ». Свое безразличное отношеніе къ этому онъ выразилъ крѣпкимъ словцомъ.

Въ это время Меншиковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь нѣсколько сотенъ драгунъ,—силы, которыя онъ, вполнѣ разумно, нашелъ недостаточными для того, чтобы вступить въ борьбу съ рѣшительнымъ человѣкомъ, какимъ представлялся ему его соперникъ. Онъ ограничился тѣмъ, что обрушился на курляндцевъ, говоря, что сошлетъ въ Сибирь сеймоваго маршала, канцлера и съ дюжину депутатовъ и что вернется съ двадцатью тысячами человѣкъ, если только въ теченіе десяти дней они не созовутъ новаго сейма, и онъ не будетъ выбранъ. Какъ-то онъ схватилъ за шиворотъ секретаря Бестужева, приказалъ опечатать всѣ бумаги Анны Іоанновны и распорядился высѣчь нѣкоторыхъ изъ ея слугъ. Но, не смотря на всѣ угрозы и грубости, Морицъ и не собирался оставлять поле борьбы, и Меншиковъ рѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, куда за нимъ послѣдовала и герцогиня Курляндская, чтобы предъявить тамъ и свои жалобы, и свои просьбы. Курляндцы жаловались, съ своей стороны, Польша протестовала, самъ Верховный Совѣтъ, нашелъ, что Меншиковъ зашелъ слишкомъ далеко. Въ августѣ Бестужеву было сообщено, что императрица оставила намѣреніе заставить выбрать фаворита, но что онъ долженъ выдвинуть другихъ русскихъ кандидатовъ. Если же польскій король не признаетъ ихъ, то предоставить выборъ курляндцамъ, устранивъ однако Морица. Послѣдній, тѣмъ не менѣе, оставался хозяиномъ положенія, въ ожиданіи новой грозы, которая на этотъ разъ разразилась со стороны Польши.

V.

Въ Петербургѣ къ концу года шансы Морица, повидимому, улучшились. Помимо Лефорта у него оказался тамъ другой защитникъ, менѣе юркій, но за то болѣе ловкій, хотя и скромный, французскій полковникъ де-Фантенэ, исподволь подготовлявшій комбинацію, которая могла бы примирить интересы большинства, если не всѣхъ соискателей. Въ настоящее время она можетъ казаться достаточно фантастичной, но въ октябрѣ 1726 г. Маньянъ, агентъ по французскимъ дѣламъ, остав-

ленный въ Петербургѣ Кампредономъ, считалъ ее близкой къ осуществленію. Петръ,—оттѣняетъ авторъ,—отодвинулъ здѣсь границы дѣйствительнаго и возможнаго... Рѣчь шла ни о чемъ иномъ, какъ о раздѣлѣ Литвы между Потѣемъ, Меншиковымъ и графомъ Саксонскимъ, который такимъ путемъ округлилъ бы свои курляндскія владѣнія. Августъ же оцѣнилъ бы эту сдѣлку, какъ отецъ, а не какъ польскій король, и потому не отказалъ бы ей въ своемъ содѣйствіи. Извѣстно,—оговаривается Валишевскій, — что въ общемъ компромиссы, подвергавшіе опасности цѣлость территоріи Рѣчи Посполитой, не встрѣчали въ немъ противника.

Но Лефортъ, съ своей стороны, не покидалъ мысли подмѣнить Анну Іоанновну Елисаветой Петровной и такимъ образомъ противодѣйствовалъ планамъ вдовствующей герцогини. Онъ склонилъ одну приближенную красавицы-царевны передавать ей мельчайшія свѣдѣнія «о всѣхъ достоинствахъ избранника курляндцевъ, вплоть до самыхъ интимныхъ». А такъ какъ Екатерина не знала, на что рѣшиться, самъ Меншиковъ примыкалъ, повидимому, къ комбинаціи Фантенэ, то Морицъ далъ убѣдить себя, что, женясь на Елисаветѣ Петровнѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ Курляндію, въ силу формальнаго договора между императрицей и польскимъ королемъ, такъ какъ и эта комбинація должна была быть осуществлена за счетъ Рѣчи Посполитой. «Это было дѣло рѣшенное», писалъ онъ позднѣе, объясняя, какимъ образомъ онъ узналъ о крушеніи своихъ надеждъ; — курьеръ, пріѣхавшій ко мнѣ изъ Петербурга, былъ посланъ мною къ королю, который принялъ его въ Бѣлостокѣ, у Браницкихъ. По случаю полученія этого пріятнаго извѣстія, выпили, и король, постоянно совѣтующій всѣмъ молчать, былъ столь милостивъ, что довѣрилъ его этой кобылѣ, разсказывавшей объ этомъ первому встрѣчному. Ему стали говорить о конфедераціяхъ, имъ овладѣлъ страхъ. Остальное вы знаете!»

Авторъ склоненъ думать, что Морицъ преувеличивалъ свои шансы на успѣхъ. Какъ бы то ни было,—пишетъ онъ,—11-го октября 1726 г. саксонскими министрами было принято рѣшеніе не поддерживать болѣе дѣла, грозившаго возмутить всю Польшу. Тщетно г-жа Потѣй убѣждала Флемминга по-французски, въ то время какъ ея мужъ говорилъ ему по-латыни. Уступая настояніямъ польскаго сейма, собравшагося въ Гроднѣ въ сентябрѣ 1726 года, король подписалъ декретъ объ отозваніи Морица, а 9-го ноября сеймъ, не смотря на все противодѣйствіе посланнаго Россіей на сеймъ Ягужинскаго, постановилъ рѣшеніе о присоединеніи Курляндіи, послѣ смерти Фердинанда, къ Рѣчи Посполитой, кассировалъ избраніе графа Саксонскаго, объявивъ его врагомъ отечества и назначилъ коммиссію для урегулированія вопросовъ, касающихся Курляндіи. Поднимался вопросъ даже о томъ, чтобы послать депутацію къ французскому посланнику съ цѣлью добиться,

чтобы отъ Морица отняли командованіе полкомъ, какъ отъ человѣка, признаннаго утратившимъ честь.

Тѣмъ не менѣе, Морицъ не сразу покинулъ Митаву. Безъ денегъ, вынужденный, по свидѣтельству графа Кранхейма, шведа по происхожденію, приставленнаго къ нему его матерью, проводить большую часть дня въ постели, слушая чтеніе Донъ-Кихота, онъ ждалъ возврата счастья. И онъ не былъ совершенно не правъ. Задѣвъ щепетильность Россіи и Пруссіи, постановленія гродненскаго сейма создавали для графа Саксонскаго возможность на новыя надежды. Въ концѣ 1726 года изъ Петербурга, для выясненія положенія дѣла, былъ посланъ въ Митаву Девьеръ. Онъ видѣлъ Морица и уже не говорилъ съ нимъ объ уничтоженіи его избранія. Онъ донесъ императрицѣ, что нѣсколько разъ, когда произносили ея имя, у графа навертывались на глаза слезы, и, повидимому, это трогало Екатерину. Новыя инструкціи предписывали Девьеру оставить все въ прежнемъ положеніи. Въ январѣ мѣсяцѣ неутомимый Лефортъ выдвинулъ впередъ новую комбинацію— женить Морица на Софіи Скавронской. Такимъ путемъ Морицъ получилъ бы увѣренность, что онъ тронетъ сердце царицы и достигнетъ цѣли своего честолюбія.

Но Морицъ съ пренебреженіемъ отвергъ это предложеніе, предпочитая женитьбу на герцогинѣ Курляндской.

Однако, мѣсяцъ спустя онъ самъ повредилъ себѣ въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, похожденіе, которое его біографы относятъ къ этому времени, представляется правдоподобнымъ, принимая во вниманіе обстоятельства и характеръ героя. Герцогиня отвела ему помѣщеніе у себя во дворцѣ, гдѣ его посѣщала иногда самая обворожительная изъ фрейлинъ Анны Іоанновны. Однажды ночью онъ провожалъ красавицу, которую разговоръ съ нимъ продержалъ у него до поздняго часа. Такъ какъ дворъ дворца былъ покрытъ снѣгомъ, то онъ переносилъ ее черезъ дворъ на рукахъ и вдругъ наткнулся на какую-то старуху съ фонаремъ. Старухѣ представилось, что она видитъ привидѣніе о двухъ головахъ, и отъ ужаса она закричала и уронила на землю свой фонарь. Морицъ хотѣлъ погасить фонарь ударомъ ноги, но при этомъ потерялъ равновѣсіе и упалъ со своею ношею на злосчастную полунощницу. Отъ этого та стала кричать еще сильнѣе, и послѣднее обстоятельство подняло тревогу во дворцѣ. Такимъ образомъ герцогиня узнала о происшедшемъ и, разгнѣванная, написала объ этомъ въ Петербургъ. Вскорѣ Морицъ получилъ черезъ Лефорта извѣстіе, что его дѣла приняли тамъ неблагопріятный оборотъ. Правда, что въ то же время (февраль, 1727 г.) Курляндскій сеймъ подтвердилъ свой первый выборъ. Морицъ уже поздравлялъ себя, что восторжествовалъ въ борьбѣ съ чудовищемъ, имѣющимъ «столько головъ, еще болѣе ртовъ,

мало ушей и неимѣющимъ рукъ», а баронъ Медемъ по порученію своихъ соотечественниковъ отправился въ Варшаву, чтобы отстоять тамъ сдѣланный ими выборъ. Но было уже поздно: поляки порѣшили дѣло, и посланецъ курляндцевъ былъ арестованъ въ дорогѣ. Въ апрѣлѣ 1727 года Морицъ отправился въ Дрезденъ, въ сопровожденіи только двухъ лицъ, а оттуда поѣхалъ въ Парижъ, ища поддержки и денегъ. Онъ безуспѣшно велъ переговоры о займѣ въ Англіи, въ концѣ-концовъ, вступилъ въ сношенія съ парижскимъ евреемъ Леманомъ, одолжившимъ ему 20.000 экю, вернулся въ Саксонію, гдѣ его отецъ отказался разговаривать съ нимъ о Курляндіи; потихоньку покинувъ Дрезденъ, чтобы черезъ Польшу пробраться въ Митаву, Морицъ узналъ по дорогѣ о смерти Екатерины, отнимавшей у него всякую надежду на успѣхъ.

Между тѣмъ Меншиковъ снова становился могущественнымъ. Въ Митавѣ Морицъ нашелъ генерала Ласси, командовавшаго двумя полками русской пѣхоты и двумя полками кавалеріи и предложившаго ему убраться, если онъ не желаетъ совершить путешествіе въ мѣста отдаленныя. Морицъ засѣлъ на островкѣ мѣстнаго озера, который и по нынѣ называется его именемъ, и попытался вести переговоры. Но у него было только около трехсотъ человѣкъ — по большей части новички, привезенные моремъ изъ Нидерландовъ,—Ласси же ничего не хотѣлъ слышать. Поэтому 19-го августа низвергнутый герцогъ рѣшился покинуть свой лагерь и, перебравшись черезъ озеро въ рыбацкой лодкѣ, добрался до ближайшаго порта, а его маленькая армія сдалась на капитуляцію. Плѣнники встрѣтили хорошее обращеніе со стороны русскихъ, а затѣмъ были переданы ими полякамъ, отпустившимъ офицеровъ, а солдатъ сохранившимъ для своей арміи. Гардеробъ Морица былъ возвращенъ ему благодаря подарку, данному польскому коммиссару Красинскому. Камендинеръ Морица, Бове, спасъ въ шкатулкѣ актъ избранія. Но серебряная посуда г-жи Бѣлинской исчезла.

VI.

Тѣмъ не менѣе, Морицъ, укрывшись въ Данцигѣ, не сдавался. Онъ требовалъ отъ Ласси возврата своихъ вещей, утверждая, что ихъ было взято у него на 76.000 экю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ генерала доставить Меншикову записку съ условіями соглашенія: 40.000 экю взамѣнъ отказа фаворита отъ притязаній на Курляндію. Но посланіе прибыло въ Петербургъ въ моментъ катастрофы, на этотъ разъ окончательно разрушившей счастье фаворита, а вслѣдъ за Ласси яви-

лись польскіе коммисары съ епископомъ Христофоромъ Шембекомъ во главѣ и съ тысячью литовскихъ драгунъ. Среди сумятицы, вызванной въ Петербургѣ кончиною Екатерины, русскій генералъ, хотя и располагалъ большими силами, не рѣшился противодѣйствовать этой коммиссіи, представлявшей собою право. Она снова созвала курляндскій сеймъ и въ декабрѣ 1727 года заставила его ратификовать постановленія, принятыя польскимъ сеймомъ въ Гроднѣ.

Не смотря на все это, положеніе Россіи фактически оставалось неприкосновеннымъ: Анна Іоанновна неизмѣнно пребывала въ Митавѣ, а полки Ласси каждое мгновеніе были готовы проявить свое превосходство, обусловленное ихъ численностью и дисциплиною. Поэтому русское правительство сохраняло средство говорить властнымъ образомъ и въ ближайшемъ будущемъ не могло упустить случая воспользоваться этимъ. Но Морицъ упорно не хотѣлъ примириться съ этимъ и вскорѣ послалъ въ Петербургъ новаго агента Бакона, указывавшаго тамъ на Морица какъ на единственнаго человѣка, способнаго помѣшать присоединенію Курляндіи къ Польшѣ. Морицъ былъ бы ея вассаломъ, выплачивалъ бы 40.000 руб. дани и содержалъ-бы столько войскъ, сколько Россіи было бы угодно.

«Бакона,—пишетъ Валишевскій,—выслушали разсѣянно и, въ концѣ-концовъ, въ январѣ 1728 года, отпустили обратно. Не одна Польша относилась враждебно къ предмету его миссіи. Тревожилась этимъ и Австрія, проводя мысль, что Морицъ — человѣкъ, способный открыть Англіи одинъ изъ курляндскихъ портовъ. Но за спиною уѣзжавшаго Бакона Лефортъ засуетился особенно усиленно, отправляя въ Дрезденъ одно посланіе за другимъ, съ увѣреніями, что Бакона отослали только для того, чтобы онъ скорѣе привезъ Морица. По его словамъ, въ высшихъ сферахъ возвращались къ мысли избрать его мужемъ для Елизаветы Петровны... И утвержденіе это не было безусловно ложнымъ. Въ это время испанскій посолъ, герцогъ Лирія, близко слѣдившій за придворными интригами, тоже думалъ, что у Морица имѣются данныя на успѣхъ. Наслѣдникъ Екатерины, Петръ II, проявлялъ къ царевнѣ нѣжность, которая безпокоила очень многихъ. Олигархическая партія видѣла въ этомъ угрозу для своихъ честолюбивыхъ замысловъ и для своего желанія держать въ опекѣ новаго императора. Новый министръ Австріи, Вратиславъ, опасался, что осуществленіе предположеннаго брака обратило бы Россію въ ея прежнее состояніе варварства и помѣшало бы ей вмѣшиваться въ дѣла Европы, проще говоря, послать тридцать тысячъ войска на помощь своимъ союзникамъ. Тѣ и другіе были озабочены лишь тѣмъ, чтобы такъ повернуть дѣло, чтобы царевна, выйдя замужъ, покинула свое отечество, и въ это время Петербургъ

увидѣлъ настоящій конкурсъ претендентовъ. Однако, въ началѣ 1729 года выяснилось, что царевна никого не желаетъ.

На этотъ разъ Морицъ покорился обстоятельствамъ и возвратился во Францію, гдѣ его ждала блестящая карьера полководца. Тѣмъ не менѣе, онъ еще не сказалъ вѣчнаго прости ни Курляндіи, ни Россіи, и Валишевскій приводитъ эпилогъ похожденій Морица, касающихся Россіи.

«Прошло десять лѣтъ. Безвѣстный авантюристъ занялъ въ Митавѣ мѣсто, котораго такъ страстно желалъ Морицъ. Казалось, съ этой стороны, все окончательно разрушало его прежніе честолюбивые планы, какъ вдругъ въ 1741 году паденіе Бирона и восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны ниспровергнуло все, опять поставивъ на очередь судьбу злосчастнаго герцогства. И тотчасъ же, въ промежуткѣ между двумя побѣдами, Морицъ снова ухватился за свою прежнюю мечту. 12-го іюля 1741 года онъ писалъ изъ Парижа графу Брюлю: «Я нисколько не обманываюсь на этотъ счетъ; тѣмъ не менѣе, если бы вамъ удалось затянуть дѣло, быть можетъ, счастье и всеобщая сумятица могли бы въ чемъ-либо помочь мнѣ. Мнѣ больше не на что надѣяться со стороны русскихъ, и поэтому нечѣмъ рисковать». Какъ и въ началѣ своего неудавшагося предпріятія, онъ все еще воображалъ, что кратчайшій путь изъ Парижа въ Митаву идетъ черезъ Варшаву. Однако, вскорѣ извѣстія, приходившія изъ далекой Московіи, гдѣ Елизавета короновала себя на царство, указали ему на другую дорогу и даже на другую цѣль. Исходя изъ положенія, что Елисавета Петровна была не замужемъ, ея довѣренные люди того времени, Шетарди, въ высшей степени предпріимчивый посланникъ Франціи, и Лестокъ, самый смѣлый изъ интригановъ, оба состоявшіе въ перепискѣ съ графомъ Саксонскимъ, начали рисовать ему самыя блестящія перспективы. Онъ поддался искушенію. Побѣдитель при Прагѣ (1741), побѣдитель при Эгрѣ (1742), онъ взялъ отпускъ и, пока французская армія очищала столицу Богеміи, углубился въ негостепріимныя равнины Россіи. Наконецъ, 11-го іюня 1742 года онъ видитъ Елисавету Петровну, которая въ тотъ же день приглашаетъ его протанцовать съ нею кадриль. Два дня спустя, Шетарди даетъ большой обѣдъ въ честь знаменитаго путешественника. Императрица пріѣзжаетъ на него послѣ верховой прогулки. Она была въ мужскомъ костюмѣ, что служило доказательствомъ, что она желаетъ понравиться. Она обращается съ Морицемъ съ очаровательной простотою и до поздняго вечера остается въ его обществѣ. 18-го іюня у Воронцова завтракъ «по-русски», продолжающійся девять часовъ. Вставъ изъ-за стола, гости садятся на лошадей, чтобы сопровождать царицу, галопирующую по освѣщеннымъ улицамъ Москвы. Гроза вынуждаетъ жизнерадостную кавалькаду укрыться въ Кремлѣ, гдѣ Елисавета Петровна

лично показываетъ Морицу все относящееся къ обряду коронованія. Послѣ этого снова садятся на лошадей, и императрица какъ-бы случайно спрашиваетъ Шетарди, не предложитъ ли онъ ей поужинать. Посолъ былъ заранѣе предупрежденъ. Когда подъѣхали къ его дому, въ часъ ночи, все оказалось залито огнями, а на площади, для собравшагося толпами народа, были пущены фонтаны изъ бѣлаго и краснаго вина. Два великолѣпно сервированные стола, на двадцать и тридцать кувертовъ, ожидали ужинающихъ. Елисавета Петровна перемѣнила костюмъ—она вся промокла, и—писалъ саксонскій посланникъ Петцольдъ, «было около шести часовъ утра, когда ея величество, стыдя солнце своей красотою, отбыли удовлетворенными».

Но этимъ все и кончилось. Морицъ не замедлилъ замѣтить, что ему нечего дѣлать въ Россіи, и вскорѣ уѣхалъ изъ Москвы. Въ непродолжительномъ времени, вслѣдъ за нимъ, послѣдовалъ и Шетарди.

VII.

Когда скончалась мать Петра Алексѣевича, урожденная принцесса Шарлотта Вольфенбютельская, ему было только три года. Ея мѣсто заняли двѣ простыя женщины, грубыя и необразованныя, одна—вдова портнаго, другая—вдова кабатчика. Нѣмецъ, учитель танцевъ по профессіи, научилъ его читать и писать, а такъ какъ когда-то онъ служилъ матросомъ, то проявилъ притязаніе давать ему уроки мореходства. Въ 1719 году, послѣ смерти его отца, Алексѣя Петровича, къ нему были приставлены два болѣе серьезныхъ наставника, русскій—Мавринъ и венгерецъ—Заикинъ [1]). Но Петръ Великій лично не интересовался успѣхами внука, оказавшимися крайне недостаточными. Когда однажды Заикинъ попросилъ царя присутствовать на одномъ экзаменѣ его воспитанника, тотъ гнѣвно отказалъ ему.

При восшествіи Петра Алексѣевича на престолъ, ему шелъ двѣнадцатый годъ; «онъ обѣщалъ ни въ чемъ не походить на своего дѣда. Физически и нравственно онъ скорѣе напоминалъ свою мать. Нѣжная душа Шарлотты какъ будто перешла въ его широко раскрытые глаза и въ его пріятное лицо, а ея грація—въ изящный обликъ юнаго государя. Иностранные дипломаты наперерывъ восхваляли его привѣтливыя манеры, а публикѣ доставляло удовольствіе приписывать ему черты

---

[1]) Валишевскій пишетъ Заикинъ (Zaikine), оговариваясь, что не могъ установить его настоящей фамиліи, которая, по его мнѣнію, руссифицирована. Соловьевъ въ своей исторіи пишетъ Зейкинъ.

*

великодушія, доброты, снисходительности, которыя сдѣлали бы изъ него образцоваго государя. Указывали на письмо, которое онъ будто-бы написалъ своей сестрѣ, и въ которомъ говорилъ, что рѣшилъ подражать императору Веспасіану, который никогда не хотѣлъ, чтобы кто-либо ушелъ отъ него съ грустнымъ лицомъ.

Нравственный обликъ ребенка одиннадцати лѣтъ нельзя очертить опредѣленно. Въ немъ нѣтъ ничего установившагося. Возможно, что сынъ Алексѣя носилъ въ себѣ зародыши всѣхъ качествъ, которыя ему вмѣняли въ честь; развить ихъ—было дѣломъ воспитанія, но, къ несчастью, едва намѣченныя занятія Мавриныхъ и Зaйкиныхъ были прерваны, уступая мѣсто всѣмъ увлеченіямъ, соблазнамъ и опасностямъ, которыя заключаетъ въ себѣ неограниченная власть. Правда, ребенокъ началъ съ того, что послушно отнесся къ положенію, которое создали ему обстоятельства. Онъ усвоилъ привычку называть Меншикова «папа» и продолжалъ такъ. Онъ допустилъ даже увезти себя изъ императорскаго дворца, гдѣ, какъ опасался фаворитъ, онъ не имѣлъ бы возможности достаточно близко наблюдать за нимъ. Подъ предлогомъ, что тѣло покойной императрицы должно оставаться тамъ выставленнымъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, будущій тесть помѣстилъ своего будущаго зятя въ своемъ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ. Онъ уволилъ его обоихъ наставниковъ, которыхъ онъ съ полнымъ основаніемъ признавалъ неудовлетворительными, и далъ доказательство если не предусмотрительной заботливости о своихъ собственныхъ интересахъ, то вѣрнаго взгляда, замѣнивъ ихъ Остерманомъ. Уже достигшій положенія вице-канцлера и проявляя на этомъ посту выдающіяся качества, ловкій вестфалецъ, въ которомъ Петръ Великій призналъ дипломатическія дарованія, теперь выказывалъ себя очень хорошимъ педагогомъ. Планъ занятій, написанный имъ по-нѣмецки и позднѣе изданный въ русскомъ переводѣ будущимъ преподавателемъ Екатерины II, Ададуровымъ, обрисовываетъ его въ этомъ отношеніи въ крайне выгодномъ свѣтѣ. Уроки непродолжительные и которые разнообразились съ большимъ умомъ, очень широкая метода, отдававшая предпочтеніе бесѣдамъ запросто между ученикомъ и профессоромъ,—составляютъ основу предложенной имъ системы обученія.

Сначала это понравилось ребенку, и онъ проявилъ влеченіе и къ самому учителю. Утромъ, вставая, онъ въ рубашкѣ бѣгалъ къ нему. И, первое время, Меншиковъ, съ своей стороны, могъ быть только доволенъ маленькимъ императоромъ. 12-го мая, въ домѣ на Васильевскомъ островѣ былъ большой пріемъ, куда дворъ былъ приглашенъ привѣтствовать государя въ помѣщеніи, только-что занятомъ имъ. Выйдя въ собраніе, Петръ II съ рѣшительнымъ видомъ выступилъ на середину и сказалъ громкимъ голосомъ, что въ этотъ день онъ хочетъ уничто-

жить фельдмаршала. Общее смятеніе! Обыкновенно такъ называли Меншикова. Но тотчасъ же, доброй улыбкой, освѣтившей его лицо, маленькій императоръ далъ понять, что не было основаній волноваться такъ. Затѣмъ онъ торжественно вынулъ изъ кармана и передалъ своему будущему тестю грамоту, назначавшую его генералиссимусомъ: Меншиковъ тщетно добивался этого званія отъ Екатерины.

Въ первыхъ числахъ іюля Меншиковъ заболѣлъ и проболѣлъ нѣсколько недѣль. Эта болѣзнь имѣла громадное значеніе и для него, и для Петра, а слѣдовательно, и для будущности всей Россіи: за это время императоръ усвоилъ привычку къ самостоятельности. «Ускользнувъ въ теченіе этихъ недѣль отъ зоркаго надзора со стороны своего будущаго тестя, онъ прежде всего склонился къ Остерману, который, менѣе суровый и грубый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе податливый и болѣе снисходительный, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе подходилъ для него. Но тотчасъ же явились и другія вліянія. Общество наставника было поучительно и пріятно, но общество Наталіи Алексѣевны было еще болѣе привлекательно. Всѣ современники, русскіе и иностранцы, единодушно восхваляли если не красоту, то во всякомъ случаѣ ея неотразимую очаровательность. Она была мало красива, сильно тронута вѣтряной оспой и сильно курноса. Но, лишь на годъ старше своего брата, она выказывала необычайно развитой умъ, открытый самымъ возвышеннымъ идеямъ, характеръ доступный благороднѣйшимъ чувствамъ. Она давала юному государю превосходные совѣты, склоняя его работать и избѣгать дурнаго общества, и сначала онъ, повидимому, слушалъ ее. Сохранилось сочиненіе, въ которомъ онъ старался изобразить хорошимъ стилемъ свои впечатлѣнія минуты. Въ этомъ сочиненіи теорія просвѣщеннаго деспотизма, изложенная на дурномъ латинскомъ языкѣ, соединялась съ изъявленіемъ нѣжной признательности къ любимой сестрѣ, помогающей автору воспитывать въ себѣ хорошаго императора. Но, вмѣстѣ съ сестрою, появлялась на Васильевскомъ островѣ также тетка, красивая и жизнерадостная Елисавета, не говорившая ни о работѣ, ни о добродѣтеляхъ. Въ семнадцать лѣтъ, съ своими рыжими волосами, со стройной тальей и сильно развитою грудью, она вся дышала удовольствіемъ, пылкостью чувствъ и нѣгою страсти. Она начала съ того, что стала прививать племяннику наклонность къ физическимъ упражненіямъ, въ которыхъ отличалась сама, безстрашная наѣздница, неутомимая охотница. Съ наступленіемъ лѣта она ежедневно увлекала его для верховыхъ поѣздокъ или охотничьихъ экскурсій — и, тогда, прощайте, учебныя тетрадки! Остерманъ ничему не мѣшалъ; послѣдовательность въ мысляхъ была однимъ изъ его качествъ, а однажды онъ уже предлагалъ соединить обѣ вѣтви наслѣдниковъ Петра Великаго путемъ брака Елисаветы Петровны съ Петромъ Алексѣевичемъ. Воспи-

танникъ вскорѣ повелъ себя такъ, что долженъ былъ поощрять надежды профессора. Сынъ Алексѣя проявилъ очень преждевременную зрѣлость, и скоро уже не пушной или пернатый звѣрь сталъ главнымъ образомъ интересовать его на охотахъ, которыя онъ предпринималъ въ обществѣ съ Елисаветой. Возвратившись съ охоты, Петръ вздыхалъ возлѣ тетки и сочинялъ въ ея честь плохіе стихи, но съ наступленіемъ ночи отправлялся съ Иваномъ Долгорукимъ отдаваться болѣе доступнымъ удовольствіямъ, мысль о которыхъ и жажду которыхъ пробуждалъ въ немъ его романъ. Эти экскурсіи приняли правильный характеръ, и, благодаря имъ, этотъ сотоварищъ, неблагоразумно избранный Меншиковымъ, завоевывалъ данныя, чтобы замѣтить его на посту фаворита. Въ то же время молодой Александръ Меншиковъ, тоже приставленный къ особѣ государя со званіемъ оберъ-камергера и съ чиномъ генералъ-лейтенанта—въ тринадцать лѣтъ — подавалъ поводъ къ неблагосклоннымъ разговорамъ, въ которыхъ оживляли воспоминаніе о первомъ герцогѣ Линь. Обратили вниманіе и на то обстоятельство, что съ лентой св. Андрея онъ одѣвалъ ленту св. Екатерины, которая до тѣхъ поръ предназначалась только для женщинъ.

А Марія Меншикова? задаетъ вопросъ авторъ о нареченной невѣстѣ царя.—Она стушевывалась среди этой новой жизни. Надѣленная нѣсколько холодной красотой, лишенная вызывающихъ манеръ и соблазнительныхъ чаръ, которыя ея женихъ цѣнилъ у другихъ, въ подлинникѣ «у Елисаветы», она никогда не нравилась ему, а теперь стала внушать ему чувства, близкія къ пренебреженію, даже къ отвращенію. Онъ сравнивалъ ее съ мраморной статуей. Разсказывали даже, будто однажды онъ опустился на колѣни передъ своей сестрой Наталіей, предлагая ей отдать свои часы, лишь бы она освободила его отъ невѣсты. Настолько же скромная, какъ и гордая, она гнушалась, съ своей стороны, бороться противъ немилости, которую женскій и мужской персоналъ, окружавшій Петра, старался сдѣлать окончательной.

Когда Меншиковъ снова явился на сценѣ, онъ произвелъ на весь этотъ міръ впечатлѣніе какой-то помѣхи. Его появленіе въ комнатѣ служило сигналомъ къ всеобщему бѣгству. Петръ скрывался черезъ другую дверь, Наталья спасалась черезъ окно. Его называли «Голіафомъ», «Левіаѳаномъ». Наталія, надѣленная талантомъ къ подражательности и каррикатурѣ, возбуждала взрывы хохота, воспроизводя его жесты. Онъ принесъ съ собою свои прежнія деспотическія замашки, которыя теперь представлялись уже невыносимыми. То, что составляло силу его власти, долгая привычка, престижъ положенія, которое, казалось, составляло неразрывное цѣлое съ существованіемъ государства, кажущаяся невозможность разрушить первое, не повергая въ бездну втораго,—все это исчезло какъ дымъ въ продолженіе роковой болѣзни фа-

ворита, послѣ которой онъ представлялся какъ-бы выходцемъ съ того свѣта. Государство просуществовало безъ него. Такъ почему же онъ претендовалъ занимать въ немъ такъ много мѣста? Зависть и соперничество, укрощенныя или успокоенныя, снова заговорили.

Результатомъ, какъ извѣстно, явились паденіе и ссылка Меншикова.

Отдѣлавшись отъ генералиссимуса, Петръ сталъ проявлять все большую наклонность удалиться съ прямаго пути знанія и добродѣтели, на которомъ его сестра и наставникъ пытались удержать его. Ссылаясь на государственныя заботы, поглощающія его, онъ совершенно отказался отъ учебныхъ занятій, но и Верховный Совѣтъ, предсѣдательствовать въ которомъ онъ рѣшилъ съ того времени лично, тоже не видѣлъ его. Въ декабрѣ 1727 года Лефортъ, набрасывая его портретъ, сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія относительно препровожденія имъ времени: «У него нѣтъ другаго занятія, какъ днемъ и ночью быть на улицѣ съ Елисаветой и своей сестрою, посѣщать камергера (Ивана Долгорукаго), пажей, поваровъ и Богъ знаетъ кого еще...

«Кто бы могъ повѣрить, что эти безразсудные (Долгорукіе) вселяютъ въ него чувства послѣдняго изъ русскихъ. Мнѣ извѣстна комната, смежная съ билліардной, въ которой помощникъ гувернера устраиваетъ для него развлеченія... Ложатся спать лишь въ семь часовъ утра».

Въ то же время характеръ Петра II сталъ выступать въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Онъ становился раздражительнымъ противникомъ малѣйшаго принужденія. Въ день свадьбы Сапѣги съ Софіей Скавронской, онъ неожиданно вышелъ изъ-за стола, среди пиршества. Онъ сердился на сестру, какъ только та осмѣливалась обратиться къ нему съ малѣйшими увѣщаніями. Онъ принимался пить.

Всѣ надежды Остермана сосредоточивались на предстоявшемъ въ Москвѣ, во время коронаціи, свиданіи Петра Алексѣевича съ бабушкой. Онъ надѣялся, что она благодѣтельно повліяетъ на внука. Дѣйствительно, царица Евдокія увѣщевала его бросить усвоенный имъ образъ жизни, совѣтовала поскорѣе жениться, хотя бы на иностранкѣ. Однако Петръ Алексѣевичъ, ничего не отвѣтивъ ей на это, поскорѣе прервалъ разговоръ, и все осталось по-прежнему, или вѣрнѣе, онъ все болѣе и болѣе сталъ отдаваться удовольствіямъ и охотѣ, не желая и слышать послѣ коронаціи о возвращеніи въ Петербургъ. По словамъ Лефорта, въ мартѣ 1728 года по Москвѣ были расклеены афиши, грозившія, что всякій, кто осмѣлится говорить о возвращеніи въ Петербургъ, будетъ нещадно битъ кнутомъ. «А между тѣмъ, утвержденіе правительственнаго центра въ Москвѣ, — пишетъ Валишевскій,—само по себѣ грозило бы неприкосновенности и будущности великаго наслѣдія, для управленія которымъ Петръ 1 назначилъ мѣсто на берегахъ Невы».

Для характеристики современнаго положенія Россіи авторъ приво-

дитъ отзывы трехъ дипломатовъ: саксонца Лефорта, испанца Лирія и француза Маньяна.

«Какъ только я подумаю,—писалъ Лефортъ въ 1728 году,—какъ это государство управляется въ настоящее время, все представляется мнѣ какимъ-то сномъ въ сравненіи съ царствованіемъ дѣда. Человѣческій умъ не можетъ постигнуть, какъ такая громадная машина оказывается въ состояніи продолжать дѣйствовать безъ поддержки и рабочей силы. Каждый стремится сбросить съ себя бремя, никто не желаетъ взять на себя что бы то ни было. Можно было бы сравнить (это государство) съ плавающимъ кораблемъ, которому грозитъ буря, а капитанъ и экипажъ котораго напились пьяны или заснули. Огромная машина носится по волѣ корыстолюбія, безъ всякихъ заботъ о будущемъ, и кажется, точно экипажъ только ожидаетъ сильной бури, чтобы воспользоваться караблемъ какъ добычей»...

«Все идетъ скверно, — доносилъ Лирія въ ноябрѣ 1728 года, — императоръ не занимается дѣлами и не думаетъ заниматься ими. Никому не платятъ, и Богъ вѣсть, до чего дойдутъ финансы его величества. Каждый воруетъ на сколько можетъ. Всѣ члены Верховнаго Совѣта больны, и вотъ почему этотъ трибуналъ, составляющій душу правительства, совершенно не собирается. Всѣ подвѣдомственныя учрежденія тоже остановили свои дѣйствія. Жалобы — безчисленны. Всякій дѣлаетъ то, что ему придетъ въ голову. Никто не думаетъ о томъ, какъ помочь дѣлу, за исключеніемъ барона Остермана, который одинъ не можетъ все сдѣлать. Мнѣ кажется, что все здѣсь созрѣло для какого-нибудь потрясенія».

«Никакой принципъ чести, дружбы или признательности не является руководителемъ (для русской націи), — писалъ Маньянъ въ ноябрѣ 1729 года,—а дѣйствуютъ исключительно: съ одной стороны — полная грубость, а съ другой—духъ низменныхъ интересовъ. Можно было бы даже сказать, что эта грубость, повидимому, еще возростаетъ по мѣрѣ того, какъ она встрѣчаетъ болѣе снисходительности въ настоящее царствованіе».

Приведя отзывы упомянутыхъ дипломатовъ, Валишевскій отмѣчаетъ, что авторъ однихъ мемуаровъ объ этой эпохѣ, въ общемъ мало хвалебныхъ, Манштейнъ, не только расходится съ массою другихъ свидѣтельствъ объ этомъ времени, но воспѣваетъ прямой панегирикъ ему. Позднѣе Вейдемейеръ, Соловьевъ писали въ томъ же духѣ. Признавалось, что Лефортъ, Маньянъ и Лирія были лишь поверхностными наблюдателями; что они ограничивались впечатлѣніями придворной жизни, что они «не ходили въ народъ»; что если двору, изгнанному изъ Петербурга, приходилось жаловаться на олигархическое правительство, то у народа было полнѣйшее основаніе цѣнить всѣ его благодѣянія: онъ

не поставлялъ рекрутъ для арміи, находившейся на мирномъ положеніи и потому обходившейся безъ нихъ, и платилъ менѣе налоговъ, потому что новое правительство имѣло менѣе потребностей, чѣмъ правительство Петра Великаго, и потому предъявляло менѣе требованій.

«Таковъ тезисъ,—пишетъ Валишевскій.—Что касается свидѣтельства Манштейна, то у него слабое основаніе. Родившись въ 1711 году, авторъ мемуаровъ въ 1727 — 1729 годахъ не могъ быть очень дальновиднымъ. Сверхъ того, онъ не находился въ Россіи, куда прибылъ лишь въ 1736 году. Противъ того, что правительство Петра II,—пока таковое существовало и, въ особенности, послѣ того, какъ оно фактически перестало существовать—могло встрѣчать симпатіи въ народной средѣ, противъ этого я не хочу спорить. Народъ всюду—ребенокъ, а самое вѣрное, если не самое добросовѣстное средство удовлетворять дѣтей—это не требовать отъ нихъ никакихъ усилій, не налагать на нихъ никакого принужденія, предоставляя ихъ фантазіи и ихъ естественной лѣности. Позднѣе имъ придется раскаяваться въ этомъ, но въ данный моментъ они будутъ чувствовать себя совершенно счастливыми. Вотъ подобнаго рода блаженство верховникамъ и удалось создать для простаго народа. Такъ какъ ничего не дѣлали, то ничего и не требовали ни отъ кого. Въ 1729 году Верховный Совѣтъ рѣшилъ воспретить взиманіе подушной въ періодъ земледѣльческихъ работъ. Это было прекрасно, по скольку можно было обходиться безъ денегъ. Нѣкоторое время обходились безъ нихъ; машина, не дѣйствовавшая болѣе, не требовала смазки, такъ какъ олигархія приближалась здѣсь къ анархіи, въ подлинномъ смыслѣ слова, которымъ такъ злоупотребляли въ другихъ мѣстахъ. Нѣтъ режима менѣе разорительнаго, какъ бы мало онъ ни продолжался. Эта продолжительность имѣетъ различныя границы. Организмы низшаго порядка легко переносятъ лишеніе нѣкоторыхъ элементовъ жизни и даже нѣкоторыхъ органовъ, отсутствіе которыхъ на высшихъ ступеняхъ лѣстницы живыхъ существъ становится причиною смерти. Моллюскъ довольствуется малымъ, и ампутаціи отнюдь не убиваютъ его.

«Такимъ-то образомъ разрѣшалась временно загадка, занимавшая дипломатическій корпусъ въ Россіи съ 1727 по 1729 годъ: сохраненіе жизни государствомъ, не имѣвшимъ болѣе ничего для того, чтобы жить, ни сердца, ни желудка. Но подобное положеніе не могло продолжаться долго. Страна, въ ея цѣломъ, не достаточно усвоила себѣ элементы гражданственности, только-что созданные Петромъ I, чтобы они немедленно сдѣлались необходимыми ей. Однако, она не могла существовать безъ всего безконечное время; а такъ какъ возвратъ къ патріархальнымъ формамъ прошлаго представлялся неосуществимымъ

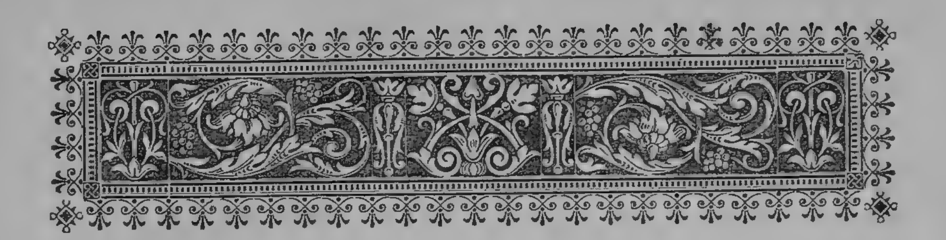
то неизбѣжно наступило бы удушеніе, если бы катастрофа, которую единогласно предусматривали Лефортъ, Лирія и Маньянъ, не была бы предотвращена другою катастрофою, которую они не предвидѣли».

Эта послѣдняя катастрофа—ранняя смерть Петра II.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковскаго) [1]).

I.

Организація польскаго войска.—Польскіе генералы и офицеры.—Составъ корпуса инженеровъ.—Образованіе тайнаго общества „Польскихъ друзей“.

Въ 1814—1815 г.г. всѣ были заняты организаціей будущаго польскаго войска; съ этой цѣлью подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича была учреждена военная коммиссія, въ составъ которой вошли также генералы, сражавшіеся въ рядахъ польскаго войска въ 1791 и 1792 г.г., а именно: генералъ Віельгорскій, генералъ Вавржецкій, принявшій начальство послѣ Костюшки, и генералъ Сѣраковскій. Изъ нихъ первый служилъ въ италіанскихъ легіонахъ и отличился при оборонѣ Мантуи, но онъ уже былъ очень старъ и слабъ ногами. Вавржецкій съ 1794 по 1814 г., т. е. цѣлыхъ двадцать лѣтъ, былъ не у дѣлъ, но все еще былъ очень бодръ. Сѣраковскій зарабатывалъ въ это время средства къ жизни, занимаясь воспитаніемъ дѣтей въ богатыхъ домахъ и управляя имѣніями польскихъ магнатовъ. Онъ ничему не научился за это время, но ничего и не позабылъ. Его необычайная полнота, вошедшая въ поговорку, была ему чрезвычайно въ тягость и не позволяла ему быть дѣятельнымъ. Генералъ представлялъ изъ себя безформенную массу жира, вѣроятно совершенно неспособную мыслить, и ко-

[1]) Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego. W. Krakowie. 1900.

торой трудно было сдвинуться съ мѣста; но эта масса занималась постоянно математическими выкладками и любила вести разговоръ объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, въ изученіи математики Сѣраковскій никогда не пошелъ далѣе алгебры Снядецкаго и геометріи Гулліера. Кромѣ этихъ генераловъ стараго закала въ коммиссію были назначены генералы Домбровскій, Заіончекъ и, если не ошибаюсь, Княжевичъ. Это было почтенное собраніе польскихъ ветерановъ, какихъ Польша уже болѣе не увидитъ. Не доставало только Костюшки.

Великій князь Константинъ Павловичъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ коммиссіей, дѣятельно занялся организаціей польскаго войска.

Наконецъ было сформировано двѣ пѣхотныя дивизіи по 6 полковъ въ каждой, 1 полкъ л.-гв. гренадеръ, двѣ кавалерійскія дивизіи по 4 полка въ каждой и 1 л.-гв. егерскій полкъ.

Артиллерія и инженерный корпусъ были подчинены генералу Сѣраковскому; его помощникомъ по артиллеріи былъ назначенъ генералъ Редель, а по инженерному вѣдомству генералъ Малле (Mallet). Генералъ-квартирмейстеромъ былъ генералъ Маврикій Гауке, прославившійся при оборонѣ Замостья.

Я отправился къ этому послѣднему и заявилъ ему о своемъ желаніи служить подъ его начальствомъ, но когда о томъ былъ спрошенъ генералъ Малле, то онъ сказалъ, что я обѣщалъ остаться въ его корпусѣ, что было совершенно невѣрно; такъ какъ я не могъ, какъ подчиненный, указать, что это неправда, то и остался въ инженерномъ корпусѣ.

Мое нежеланіе оставаться въ этомъ корпусѣ зависѣло отъ его личнаго состава. Съ переходомъ Прондзинскаго въ квартирмейстерскую часть, въ немъ не осталось ни одного офицера, съ которымъ я могъ бы работать по-пріятельски. Многіе изъ инженеровъ носили нѣмецкія фамиліи и были нѣмцами въ душѣ. Всѣ они знали свое ремесло практически, но совершенно не обладали теоретической подготовкой; къ тому же все это были люди весьма неблаговоспитанные, съ которыми нельзя было имѣть никакихъ отношеній помимо службы; за исключеніемъ Минтера это были простые техники. Изъ инженеровъ-поляковъ не было ни одного человѣка, на котораго я могъ бы положиться; почти всѣ они, за исключеніемъ подполковника Менцишевскаго, служившаго ранѣе въ австрійской арміи въ чинѣ капитана и воевавшаго противъ насъ въ 1809 г., не были ни учеными, ни практиками и не выказывали ни малѣйшаго желанія усовершенствоваться въ инженерномъ дѣлѣ; при томъ, какъ всѣ малообразованные люди, они были высокомѣрны и задорны. Мнѣ нравился одинъ только поручикъ Вильсонъ, но такъ какъ онъ былъ страстный игрокъ, то я отъ него сторонился.

Нельзя сказать ничего лестнаго и о нашемъ начальствѣ. Малле хотя

и служилъ прежде инженеромъ во французскомъ войскѣ, но былъ весьма мало свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ; отъ него ничему нельзя было научиться; при этомъ онъ завидовалъ всякому мало-мальски талантливому человѣку, былъ скрытенъ, никогда не держалъ своихъ обѣщаній, былъ низкопоклоненъ передъ начальствомъ и въ высшей степени эгоистиченъ; единственнымъ его качествомъ было то, что онъ не былъ жаденъ къ деньгамъ. Только тотъ офицеръ былъ у него на хорошемъ счету, который цѣлый день вычерчивалъ его нелѣпые планы и воскурялъ ему ѳиміамъ.

Теоретическія знанія Малле были невелики; онъ не кончилъ политехнической школы и только пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія на практикѣ при осадѣ крѣпостей. Онъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій и могъ въ одинъ и тотъ же вечеръ пѣть съ революціонерами ça ira [1]), а съ монархистами: God save the king [2]). «Съ волками жить, по-волчьи выть, другъ мой», говаривалъ онъ. Впрочемъ, Малле былъ человѣкъ довольно уживчивый, привѣтливый и снисходительный по отношенію къ подчиненнымъ. Нельзя было ненавидѣть такого человѣка, но и любить его было не за что.

Его помощникомъ былъ подполковникъ Салацкій, инженерный офицеръ, участвовавшій въ войнахъ 1792 и 1794 г.г.; не будучи ученымъ, онъ однако прекрасно зналъ военное дѣло. Его манеры и обхожденіе изобличали придворнаго, временъ Станислава Августа, который привыкъ возлагать всѣ свои надежды на протекціи и интриги. Послѣ раздѣла Польши онъ отправился въ Пулавы подъ покровительство князя Адама Чарторыйскаго, бывшаго начальникомъ кадетскаго корпуса, получилъ въ управленіе часть Пулавскихъ земель и нажилъ себѣ порядочное состояніе. Въ 1809 г., я засталъ его еще въ Пулавахъ, а по окончаніи войны онъ поступилъ снова на службу въ чинѣ капитана. Всѣмъ извѣстна его трагическая кончина въ ночь на 15-ое августа 1831 г.

Начальникомъ инженеровъ въ Замостьи былъ подполковникъ Леонардъ Іодко (Jodko). Онъ началъ службу въ литовскомъ инженерномъ корпусѣ; по образованію стоялъ немногимъ выше Салацкаго, но былъ болѣе опытенъ по службѣ; за то не имѣлъ внѣшняго лоска. Это былъ простой, добродушный литовецъ, хорошій товарищъ, вѣчно веселый, въ особенности за пріятельской бесѣдой и рюмкою вина.

Подполковникъ Гутковскій, бывшій директоромъ втораго кадетскаго корпуса въ Варшавѣ, по расформированіи этого корпуса, былъ назначенъ начальникомъ инженеровъ въ Люблинъ. Этотъ офицеръ, никогда не видавшій въ глаза непріятеля, имѣлъ такую уморительную наруж-

---

[1]) Революціонный гимнъ.
[2]) Англійскій національный гимнъ.

ность, что онъ былъ посмѣшищемъ всей арміи. Онъ обладалъ довольно большими, но поверхностными знаніями, много, даже слишкомъ много писалъ и переводилъ, наполняя журналы и газеты своими статьями, но никогда не достигъ извѣстности. Гутковскій былъ членомъ «Общества любителей наукъ» въ Варшавѣ, но къ дѣйствительной службѣ совершенно былъ непригоденъ.

Подполковникъ Ронже (Rongel), по происхожденію французъ, бывшій до 1812 г. начальникомъ аппликаціонной школы, стоялъ немногимъ выше Гутковскаго по знанію военнаго дѣла, но прекрасно чертилъ и поэтому былъ назначенъ завѣдующимъ топографическимъ отдѣломъ. Къ строевой службѣ онъ былъ совершенно негоденъ, будучи тугъ на ухо. Это былъ человѣкъ добрый и обходительный. Четвертымъ штабъ-офицеромъ былъ подполковникъ Вильгельмъ Минтеръ, завѣдывавшій въ Варшавѣ постройкою военныхъ зданій. Минтеръ былъ уроженецъ Берлина, гдѣ онъ прошелъ курсъ строительнаго искусства. Послѣ занятія Варшавы пруссаками, онъ былъ приглашенъ княземъ Понятовскимъ въ его имѣніе архитекторомъ, а въ 1810 г. поступилъ въ корпусъ инженеровъ въ чинѣ капитана. Это былъ человѣкъ знающій и опытный въ своемъ дѣлѣ. Минтеромъ построены въ Варшавѣ по его проектамъ великолѣпныя казармы, подобныхъ которымъ нѣтъ ни въ одной столицѣ кромѣ Петербурга, и перестроены почти всѣ казенныя войсковыя зданія. Но онъ не обладалъ ни способностями, ни спеціальными знаніями, необходимыми военному инженеру, за то подъ его руководствомъ многіе молодые офицеры пріобрѣли основательныя познанія въ гражданской архитектурѣ.

Подполковникъ Филиппъ Менцишевскій, состоявшій ранѣе въ австрійской службѣ и получившій образованіе въ извѣстной инженерной академіи въ Вѣнѣ, одинъ изъ всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ обладалъ знаніями военнаго инженера. Онъ прекрасно зналъ не только высшую математику, но пріобрѣлъ на австрійской службѣ умѣнье поддерживать тотъ образцовый порядокъ въ военной службѣ и въ администраціи, какимъ отличается австрійская армія.

Въ 1810 г. онъ поступилъ инженеръ-капитаномъ въ польскія войска и работалъ надъ укрѣпленіемъ Замостья; въ 1813 г. участвовалъ въ оборонѣ Модлина и послѣ капитуляціи этой крѣпости возвратился въ свой родной городъ, Краковъ, гдѣ преподавалъ высшую математикув тамошней академіи. Поступивъ въ 1815 г. снова на службу въ польское войско, онъ былъ назначенъ состоять начальникомъ штаба при генералѣ Сѣраковскомъ; въ этой должности онъ былъ еще въ 1830 г., когда вспыхнуло возстаніе, жертвою котораго онъ палъ, будучи убитъ 29-го ноября однимъ изъ подпрапорщиковъ. Менцишевскаго не любили въ инженерномъ корпусѣ, такъ какъ, будучи самъ дѣятеленъ и строго исполнителенъ по

службѣ, онъ требовалъ того же и отъ подчиненныхъ. Это и было главною причиною его смерти.

Таковъ былъ въ то время составъ инженернаго корпуса.

Я ежедневно занимался служебными дѣлами въ инженерномъ управленіи, а въ свободное время бралъ частныя работы и занимался чтеніемъ и музыкой. Въ то время въ музыкальномъ мірѣ пользовался большою извѣстностью англичанинъ Фильдъ, жившій постоянно въ Петербургѣ; концертами его я сильно увлекался. Я познакомился также въ одной польской семьѣ съ молодымъ Скибицкимъ, который мастерски исполнялъ сочиненія Фильда. Вечера я проводилъ по большей части самымъ пріятнымъ образомъ въ домѣ маршала двора Бронца (Broniec), у котораго собиралось русское общество. У него бывали Моренгеймъ, личный секретарь великаго князя, адъютанты его высочества Феншъ, Тимирязевъ, кн. Александръ Голицынъ, Шахматовъ и Ильинскій, бывшій чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, графъ Ланской и многіе другіе.

Графъ Ильинскій былъ младшій сынъ сенатора, графа Ильинскаго, который пользовался особымъ благоволеніемъ императора Павла I и Александра I и славился на Волыни своей гордостью и чудачествомъ; но онъ имѣлъ и свои прекрасныя стороны. Воспользовавшись своимъ вліяніемъ на императора Павла, онъ смягчилъ его гнѣвъ противъ поляковъ и болѣе, чѣмъ кто-либо иной, убѣдилъ государя возвратить свободу Костюшкѣ, Мостовскому, Нѣмцевичу и многимъ другимъ политическимъ плѣннымъ, приведеннымъ въ Петербургъ послѣ злополучнаго возстанія 1794 г. Поэтому, не смотря на свою гордост ьи смѣшную наружность, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Его сынъ, Александръ, хотя былъ человѣкъ весьма способный, но былъ еще смѣшнѣе отца.

Вацлавъ Гутаковскій, сынъ первоприсутствующаго въ сенатѣ герцогства Варшавскаго, также часто бывалъ въ семействѣ Бронца и старался снискать расположеніе сестеръ Жанеты и Жози (Жозефины) Грудзинскихъ. Онъ не зналъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе; онѣ обѣ были замѣчательно хороши собою. Наконецъ, послѣ долгаго ухаживанія, которое навсегда оставило глубокій слѣдъ въ сердцѣ Жанеты, онъ сталъ замѣтно отдавать предпочтеніе Жозѣ Грудзинской.

Конгрессъ, собравшійся въ Вѣнѣ 1-го ноября 1814 г., долго не могъ распутать сложныя отношенія, возникшія въ Европѣ, какъ вдругъ вѣсть о высадкѣ на югѣ Франціи ихъ общаго врага (Наполеона), подобно раскату грома, раздавшемуся среди яснаго неба, заставила всѣхъ участвовавшихъ на конгрессѣ монарховъ сплотиться тѣснѣе. Они вскорѣ пришли къ соглашенію относительно герцогства Варшавскаго, которое было подѣлено между Россіей и Пруссіей. Король саксонскій освободилъ насъ отъ данной ему присяги. Отнынѣ, организація страны, получившей, подъ скипетромъ императора Александра I, названіе царства Польскаго, могла совершаться

безпрепятственно точно такъ же, какъ и организація ея арміи. Достопамятно письмо, написанное въ то время императоромъ Александромъ сенатору Островскому, въ которомъ онъ извѣщалъ о дарованіи полякамъ конституціи на самыхъ либеральныхъ началахъ, обѣщая соблюдать ихъ народныя установленія и призывая поляковъ охранять дарованныя имъ этой конституціей права, если внѣшніе враги попытаются нарушить ихъ.

По полученіи извѣстія о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы, въ Вѣнѣ прекратилось веселье, прекратились танцы, по поводу которыхъ принцъ де Линь сказалъ остроумно: le congrès danse, mais ne marche plus. (конгрессъ танцуетъ, но не подвигается впередъ). Вмѣсто этого раздалось бряцаніе оружія, поднятаго противъ нарушителя европейскаго спокойствія. Его голова была оцѣнена. На границѣ Франціи былъ сосредоточенъ милліонъ солдатъ, а между тѣмъ въ Польшѣ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія. Было ли тому причиною, что жители, утомленные продолжительными войнами, жаждали покоя, или же, глядя на политическія событія безпристрастно, они считали предпріятіе Наполеона безнадежнымъ и не предвѣщавшимъ хорошаго конца. Только среди военной молодежи можно было подмѣтить нѣкоторое волненіе и сильное желаніе, чтобы военныя дѣйствія возобновились. Но такъ какъ организація польскаго войска еще не была окончена, то тогдашнее правительство герцогства Варшавскаго не видѣло причины сдерживать эти отдѣльныя проявленія воинственнаго пыла арміи.

Наконецъ до насъ стали доходить съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемыя вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій. Полученное прежде всего извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Наполеономъ 16-го іюня подъ Линьи надъ арміей генерала Блюхера, возбудило несбыточныя надежды всей военной молодежи, къ числу которой принадлежалъ и я; мы ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ новыхъ извѣстій о дальнѣйшихъ успѣхахъ французовъ. Пространство между Рейномъ и Вислою казалось ничтожнымъ для нашей окрыленной фантазіи. Можно себѣ представить, какое нами овладѣло уныніе, когда 18-го іюня въ Варшавѣ было получено извѣстіе о сраженіи при Ватерлоо и о страшномъ разгромѣ французской арміи. Всѣ наши мечты должны были поблекнуть передъ печальной дѣйствительностью. Отнынѣ наша судьба зависѣла всецѣло отъ императора Александра.

Въ началѣ ноября 1815 г. мнѣ было приказано отправиться въ Калишъ съ поручикомъ Близинскимъ, представить рапортъ о состояніи всѣхъ воинскихъ зданій Калишскаго воеводства, осмотрѣть въ окрестностяхъ Калиша всѣ монастыри и замки, и выяснить, для какихъ цѣлей они могли бы служить. Порученіе было не легкое и требовало усиленной работы.

Прежде всего я занялся самимъ Калишемъ, гдѣ мое особенное вниманіе обратили казармы кадетскаго корпуса, начальникомъ котораго былъ полковникъ Регульскій, служившій нѣкогда въ италіанскихъ легіонахъ и извѣстный своею храбростью. Это былъ человѣкъ образованный, но чрезвычайно гордый и надменный. Ко мнѣ онъ относился весьма любезно и деликатно. Его жена, которая была молода и хороша собою, была всегдашнимъ предметомъ его ревности; онъ никогда не спускалъ съ нея глазъ и невольно разыгрывалъ по отношенію ко мнѣ роль Бартоло къ Розинѣ (въ «Севильскомъ цирюльникѣ»).

Сдѣлавъ планы и чертежи военныхъ зданій Калишскаго воеводства, я въ исходѣ марта возвратился въ Варшаву и помѣстился вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ Прондзинскимъ.

Въ это время Игнатій Прондзинскій, Густавъ Малаховскій и я, всѣ трое молодые люди, изъ коихъ младшему, Густаву Малаховскому, было всего 20 лѣтъ, задумали составить кружокъ, который объединилъ бы всѣхъ поляковъ, желающихъ охранять свободу и народность, угнетенныя, какъ намъ тогда казалось, русскимъ владычествомъ. Эта мысль, возникшая въ нашихъ молодыхъ и горячихъ головахъ, сильно занимала насъ въ то время. Связавъ себя, какъ нѣкогда швейцарцы на горѣ Рютли, взаимной клятвой, мы рѣшили образовать тайное общество для развитія нашей идеи, выработали уставъ, въ силу котораго: во-первыхъ, всякій новый членъ, вступавшій въ общество по рекомендаціи кого-либо изъ его членовъ, принимался столь таинственнымъ образомъ, что онъ не могъ видѣть, кто его принимаетъ; во-вторыхъ, онъ не давалъ никакой клятвы, кромѣ честнаго слова, что онъ будетъ охранять польскую народность, старо-польскую честь и языкъ всѣми отъ него зависящими средствами; въ третьихъ, что онъ будетъ принимать въ наше общество своихъ друзей и знакомыхъ, достойныхъ носить польское имя такимъ же образомъ, какъ онъ самъ былъ принятъ. Было рѣшено не писать устава на бумагѣ, чтобы это общество не оставило по себѣ никакого слѣда. Нашимъ намѣреніемъ было дать понять принятымъ нами лицамъ, что наше общество существуетъ давно и что его цѣль и средства, коими оно располагаетъ, извѣстны только высшимъ членамъ. Нашъ кружокъ былъ названъ обществомъ «Польскихъ друзей». Въ знакъ принадлежности къ этому обществу мы заказали серебряныя кольца съ эмалевымъ ободкомъ малиноваго цвѣта, подъ которымъ были изображены двѣ буквы: P. P. («Przyjàciół polskich»). Этотъ въ сущности вполнѣ невинный кружокъ былъ первымъ изъ тѣхъ многочисленныхъ обществъ, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ покрыли таинственной сѣтью всю Польшу, и къ которымъ присоединилась молодежь со всей Польши, Литвы, Волыни, Подольской губерніи и Украйны до самаго Кіева. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль нами были приняты, съ соблюденіемъ вышеописан-

ныхъ формальностей, капитанъ квартирмейстерской части Кошъ, подполковникъ квартирмейстерской части Бояновичъ, маіоръ Плончинскій, гг. Собанскій, Домжальскій, Менцинскій, Жарекъ и нѣкоторые другіе.

При пріемѣ этихъ членовъ мы позволяли себѣ иногда разныя шалости, свойственныя молодости. Такъ напр. употребляли потайной фонарь, который едва освѣщалъ лицо вновь вступавшаго; его окружали свидѣтели съ обнаженными саблями, закутанные въ плащи и стоявшіе въ самыхъ причудливыхъ позахъ; я помню, что Менцинскаго носили на старыхъ носилкахъ въ квартиру Коша и, не спуская его съ носилокъ, заставили его выслушать рѣчь, которая растрогала его до слезъ и т. д.

По мѣрѣ того какъ организація польскаго войска подвигалась впередъ, великій князь Константинъ Павловичъ выказывалъ все большую строгость и все менѣе стѣснялся въ проявленіяхъ своего характера. Забывая о томъ, что предъ нимъ находились ветераны италіанскихъ и испанскихъ легіоновъ, которые по призыву отечества сами поспѣшили стать въ ряды войска, онъ сталъ обращаться съ офицерами и съ солдатами какъ съ крѣпостными и рекрутами. Отъ людей, покрытыхъ шрамами, полученными въ бояхъ, онъ требовалъ величайшей аккуратности въ головномъ уборѣ и въ движеніяхъ. Малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи подавало поводъ къ неистовому проявленію его гнѣва. Не приходило смотра или ученья, на которомъ онъ своими насмѣшками не обидѣлъ бы кого-либо изъ офицеровъ въ строю и не оскорбилъ бы нашей народной чести. Всѣми овладѣло недовольство и даже отчаяніе. Офицеры, которые не могли долѣе переносить такого обращенія, стали подавать въ отставку.

Наскучивъ строгостями, великій князь искалъ отдохновенія въ лучшемъ обществѣ. Онъ началъ бывать въ замкѣ у маршала Бронца и за столомъ чая, въ обществѣ дѣвицъ Грудзинскихъ, казался совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и деликатенъ съ дамами, на балахъ ухаживалъ за ними, подавалъ шаль дамамъ, съ которыми онъ танцовалъ и т. п.

И тогда уже замѣчали его склонность къ старшей Грудзинской, Жанеттѣ, которая принимала его ухаживанье съ чувствомъ большаго достоинства. Любовь, которую великій князь такъ блестяще доказалъ ей впослѣдствіи, зародилась въ немъ повидимому именно въ это время.

II.

Проведеніе демаркаціонной линіи между Польшею и Краковскою республикою.—Краковское общество.—Женитьба великаго князя Константина Павловича на Жанеттѣ Грудзинской.—Прибытіе въ Варшаву великаго князя Николая Павловича съ супругою.—Тайныя общества въ Польшѣ.—Подполковникъ Радонскій и капитанъ Курскій.—Императоръ Александръ I въ Варшавѣ въ 1823 году.

23-го іюня 1816 г. я былъ назначенъ завѣдующимъ работами по проведенію демаркаціонной линіи Краковской республики, подъ главнымъ начальствомъ генералъ лейтенанта д'Овре (d'Oeuvray), уполномоченнаго по разграниченію царства Польскаго.

Я отправился въ Краковъ и по пути остановился на день въ Конскомъ, имѣніи Станислава Малаховскаго, гдѣ я встрѣтилъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, Жанетту и Антонину Грудзинскихъ, изъ коихъ первая была въ какомъ-то нервно-возбужденномъ состояніи, въ то время для меня совершенно непонятномъ, но причину котораго я узналъ довольно скоро.

Супруга Малаховскаго дала мнѣ рекомендательное письмо къ своей сестрѣ генеральшѣ Менцинской, жившей въ Краковѣ.

Пріѣхавъ въ этотъ старинный городъ, ставшій столицею крохотной краковской республики, мы застали тамъ уполномоченныхъ отъ трехъ союзныхъ державъ, пріѣхавшихъ для организаціи управленія республикою; то были графъ Шверцъ-Шперкъ,—австрійскій дипломатъ школы Кауница, баронъ Рейбницъ—представитель Пруссіи, и Міанжинскій, со стороны Польши или, лучше сказать, со стороны Россіи.

Изъ чиновъ, назначенныхъ союзными дворами для проведенія демаркаціонной линіи, наименѣе удачнымъ оказался выборъ Пруссіи: присланные ею Боссгампъ (Bosshamp, братъ бывшаго польскаго посланника въ Константинополѣ временъ Станислава Августа), графъ Метрихъ и два кондуктора распѣвали цѣлые дни Wir sind Preussen (мы пруссаки) или Heil dir im Siegeskrantz (прусскій національный гимнъ) и подавали намъ поводъ ко всевозможнымъ насмѣшкамъ и карикатурамъ.

Отдавъ мое рекомендательное письмо г-жѣ Менцинской, которая ввела меня въ краковское общество, и сдѣлавъ оффиціальные визиты коммиссарамъ трехъ державъ, президенту краковской республики и сенаторамъ, мы приступили къ работѣ.

Пограничная линія проходила по лѣсной и скалистой мѣстности, гдѣ намъ приходилось терпѣть всевозможныя лишенія. Мы могли отдохнуть только въ двухъ домахъ: въ имѣніи графа Іосифа Водзицкаго и у вдовы его брата Іакова Водзицкаго. Остальное время приходилось до-

*

вольствоваться хлѣбомъ и овощами, все прочее надобно было привозить изъ Кракова.

Краковское общество состояло въ то время изъ лицъ весьма образованныхъ, въ этомъ отношеніи все преимущество было на сторонѣ дамъ. Упомяну нѣсколько домовъ, которые я посѣщалъ и гдѣ проводилъ время съ такимъ удовольствіемъ, что я до сихъ поръ вспоминаю о нихъ съ признательностью.

Назову прежде всего семейство предсѣдательствующаго сенатора Станислава Водзицкаго, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Это былъ человѣкъ разносторонне образованный и много знающій въ ботаникѣ. Въ его имѣніи «Медвѣдь» былъ ботаническій садъ, за которымъ онъ ухаживалъ собственноручно. Его братъ былъ другомъ Костюшки и, командуя бригадою, былъ убитъ подъ Щекоцинами. Патріотическія чувства Водзицкаго ни для кого не были тайною, и всѣ сосѣди относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Своимъ человѣколюбіемъ, вѣжливостью, правдивостью и гостепріимствомъ онъ снискалъ всеобщую любовь.

Мое пребываніе съ товарищами въ его домѣ составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моей жизни. Семейство Станислава Водзицкаго было многочисленно. Его жена, женщина въ то время еще очень красивая, вела домъ безукоризненно; ее окружали двое сыновей и пять дочерей красавицъ. Изъ нихъ старшая, Екатерина, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Конарскаго, обладала прекрасными качествами; доброта и привѣтливость, которыми дышало ее лицо, влекли къ ней съ перваго взгляда.

Вторая сестра, Анна, отличалась отъ старшей легкомысліемъ и кокетствомъ. Она была занята только свѣтомъ и забавами, была остроумна. Отсутствіе строгаго надзора со стороны матери, непонятное ослѣпленіе къ ней родителей, чтеніе безъ разбора всякихъ книгъ окончательно вскружили эту пустую головку. Мнѣ жаль было видѣть, что эта молодая дѣвушка находилась на краю пропасти. Я постарался сблизиться съ нею и успѣлъ снискать ея довѣріе, откровенно высказавъ ей свое мнѣніе. Мои слова произвели не нее сильное впечатлѣніе; вскорѣ всѣ замѣтили огромную перемѣну въ ея манерахъ, туалетѣ, въ обращеніи съ мужчинами. Родители, домашніе, подруги, сестры не знали, чему приписать эту перемѣну; это было дѣломъ молодаго 20 лѣтняго капитана, который не имѣлъ иной цѣли, какъ спасти молодую дѣвушку отъ сѣтей, разставленныхъ ей льстецами и мнимыми друзьями. Чего бы не могла сдѣлать любовь съ этой прекрасной душою! Но мое сердце принадлежало въ то время другой. Два года спустя Анна Водзицкая вышла замужъ за Дзялинскаго и была прекрасной матерью и женою.

Третья сестра, Юлія, впослѣдствіи пани Бѣльска, почему-то причи-

слила меня къ числу своихъ поклонниковъ, въ чемъ я постарался однако разубѣдить ее.

Четвертая, Елена, была такъ же хороша собою, какъ мать, но не обладала тѣми качествами, которыя привязываютъ сердца; она была холодна, горда и слишкомъ увѣрена въ томъ впечатлѣніи, какое она производила на всѣхъ. Въ 1818 г. сынъ одного богатаго шотландскаго лорда, проѣзжая чрезъ Краковъ, былъ пораженъ ея красотою, безъ памяти влюбился въ нее и просилъ ея руки. Но родители не согласились на этотъ бракъ. Она вышла впослѣдствіи за мужъ за Нѣмоевскаго.

Я часто посѣщалъ семейство графа Іосифа Водзицкаго; графъ, мужчина лѣтъ 40, много путешествовалъ, ѣздилъ во Францію въ своемъ собственномъ экипажѣ и даже поразилъ своею скупостью довольно разсчетливыхъ французовъ. Впрочемъ, не смотря на свою скупость, онъ былъ гостепріименъ, и жители Кракова, въ особенности простые люди, любили его за его всегдашнюю готовность ходатайствовать за тѣхъ, кто обращался къ нему съ какою-либо просьбою. Его жена, рожденная Яблоновская, щедро помогала всѣмъ неимущимъ г. Кракова.

Такимъ образомъ я провелъ зиму 1816—1817 г. очень пріятно.

Среди лѣта пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Краковъ, генералъ Домбровскій, которому мы представлялись. Генералъ любезно поздоровался со мною, вспоминалъ кампанію 1812 года, пребываніе въ Парижѣ и разныя другія событія.

Въ томъ же году посѣтилъ Галицію императоръ Францъ I со своей супругой и многочисленной свитою. Офицеры поляки, работавшіе надъ проведеніемъ демаркаціонной линіи, представлялись ему въ Величкѣ и сопровождали его при осмотрѣ знаменитыхъ соляныхъ копей. Трудно себѣ представить что-либо великолѣпнѣе освѣщенія подземныхъ проходовъ и улицъ. Особенно поразили императора въ копяхъ подземныя конюшни, соленое озеро, надъ которымъ возвышается сооруженіе изъ соляныхъ кристалловъ вышиною въ 80 саженей, огромныя залы и т. д. Съ парома, находящагося на соляномъ озерѣ, былъ пущенъ прекрасный фейерверкъ, который не взлетѣлъ даже до свода пещеры. Императоръ, во время данной намъ аудіенціи, былъ чрезвычайно сосредоточенъ, разговаривалъ мало, постукивалъ пальцами и барабанилъ свой излюбленный маршъ. О краковской конституціи онъ освѣдомился на австрійскомъ діалектѣ: Ist der Freistoot schon konschtituirt? (Окончена ли организація вольнаго города?). Императрица, похожая болѣе на добродушную нѣмецкую хозяйку, нежели на монархиню, пустилась съ нами, молодыми офицерами, въ разговоръ и съ любопытствомъ разспрашивала насъ о краковскомъ обществѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 г., получивъ отпускъ, я ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ былъ представленъ на вечерѣ въ домѣ сенатора Бронца (Broniec)

великому князю, склонность котораго къ моей кузинѣ, Жанеттѣ Грудзинской уже не для кого не была тайною. Но въ то время еще никто не предвидѣлъ, чѣмъ это могло кончиться.

12-го (24-го) мая 1820 г. Жанетта Грудзинская была обвѣнчана съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, отказавшимся отъ предстола и предпочевшимъ семейное счастье коронѣ могущественнаго государства.

Для многихъ современниковъ до сихъ поръ осталось загадкою, чѣмъ Жанетта Грудзинская привлекла къ себѣ сердце дотолѣ недоступное нѣжнымъ чувствамъ; но она пользовалась въ теченіе десятилѣтняго счастливаго супружества всегдашней любовью, уваженіемъ и преданностью своего мужа. Правда, въ первые годы ей пришлось перенести испытанія, которыхъ она, быть можетъ, не ожидала, но, переживъ тяжелое время она пользовалась затѣмъ полнымъ семейнымъ счастьемъ. Только по смерти императора Александра, когда всѣ узнали объ отреченіи Константина Павловича въ пользу младшаго брата, стало ясно, какую жертву онъ долженъ былъ принести, чтобы получить отъ императора и отъ вдовствующей императрицы разрѣшеніе на бракъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ брака, который былъ совершенъ, съ соблюденіемъ всѣхъ положенныхъ обрядностей въ католической и православной церкви, супруга великаго князя получила титулъ княгини Ловичъ и обширныя помѣстья, связанныя съ этимъ титуломъ.

13-го (25-го) августа 1820 г. генералъ Гауке предложилъ мнѣ читать лекціи фортификаціи и топографіи въ открывавшейся апликаціонной школѣ, на что я изъявилъ согласіе.

Въ Варшавѣ находился въ это время императоръ Александръ. Явившись прежде всего по начальству, я представился затѣмъ въ Брюлевскомъ дворцѣ великому князю, а императору Александру въ Королевскомъ замкѣ. Выйдя изъ замка, я зашелъ къ Бронцамъ, желая повидать ихъ и Антонину Грудзинскую. Я засталъ все семейство въ крайнемъ смущеніи. Скоро слуга доложилъ о пріѣздѣ княгини Ловичъ. Я разсчитывалъ увидѣть ее, упоенную счастьемъ. Но я жестоко ошибся. Она вошла блѣдная, съ померкшимъ взглядомъ, сильно измѣнившаяся. Она вошла, опираясь на руку Бронца,—узнала меня, остановилась и, глубоко вздохнувъ, сказала мнѣ:

— Клементій, я вспоминаю то, что ты говорилъ мнѣ годъ тому назадъ; я была бы теперь счастлива, если бы я обратила вниманіе на твои слова.

Едва успѣла она произнести эти слова, которыя я выслушалъ съ изумленіемъ, какъ появился великій князь и съ встревоженнымъ лицомъ увелъ ее въ зало. Я старался собрать свои мысли и объяснить себѣ значеніе этихъ словъ. Это былъ неожиданный для меня отвѣтъ

на жалобы, которыя я высказывалъ ей годъ передъ тѣмъ по поводу суроваго обращенія великаго князя съ польскими офицерами и солдатами. Я не подозрѣвалъ въ то время, какъ скоро измѣнится судьба Жанетты Грудзинской; вѣроятно, ей было тогда очень непріятно выслушивать мои жалобы.

Въ первые дни послѣ брака, великаго князя часто видѣли съ супругою, съ которой онъ гулялъ или отдавалъ визиты. Они оба сіяли радостью и счастьемъ. Онъ былъ полонъ любви и предупредительности, и казалось, былъ готовъ устранить изъ подъ ногъ молодой жены каждую пылинку. Но вскорѣ наступила перемѣна. Княгиня Ловичъ замѣтно поблѣднѣла, сдѣлалась печальна; вѣроятно, нервность, которую я давно въ ней замѣчалъ, начала развиваться. Не смотря на все усиліе скрыть волновавшія ее чувства, окружающіе съ грустью видѣли, какъ она измѣнилась. Лицо великаго князя также омрачилось, и онъ попрежнему сталъ строгъ и требователенъ на парадахъ и ученіяхъ.

Вскорѣ всѣ узнали причину происшедшей перемѣны.

Императоръ Александръ, хорошо знавшій характеръ своего брата, давая ему разрѣшеніе вступить въ бракъ, потребовалъ, чтобы изъ Бельведера была удалена прежняя его привязанность г-жа Фредерикъ.

Нашелся человѣкъ, адъютантъ великаго князя, полковникъ Вейсъ, не постыдившійся просить ея руки. Они обвѣнчались за нѣсколько недѣль до женитьбы великаго князя. Г-жа Вейсъ выѣхала изъ Бельведера, но осталась въ Варшавѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы, великій князь нашелъ вполнѣ естественнымъ представить своей супругѣ жену своего адъютанта. Княгиня Ловичъ, стараясь скрыть, насколько это знакомство было ей непріятно, исполнила желаніе супруга и приняла г-жу Вейсъ, полагая, что тѣмъ дѣло кончится. Но великій князь пожелалъ отдать визитъ г-жѣ Вейсъ и, не смотря на всѣ возраженія, настоялъ на своемъ.

Г-жа Вейсъ, ободренная этой уступчивостью, стала чаще и чаще появляться въ Бельведерѣ. Положеніе княгини Ловичъ сдѣлалось невыносимо. Въ это время въ Варшаву пріѣхалъ императоръ Александръ. Пораженный убитымъ видомъ княгини Ловичъ и узнавъ все подробно, онъ приказалъ г-жѣ Вейсъ въ три дня выѣхать изъ Варшавы и остался глухъ ко всѣмъ возраженіямъ великаго князя, ссылавшагося на конституцію царства Польскаго. Впослѣдствіи великій князь сознало свою вину и сдѣлался наилучшимъ супругомъ, какимъ мы его видѣли въ теченіе 10 лѣтъ съ 1820 по 1830 годъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1821 г., пріѣхалъ въ Варшаву и остановился въ Лазенкахъ великій князь Николай Павловичъ со своей молодой супругою. Начались представленія всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Я былъ представленъ

въ числѣ прочихъ великимъ княземъ; княгина Ловичъ представляла дамъ. Великая княгина Александра Θеодоровна была въ то время въ расцвѣтѣ молодости и красоты. Сходство ея съ матерью, королевою Луизою, было поразительное.

Нѣсколько дней спустя, праздновался день рожденія вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны. Варшава была роскошно иллюминована, а въ лагерѣ сожженъ по этому поводу блистательный фейерверкъ.

Въ тотъ вечеръ я находился въ лагерѣ, подъ Бураковымъ, передъ фронтомъ второй пѣхотной дивизіи, чтобы полюбоваться фейерверкомъ, какъ вдругъ я завидѣлъ издалека придворные экипажи. Въ первомъ изъ нихъ сидѣли великая княгиня Александра Θеодоровна съ княгиней Ловичъ, а впереди великій князь Константинъ Павловичъ; въ второмъ экипажѣ ѣхали великіе князья Николай и Михаилъ. Константинъ Павловичъ узналъ меня издали и подозвалъ къ себѣ. Когда я подошелъ къ экипажу, онъ вторично представилъ меня великой княгинѣ, какъ двоюроднаго брата своей супруги, и сказалъ, что даетъ мнѣ отпускъ на нѣсколько дней, чтобы я ѣхалъ на свадьбу Антонины Грудзинской, которая была назначена 16-го (28-го) сентября, въ герцогствѣ Познанскомъ.

Это былъ первый случай благосклонности ко мнѣ великаго князя.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1821 г. пріѣхалъ въ Варшаву изъ Познани генералъ Уминскій, подъ начальствомъ коего я служилъ въ 1813 г. Онъ былъ посланъ «Обществомъ косиньеровъ», возникшимъ въ герцогствѣ Познанскомъ, съ цѣлью войти въ сношеніе съ польскими масонами, во главѣ которыхъ стояли въ Варшавокомъ герцогствѣ маіоры Лукасинскій и Махноцкій. Цѣль, которую преслѣдовали оба эти общества, заключалась въ томъ, чтобы вернуть Польшѣ всѣ отнятыя у нея земли, произведя общее возстаніе. Генералъ Уминскій, встрѣтившись со мною нѣсколько разъ, пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ наединѣ, но, понявъ вѣроятно изъ разговора, что ему не удастся склонить меня къ поступленію въ какое бы то ни было общество, онъ не упомянулъ ни слова о возложенномъ на него порученіи. Нашъ разговоръ вертѣлся исключительно на воспоминаніяхъ о кампаніи 1813 г.

1-го мая 1821 г., въ Бѣлянской рощѣ, въ полмилѣ отъ Варшавы собрались генералъ Уминскій, референдарій Вержбиловичъ, подполковники: Доброгойскій, Казаковскій, Прондзинскій, маіоръ Лукасинскій, Адольфъ Цихоцкій, журналистъ Теодоръ Моравскій и Людвигъ Собанскій изъ Волыни. Кромѣ этихъ господъ тутъ были: подполковникъ Оборскій, адвокатъ Шведеръ, Бруно Кицинскій и бывшій гвардейскій офицеръ Гордонъ. Послѣ того какъ генералъ Уминскій сообщилъ всѣмъ собравшимся цѣль, съ которою онъ былъ посланъ, всѣ поклялись въ томъ, что они будутъ служить Польшѣ и общему дѣлу.

Не бывъ посвященъ въ ихъ тайные замыслы, я не могу сообщить никакихъ подробностей о тайныхъ обществахъ, покрывшихъ съ тѣхъ поръ сѣтью царство Польское, Литву, Волынскую и Подольскую губерніи, кромѣ того, что̀ уже извѣстно изъ документовъ, обнародованныхъ по случаю процесса Лукасинскаго въ 1824 г. и по дѣлу декабристовъ.

Въ концѣ 1821 г. въ Варшаву былъ привезенъ отставной подполковникъ 10-го уланскаго полка Онуфрій Радонскій, другъ и пріятель генерала Уминскаго, который рѣшился побывать у братьевъ Нѣмоевскихъ въ Калишѣ, хотя не имѣлъ для проѣзда надлежащаго паспорта.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ русской полиціей за границей, оказалось, что Радонскій принадлежитъ къ обществу италіанскихъ угольщиковъ, и это обстоятельство послужило поводомъ къ его арестованію. Дѣйствительно, Радонскій былъ карбонаріемъ и былъ посланъ Уминскимъ въ царство Польское съ цѣлью подготовить возстаніе. Великій князь допросилъ его лично, обошелся съ нимъ хорошо, но, дабы не терять его изъ вида, приказалъ запереть его въ Брюлевскомъ дворцѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ пользовался всевозможными удобствами. Онъ провелъ въ заключеніи около шести недѣль, а затѣмъ былъ высланъ за границу и переданъ въ руки прусскихъ жандармовъ.

Въ началѣ 1822 г. былъ арестованъ на границѣ капитанъ Курскій, возвращавшійся въ Парижъ, и это навело на слѣдъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ въ царствѣ Польскомъ. Поводомъ къ арестованію Курскаго былъ доносъ, полученный изъ Парижа. При немъ было найдено письмо къ чиновнику Добрыцкому въ Калишѣ, которое онъ не успѣлъ передать по адресу.

Полковникъ Шнейдеръ, судившійся за двоеженство, желая избѣгнуть строгаго наказанія, все открылъ и назвалъ нѣсколько фамилій.

По этому поводу были допрошены маіоръ Лукасинскій, подполковникъ Доброгойскій, Добржицкій, Махницкій, подполковникъ Прондзинскій, Шредеръ, Цихоцкій и Котуцкій. Теодоръ Моравскій, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества, успѣлъ бѣжать за границу. Уминскій былъ арестованъ прусскимъ правительствомъ позднѣе, въ началѣ 1826 г., одновременно съ Матвѣемъ Мельжинскимъ и моимъ зятемъ Іосифомъ Крыжановскимъ.

Изо всѣхъ скомпрометтированныхъ лицъ меня особенно тревожила участь Прондзинскаго, съ которымъ я былъ друженъ съ дѣтства; хотя онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ прочими лицами, но мнѣ удалось, впрочемъ съ большимъ трудомъ, добиться его освобожденія.

Я отлично видѣлъ, въ чемъ дѣло, и боялся, какъ бы послѣдствія тайнаго общества, возникшаго въ 1816 г., не коснулись меня. Хотя мы видѣлись съ Прондзинскимъ, и онъ по-прежнему относился ко мнѣ съ

довѣріемъ, но, не желая компрометтировать меня, онъ не сообщалъ мнѣ главныхъ вопросовъ, которые были предложены ему при допросѣ. Для того чтобы не возбуждать подозрѣнія, мы видѣлись съ нимъ съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей. Я бывалъ въ это время очень мало въ обществѣ, погрузившись всецѣло въ свои занятія.

Въ началѣ 1823 г. пріѣхалъ въ Варшаву императоръ Александръ. 21-го января онъ посѣтилъ, въ сопровожденіи великаго князя, нашу апликаціонную школу. Императору было въ ту пору 46 лѣтъ. Тотъ, кто видѣлъ его первый разъ вблизи, не могъ не быть очарованъ его прелестнымъ, серьезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливымъ лицомъ и не могъ не поддаться очарованію, которое онъ производилъ на всѣхъ съ перваго взгляда. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе къ выраженію его лица, можно было подмѣтить нѣчто неискреннее въ его глазахъ и что-то холодное въ его улыбкѣ. Ни одинъ монархъ не игралъ такъ искусно своей роли, не былъ болѣе любезенъ и обворожителенъ съ женщинами; поэтому онъ былъ постоянно окруженъ особами прекраснаго пола. Онъ такъ хорошо владѣлъ собою, что никто изъ окружающихъ не могъ похвастать тѣмъ, что можетъ проникнуть его мысли.

Внутреннее волненіе или неудовольствіе выражалось у него только подергиваніемъ бровей, но выраженіе его лица оставалось неизмѣнно привѣтливымъ. Онъ умѣлъ сдержать проявленіе своей немилости, и она, подобно грому, поражала человѣка иногда совершенно для него неожиданно. Интересуясь только политикой и войскомъ, императоръ довѣрилъ внутреннее управленіе своей обширной монархіи Аракчееву.

И въ то время какъ на конгрессахъ вся Европа воскуряла ѳиміамъ монарху и онъ вмѣстѣ со своими союзниками рѣшалъ судьбы народовъ и старался утвердить политику на христіанскихъ началахъ, Россія, страдавшая подъ желѣзной рукою Аракчеева, не извлекла ни малѣйшей выгоды изъ столькихъ жертвъ, принесенныхъ ею для освобожденія народовъ отъ ига Наполеона.

У насъ въ первое время императоръ привлекъ къ себѣ всѣхъ. Его дружескія отношенія къ князю Адаму Чарторыйскому, котораго онъ постоянно убаюкивалъ обѣщаніемъ возстановить Польшу, расположеніе, которое онъ выказывалъ къ полякамъ, чѣмъ онъ какъ будто хотѣлъ вознаградить ихъ за потерю независимости; его ласковое обращеніе съ литовцами по возвращеніи въ Вильно въ 1812 году; пріемъ, оказанный остаткамъ нашихъ войскъ въ Парижѣ въ 1814 г., и надежды, поданныя намъ таинственными словами: вольность, свобода, конституція, соединеніе подъ однимъ скипетромъ всѣхъ разрозненныхъ частей Польши; наконецъ, высказанное императоромъ не разъ сожалѣніе по поводу оказанной намъ несправедливости,—все это влекло къ нему наши

сердца. Въ этомъ не малую роль играли женщины, всегда болѣе легковѣрныя и которымъ онъ такъ хорошо умѣлъ льстить.

Въ то время какъ Наполеонъ не предоставлялъ женщинамъ никакого участія въ управленіи государствомъ, императоръ Александръ, напротивъ того, умѣлъ втянуть ихъ въ свои интересы, спрашивалъ ихъ мнѣнія и даже совѣтовался съ ними о томъ, какъ сдѣлать людей счастливыми. Черезъ женщинъ онъ зналъ многое, чего не говорилъ ему даже родной братъ.

Въ Варшавѣ Александръ I держалъ себя какъ конституціонный монархъ съ самымъ либеральнымъ образомъ мыслей и высказывалъ сожалѣніе о томъ, что Россія еще не созрѣла для конституціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что это будетъ возможно со временемъ.

— Настанетъ время,—говорилъ онъ,—когда весь свѣтъ узнаетъ о томъ, что я хочу сдѣлать для васъ и для Россіи, когда ваши надежды сбудутся; но вы должны потерпѣть, а главное должны во всемъ положиться на меня.

Эти и тому подобныя слова, сказанныя имъ въ откровенной бесѣдѣ, во время утреннихъ визитовъ къ варшавскимъ дамамъ, брошенныя какъ бы мимоходомъ и пересыпанныя любезностями, ни къ чему не обязывали, но производили должное впечатлѣніе. Поляки ждали, тѣшились несбыточными надеждами, но сеймъ проходилъ за сеймомъ, а императоръ ничего не сдѣлалъ для успокоенія нашихъ умовъ, какъ только назначилъ великаго князя Константина Павловича командиромъ Литовскаго корпуса и далъ корпусу желтые лацкана; впрочемъ, школамъ и университету была дана нѣкоторая свобода, и кураторомъ университета былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій. Но ни въ администраціи страны, ни въ сборѣ податей, ни въ рекрутскомъ наборѣ не произошло никакихъ перемѣнъ; злоупотребленія чиновниковъ остались все тѣ же, даже не была облегчена участь крестьянъ въ присоединенныхъ губерніяхъ.

Всѣ тѣ, которые смотрѣли на дѣло трезво, ясно видѣли, что наша конституція, не обезпеченная никакимъ договоромъ, зависѣла единственно отъ воли монарха и что малѣйшее уклоненіе съ нашей стороны могло послужить предлогомъ къ ея ограниченію и даже къ упраздненію. Они видѣли, что императора окружали люди, не сочувствовавшіе этой конституціи, что Поццо-ди-Борго, Карамзинъ, Новосильцевъ и многіе другіе, старавшіеся сдѣлать ее мертвою буквою, только не могли помѣшать ея обнародованію; они отлично понимали, что съ перемѣною царствованія легко могла измѣниться и система. Эти люди совѣтовали намъ не поддаваться обманчивымъ надеждамъ, не считать конституцію нашимъ неотъемлемымъ достояніемъ и только заботиться о

томъ, чтобы поднять матеріальное положеніе страны, увеличить число школъ и предоставить времени упрочить нашу конституцію.

У насъ поняли истинныя намѣренія Александра только тогда, когда монархи начали совѣщаться о свободѣ народовъ и когда Александръ принялъ участіе въ усмиреніи грековъ.

Но возвратимся къ посѣщенію императоромъ школы.

Императоръ приказалъ представить себѣ профессоровъ и учениковъ; пройдя аудиторіи и войдя въ рисовальный классъ, онъ встрѣтился въ дверяхъ съ подполковникомъ Коріотомъ, который несъ въ рукѣ подобно потиру модель гиперболоида, который онъ показалъ царю. Императоръ, удивленный этимъ страннымъ явленіемъ, остановился. Тогда Коріотъ на ломанномъ французскомъ нарѣчіи сталъ объяснять ему особыя свойства этой кривой поверхности. Императоръ слушалъ внимательно. Великій князь, еще менѣе насъ ожидавшій подобную сцену, видя, что она занимаетъ царя, началъ мнѣ подмигивать и потихоньку посмѣиваться надъ Коріотомъ. Но императоръ, даже не улыбнувшись, спокойно выслушалъ все до конца и сказалъ, обратясь къ великому князю: «въ наше время насъ этому не учили». Услыхавъ эти слова, Коріотъ былъ на девятомъ небѣ!

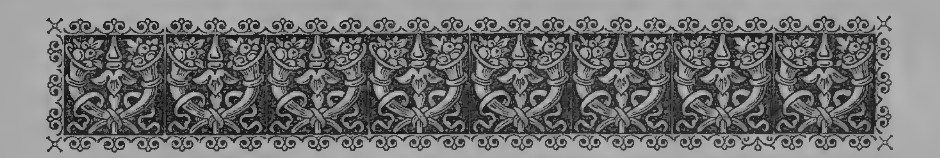
Когда лекція была окончена, я представилъ императору рисунки учениковъ, объясняя цѣль каждаго изъ нихъ. Императоръ цѣлый часъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ мои объясненія; мнѣ пришлось говорить довольно громко, такъ какъ императоръ былъ глухъ на лѣвое ухо.

Наконецъ, осмотръ школы окончился, императоръ поблагодарилъ всѣхъ насъ и весьма любезно со всѣми простился.

На другой день въ дневномъ приказѣ была высказана высочайшая благодарность корпусному командиру, начальнику школы и мнѣ за найденный въ ней порядокъ. Коріотъ не могъ простить императору, что онъ не упомянулъ о гиперболоидѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Страшная Месть" Гоголя и повѣсть Тика „Пьетро Апоне".

Н. С. Тихонравовъ указалъ (10-ое изд. сочиненій Гоголя, I, стр. 527 и слѣд.) «несомнѣнную», по его убѣжденію, связь между разсказомъ Тика «Чары любви» и второй редакціей «Вечера накануне Ивана Купала». Къ тому же «романтическому» (тамъ же, стр. 535) періоду дѣятельности Гоголя относится и его «Страшная Месть», для которой, какъ извѣстно, не могутъ до сихъ поръ найти удовлетворительныхъ параллелей въ малорусскихъ народныхъ преданіяхъ. Да и при первомъ чтеніи кажется, что фантастика повѣсти (отдѣленіе души отъ тѣла во время сна, обстановка колдовства страшнаго отца Катерины и пр.) имѣетъ болѣе тѣсную связь съ фантастикой нѣмецкихъ романтиковъ, чѣмъ съ здоровыми и конкретными образами преданій народныхъ.

Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина [1]) за 1828 годъ (часть VII и VIII, стр. 407—445 и стр. 6—54) напечатана «волшебная» повѣсть Тика: «Пьетро Апоне», содержаніе которой вкратцѣ можетъ быть передано такъ:

Въ Падуѣ внезапно умираетъ первая красавица города, молодая, всѣми любимая дочь падуанскаго подесты Амброзіо—Крешенція. Весь городъ опечаленъ ея смертью. Родители и друзья провожаютъ тѣло въ фамильный склепъ. Въ это время въ Падую пріѣзжаетъ молодой человѣкъ, видитъ похороны, узнаетъ въ усопшей свою невѣсту, поворачиваетъ коня и скачетъ, куда глаза глядятъ.—Печальное шествіе встрѣчается съ веселой процессіей студентовъ, несущихъ въ креслѣ своего профессора, знаменитаго ученаго Пьетро Апоне. Впереди толпы, кривляясь, прыгаетъ шутъ. Старикъ - профессоръ извиняется передъ родителями умершей, что невольно нарушилъ ихъ печальное настроеніе. Мать сѣтуетъ, что его отсутствіе помѣшало ему спасти ихъ

[1]) См. исторію возникновенія этого журнала у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. II гл. VIII и слѣд. Ср. Весинъ, Очерки исторіи русской журналистики. Спб. 1881 стр. 15 и слѣд.

общую любимицу, но профессоръ утѣшаетъ ее, и она нѣсколько успокаивается. Гробъ помѣщаютъ въ соборѣ.

Между тѣмъ ночь застаетъ жениха Крешенціи въ лѣсу; онъ ищетъ пріюта и наталкивается на избушку. Въ ней живетъ старая колдунья съ дѣвушкой, тоже Крешенціей, которую старуха называетъ дочерью и въ которой Антоніо Кавальканти — такъ называется женихъ умершей—съ изумленіемъ узнаетъ свою невѣсту. Онъ повѣряетъ старухѣ постигшее его горе, а та, потягивая изъ бутылки и безъ умолку болтая, разсказываетъ ему семейную драму его рода, затѣмъ напивается и засыпаетъ. Дѣвушка сообщаетъ ему, что онъ попалъ въ разбойничій притонъ. Они собираются бѣжать, но въ это время являются разбойники. Убивъ двоихъ изъ нихъ (въ одномъ онъ узналъ убійцу своего отца), Антоніо спасается бѣгствомъ; дѣвушка остается въ рукахъ разбойниковъ. Въ эту же ночь Апоне съ помощью шута своего Березинта, колдовствомъ и заклинаніями вызываетъ умершую Крешенцію и запираетъ ее въ потаенной комнатѣ. — На слѣдующій день Антоніо съ отцомъ Крешенціи тщетно разыскиваетъ таинственную избушку: ея нигдѣ не оказывается. Амброзіо уѣзжаетъ въ Римъ, Антоніо поступаетъ въ ученики къ Апоне. Совершенно случайно онъ узнаетъ, что благочестивый Апоне занимается алхиміей. Затѣмъ Антоніо проникаетъ и въ потаенную комнату, гдѣ его учитель, какъ оказывается, держалъ Крешенцію. Она говоритъ ему, что гнусный Апоне своими нечистыми чарами поддерживаетъ въ ней какое-то подобіе жизни, склоняя ее къ любовной связи, а затѣмъ проситъ своего жениха провести ее какъ-нибудь въ церковь во время совершенія таинства Евхаристіи: она надѣется, что тогда умретъ спокойно. Антоніо обѣщаетъ.

Въ соборѣ чествуютъ Апоне по случаю полученія имъ отъ папы кардинальскаго сана. Антоніо приводитъ туда Крешенцію (которая послѣ этого окончательно умираетъ) и обличаетъ колдуна. Колдуну едва удается спастись отъ разъяренной толпы, и на другое утро его находятъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Антоніо отправляется на родину, во Флоренцію, и на пути едва не погибаетъ отъ козней воскресшаго Апоне и Березинта, который оказывается самимъ чортомъ. Изъ Флоренціи онъ приходитъ въ Римъ. Здѣсь бывшій его товарищъ, вмѣстѣ учившійся съ нимъ у Апоне, знакомитъ его съ молодымъ, очень скромнымъ, по его словамъ, и благочестивымъ ученымъ, Касталіо, умѣющимъ предсказывать будущее. Въ надеждѣ узнать отъ него что-нибудь о таинственной старухѣ и дѣвушкѣ, такъ похожей на его невѣсту, Антоніо приходитъ къ нему вмѣстѣ съ подестой. Касталіо сообщаетъ ему адресъ старухи. Въ это время неожиданно является Березинтъ, обличаетъ мнимаго Касталіо, который оказывается все тѣмъ же Апоне, и уноситъ его душу въ пекло; домъ Касталіо сгораетъ. Антоніо отыскиваетъ дѣвушку, въ

которой подеста признаетъ свою вторую похищенную у него дочь Цецилію, и женится на ней.

Переводъ сдѣланъ какимъ-то Z и не отличается особой легкостью и достоинствами. За повѣстью слѣдуетъ небольшой (всего въ двѣ страницы) неблагопріятный разборъ ея, подписанный NN, очевидно, какимъ-то членомъ редакціи, можетъ быть самимъ М. П. Погодинымъ, который такимъ образомъ подписывался въ «Телескопѣ» за 1831 г.[1]). Авторъ разбора между прочимъ говоритъ, «хорошаго здѣсь—нѣсколько сценъ, напр. заклинаніе, встрѣча Антоніо съ монахами, которые ему кажутся то въ своемъ образѣ; то въ образѣ (эта подробность въ нашемъ изложеніи опущена), убійцъ, состояніе Крешенціи послѣ оживленія»; за тѣмъ рецензентъ отмѣчаетъ преувеличенную оцѣнку нѣмецкой критики.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ученики выпускного класса, а въ особенности Гоголь, завѣдывавшій, какъ извѣстно, частной его библіотекой, имѣли полную возможность весною 1828 года прочитать эту повѣсть. Едва-ли она особенно понравилась Гоголю, но нѣкоторыя фантастическія подробности, и въ особенности тѣ, которыя похвалилъ NN, должны были произвести на него впечатлѣніе[2]). Сюжетъ «Страшной мести» съ повѣстью Тика не имѣетъ ничего общаго, но именно картины, отмѣченныя рецензентомъ, совпадаютъ съ отдѣльными мѣстами «Страшной Мести» до такой степени, что объяснить это совпаденіе случайностью едва-ли возможно.

Пусть читатели судятъ сами.

„Страшная Месть“.	Пьетро Апоне.
Колдунъ	Колдунъ.
«Какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшія на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди нихъ казака. Кто онъ таковъ, никто не зналъ, но уже онъ протанцовалъ на славу казачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его	Послѣ обличеній Антоніо въ соборѣ Піетро всталъ, какъ бѣшеный, билъ кулаками окружающихъ и, казалось, превращался въ исполина. Онъ подошелъ къ мертвой Крешенціи, ... посмотрѣлъ на нее еще разъ, и потомъ съ дикимъ воплемъ и сверкающими взорами бросился въ

[1]) Извѣстно, что Гоголь въ ранней молодости относился къ Погодину съ съ большимъ почтеніемъ: въ 1829 г. онъ отправилъ ему, одному изъ немногихъ, экземпляръ „Ганса Кюхельгартена“.

[2]) См. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей В. С. Карцева и М. Н. Мазаева. Спб. 1891, стр. 151.

толпу. Когда же осаулъ поднялъ иконы, вдругъ все лицо казака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ казакъ старикъ“ [1]).

толпу. Новый страхъ овладѣлъ народомъ; чудовищу дали дорогу; все бѣжало прочь. (28, VIII, 29).

Колдунъ превращается въ молодаго казака Копряна.

„Гость началъ разсказывать между тѣмъ, какъ панъ Данило, въ часъ откровенной бесѣды, сказалъ ему: „Гляди, братъ, когда волею Божіей не будетъ меня на свѣтѣ, возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою... Страшно вонзила въ него очи Катерина. — А! вскрикнула она: это онъ, это отецъ“!

Колдунъ превращается въ молодаго ученаго Касталіо.

Когда Березинъ разоблачилъ обманъ, „мнимый Касталіо, какъ безчувственный, упалъ въ кресла; сильно дрожали всѣ члены его тѣла, всѣ мускулы лица, такъ что нельзя было узнать ни одной прежней черты его; нѣсколько времени въ изумленіи смотрѣли на него молодые люди и, наконецъ, къ ихъ ужасу показалось имъ, что въ смятенной физіогноміи Касталіо дѣйствительно открывается лицо старика Апоне“ и т. д. (28, VIII, 50).

„А Іуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть и себѣ, но грызъ бы самого себя“ и т. д.

Колдунья говоритъ Антоніо:

„Жизнь мудреная, глупая, страшная сказка. Какой человѣкъ скажетъ: не дойду до этого. Адская сила не дремлетъ, посылаетъ горе за горемъ, страсть за страстью, бѣшенство за бѣшенствомъ:

[1]) Срав. въ главѣ IV: „. . . . И лицо стало перемѣняться: носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами, ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, и сталъ предъ нимъ (паномъ Данилой) тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у осаула“.

Сцена.	Заклинанія.
	они находятъ, находятъ, медленно, странно, приступаютъ ближе, ближе, и вдругъ домъ полонъ всѣхъ ужасовъ, и человѣкъ грызетъ свои кости въ отчаяніи“ (28, VII, 430).
„Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстро перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже, и совсѣмъ какъ будто потухъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался дивный свѣтъ по всѣмъ угламъ, и вдругъ пропалъ, и настала тьма.	„Принесенъ былъ ладанъ; загорѣлся огонь на алтарѣ, а магикъ осторожно, почти съ трепетомъ, вынулъ большую книгу изъ самаго потаеннаго ящика. . . . . . . Онъ читалъ, сперва тихо, потомъ все громче и внимательнѣе, сперва мѣрными шагами ходя взадъ и впередъ, потомъ обходя кругъ. Черезъ нѣсколько времени остановился онъ и сказалъ: „Поди, посмотри, каково на небѣ“.—„Густая тьма, сказалъ, воротившись, Березинтъ, закрыла небо“. . . . .
И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ	Онъ сталъ на колѣна и, тихо произнося заклинанія, часто падалъ ницъ на землю; лицо его разгорѣлось, глаза сверкали. . . . .
Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ будто облако, вѣяло посреди хаты, и чудится пану Данилѣ, что облако то не облако, что то стоитъ женщина; только изъ чего она? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ значки. Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею; тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея,	Старикъ приподнялся съ земли; лицо его было блѣдно, какъ смерть, и безобразно; старикъ продолжалъ читать, заклинать . . . . Вдругъ послышались голоса. . . . . . раздавалось пѣніе, раздавались смѣшанные звуки чудныхъ инструментовъ, оживились всѣ сосуды... и изъ стѣнъ всѣхъ комнатъ посыпались существа всякаго рода: звѣри, чудовища и страшныя

будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣлопрозрачное утреннее небо, льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ...

— Ахъ, это Катерина!" и т. д.

лица въ странномъ смѣшеніи . . . .

Въ совершенномъ изнуреніи поднялся Піетро, ... по его мановенію исчезли всѣ чудовища. . . . Слуга его возвратился и сказалъ: все тихо и покойно, но легкіе призраки пронеслись предо мной и исчезли въ темномъ небѣ; я не сводилъ глазъ съ собора, и раздался сильный звукъ, какъ будто бы лопнули всѣ струны какой-нибудь арфы . . . . отворились церковныя врата, сладко запѣли флейты, и тихій свѣтъ полился изъ внутренности церкви. Немедленно въ этомъ сіяніи показался женскій образъ, блѣдный, но блестящій, украшенный вѣнками изъ цвѣтовъ: она вышла изъ вратъ, лучами устилался путь ея, и съ поднятою главою, съ сложенными руками приближается она къ нашему дому . . . .

Піетро вышелъ въ переднюю, и ему навстрѣчу вошла блѣдная Крешенція, въ своей погребальной одеждѣ . . . .

Онъ ввелъ ее въ самую дальнюю комнату, богато украшенную золотомъ и пурпуромъ, шелкомъ и бархатомъ . . . . . » (28, VII, 441—44).

«Багряный свѣтъ», напоминающій розовый свѣтъ «Страшной Мести», встрѣчается значительно ниже, при описаніи комнаты, въ которой была скрыта Крешенція (28, VIII, 16).

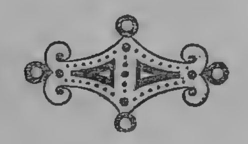
Наружность Катерины обрисована такими же неопредѣленными чертами, какъ и наружность Крешенціи въ гробу, въ которой указана только

противоположность бѣлизны ея лица и черныхъ кудрей. Ея полужизнь во снѣ нѣсколько напоминаетъ искусственную полужизнь Крешенціи, которая тоже является результатомъ чаръ колдуна и т. д.

Конечно, сходство во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ далеко не поразительно, но, какъ мы полагаемъ, и не случайно. Едва-ли можно думать, что Гоголь вновь перечиталъ «Пьетро Апоне», работая надъ «Страшной Местью», но воспоминанія его были достаточно ярки, чтобъ оказать вліяніе на его творчество въ томъ же родѣ, какъ и «Чары Любви» того же Тика на передѣлку его «Басаврюка».

По характеру своего таланта Гоголь не имѣетъ почти ничего общаго съ раскидавшимся, вѣчно иронизировавшимъ, лишеннымъ чувства мѣры и пластичности Людвигомъ Тикомъ. Но время было такое, что крайности романтизма пользовались большимъ успѣхомъ, и какъ редакція «Московскаго Вѣстника», такъ и начинающій писатель считали не лишнимъ послужить современной модѣ.

А. К. и Ю. Ф.

Назначеніе статскаго совѣтника Ключарева сенаторомъ.

Указъ Правительствующему Сенату.

28-го іюня 1816 г. № 114.

Вознаграждая потерпѣнное бывшимъ московскимъ почтъ-директоромъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ключаревымъ удаленіе отъ должности, произведенное по обстоятельствамъ 1812 года тогдашнимъ московскимъ мѣстнымъ начальствомъ, всемилостивѣйше жалуемъ его, Ключарева, въ тайные совѣтники и, облекая званіемъ сенатора, повелѣваемъ присутствовать ему въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Ходатайство графа М. М. Сперанскаго за сына своего учителя.

Письмо графа М. М. Сперанскаго къ директору департамента министерства юстиціи И. Ѳ. Журавлеву [1]).

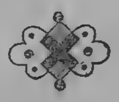
20-го августа 1823 г.

Позвольте мнѣ вашему превосходительству представить вручителя сего г-на Пѣвницкаго. Онъ сынъ стараго моего учителя, а вы знаете, какъ старые учители взыскательны; я и теперь еще его боюсь и считаю себя обязаннымъ угождать ему изъ страха и изъ благодарности. Г-нъ Пѣвницкій доискивается мѣста губернскаго стряпчаго; мнѣ кажется, онъ его достоинъ. Весьма много обяжете, пособивъ ему въ семъ исканіи (sic).

Примите свидѣтельство совершеннаго почитанія. Сперанскій.

Пѣвницкій былъ опредѣленъ стяпчимъ во Владимірскую губернію.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

---

[1]) Подлинникъ въ Имп. публичной библіотекѣ.

Графъ Джонъ Бёкингхэмширъ
при дворѣ Екатерины II.
(1762—1765 г.г.).

IV [1]).

Въ отмѣткахъ, которыя графъ Бёкингхэмширъ дѣлалъ для себя, не заботясь о систематическомъ изложеніи, въ разное время и даже безъ обозначенія чиселъ, встрѣчается немало характеристикъ также и лицъ, окружавшихъ императрицу. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ отмѣчаетъ нѣсколькими штрихами, наскоро, о другихъ говоритъ съ большею обстоятельностью, но въ обоихъ случаяхъ въ наблюденіяхъ его попадаются порою черты, не лишенныя интереса.

О Павлѣ Петровичѣ мы находимъ у него слѣдующую отмѣтку: «Черты лица великаго князя не имѣютъ ни правильности, ни красоты, но общее выраженіе его замѣчательно интеллигентное. На видъ онъ изященъ и танцуетъ онъ, для своихъ лѣтъ, граціозно. Вслѣдствіе неразумной заботливости императрицы Елизаветы, при жизни которой ему никогда не давали подышать открытымъ воздухомъ, онъ очень тщедушенъ, но силы его съ каждымъ днемъ прибываютъ. Онъ обладаетъ живою понятливостью и прекрасною памятью, но не имѣетъ выдержки въ учебныхъ занятіяхъ; тѣмъ не менѣе, онъ болѣе свѣдущъ, чѣмъ обыкновенно бываютъ въ его годы принцы; а такъ какъ мать не дѣлаетъ ему особенной поблажки, учителя же его способны и старательны, то онъ можетъ достигнуть значительныхъ успѣховъ. Говорятъ, онъ очень похожъ по манерѣ, а отчасти и по наклонностямъ, на по-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1902 г.

койнаго императора, особенно же тѣмъ, что очень пугливъ». Въ депешѣ изъ Москвы, тотчасъ послѣ перваго представленія своего великому князю, въ январѣ 1763 г., британскій посолъ написалъ: «Сегодня утромъ я имѣлъ аудіенцію у великаго князя. Привѣтствіе мое ему я произнесъ по-французски, и онъ отвѣтилъ мнѣ на томъ же языкѣ. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, какъ хорошо онъ поправился послѣ недавней болѣзни. Его рѣчь и манера пріятны и привлекательны, и держитъ онъ себя необыкновенно для своихъ юныхъ лѣтъ».

Вотъ что̀ записано у графа Бѣкингхэмшира о братьяхъ Орловыхъ, четверо изъ которыхъ, какъ извѣстно, принимали дѣятельное участіе въ переворотѣ, открывшемъ для Екатерины доступъ къ престолу:

«Орловыхъ пятеро, но старшій изъ нихъ (Иванъ Григорьевичъ) уклоняется отъ занятія видной роли, а младшій (Ѳедоръ), которому не больше девятнадцати лѣтъ отъ роду, находится за границей. Старшій изъ остальныхъ трехъ братьевъ, Григорій, состоитъ любимцемъ своей императрицы и первымъ человѣкомъ въ русскомъ царствѣ, насколько онъ поставленъ въ это положеніе сдѣланнымъ ему императрицею отличіемъ. Она отъ души желаетъ видѣть его великимъ, чтобы личное пристрастіе ея къ нему могло быть оправдано одобреніемъ публики. Онъ не располагаетъ преимуществами хорошаго воспитанія, но, если оставить это безъ вниманія, не роняетъ себя въ разговорѣ объ обыденныхъ предметахъ. Судя по тому, что̀ было случайно высказано имъ въ частномъ разговорѣ со мною, онъ считаетъ искусства, науки и производство изящныхъ вещей вреднымъ для большой и могущественной страны, находя, что они разслабляютъ умъ и тѣло людей; онъ считаетъ за лучшее оказывать содѣйствіе только земледѣлію и производству предметовъ необходимости, которые могли бы быть вывозимы въ необработанномъ видѣ. Англичанъ онъ любитъ, такъ какъ считаетъ ихъ народомъ откровеннымъ и мужественнымъ, особенно на основаніи слышанныхъ имъ разсказовъ о циркѣ Браутона, представленія котораго вполнѣ соотвѣтствуютъ вкусамъ его семьи. Разъ онъ предлагалъ взять на себя устройство кулачнаго состязанія въ Москвѣ, на которомъ намѣревалась было присутствовать и императрица, пока ей не сказали, какъ серьезно относятся къ боксу англичане.

«Въ началѣ возвышенія Григорія Орлова, императрица говорила, что сама воспитаетъ и обучитъ его [1]). Она успѣла научить его думать

---

[1]) Въ одной изъ своихъ начальныхъ депешъ графъ Бѣкингхэмширъ, говоря объ этомъ любимцѣ Екатерины II, замѣчалъ: „Полагаютъ, что онъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла, но ея императорскому величеству доставляетъ удовольствіе всякій оказываемый ему знакъ вниманія. Не стану рѣшать, чѣмъ вызывается оказываемое ему предпочтеніе: благодарностью или склонностью, но очевидно, что она хочетъ видѣть его отличеннымъ“.

и разсуждать, но думать неправильно и разсуждать невѣрно, такъ какъ природа снабдила его лишь тѣмъ свѣтомъ, который слѣпитъ, но не указываетъ пути. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что она находитъ теперь, что было бы лучше оставить его такимъ, какимъ она застала его и считала тогда достаточнымъ для оправданія оказаннаго ему предпочтенія. Въ послѣднее время онъ принялъ ужасно надутый и грубый видъ, что̀ вовсе несвойственно его характеру. Онъ одѣвается небрежно, куритъ, часто ѣздитъ на охоту и не на столько пренебрегаетъ встрѣчными красавицами, на сколько слѣдовало бы изъ политики и изъ благодарности. Говорятъ, но ложно, будто особа, которой онъ долженъ бы посвящать всю свою внимательность, не обращаетъ вниманія на преходящія невѣрности. Одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя, не будучи хорошенькими, нравятся своею молодостью и Богъ вѣсть чѣмъ еще, была нѣкоторое время отличаема графомъ Орловымъ, и все-таки ее часто допускали къ участію въ частныхъ загородныхъ поѣздкахъ. Такъ какъ эта дама постоянно бывала въ моемъ домѣ и называла себя моею пріятельницей, то я заговорилъ съ нею въ шутку объ этомъ предметѣ. Она отвѣчала, что, какъ мнѣ должно быть извѣстно, она питаетъ страсть къ другому мужчинѣ и что благоразуміе должно побуждать ее къ расхолаживанію Орлова, что̀ она и дѣлаетъ въ возможно пристойной формѣ; по ея словамъ, недавно, на дачѣ, Орловъ пытался взять ее силою; въ это время въ комнату вошла императрица и, увидѣвъ нѣкоторое смущеніе дамы, подошла къ ней сзади и шепнула ей черезъ плечо: «Не смущайтесь, я увѣрена въ вашей скромности и внимательности ко мнѣ. Не бойтесь, что причините мнѣ непріятность; напротивъ, я считаю себя обязанною вамъ за ваше поведеніе».

«Графъ Орловъ состоитъ однимъ изъ трехъ флигель-адъютантовъ императрицы. Во время дежурства они командуютъ всѣми войсками въ окрестности. Онъ капитанъ Кавалергардскаго и полковникъ Конно-Гвардейскаго полковъ, стоитъ во главѣ коммиссіи по устройству дѣлъ колонистовъ, состоитъ кавалеромъ всѣхъ орденовъ и камергеромъ.

«Въ годовщину своего восшествія на престолъ, императрица сказала мнѣ, что наканунѣ, вечеромъ, она обдумывала, въ которой изъ своихъ должностей слѣдуетъ графу Орлову выступить на этомъ празднествѣ, и рѣшила, что появленіе его въ качествѣ ея адъютанта наиболѣе отличитъ его, такъ какъ поставитъ его во главѣ всего торжества.

«Слѣдующій братъ, Алексѣй, — великанъ ростомъ и силой (самый меньшій изъ этихъ трехъ братьевъ имѣетъ ростъ въ шесть футовъ). Онъ говоритъ по-нѣмецки, но не знаетъ по-французски, и—можетъ быть потому, что сознаетъ свое менѣе важное значеніе—болѣе общителенъ и доступенъ, чѣмъ старшій братъ. Относительно того, который изъ нихъ обоихъ выше по уму, мнѣнія расходятся, но спорить объ

этомъ значитъ спорить о пустякахъ: обоихъ надо считать за молодыхъ офицеровъ, получившихъ воспитаніе какъ-бы въ Ковентъ-Гарденѣ, кофейняхъ, трактирахъ и за билліардомъ. Храбрые до крайности, они всегда считались, скорѣе, людьми смирными, чѣмъ склонными къ ссорамъ. При своемъ неожиданномъ возвышеніи, они не забыли своихъ старыхъ знакомствъ и вообще обладаютъ большою долей того безпринципнаго добродушія, которое располагаетъ людей оказывать другимъ небольшія услуги безъ ущерба и хлопотъ для себя, и хотя они способны на самыя отчаянныя затѣи, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь очень важномъ, однако, отнюдь не станутъ творить зла ради самого зла. Они ничуть не мстительны и не стремятся вредить даже тѣмъ, кого не безъ причины считаютъ своими врагами. Въ продолженіе опалы генерала Чернышева, они были самыми горячими ходатаями за него, хотя не могли сомнѣваться въ его враждебности къ нимъ. Однако, всякій, кто попытался бы добиваться привязанности императрицы, подвергся бы большой опасности, еслибы не сталъ дѣйствовать съ величайшею осмотрительностью; ему надо было бы озаботиться тѣмъ, чтобы минута одержаннаго имъ успѣха совпала съ минутой на столько сильной опалы Орловыхъ, при которой они были бы уже не въ силахъ коснуться его. Не очень давно нѣкій молодой человѣкъ хорошаго круга, внѣшностью и манерой своей сильно располагавшій въ свою пользу, обратилъ на себя особенное вниманіе императрицы. Нѣкоторые изъ друзей Панина, бывшіе также и его друзьями, поощряли его добиваться цѣли. На первыхъ порахъ онъ послѣдовалъ было ихъ совѣту, но вскорѣ пренебрегъ блестящею участью, которая, казалось, открывалась передъ нимъ. Было довольно естественно предположить, что такая непослѣдовательность въ его поступкахъ вызвана была его любовью къ одной дамѣ, съ которою онъ жилъ въ тѣсной связи еще съ той поры, когда, при отсутствіи корыстныхъ видовъ, любовь и обладаніе составляютъ все на свѣтѣ; но потомъ онъ сознался по секрету близкому родственнику, что онъ побоялся угрозъ, высказанныхъ Орловыми по адресу всякаго, кто вздумаетъ замѣстить ихъ брата, и не имѣлъ достаточно честолюбія, чтобы рискнуть жизнью въ своей попыткѣ.

«Самый младшій изъ находящихся въ Россіи братьевъ, Ѳедоръ, составляетъ гордость и украшеніе семьи. Еслибы какая-нибудь путешественница захотѣла описать его наружность, она сказала бы, что въ немъ черты Аполлона Бельведерскаго сочетались съ мускулами Геркулеса Фарнезе. Рѣчь его легка и свободна, манеры пріятны. Въ настоящее время онъ можетъ лишь мало разговаривать съ иностранцами, потому, что съ трудомъ объясняется по-французски. Императрица дала ему должность, и онъ, говорятъ, проявляетъ усердіе и умъ. Въ то время когда для братьевъ его сказались послѣдствія ихъ личныхъ достоинствъ

и услугъ, онъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы чему-нибудь научиться; но со временемъ онъ можетъ оказаться годнымъ для высшихъ должностей и затѣмъ оказать, въ пору упадка, поддержку братьямъ, счастливыя начинанія которыхъ возвели его наверхъ».

Изъ числа другихъ лицъ, очерченныхъ графомъ Бёкингхэмширомъ, остановимся на личности канцлера, Михаила Илларіоновича Воронцова, начало видной служебной карьеры котораго относится, какъ извѣстно, къ царствованію императрицы Елизаветы. Состоя при ней камергеромъ, онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ заговора, послѣдствіемъ котораго было ея вступленіе на престолъ. Въ 1744 г., по назначеніи канцлеромъ Бестужева, служившаго, при Аннѣ Іоанновнѣ, посланникомъ въ Гамбургѣ, а потомъ въ Копенгагенѣ, Воронцовъ получилъ должность вице-канцлера и, говорятъ, пользовался у Елизаветы бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ Бестужевъ, мѣсто котораго и занялъ въ 1758 г. Постъ канцлера онъ сохранялъ и въ царствованіе Петра III. Такъ-какъ при Елизаветѣ онъ держался въ сторонѣ отъ придворныхъ интригъ, то сохранилъ также и расположеніе Екатерины, которая, впрочемъ, не особенно довѣряла ему, хотя и оставила его, по восшествіи своемъ на престолъ, канцлеромъ.

«Канцлеръ—говоритъ посолъ—отличается непринужденнымъ обращеніемъ и пріятною манерой, свойственной людямъ знатнаго происхожденія; онъ человѣкъ слабый, боязливый, честный лишь наполовину и, какъ министръ, полонъ предубѣжденій, малодѣятеленъ и медлителенъ. Его тѣлесное и душевное состояніе одинаково неблагопріятны, чему, быть можетъ, не мало способствуетъ безпорядокъ въ его домашнихъ дѣлахъ, происходящій отнюдь не отъ того, что онъ много тратитъ, а отъ того, что по лѣни и невниманію онъ даетъ сильно обворовывать себя. Жена его, по внѣшности, держитъ себя съ сердечною непринужденностью хозяйки хорошо поставленнаго дома, но, въ сущности, очень лукава и въ прежнее время достигала большихъ успѣховъ своими хитростями. Какъ она, такъ и ея дочь, графиня (Строганова) предаются излишествамъ: первая любитъ игру, а вторая мужчинъ» [1]).

---

[1]) На хитрость жены канцлера мы встрѣчаемъ указаніе также и въ одной изъ депешъ британскаго посла Кійса къ Гренвилю (отъ 12-го іюля нов. ст. 1762 г.). Сообщая о представленіи Воронцова съ женою ко двору вскорѣ послѣ совершившагося переворота, посолъ передаетъ, между прочимъ, слѣдующую подробность: „Жена канцлера не была при дворѣ съ воскресенья (такъ какъ до самаго конца оставалась въ сношеніяхъ съ императоромъ и даже была съ нимъ въ Кронштадтѣ); цѣлуя руку императрицы, она сняла съ себя ленту св. Екатерины и, подавая ее ея величеству, сказала, что никогда не просила этого знака отличія и теперь кладетъ ее къ стопамъ императрицы. Императрица, однако, съ величайшею любезностью взяла ленту и собственноручно снова возложила ее на графиню Воронцову".

Постоянно испытывая денежныя затрудненія, графъ Воронцовъ не затруднялся прибѣгать порою къ щедрости англійскаго короля. Въ депешѣ графа Бёкингхэмшира, отъ 19-го января 1763 г., мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія характерныя строки: «Канцлеръ проситъ меня повергнуть его чувства къ стопамъ его величества и его увѣреніе въ глубокой признательности королю за милостивый (какъ онъ слышалъ) отзывъ о немъ, а также и за милостивый пріемъ, оказанный его величествомъ племяннику канцлера [1]). Въ субботу вечеромъ онъ вручилъ мнѣ нѣсколько бумагъ, заключающихъ въ себѣ, по его словамъ, вѣдомость объ убыткахъ, причиненныхъ русскимъ англійскими каперскими судами, причемъ прибавилъ, что и самъ онъ понесъ значительныя потери, въ видѣ различныхъ, посланныхъ ему изъ Франціи цѣнныхъ вещей. Онъ замѣтилъ, впрочемъ, что упоминаетъ объ этомъ не съ цѣлью просить вознагражденія, а только желалъ бы, чтобы объ этомъ было представлено на милостивое усмотрѣніе его величества. Онъ намекнулъ также на свои большіе долги и на то, что состояніе здоровья препятствуетъ ему справляться съ трудностями служебныхъ занятій. Я сказалъ ему, что доведу до свѣдѣнія его величества то, что имъ сказано. Просматривая врученныя мнѣ имъ бумаги, я нахожу, что просимая имъ сумма не превышаетъ тысячи пятисотъ фунт. стерл., хотя онъ опредѣлялъ ее мнѣ въ двѣ тысячи. Если его величеству будетъ угодно повелѣть произвести эту уплату, то, судя по тону, въ которомъ говорилъ проситель, я полагаю, что уплата эта будетъ сочтена за большое одолженіе». Нѣсколько далѣе, британскій посолъ говоритъ въ той же депешѣ: «Въ случаѣ заключенія торговаго договора на условіяхъ, угодныхъ его величеству, я полагалъ бы умѣстнымъ сдѣлать подарки графу Орлову (любимцу императрицы), Бестужеву, Панину и вице-канцлеру. Благоволите увѣдомить меня о волѣ его величества на этотъ счетъ. Я долженъ прибавить, что расходъ этого рода, быть можетъ, и не безусловно необходимъ, хотя здѣсь слишкомъ привыкли къ подаркамъ».

Графъ Бёкингхэмширъ даетъ попутно небольшую характеристику и сотрудника графа Воронцова, вице-канцлера Александра Михайловича Голицына. Извѣстно, что Голицынъ состоялъ русскимъ посломъ въ Лондонѣ въ послѣдніе годы царствованія Георга II и уже получилъ было вѣрительныя граматы, которыми русское правительство аккредитовало его при дворѣ Георга II, какъ въ февралѣ 1762 г. онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, на должность вице-канцлера. Постъ этотъ онъ занималъ до 1775 г., имѣя вообще мало значенія, а подъ конецъ обратившись даже просто въ орудіе въ рукахъ Екатерины и графа Панина.

---

[1]) Послу въ Лондонѣ, Семену Романовичу Воронцову.

Голицынъ былъ ненавистникомъ Пруссіи и желалъ союза съ Франціею, правительство которой и разсчитывало поэтому на его содѣйствіе въ заключеніи франко-русскаго союза, въ связи съ союзомъ съ Австріей, хотя и знало, что вице-канцлеръ никакого значенія не имѣетъ.

«Русскія дамы — пишетъ графъ Бёкингхэмширъ—слѣдуя примѣру англійскихъ, считаютъ вице-канцлера красивымъ господиномъ; но дома онъ не проявилъ такой политической галантности, какъ въ Лондонѣ, гдѣ, смѣшивая дѣло съ удовольствіями, онъ одновременно пріобрѣталъ и свѣдѣнія, и значеніе. Теперь у него нѣтъ ни свѣдѣній, ни значенія. Когда онъ былъ посломъ въ Англіи, его очень отличала жена ганноверскаго посланника, доставлявшая ему возможность снабжать русскій дворъ самыми достовѣрными свѣдѣніями. Вслѣдствіе этого, его сочли дома за человѣка, одареннаго великими способностями, и назначили вице-канцлеромъ, хотя въ то время никто въ Россіи и не подозрѣвалъ характера тѣхъ дарованій, которыя доставили ему такой знакъ одобренія».

Никиту Ивановича Панина, назначеннаго въ 1760 г. воспитателемъ великаго князя Павла Петровича, а ранѣе занимавшаго посольскіе посты въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ, графъ Бёкингхэмширъ засталъ въ Петербургѣ въ возрастѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ званіемъ перваго члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ. О немъ британскій посолъ сдѣлалъ для себя слѣдующую отмѣтку: «Панинъ рано сталъ заниматься дѣлами и, вслѣдствіе привычки, пріобрѣлъ до нѣкоторой степени прилежаніе. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Швеціи, онъ особенно хорошо знакомъ съ дѣлами сѣвера. Система, которую онъ усвоилъ и отказаться отъ которой никогда не заставитъ его ничто, кромѣ невозможности выполнить ее вслѣдствіе несочувствія къ ней другихъ державъ, заключается въ томъ, чтобы, для отпора союзу между австрійскимъ и бурбонскимъ домами, создать тѣсный союзъ Россіи, Англіи, Голландіи и Пруссіи, а ради еще большаго усиленія этой лиги, держать Швецію въ состояніи бездѣятельности и побудить Данію къ расторженію ея связей съ Франціей. Перваго онъ думаетъ достигнуть путемъ постояннаго поддержанія вражды между соперничествующими партіями, а второго посредствомъ отказа отъ притязанія на герцогство Голштинское, къ чему онъ разсчитываетъ склонить великаго князя по достиженіи имъ совершеннолѣтія [1]).

«Его героемъ—говоритъ далѣе графъ Бёкингхэмширъ—является прусскій король, хотя онъ не настолько ослѣпленъ пристрастіемъ, чтобы не видѣть многихъ недостатковъ, омрачающихъ личность этого госу-

[1]) Это было причиною продолжительной распри между герцогами Голштейнъ-Готорпскими и датскою королевскою фамиліей, которая принадлежала къ старшей вѣтви Голштинскаго дома.

даря. Его считаютъ человѣкомъ честнымъ и чистымъ. Сознавая, что за нимъ установилась хорошая репутація, и дорожа ею, онъ не рѣшится свернуть съ той дороги, идя которою онъ заслужилъ доброе имя. Для блага Россіи и спокойствія и благополучія государыни, было бы очень желательно, чтобы Панинъ и Орловъ жили въ дружбѣ между собою, если бы только дружба эта не была несовмѣстима съ мыслью о бракѣ, которую, говорятъ, все еще питаетъ этотъ молодой человѣкъ [1])—мыслью, способствовать которой Панинъ никакъ не можетъ безъ вреда для своей репутаціи, не рискуя своею популярностью и не отклоняясь отъ обязанностей лежащаго на немъ долга, который, по мнѣнію встревоженной націи, только имъ однимъ можетъ быть исполненъ надлежащимъ образомъ. По натурѣ онъ лѣнивъ и чувственъ. Задушевною его любимицей является княгиня Дашкова. Онъ говоритъ о ней съ нѣжностью, видится съ нею почти въ каждую свободную минуту и передаетъ ей важнѣйшія тайны съ такимъ безпредѣльнымъ довѣріемъ, какое едва-ли слѣдовало бы министру оказывать кому-либо. Императрица, узнавъ объ этомъ и справедливо встревожившись тѣмъ, что подобныя свѣдѣнія сообщаются особѣ, которая, вслѣдствіе своего безпокойнаго, пронырливаго характера и ненасытнаго честолюбія, обратилась изъ ея закадычнаго друга въ самаго закоренѣлаго врага, заставила Панина дать обѣщаніе, что онъ никогда не будетъ говорить съ княгиней Дашковой о государственныхъ дѣлахъ. Онъ далъ слово, но въ этомъ случаѣ нарушилъ его. Въ виду полученнаго объ этомъ свѣдѣнія, а также нѣкоего извѣщенія о томъ, что княгиня прибѣгаетъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы возстановить какъ Панина, такъ и многихъ другихъ противъ нея лично и противъ ея управленія [2]), императрица рѣшила выслать ее изъ Петербурга».

Уже по этимъ немногимъ словамъ, брошеннымъ мимоходомъ о будущей президентшѣ Академіи, достаточно видно, что княгиня Дашкова не пользовалась сочувствіемъ графа Бёкингхэмшира. Очеркъ, посвященный имъ княгинѣ особо, подтверждаетъ это. «Княгиня Дашкова — записалъ онъ—замѣчательно хорошо сложена и производитъ пріятное впечатлѣніе; имя этой дамы—какъ она того и желаетъ—безспорно будетъ упоминаться въ исторіи. Когда въ ней бурныя страсти на нѣсколько минутъ засыпаютъ, лицо ея нравится, и манера становится способною возбудить тѣ чувства, которыя едва-ли когда-либо были извѣ-

---

[1]) Т. е. о бракѣ съ императрицей, которому противились канцлеръ Воронцовъ, Панинъ и Разумовскій.

[2]) Княгиня Дашкова, въ своихъ „Запискахъ“, приписываетъ эти обвиненія клеветѣ со стороны Орловыхъ, съ которыми у нея установились непріязненныя отношенія со времени смерти Петра III, въ виду, будто бы, несочувствія Дашковой заговору.

даны ею самою. Но хотя лицо ея красиво и черты не имѣютъ ни малѣйшей неправильности, однако, характеръ его вообще таковъ, какой пожелалъ бы схватить искусный художникъ, желая написать одну изъ тѣхъ знаменитыхъ дамъ, изображеніями утонченной жестокости которыхъ полны трагическіе иллюстрированные журналы. При ея черствости и превосходящей всякое описаніе смѣлости, первою ея мыслью было бы освободить, при помощи самыхъ отчаянныхъ средствъ, человѣчество, а второю — обратить его въ рабовъ. Если бы когда-либо обсуждалась участь покойнаго императора, ея голосъ неоспоримо осудилъ бы его; если бы не нашлось руки для выполненія приговора, она взялась бы за это. Въ одномъ только случаѣ она отдала долгъ человѣческому чувству, именно, когда пролила слезу по случаю потери ея въ высшей степени милаго мужа. Это былъ человѣкъ, котораго по всей справедливости любили и сожалѣли государыня и всѣ знавшіе его. Особенно отличали его дамы; до женитьбы онъ былъ чрезвычайно близокъ съ двумя старшими сестрами своей жены [1]). Она хитростью заставила его жениться на ней, чего онъ вовсе не имѣлъ въ виду дѣлать: для этого она подстроила такъ, чтобы дядя ея, канцлеръ Воронцовъ, засталъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Какъ только онъ вошелъ, она заявила ему, что князь только-что сдѣлалъ ей предложеніе; молодой человѣкъ, растерявшись или побоявшись канцлера, не рѣшился противорѣчить ей.

«Княгиня много читала, обладаетъ странною подвижностью тѣла и ума и съ большою легкостью схватываетъ мысли».

Въ своихъ замѣткахъ графъ Бёкингхэмширъ удѣлилъ мѣсто и Бестужеву (Алексѣю Петровичу), бывшему канцлеру, возвращенному изъ постигшей его въ 1759 г. ссылки Екатериною, вскорѣ по ея воцареніи. Старикъ этотъ, въ годъ возвращенія въ Петербургъ уже перешагнувшій семидесятилѣтній возрастъ, не пользовался при новой императрицѣ замѣтнымъ вліяніемъ; тѣмъ не менѣе, иностранные дипломаты не пренебрегали связями съ нимъ. Британскій посолъ охотно поддерживалъ съ нимъ сношенія, хотя, конечно, не могъ не знать, какъ неодобрительно отзывались о нравственныхъ качествахъ Бестужева почти всѣ писавшіе о немъ иностранцы. Личность его онъ очерчиваетъ лишь бѣгло, въ общихъ словахъ. «Имя Бестужева—пишетъ онъ—слишкомъ хорошо извѣстно въ политическомъ мірѣ, чтобы стоило останавливаться на описаніи его характера. Въ началѣ онъ обладалъ довольно живымъ темпераментомъ, а благодаря продолжительному опыту пріобрѣлъ общее

---

[1]) Дочерьми Романа Илларіоновича Воронцова, брата канцлера,—Маріей (впослѣдствіи графиня Бутурлина) и Елизаветой, бывшей сожительницею Петра III, по смерти котораго она была выслана на житье въ отцовское имѣніе, вмѣстѣ съ отцомъ. Потомъ она вышла замужъ за Полянскаго.

знакомство съ европейскими дѣлами. Хотя онъ до крайности распутенъ, безстыденъ, лживъ и корыстолюбивъ, однако преобладающею его страстью является стремленіе передать свое имя потомству. Это побуждаетъ его рисковать въ послѣдніе дни жизни навлеченіемъ на себя новой опалы и тратить остатки своего существованія на слабую борьбу, съ цѣлью пріобрѣсть положеніе, котораго онъ, за физическою и умственною дряхлостью, занимать не можетъ. Онъ всегда былъ креатурою австрійскаго дома, и система его заключалась въ противодѣйствіи Франціи, а такъ какъ паденіе его было вызвано именно французскимъ дворомъ, то его первоначальное нерасположеніе къ этой державѣ обратилось въ закоренѣлую вражду. Несмотря на послѣдній политическій переворотъ и на тѣ измѣненія въ отношеніяхъ между европейскими державами, которыя совершенно измѣняютъ ихъ взгляды, онъ держится своихъ старыхъ понятій съ такимъ же упорствомъ и нежеланіемъ убѣдиться, какимъ въ недавнее время отличались и болѣе его способныя головы. Онъ считался и самъ всегда выдаетъ себя за приверженца Англіи, но когда онъ увидѣлъ, что ея виды уже не угодливы по отношенію къ австрійскому дому, это единство его интересовъ съ нашими тотчасъ прекратилось, всѣ прежнія заявленія были имъ забыты, и пресѣклись всѣ обязательства, которыя лежали на немъ вслѣдствіе щедрости Англіи».

Графъ Бѣкингхэмширъ самъ не чуждался дѣловыхъ сношеній съ Бестужевымъ, на что указываютъ многія мѣста посылавшихся имъ въ Лондонъ депешъ. Но уже на второй годъ послѣ своего прибытія въ Петербургъ, онъ увидѣлъ, что отъ Бестужева англійское правительство едва-ли можетъ ожидать полезныхъ услугъ въ дѣлѣ о заключеніи если не союзнаго, то хоть одного торговаго договора. Мнѣніе это было высказано имъ въ февральской депешѣ 1763 г. по слѣдующему поводу. Находясь въ сношеніяхъ съ Бестужевымъ, британскій посолъ, въ отвѣтъ на одно изъ предложеній послѣдняго, обратился къ нему въ декабрѣ 1762 г. съ нотою, въ которой говорилъ, что такъ какъ императрица пожелала отложить обсужденіе вопроса о союзномъ договорѣ впредь до заключенія общаго европейскаго мира, то въ данную минуту было бы, повидимому, неумѣстно вновь затрогивать этотъ вопросъ. Что же касается договора торговаго, то Англія, по словамъ посла, была бы очень обязана Бестужеву, еслибы онъ постарался ускорить его заключеніе на основѣ тѣхъ предложеній, которыя были представлены ему нѣсколько дней тому назадъ. На сдѣланное имъ сообщеніе о томъ въ Лондонѣ, графъ Бѣкингхэмширъ получилъ отъ сентъ-джемскаго кабинета депешу съ извѣщеніемъ, что король удивленъ тѣмъ, что онъ самъ отказался, на основаніи словъ императрицы, отъ немедленныхъ переговоровъ о возобновленіи оборонительнаго союза 1742 г., когда

это было ему предложено изъ такого несомнѣннаго источника. Король желалъ, чтобы это упущеніе было возможно скорѣе исправлено и чтобы графъ Бёкингхэмширъ при первомъ случаѣ извѣстилъ Бестужева о желаніи короля немедленно вступить въ союзъ съ императрицей и въ этихъ видахъ возобновить оборонительный договоръ 1742 г., срокъ котораго истекъ въ 1759 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ, британскому послу предписывалось побудить Бестужева къ тому, чтобы онъ добылъ точный проектъ условій, на которыхъ императрица согласится уладить это дѣло.

Графъ Бёкингхэмширъ, по полученіи этой вѣсти, поспѣшилъ оправдать свой поступокъ, вызвавшій неодобреніе со стороны короля. 23-го февраля 1763 года, онъ послалъ изъ Москвы лорду Гэлифаксу въ Лондонѣ слѣдующую конфиденціальную депешу: «Такъ какъ выраженное его величествомъ неодобреніе посланной мною г. Бестужеву ноты ставитъ меня въ крайне непріятное положеніе, то надѣюсь, что мнѣ извинятъ попытку до нѣкоторой степени оправдать свои дѣйствія. По тому, какимъ образомъ доставлено было мнѣ отъ г. Бестужева извѣстіе, мнѣ показалось, что ему неизвѣстно объ отказѣ ея величества возобновить теперь же союзный договоръ, а потому я естественно заключилъ, что онъ вовсе не былъ уполномоченъ императрицею дѣлать предложеніе на этотъ счетъ. Я не предполагалъ, да и не могъ предполагать, чтобы императрица стала 2-го декабря предлагать то, что было формально отвергнуто ея министрами 22-го ноября. Я приписалъ поступокъ Бестужева единственно разсчетамъ его на собственную выгоду, т. е. на полученіе новыхъ милостей, уже такъ часто получавшихся имъ отъ Англіи; изъ депеши же моей, при которой я препроводилъ въ Лондонъ копію означенной моей ноты, можно видѣть, что я сомнѣвался въ его способности быть существенно полезнымъ для насъ. Изъ того, что я писалъ въ моей депешѣ отъ 20-го февраля, также видно, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ желалъ получить отъ меня, что собственныя его свѣдѣнія не особенно полны, а необыкновенная сдержанность его въ отношеніяхъ со мною при постороннихъ, а также его всегдашняя таинственность убѣждаютъ меня еще и въ томъ, что императрица ничего не знаетъ о нашей съ нимъ перепискѣ». Поясняя затѣмъ, что при написаніи ноты къ Бестужеву онъ не сомнѣвался, что императрица никогда не узнаетъ ея содержанія, графъ Бёкингхэмширъ прибавляетъ: «Достовѣрно, что лицо, передавшее Бестужеву эту ноту, видѣло, какъ онъ, прочитавши, тотчасъ же сжегъ ее». Затѣмъ онъ пишетъ: «Изъ вашей депеши я вижу, что вы считаете г. Бестужева дѣйствующимъ и вліятельнымъ министромъ и что, съ этой точки зрѣнія, его величество повелѣваетъ мнѣ обращаться чрезъ него къ императрицѣ. Но изъ сказаннаго выше вы усмотрите, что къ этому я прибѣгнуть не могу. Тѣмъ не менѣе, чтобы ни на ми-

нуту не откладывать исполненія, по мѣрѣ моихъ силъ, повелѣній его величества, я немедленно извѣстилъ г. Бестужева письменно, что, въ силу полученныхъ отъ моего двора новыхъ инструкцій, я ходатайствую о возобновленіи договора о союзѣ и прошу его всѣми силами способствовать мнѣ въ переговорахъ по этому поводу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я настоятельно попросилъ его сообщить мнѣ, не было ли говорено ему императрицей чего-либо объ этомъ предметѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что посланное имъ мнѣ сообщеніе исходило лично отъ него и что по вопросу о союзномъ договорѣ у него не бывало разговоровъ съ императрицею ни тогда, ни послѣ того».

V.

Сопоставленіе между собою отзывовъ графа Бёкингхэмшира о различныхъ лицахъ, съ которыми ему приходилось видѣться при дворѣ Екатерины II, показываетъ, что онъ былъ вообще невысокаго мнѣнія о тогдашнихъ русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ. Уже спустя два мѣсяца со времени своего прибытія въ Петербургъ, онъ писалъ лорду Гэлифаксу, занимавшему тогда постъ хранителя печати (Lord Privy Seal), что чѣмъ больше онъ знакомится съ этими людьми, тѣмъ менѣе пригодными кажутся они ему для управленія дѣлами такого большого государства, какъ Россія.

«Канцлеръ — сообщалъ онъ — съ вида и по обращенію человѣкъ высокаго рода, но если у него и были когда-либо дарованія, то они сильно понижены, а по физической и умственной разслабленности онъ неспособенъ къ такому напряженному труду, какого требуетъ его положеніе... Вице-канцлеръ такъ долго жилъ въ Англіи, что мнѣ ненужно говорить вамъ что-либо объ его характерѣ, способностяхъ или связяхъ. Бестужевъ старъ, а на видъ еще старше своихъ лѣтъ. Если онъ еще способенъ работать, то долго продлиться это не можетъ; говорятъ, будто совѣты его много значатъ, а по его поведенію со мною видно, что ему хотѣлось бы, чтобы и я такъ думалъ. Панинъ, который, кажется, изъ всѣхъ русскихъ наиболѣе пригоденъ для занятія перваго мѣста, вѣроятно, раздѣляетъ съ Бестужевымъ довѣріе императрицы. Но по всѣмъ моимъ наблюденіямъ и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ получить, значительно выше всѣхъ въ этой странѣ сама императрица. Связанная взятыми на себя въ послѣднее время обязательствами, сознавая трудность своего положенія и боясь опасностей, которыми она навѣрное считала себя до сихъ поръ окруженною, она не можетъ пока рѣшиться

на самостоятельныя дѣйствія и освободиться отъ тѣхъ изъ окружающихъ ее лицъ, къ характеру и способностямъ которыхъ она должна относиться съ презрѣніемъ». Въ связи съ этою послѣднею мыслью, высказанною въ оффиціальной депешѣ, мы находимъ въ частныхъ отмѣткахъ посла слѣдующія строки: «еслибы императрица не боялась, а также и не любила, еслибы она не думала, что для ея безопасности необходимо, чтобы Орловы находились въ зависимости отъ ея милости, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы она не опасалась ихъ рѣшимости въ случаѣ немилости, то она, будучи окружена все своими же креатурами, быть можетъ, сбросила бы иго, тяжесть котораго она по временамъ чувствуетъ».

Въ перепискѣ съ лэди Сёфокъ, англійскій дипломатъ дѣлился со своею теткой преимущественно впечатлѣніями своей свѣтской жизни въ высшемъ петербургскомъ кругу. Онъ и самъ, конечно, бывалъ на придворныхъ балахъ и празднествахъ, устраивавшихся въ ту пору очень часто, и у себя принималъ высокихъ гостей, не скупясь на расходы. Въ февралѣ 1763 г., онъ описалъ теткѣ маскированный балъ на полтораста человѣкъ, бывшій въ его домѣ и удостоившійся посѣщенія императрицы.

«Не зная навѣрное — сообщалъ онъ, — сумѣетъ ли моя прислуга устроить все, какъ слѣдуетъ къ этому собранію, я не хотѣлъ писать ея величеству приглашеніе прямо, а позаботился устроить такъ, чтобы пригласительные билеты попались ей на глаза. Къ ужину сѣло за столъ сто шесть персонъ, а было бы мѣста и для бо̀льшаго числа лицъ. Сколько я слышу, все общество осталось довольно вечеромъ; я же могу только сказать, что по-моему все могло бы быть устроено лучше. Прислуга моя оказалась далеко не настолько расторопною, какъ я бы желалъ, и если бы я самъ не былъ отчасти метрдотелемъ, слуги, пожалуй, напутали бы еще больше. Этого я и ожидалъ, въ виду спѣшности, съ которою мнѣ пришлось набирать совершенно новый персоналъ прислуги. Я увѣренъ, что здѣсь самое дорогое для кармана мѣсто въ Европѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое, гдѣ для того, чтобы жить на сколько-нибудь приличную ногу, необходима самая яркая показная сторона. У всѣхъ русскихъ есть даровые собственные слуги и даровая провизія, за исключеніемъ винъ: никто изъ не бывавшихъ здѣсь не можетъ представить себѣ, сколько мясныхъ блюдъ и дичи подается у нихъ на столъ, а такое же изобиліе они надѣются встрѣтить и въ домахъ иностранцевъ, не принимая въ соображеніе разницы положенія. У насъ теперь всякій вечеръ маскарады [1])—то при дворѣ, то въ какомъ-нибудь частномъ домѣ; въ 10 часовъ подаютъ горячій ужинъ изъ трехъ блюдъ и десерта;

[1]) Письмо писано на масляницѣ.

потомъ слѣдуютъ менуэты, кадрили, мазурки, пока всѣ не перестанутъ танцовать, вслѣдствіе физической невозможности продолжать танцы. Мало кто остается сидѣть, такъ какъ всякій, кому не стукнуло семидесяти лѣтъ, водитъ полонезъ. Всѣ придворныя дамы заморены до-смерти и изъ четырнадцати фрейлинъ тринадцать уже захромали. Черезъ двѣ недѣли веселье смѣнится сильнѣйшею набожностью. У русскихъ, кто строго соблюдаетъ посты, да крестится по двадцати разъ въ день, тотъ и добрый христіанинъ».

Но если графъ Бёкингхэмширъ писалъ теткѣ на такія темы лишь съ цѣлью развлечь ее свѣтскими новостями, то лорду Гэлифаксу онъ сообщалъ о придворныхъ празднествахъ въ болѣе тонкихъ видахъ. Описавъ ему вечеръ, данный во дворцѣ 9-го февраля, онъ (какъ самъ извѣстилъ его позже) разсчитывалъ на то, что письмо его будетъ вскрыто и произведетъ пріятное впечатлѣніе при дворѣ [1]. Депешу свою отъ 10-го февраля онъ заключилъ слѣдующими сновами: «Въ заключеніе, не могу не сообщить вамъ о вечерѣ, на которомъ я присутствовалъ вчера. Во дворцѣ, въ присутствіи императрицы, давали русскую трагедію, исполненную въ великолѣпномъ залѣ, гдѣ для этой цѣли устроена была сцена со всѣми нужными декораціями. Сюжетъ пьесы заимствованъ изъ русской исторіи и, сколько я могу судить по прочитанному мною неправильному французскому переводу, мысль и разговоры въ пьесѣ сдѣлали бы честь любому автору въ любой странѣ. Графиня Брюсъ [2]) съиграла главную роль съ такимъ умомъ и съ такою непринужденностью, какіе рѣдко встрѣчаются даже между настоящими актрисами. Двѣ другія роли были изумительно хорошо исполнены графомъ Орловымъ и сыномъ покойнаго маршала Шувалова. Внѣшность Орлова

---

[1]) Онъ нѣсколько разъ указывалъ на то, что всѣ его письма, какъ ему достовѣрно извѣстно, перлюстрируются. Изъ разговоровъ съ императрицею ему случалось убѣждаться, что она была знакома съ содержаніемъ его депешъ.

[2]) Объ этой графинѣ Брюсъ графъ Бёкингхэмширъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующій отзывъ: „Хотя графинѣ Брюсъ больше тридцати лѣтъ, однако, она является первымъ украшеніемъ петербургскаго общества. Она хорошо одѣвается, порядочно танцуетъ, бѣгло и изящно говоритъ по-французски, прочла съ дюжину драматическихъ произведеній и столько же брошюръ и питаетъ понятное пристрастіе къ націи, которой обязана всѣми своими пріобрѣтенными совершенствами. Она не сторонится отъ ухаживаній, но скромна въ выборѣ лицъ, къ которымъ благоволитъ; привязанности ея всегда подчинены разсудку, и она внимательно слѣдитъ за привязанностями своей повелительницы, причемъ останавливаетъ свое вниманіе на людяхъ, состоящихъ въ такой связи съ временщикомъ даннаго часа, которая неизбѣжно вводитъ ее въ кругъ сокрытѣйшихъ тайнъ и въ свѣтское общество. Такъ, когда Понятовскій былъ въ Россіи, она отличала Чарторыйскаго, а теперь отличаетъ Алексѣя Григорьевича Орлова".

поразительна [1]). Послѣ трагедіи исполненъ былъ фрейлинами и нѣсколькими дѣвицами изъ высшаго дворянства балетъ. Я думаю, стольких изящныхъ женщинъ никогда еще не бывало на сценѣ, и долженъ прибавить, что столько ихъ найдется не во многихъ странахъ. Особенно отличились дочь канцлера графиня Строганова, графиня Нарышкина и молодая лэди, дочь бывшаго въ Англіи полковника Сиверса, да еще дочь оберъ-гофмаршала. Оркестръ состоялъ изъ дворянъ. Изящество и великолѣпіе всего этого вмѣстѣ были таковы, что отзывъ о нихъ, который могъ бы показаться умышленно преувеличеннымъ, будетъ только справедливъ. Если принять во вниманіе, какъ немного лѣтъ прошло со времени введенія въ этой странѣ благородныхъ искусствъ и какъ мало они съ тѣхъ поръ культивировались, то покажется необычайнымъ, что въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль могъ быть задуманъ и исполненъ такой спектакль. За два дня передъ тѣмъ, на той же сценѣ дана была «Zaïre» Вольтера; исполнители, особенно же молодая особа, игравшая заглавную роль, вполнѣ заслужили рукоплесканія».

Отмѣтимъ кстати общій отзывъ графа Бёкингэхмшира о томъ слоѣ русскаго общества, въ которомъ ему довелось вращаться. Отзывъ этотъ—правда, довольно поверхностный—мы находимъ въ одномъ изъ его писемъ, отправленныхъ имъ къ лэди Сёфокъ по окончаніи описанныхъ выше масляничныхъ развлеченій. «Масляница кончилась—пишетъ онъ. Дѣвы, жены и вдовы въ траурѣ. На смѣну оживленнымъ танцамъ, красивымъ туалетамъ, веселымъ пиршествамъ и галантнымъ офицерамъ явились грибы, соленые огурцы, молитвы и священники. На первой недѣлѣ поста правовѣрные русскіе воздерживаются отъ всего земного, къ чему тянетъ врожденная человѣку чувственность. Всѣхъ больше страдаютъ женщины: имъ нельзя носить никакихъ украшеній, нельзя надѣвать ничего такого, что̀ хотя бы слабо напоминало красный цвѣтъ; всѣ розы ихъ должны увянуть. Для поддержанія жизни имъ оставлены только вѣра, надежда и размышленіе—вѣра въ вѣрность ихъ обожателей, надежда—на то, что прежнія очарованія вернутся, а разсужденіе—о минувшихъ удовольствіяхъ. Я не далъ общему потоку вполнѣ увлечь меня, но за компанію спустился къ его краю. Чтобы дать вамъ въ нѣсколькихъ ясныхъ словахъ правильное понятіе о томъ, что̀ прошло, скажу вамъ: императрица, путемъ великолѣпія, затратъ и собственнымъ примѣромъ старалась научить своихъ подданныхъ развле-

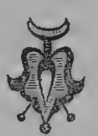
[1]) Хитрый дипломатъ недаромъ похвалилъ здѣсь Орлова: онъ самъ же писалъ въ одной изъ своихъ депешъ: „пристрастіе императрицы къ графу Орлову и отличіе, которое она ему оказываетъ, возрастаютъ съ каждымъ днемъ. Онъ не злоупотребляетъ пока этимъ, но робкое поклоненіе, всегда оказываемое русскими фаворитамъ, можетъ побудить его къ тому“.

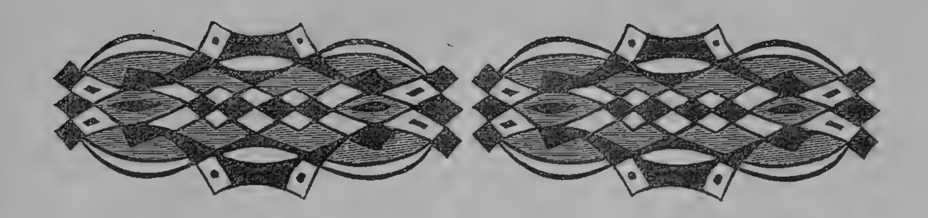
*

каться. Они вначалѣ немножко неуклюжи и на путь утонченныхъ удовольствій вступаютъ съ такою же осторожностію, съ какой лѣсные олени выходятъ на неизвѣданное еще пастбище; но потомъ они начнутъ пастись. Я употребляю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы жить съ русскими въ ладу; долго живущіе здѣсь иностранцы говорятъ, будто это невозможно. Однако, я достигъ такого успѣха, что нѣсколько дней тому назадъ я и мой братъ оказались единственными изъ иностранцевъ, приглашенныхъ на очень пріятный балъ и ужинъ. Впрочемъ, не стану особенно кичиться этимъ однимъ случаемъ; но къ чему бы онъ ни повелъ, я, въ силу моего положенія здѣсь, въ нѣкоторомъ родѣ обязанъ дѣлать попытки, а дѣлать ихъ, право, доставляетъ развлеченіе. Виды мои при этомъ вовсе не сложны: я стараюсь только убѣдить русскихъ, что понятія объ обществѣ у англичанъ, по меньшей мѣрѣ, такъ же хороши, какъ у французовъ; мнѣ хочется нѣсколько ознакомиться съ ихъ обычаями и мнѣніями, да и самому проводить время пріятно. Въ посту мнѣ придется мало видѣться съ ними, а на первой недѣлѣ и вовсе не видѣться, потому что они буквально обязаны запереться со своими священниками и ничего не ѣсть, кромѣ растительной пищи. Сперва удовольствія, а теперь покаяніе безусловно положили конецъ всякимъ дѣламъ, но я надѣюсь, что на будущей недѣлѣ переговоры наши возобновятся».

Если въ этомъ письмѣ англійскій дипломатъ не сгустилъ преднамѣренно красокъ, съ умысломъ позабавить свою тетушку, то набросанная имъ картинка говѣющей знати екатерининскаго времени можетъ быть принята къ свѣдѣнію, въ смыслѣ бѣглой характеристики одной изъ сторонъ придворнаго быта XVIII столѣтія.

А. П. Рѣдкинъ.

Письма Е. П. Ковалевскаго Ник. Ив. Любимову [1].

1.

26-го декабря 1853. Цетинье.

Князь (Черногорскій) очень заботится о томъ, что не получилъ своего пансіона въ теченіе года (послѣднюю треть, какъ помните, я отвезъ ему въ прошломъ февралѣ). Если я хорошо понимаю, то этотъ пансіонъ пожертвованъ ему или въ первый разъ, на войну съ туркою или къ этотъ разъ на покупку хлѣба. Я не высказалъ ему ничего положительнаго въ ожиданіи отвѣта на его просьбу, которую онъ послалъ еще до пріѣзда моего, тѣмъ болѣе, что въ бумагѣ посольства вѣнскаго [2]) положительно сказано, что деньги пожертвованы государемъ императоромъ. Во всякомъ случаѣ потрудитесь мнѣ разъяснить это обстоятельство. Я нашелъ здѣсь настоящую кутерьму, но теперь все улаживается, и министерство ни сколько не должно озабочиваться этимъ, потому что это никакъ не помѣшаетъ дѣлу.

---

[1]) Егоръ Петровичъ Ковалевскій извѣстный путешественникъ и писатель. Онъ родился 1811 году, окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и въ 1829 году поступилъ на службу въ горный департаментъ, въ 1830 году онъ переименованъ былъ въ горные инженеры и служилъ на алтайскихъ и уральскихъ заводахъ. Въ 1837 году, по просьбѣ владыки Петра, Ковалевскій была отправленъ въ Черногорію для отысканія и разработки золотоносныхъ пластовъ. Въ началѣ 1853 года, при нападеніи Омера-паши на черногорцевъ, Ковалевскій былъ отправленъ въ Черногорію коммиссаромъ и посредникомъ. Къ этому времени и относятся помѣщаемыя нами письма.

Николай Ивановичъ Любимовъ былъ въ то время членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ и директоромъ азіатскаго департамента того же министерства. Ред.

[2]) Въ то время посланникомъ въ Вѣнѣ былъ Петръ Казиміровичъ баронъ Мейендорфъ.

Изъ донесенія моего увидите, что я отправляюсь, вамъ извѣстно куда, а потому вы не ожидайте отъ меня извѣстій ранѣе двухъ недѣль, если благополучно совершу поѣздку. Донесенія отправлю со Ступинымъ и тогда напишу о многомъ другомъ. Въ горахъ наступили мятели, и это будетъ благопріятствовать поѣздкѣ. Въ Цетинье приходилъ русскій полковникъ Милашевичъ и, вообразите, съ женою, которые шли по полямъ въ снѣгу нѣсколько часовъ: охота пуще неволи.

Прощайте, будьте счастливы и сохраните добрую память объ искренно вамъ преданномъ покорномъ слугѣ Е. Ковалевскомъ.

2.

12-го (24-го) января 1854. Каттаро.

Отправивъ Ступина курьеромъ, какъ это было условлено еще въ Петербургѣ, я остаюсь одинъ и почти больной; надѣюсь, что вы будете такъ добры и замѣните его, если баронъ Мейендорфъ не подумаетъ объ этомъ. Въ Тріестѣ я нашелъ пятерыхъ, говорятъ, столько же въ Аѳинахъ и въ Одессѣ чиновниковъ консульства, ничего не дѣлающихъ. Курьерскую дачу я выдалъ Ступину до Вѣны. Деньги князю-правителю я выдалъ всѣ, чтобы не возбудить его подозрѣній, но я наблюдаю за расходомъ ихъ. Нельзя не сознаться, что князь плохъ, но гдѣ же взять лучшаго! Само собой, что мы съ нимъ ладимъ, но не думаю, чтобы онъ, подозрительный по преимуществу, смотрѣлъ безъ зависти на мое вліяніе, хотя я всячески стараюсь скрыть его; надѣюсь однако, что при настоящихъ обстоятельствахъ онъ будетъ полезенъ. Газеты и письма нынче очень воинственны: вотъ почему я дѣйствовалъ нѣсколько рѣшительнѣе: вы бы много обязали меня, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, если бы увѣдомили хоть словомъ, какъ приняты мои предположенія. Вы сами знаете, что мы должны дѣйствовать здѣсь, какъ въ потемкахъ, ощупью. Къ Льву Григорьевичу [1]) я рѣшился писать нѣсколько откровеннѣй, чѣмъ въ донесеніи, увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ такое употребленіе изъ письма, какое сочтетъ нужнымъ.

Въ Черногоріи, особенно въ нахіи Бѣлонкевичъ большой голодъ; проклятые турки заперли ихъ съ трехъ сторонъ и не пропускаютъ хлѣба со своихъ границъ, и въ Каттаро также ничего нѣтъ, да и далеко отъ сѣверныхъ границъ Черногоріи.

Поправившись, я поѣду въ пограничныя православныя племена Албаніи. Ради Христа не держите меня безъ дѣла; если я еще держусь на свѣтѣ, то постоянною нравственною дѣятельностью.

---

[1]) Сенявину, товарищу министра иностранныхъ дѣлъ.

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Будьте счастливы; будьте добры пишите! Не забывайте искренно и всегда вамъ преданнаго Е. Ковалевскаго.

3.

25-го января (6-го февраля) 1854. Каттаро.

Искренно васъ благодарю, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за письмо ваше отъ 8-го генваря. Оно душевно меня обрадовало и оживило, и здѣсь духъ не хуже. Только бы средства, да воля. Ожиданіе всѣхъ истомило. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій вслѣдствіе своихъ предположеній, посланныхъ со Ступинымъ, которымъ я конечно доволенъ. Князь, пользуясь моимъ здѣсь пребываніемъ, отлучился къ невѣстѣ въ Тріестъ и еще не бывалъ. Я недавно пріѣхалъ изъ разъѣздовъ и потому на прошлой недѣлѣ ничего не писалъ. Стратиміровичъ ѣдетъ въ Корфу и посылаетъ другаго въ Салоники. Увидимъ, что изъ всего этого будетъ.

Съ этой же почтой я имѣлъ честь получить депешу отъ Льва Григорьевича [1]), прочелъ и принялъ къ свѣдѣнію и надлежащему, когда нужно будетъ, исполненію. Промежутокъ между приходомъ и уходомъ парохода едва нѣсколько часовъ и то ночи, а потому я не могъ бы отвѣчать о полученіи этой депеши, еслибы и хотѣлъ. Дѣло Васовичей имѣло очень хорошее вліяніе на сосѣдей.

Если разъ благодарю душевно за память, прошу не забывать и на предь преданнаго вамъ искренно и душевно Е. Ковалевскаго.

Всякій разъ по возвращеніи на мѣсто я хвораю: слѣдствіе ли это утомленія или сидячей жизни. Эй, скорѣе къ дѣлу, а то пропаду.

4.

Черезъ три дня. Каттаро.

Я было совсѣмъ изготовился въ дальнѣйшій путь, какъ получилъ предписаніе нашего посланника ѣхать въ Вѣну, по случаю изъявленнаго неудовольствія австрійскаго правительства за васовичевское дѣло, а потому вмѣсто даннаго пути, отправился въ Каттару, къ приходу парохода, гдѣ нашелъ инструкціи министерства и жду новое предписаніе посланника. Не имѣя времени написать донесеніе канцлеру, я выразилъ въ письмѣ къ Льву Григорьевичу всѣ затрудненія, въ которыя меня

---

[1]) Сенявина, товарища министра иностранныхъ дѣлъ.

поставили эти противорѣчія. Такое мое положеніе ни на что не похоже; къ этому надо прибавить, что австрійцы всячески меня выживають изъ Черногоріи. Все это конечно ничего, если бы можно было дѣйствовать, а иначе я не знаю, что и будетъ? Ради Бога подумайте объ этомъ.

Жаль, что между приходомъ и отходомъ парохода только ночь, и я рѣшительно не имѣю времени написать вамъ больше: какъ обрадовали меня инструкціи министерства, такъ опечалило письмо барона Мейендорфа. Искренно вамъ преданный и покорный слуга Е. Ковалевскій.

5.

24-го февраля (8-го марта) 1854 г. Цетинье.

Вамъ конечно давно уже извѣстно донесеніе мое о Васовичевскомъ дѣлѣ; я не сопровождаю его никакимъ письмомъ и вполнѣ вѣрую въ министерство. Оно знаетъ мой образъ мыслей и дѣйствій, знаетъ, что я никогда не нарушу долга чести и справедливости, и потому покойный отправляюсь я внутрь Черногоріи, проскучавъ довольно долго въ нетерпимомъ мною Каттарѣ, въ угоду австрійцамъ. Простите, что я нѣсколько времени не отвѣчалъ на ваше письмо, но я ожидалъ все курьера въ отвѣтъ на свои предположенія и на нѣкоторые вопросы изъ Вѣны, съ которыми хотѣлъ многое, многое написать.

Здѣсь мы имѣемъ свѣдѣнія вѣрнѣе, чѣмъ вы, о возстаніи въ Эпирѣ, особенно тѣ изъ насъ, которыхъ это занимаетъ. Весьма замѣчательный фактъ, впрочемъ естественный, какъ тамъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ: двѣ тысячи турокъ присоединилось къ инсургентамъ; число послѣднихъ теперь около 11 т., жаль, что нѣтъ единства въ дѣлѣ, но оно, должно полагать, скоро послѣдуетъ, потому что нѣкоторые люди уже замѣтно выставляются изъ массы своими дарованіями и храбростію.

Скажите пожалуйста, неужели же вы забудете меня въ своихъ представленіяхъ къ Святой? Неужели.... но это было бы уже слишкомъ, и я не хочу возмущать себя этой мыслію, чтобы совсѣмъ не потерять куража, и то мнѣ иногда очень плохо приходится....

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за память и остаюсь преданнымъ и покорнымъ слугой Е. Ковалевскій.

P. S. Писано до пріѣзда курьера.

6.

24-го апрѣля (6-го мая) 1854 г. Цетинье.

Нѣсколько недѣль не доносилъ я министерству, не потому что нечего было, а потому, что не зналъ, какъ доносить. Положеніе мое сдѣ-

лалось невыносимо: едва подымутся черногорцы, меня вызываютъ, какъ увидите вы изъ донесенія, и я подвергаюсь Богъ знаетъ какой отвѣтственности, оставаясь здѣсь, точно какъ будто я для своего удовольствія здѣсь живу,—хорошо удовольствіе! По своему обыкновенію я отдалъ бы имъ себя безусловно и всего дѣлу; но какая возможность дѣйствовать! Вы дайте инструкціи начинать. Изъ Вѣны я получилъ, чтобы не двигался съ мѣста подъ отвѣтственностію. Конечно, и вы и въ Вѣнѣ совершенно правы, но за что же я отвѣчаю? Спрашиваю я тысячу разъ,—отвѣта нѣтъ. Черногорцы было пошли [1]):... но вамъ конечно все извѣстно. Отправьте меня въ армію, потому что сидѣть въ такую минуту я не могу; наконецъ, вамъ извѣстенъ образъ моихъ мыслей, и потому при нынѣшнемъ требованіи оставаться я не могу. Будьте добры, почтенный Николай Ивановичъ, доложите Льву Григорьевичу: нельзя же бросать человѣка между двухъ огней. А тутъ еще обѣщаютъ австрійцы окружить насъ, ничего не пропускать и выморить голодною смертью. Какъ видите, придумано очень хитро, а главное человѣколюбиво.

Будьте счастливы и хоть что-нибудь напишите. Искренно и всегда преданный вамъ Е. Ковалевскій.

7.

9-го (21-го) іюля 1854 г. Вѣна.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло, какъ отъ васъ нѣтъ ни строчки: видно, вы сердиты на меня, неужели мало бѣдъ на меня обрушилось? Неужели, вы думаете, легко мнѣ было оставить дѣло, къ которому такъ давно, такъ постоянно стремился и у цѣли котораго находился? Неужели вы думаете, не болѣло мое сердце покинуть Черногорію на жертву австрійскихъ интригъ? Вѣдь я зналъ хорошо и Черногорію и Даніила, это вѣдь не Сербія, куда русскимъ и носа нельзя ткнуть безъ предварительныхъ сообщеній.

Князь Г. (Горчаковъ?) задержалъ меня нѣсколько дней здѣсь, какъ кажется, вмѣсто пугала, которымъ грозится Австріи, но выпустить меня онъ не рѣшится, и я дня черезъ три ѣду на Дунай, гдѣ первое мое дѣло будетъ проситься въ какой-нибудь полкъ волонтеромъ.

Здѣсь дѣло мѣняется каждый день. Князь живетъ въ томъ отелѣ, гдѣ и я, и по старой памяти онъ хорошъ со мной, а потому я часто вижусь съ нимъ. Онъ близко принимаетъ вещи къ сердцу и потому настоящій мученикъ. По моему мнѣнію, онъ можетъ протянуть это агоническое положеніе, но удержать Австрію отъ разрыва едва-ли возможно,

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

и въ одинъ прекрасный день, когда въ Вѣнѣ будетъ все покойно, Гесъ пошлетъ сказать Горчакову (Дунайскому), чтобы онъ въ 24 часа очистилъ Молдавію, неисполненіе чего сочтетъ объявленіемъ войны. Австрійское правительство на все способно и можетъ быть уже бы это и сдѣлало, еслибы твердо положилось на свое разноплеменное войско.

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Пишите ко мнѣ ради Аллаха,—иначе будетъ значить, что вы точно сердитесь, на имя Халчинскаго полагаю всего лучше. Будьте счастливы и сохраните добрую память на преданнаго вамъ искренно и покорнаго слугу Е. Ковалевскаго.

Будьте добры переслать это письмо хоть въ домъ къ брату, котораго впрочемъ нѣтъ въ Петербургѣ.

8.

6-го сентября 1854 г. Кишеневъ.

Искренно и премного благодарю васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за письмо ваше, которое я получилъ на пути изъ Фокшанъ въ Яссы. Вчера пришли мы въ Кишеневъ. Князь Горчаковъ (Мих. Дмитр.) заѣхалъ смотрѣть Хотинскія укрѣпленія и будетъ сюда послѣ завтра. И такъ мы въ предѣлахъ Россіи, вся надежда на промыслъ Божій, на мудрость государя, но грустно!..... [1]). Вчера пріѣхалъ курьеръ и сообщилъ, что 106 вымпеловъ показались у Евпаторіи и что слышна канонада. Да поможетъ намъ Господь! Если будутъ отсюда посылать подкрѣпленіе, то отпрошусь и я. Бездѣйствіе губитъ меня; я ослабъ и душою и тѣломъ; головою бросился бы куда ни попало. Если намъ суждено ничего не дѣлать всю зиму, то окажите мнѣ милость: упросите Льва Григорьевича взять меня отсюда. Спѣшу однако прибавить, для избѣжанія всякаго недоумѣнія, что я не могу нахвалиться вниманіемъ ко мнѣ нашего благороднаго начальника князя Горчакова и людей, окружающихъ его, но жить безъ всякаго дѣла, право, грустно; въ Петербургѣ все еще найдется дѣло.

Вамъ вѣроятно извѣстно, что я имѣю агентовъ въ Босніи, Герцоговинѣ, Албаніи и Софійской Палестинѣ, которые путями отдѣльными писали ко мнѣ и въ Вѣну. Письма ихъ конечно я отдавалъ нашему посланнику, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Вѣны. По совѣту князя я далъ знать, чтобы не писали ко мнѣ; но изъ Скутари и Софіи все еще пишутъ, и князь А. М. (Горчаковъ), по прочтеніи, доставляетъ мнѣ письма; послѣднія очень любопытны, относительно бѣдствій въ краѣ;

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

полагаю, что онъ сообщитъ вамъ. По мѣрѣ отступленія нашего, холера овладѣваетъ мѣстами, нами оставляемыми; но въ нашей арміи состояніе здоровья самое удовлетворительное, слава Богу и заботливости начальства.

Душевно поздравляю васъ съ новорожденнымъ: давай Богъ вамъ всякаго благополучія и почтеннѣйшей супругѣ вашей здоровья. Искренно отъ души вамъ преданный и многоуважающій васъ Е. Ковалевскій.

Князь Горчаковъ (М. Д.), узнавъ о высадкѣ, пріѣхалъ сюда; отправляется одна дивизія и то въ Одессу, а одесскія войска, вѣроятно, пойдутъ къ Севастополю.

Если нуженъ предлогъ для моего вытребованія отсюда, то нельзя ли сказать для изготовленія китайской миссіи или чего другаго; впрочемъ, вы сами знаете, какъ это сдѣлать, была бы милость.

Сообщ. **Марія Богд. Аничкова.**

Жалоба Г. Р. Державина на крестьянъ.

Письмо его къ оренбургскому военному губернатору, князю Г. С. Волконскому.

2-го января 1805 года.

Милостивый государь мой, князь Григорій Семеновичъ!

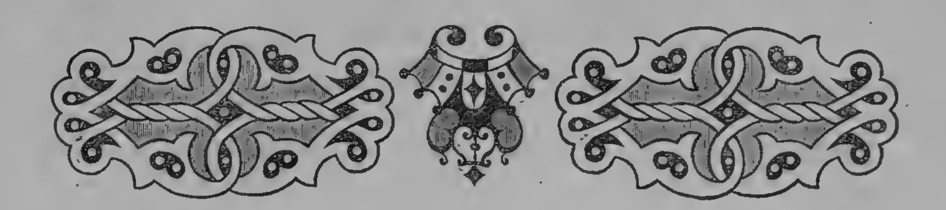
Находящійся при Оренбургскихъ деревняхъ моихъ управитель Мальцовъ извѣстилъ меня, что нѣкоторые крестьяне, не хотя производить положенныхъ въ недѣлѣ трехдневныхъ господскихъ работъ, учиня утечку, явились съ просьбою на него въ Бузулуцкій нижній земскій судъ, который, не истребовавъ на сіе надлежащаго свѣдѣнія отъ того моего управителя и безъ всякаго слѣдствія, далъ письменный приказъ въ томъ, чтобъ онъ тѣмъ крестьянамъ за побѣгъ никакого наказанія и притѣсненія не чинилъ подъ опасеніемъ взысканія по законамъ, каковымъ средствомъ сей судъ и болѣе удалилъ оныхъ крестьянъ отъ должнаго повиновенія. А какъ власть нижняго земскаго суда до того не простирается, чтобъ ему самому безъ вышняго начальства уничтожать право владѣльцевъ, ибо обуздывать жестокость предоставлено главному въ губерніи, каковымъ нижняго земскаго суда поступкомъ легко и другіе крестьяне могутъ придти въ непослушаніе.

О таковомъ случаѣ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйше прошу означенному нижнему земскому суду воспретить, дабы оный впредь отъ подобныхъ и несоотвѣтственныхъ должности его предписаній удержался, о чемъ я на сей же почтѣ писалъ къ его превосходительству гражданскому губернатору Алексѣю Александровичу (Врасскому) и при томъ письмѣ приложилъ въ оригиналѣ данный изъ земскаго суда управителю моему приказъ.

Изъ поданнаго въ нижній земскій судъ крестьяниномъ Михаиломъ Григорьевымъ прошенія видно, что со вступленія Мальцова въ управленіе имѣніемъ Державина, т. е. съ марта 1804 года, причинялъ онъ крестьянамъ «несносныя» притѣсненія и угнетенія, какъ-то: не допустилъ снять засѣянный крестьянами для себя хлѣбъ; крестьянъ Евсѣя и Ѳедора Алексѣевыхъ и Якова Васильева за незначительныя упущенія (не вставку рамъ и навѣску дверей въ господскомъ домѣ) билъ жестоко палками, а семейства ихъ держалъ въ ножныхъ кандалахъ; больнаго 60-лѣтняго старика Никиту Ѳедорова заставилъ сушить въ ригѣ хлѣбъ, гдѣ старикъ и умеръ; крестьянина Леонтьева съ сыномъ за нечаянный выстрѣлъ на пчельникѣ изъ ружья холостымъ зарядомъ держалъ два мѣсяца въ заклепанныхъ кандалахъ и наказывалъ палками.

Вслѣдствіе такого рода жестокостей многіе крестьяне разбѣжались.

Россія и Англія въ Афганистанѣ.

(Изъ записокъ фельдмаршала лорда Робертса) [1].

I.

Поступательное движеніе Россіи и Англіи въ Азіи.—Отношеніе Англіи къ Афганистану.—Сношеніе эмира съ генераломъ Романовскимъ.—Посольство генерала Столѣтова.—Безпокойство Англіи по поводу движенія Россіи въ глубь Азіи.—Мѣры, противъ этого предпринятыя.—Англо-афганская война 1878 г.—Гандамскій мирный договоръ.

Менѣе чѣмъ 200 лѣтъ назадъ Россія была отдѣлена въ Азіи отъ нашихъ владѣній болѣе чѣмъ на 4.000 англійскихъ миль. Самые передовые русскіе посты находились въ Оренбургѣ и Петропавловскѣ, между тѣмъ какъ Англія утвердилась, впрочемъ далеко непрочно, на южномъ берегу Индіи. Изъ европейцевъ единственными нашими соперниками въ Индіи были французы; въ то время су-

[1]) Forty one years in India from Subaltern to commanderin chief, by Field-Marchal Lord Roberts of Kandahar. London 1898—1902. (Сорокъ одинъ годъ въ Индіи отъ подпоручика до главнокомандующаго).

Афганистану, въ силу занимаемаго имъ географическаго положенія, суждено было пріобрѣсти совершенно исключительное значеніе въ глазахъ двухъ великихъ державъ, владѣнія которыхъ раздѣляются имъ въ Азіи. По мѣрѣ того какъ Великобританія расширяла свои владѣнія къ сѣверу отъ Индіи, а Россія, въ своемъ поступательномъ движеніи въ Средней Азіи, пріобрѣтала все большее и большее вліяніе на среднеазіатскія государства,—вопросъ объ ихъ отношеніяхъ къ Афганистану пріобрѣталъ для обѣихъ державъ чрезвычайную важность, и ходъ событій побудилъ ихъ одновременно добиваться дружбы афганскаго эмира.

ществовало также маловѣроятія, что Россія двинется къ Оксусу (Аму-Дарьѣ), какъ и то, что Англія пойдетъ къ Инду.

«Тридцать лѣтъ спустя Россія начала поглощать дикія орды, кочевавшія въ Киргизскихъ степяхъ; это заняло ее цѣлыхъ сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ Англія со своей стороны не оставалась праздною. Нами была завоевана, или, лучше сказать, намъ была уступлена Бенгалія; Мадрасъ сдѣлался индо-британскимъ президентствомъ, Бомбей пріобрѣлъ весьма важное значеніе какъ столица президентства, и въ результатѣ въ началѣ XIX столѣтія разстояніе между Россіей и англійскими владѣніями сократилось не менѣе какъ на 2.000 миль.

«Мы подвигались впередъ быстрѣе. Въ то время какъ Россія должна

Опасность столкновенія съ Россіей заставила англичанъ обратить самое настойчивое вниманіе на это азіатское государство, тѣмъ болѣе, что, при дружескихъ отношеніяхъ къ афганскому эмиру, индійскому правительству было бы легче справиться съ мелкими пограничными независимыми племенами, въ родѣ афридіевъ и визирисовъ, которые то и дѣло причиняли ему рядъ безпокойствъ.

Горячимъ и настойчивымъ сторонникомъ идеи сближенія съ Афганистаномъ былъ отецъ извѣстнаго фельдмаршала Робертса, который много лѣтъ служилъ въ рядахъ индійской арміи и командовалъ въ первую Афганскую войну бригадой. Онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ афганскимъ эмиромъ Достъ-Магомедомъ и другими вліятельными сановниками Кабула, съ которыми много лѣтъ спустя онъ поддерживалъ дѣятельную переписку. Имѣя самыя точныя свѣдѣнія объ этой своеобразной странѣ и объ ея еще болѣе своеобразныхъ жителяхъ, онъ представилъ въ свое время вице-королямъ Индіи рядъ мемуаровъ, въ которыхъ доказывалъ необходимость сблизиться съ эмиромъ, тогда какъ индійское правительство держалось совершенно противуположнаго взгляда, опасаясь, чтобы это сближеніе не обошлось Англіи слишкомъ дорого.

Различныя перипетіи отношеній, возникшихъ на этой почвѣ между Афганистаномъ и индійскимъ правительствомъ, и попытки, которыя дѣлались со стороны Россіи для сближенія съ афганскими эмирами, подробно описаны въ запискахъ фельдмаршала лорда Робертса, который, будучи выпущенъ въ офицеры въ 1852 г. подпоручикомъ въ бенгальскую конную артиллерію, а затѣмъ какъ выдающійся офицеръ переведенъ вскорѣ въ генеральный штабъ, прослужилъ въ Индіи 41 годъ и съ первыхъ же шаговъ своей служебной карьеры познакомился съ сѣверной границей Индіи и съ афганскими дѣлами, коимъ онъ отводитъ видное мѣсто въ своихъ обширныхъ запискахъ, имѣвшихъ въ Англіи такой выдающійся успѣхъ, что, не смотря на спеціальный характеръ ихъ содержанія, онѣ выдержали въ первый же годъ своего появленія 32 изданія. Этотъ успѣхъ, помимо личности автора, объясняется живостью изложенія и необыкновенной искренностью, которой проникнуты записки; онѣ даютъ весьма живую картину современнаго состоянія Британской Индіи и ея арміи и выясняютъ какъ задачи англичанъ въ Афганистанѣ, такъ и то громадное значеніе, которое придется на долю этого азіатскаго государства въ случаѣ столкновенія Англіи съ Россіей въ Азіи, гдѣ разстояніе между ними сокращается весьма быстро.

была пройти безплодную степь. Подъ наше владычество подпали сѣверо-западныя провинціи Индіи, Карнатика, Пешаваръ, Синдъ и Пенджабъ, и въ 1850 г. наши владѣнія простирались уже до подошвы горъ по ту сторону Инда.

«Тѣмъ временемъ Россія, преодолѣвъ всѣ трудности, какія представились ей въ пустынѣ, утвердилась въ Аральскѣ, близъ сліянія Сыръ-Дарьи съ водами Аральскаго озера, такъ что въ теченіе пятидесяти лѣтъ разстояніе между передовыми постами обѣихъ державъ въ ихъ поступательномъ движеніи въ Азіи сократилось на 1.000 миль.

«Персія, послѣ нѣсколькихъ побѣдоносныхъ войнъ со стороны Россіи, была предоставлена нами на произволъ судьбы, въ убѣжденіи, что мы не могли долѣе ограждать ее отъ русскихъ; она находилась фактически въ полной зависимости отъ Россіи, которая убѣдила ее въ 1837 г. въ необходимости осадить Гератъ. Въ то же время русскій посланникъ въ Тегеранѣ отправилъ въ Кабулъ капитана Виткевича съ письмами отъ него и отъ царя къ эмиру, надѣясь, что ему удастся склонить Достъ-Магомедъ-хана присоединиться къ союзу Россіи и Персіи противъ Англіи.

«Но Виткевича, пріѣхавшаго въ Кабулъ въ исходѣ 1837 г., предупредилъ великобританскій коммиссаръ, капитанъ Александръ Бурнесъ, посланный три мѣсяца передъ тѣмъ къ эмиру (генералъ-губернаторомъ Индіи) лордомъ Ауклендомъ, яко бы съ порученіемъ улучшить торговыя сношенія Англіи съ афганцами, но въ дѣйствительности съ цѣлью не допустить ихъ присоединиться къ союзу, заключенному Россіей и Персіей».

Бурнесъ былъ весьма радушно принятъ Достъ-Магомедомъ, который надѣялся вернуть съ помощью индійскаго, правительства Пешаварскій округъ, отнятый у него сейхами. Соотвѣтственно этому, пріемъ, оказанный Виткевичу, обѣщалъ весьма мало хорошаго, и онъ не могъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль добиться свиданія съ эмиромъ.

Надежды Достъ-Магомеда однако не оправдались. Мы отказали ему въ своемъ содѣйствіи къ возвращенію Пешавара и не обѣщали поддерживать его въ томъ случаѣ, если бы отказъ присоединиться къ русско-персидскому соглашенію навлекъ на него непріязнь этихъ державъ.

Виткевичъ, долго и терпѣливо выжидавшій пріема, сдѣлался тогда предметомъ благосклоннаго вниманія со стороны эмира.

Бурнесъ оставался въ Кабулѣ до весны 1838 г. и, возвратившись въ Индію, донесъ, что Достъ-Магомедъ душою и тѣломъ примкнулъ къ русско-персидскому союзу.

Поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи нѣсколько пріостановилось во время Крымской войны, которая, помѣшавъ планамъ Россіи въ Европѣ, заставила ее, повидимому, обратить все свое вниманіе на востокъ. Пройдя огромную пустыню, Россія очутилась среди

плодоносной и заселенной страны, отдѣльныя области которой подпали подъ ея владычество такъ же быстро, какъ государства Индіи подъ нашу власть; въ 1864 г., наконецъ, былъ взятъ Чимкентъ, далѣе котораго, по увѣренію князя Горчакова, Россія не намѣрена была идти.

Однако, не смотря на это увѣреніе, въ іюнѣ слѣдующаго года былъ взятъ Ташкентъ. Въ 1866 г. русскіе взяли приступомъ Ходжентъ, въ октябрѣ того же года палъ Джизакъ, а весною 1867 г. былъ захваченъ и занятъ русскими войсками фортъ Яни-Курганъ.

Незавоеванною осталась только одна Бухара, когда же всѣ попытки эмира заручиться помощью Афганистана и снискать сочувствіе индійскаго правительства оказались тщетны, то онъ былъ вынужденъ домогаться мира.

Какъ важны ни были всѣ эти пріобрѣтенія Россіи, Англія обращала на нихъ мало вниманія, отчасти потому, что относительно Средней Азіи она рѣшила слѣдовать политикѣ невмѣшательства, отчасти потому, что въ Англіи всѣ были поглощены дѣлами европейской политики. Такъ продолжалось до 1868 г., когда совершилось занятіе Россіей Самарканда, которое не только чрезвычайно взволновало, но прямо поразило правящія сферы Англіи».

Хотя индійское правительство и поставило себѣ за правило слѣдовать политикѣ «невмѣшательства», но, въ виду поразительно быстрыхъ успѣховъ русскаго оружія въ Средней Азіи, въ Англіи уже въ пятидесятыхъ годахъ замѣтно усилилось стремленіе къ сближенію съ Афганистаномъ; но нѣкоторое время никакихъ опредѣленныхъ шаговъ въ этомъ направленіи не было сдѣлано, такъ какъ въ Индіи преобладало мнѣніе, что сдѣлать первый шагъ было бы несовмѣстно съ достоинствомъ Великобританіи. Высказывалось опасеніе, что высокомѣрный повелитель магометанъ сочтетъ всякое предложеніе со стороны Англіи за признакъ, что въ немъ нуждаются, и постарается воспользоваться этимъ въ своихъ видахъ. Однако первое мнѣніе въ концѣ концовъ восторжествовало; и уже въ мартѣ 1855 г. индійское правительство заключило съ афганскимъ эмиромъ нѣкотораго рода оборонительно-наступательный союзъ, который принесъ вскорѣ англичанамъ самые неожиданные и неисчислимые по своему значенію плоды, когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя вспыхнуло извѣстное возстаніе сипаевъ, поставившее на карту вопросъ о владычествѣ англичанъ въ Индіи.

Афганскій эмиръ Достъ-Магомедъ оказался надежнымъ союзникомъ: онъ честно выполнилъ принятыя имъ на себя обязательства. Если бы онъ не былъ во время этого возстанія за англичанъ, то, по словамъ Робертса, они навѣрно потеряли бы Пенджабъ, никогда не могли бы взять обратно Дели и не могли бы удержать за собою ни пяди земли къ сѣверу отъ Бенгаліи.

Достъ-Магомедъ скончался въ 1863 г. Осенью того же года на сѣверной границѣ Индіи начались волненія; среди пограничныхъ племенъ появились эмиссары изъ Кабула, которые волновали народъ; индійское правительство опасалось, что оно будетъ вовлечено въ войну, которая неизбѣжно повлекла бы за собою для англичанъ самыя серьезныя осложненія не только на границѣ, но и въ Афганистанѣ, гдѣ происходила въ это время ожесточенная междоусобная война между Ширъ-Али—сыномъ Достъ-Магомеда, которому онъ оставилъ престолъ, и его старшими братьями Афзалемъ и Азимомъ и ихъ сыновьями.

Въ 1866 г. Ширъ-Али былъ разбитъ близъ Газни своимъ племянникомъ Абдуррахманомъ, который освободилъ своего отца Афзаля изъ тюрьмы, въ которую тотъ былъ заключенъ, и провозгласилъ его властителемъ Афганистана.

Новый эміръ тотчасъ сталъ искать сближенія и покровительства индійскаго правительства, которое, признавъ его законнымъ правителемъ Афганистана, тѣмъ не менѣе отвѣчало на всѣ его заискиванія, что «правительство намѣрено держаться строгаго нейтралитета между враждующими сторонами и не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Афганистана».

Неудовлетворенные этимъ отвѣтомъ, Афзаль и Азимъ послали копію съ него ташкентскому губернатору Романовскому, которому новый эміръ писалъ между прочимъ, что «онъ не довѣряетъ дружбѣ англичанъ и чувствуетъ отвращеніе къ великобританскому правительству за его неблагодарность и за дурные поступки по отношенію къ его брату Азиму; русскихъ же считаетъ своими истинными и единственными друзьями, надѣется въ непродолжительномъ времени отправить своего посла въ русскій лагерь и готовъ сдѣлать все возможное, чтобы оказать покровительство и поощреніе русской торговлѣ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1867 г. Афзаль-ханъ скончался, и въ Афганистанѣ тотчасъ возгорѣлась снова междоусобная война, длившаяся болѣе года; и только 8-го сентября 1868 г. Ширъ-Али вступилъ послѣ 14-ти мѣсячнаго отсутствія въ Кабулъ—побѣдителемъ.

Вице-король, поздравляя его съ этимъ радостнымъ для него событіемъ, извѣщалъ, что Англія рѣшила оставить политику невмѣшательства и что онъ со своей стороны готовъ не только поддержать узы дружбы, существовавшія между Достъ-Магомедомъ и великобританскимъ правительствомъ, но и упрочить ихъ по мѣрѣ возможности; а какъ существенное доказательство своего доброжелательства онъ препроводилъ Ширъ-Али 60 тыс. ф. ст., которые дали ему возможность окончательно утвердиться на престолѣ.

Перемѣна въ англійской политикѣ была вызвана запиской, поданной великобританскому правительству сэромъ Раулинсономъ (Rawlinson) 29-го

іюля 1868 г., въ которой онъ указывалъ на то, что Россія, не смотря на всѣ ея увѣренія, подвигалась быстрыми шагами къ Афганистану, и что сношенія между этими государствами значительно облегчатся съ осуществленіемъ возникшаго въ то время (въ Россіи) проекта связать Туркестанъ прямымъ путемъ съ Кавказомъ и Петербургомъ черезъ Каспійское море.

«Съ оккупаціей Бухары Россія получитъ, говоритъ Раулинсонъ, предлогъ вмѣшиваться въ политику Афганистана. И если она займетъ когда-нибудь такое положеніе, которое въ силу значительныхъ военныхъ силъ, сосредоточенныхъ на Аму-Дарьѣ, или въ силу ея преобладающаго политическаго вліянія въ Афганистанѣ, дастъ ей въ глазахъ туземцевъ право соперничать съ нами и оспаривать наше первенствующее положеніе въ Азіи,—то это произведетъ на нихъ ошеломляющее впечатлѣніе».

Таковы были опасенія, вызванныя въ представителѣ англійскаго правительства быстрыми успѣхами русскаго оружія въ Средней Азіи.

«Имѣя подобную перспективу въ будущемъ, имѣемъ ли мы право», спрашивалъ сэръ Раулинсонъ, «держаться по-прежнему политики невмѣшательства? Имѣемъ ли мы право допустить, чтобы Россія безпрепятственно проложила себѣ путь въ Кабулъ и утвердилась въ немъ въ качествѣ дружественной державы, готовая поддержать афганцевъ противъ Англіи?»

Изъ этихъ вопросовъ Раулинсонъ выводилъ заключеніе, что дозволить анархіи царствовать въ Афганистанѣ было бы несогласно съ интересами Англіи, что индійскому правительству слѣдовало «позаботиться о томъ, чтобы имѣть на сѣверо-западной границѣ сильную и дружественную державу», и такъ какъ «удачное правленіе Достъ-Магамеда было въ значительной степени обязано поддержкѣ, оказанной ему англичанами, то если бы они помогли сыну въ такой же степени, какъ отцу, Ширъ-Али могъ бы окончательно одержать побѣду надъ своими мятежными братьями и племянниками и упрочиться на престолѣ».

Хотя индійское правительство не вполнѣ раздѣляло взгляды, высказанные въ этой запискѣ, тѣмъ не менѣе оно сочло долгомъ поддержать Ширъ-Али деньгами, и вице-король пригласилъ его на свиданіе на британской территоріи для рѣшенія вопроса, въ какомъ видѣ ему могла быть оказана дальнѣйшая поддержка.

Свиданіе состоялось въ Умбаллѣ и было обставлено весьма торжественно. Ширъ-Али былъ принятъ вице-королемъ, не какъ вассалъ, а какъ вполнѣ независимый монархъ, получилъ отъ него еще 60.000 ф. ст., много оружія и боевыхъ снарядовъ. Саидъ Нуръ-Магомедъ, министръ, сопровождавшій эмира, вообще довольно враждебный европейцамъ, допускалъ, что «можетъ настать день, когда въ Афганистанѣ

появятся русскіе, и тогда эмиръ будетъ радъ, если въ Кабулѣ будутъ не только великобританскіе агенты, но если у него будутъ оружіе и войско для того, чтобы заставить русскихъ удалиться».

Ширъ-Али былъ доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ, хотя ему не удалось добиться отъ индійскаго правительства всего, что онъ желалъ. Впрочемъ, Англія приняла по его просьбѣ участіе въ улаженіи пограничнаго спора, возникшаго въ это время между Персіей и Афганистаномъ, для рѣшенія котораго была послана въ Сеистанъ коммиссія; но ея рѣшеніе не удовлетворило ни персидскаго шаха, ни эмира (хотя впослѣдствіи оно было принято обоими), и послѣдній послалъ своего довѣреннаго министра Сеидъ-Нуръ-Магомеда въ Бомбей съ приказаніемъ протестовать противъ этого рѣшенія. Тогда вице-король обѣщалъ дать эмиру пять лакъ [1]) рупій въ вознагражденіе за уступку территоріи, принадлежавшей нѣкогда Афганистану.

Другой вопросъ, о которомъ Сеиду было приказано объясниться съ индійскимъ правительствомъ, касался неудовольствія эмира противъ Англіи, вызваннаго только-что состоявшимся между Россіей и Англіей соглашеніемъ относительно сѣверной границы Афганистана.

«Еще весною 1870 г. (вскорѣ послѣ взятія русскими Самарканда) между лордомъ Кларендономъ, статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, и русскимъ посланникомъ барономъ Брунновымъ происходили совѣщанія съ цѣлью опредѣлить нейтральную зону, которая должна была составлять границу между англійскими и русскими владѣніями въ Средней Азіи. Россія въ теченіе трехъ лѣтъ настойчиво старалась поставить Афганистанъ внѣ сферы британскаго вліянія; а индійское правительство не менѣе настойчиво указывало на то, какъ опасно было бы заключить соглашеніе, придерживаясь этого принципа; лишь 31-го января 1873 г. была, наконецъ, опредѣлена граница, которую ни Англія, ни Россія не должны были переступать».

Шесть мѣсяцевъ спустя была предпринята русскими экспедиція въ Хиву подъ предлогомъ наказанія хивинцевъ за производимые ими разбои и освобожденія 50 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ. При этомъ русское правительство заявило, что экспедиція не будетъ имѣть послѣдствіемъ продолжительную оккупацію ханства. Графъ Шуваловъ, посланный въ Англію съ цѣлью объяснить великобританскому правительству цѣль экспедиціи, заявилъ, что онъ можетъ дать по этому поводу великобританскому народу самыя положительныя обѣщанія, какъ доказательство дружественныхъ и миролюбивыхъ намѣреній его монарха, но, не смотря на эти увѣренія, русскіе не оставили Хивы, и она стала съ тѣхъ поръ русскимъ владѣніемъ.

---

[1]) Остъ-индское обозначеніе числа 100.000 (500 т. рупій).

«Такимъ образомъ, Россія, въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, приблизилась къ Индіи на 600 миль, и между передовыми постами этой державы и Великобританіи осталось не болѣе 400 миль.

«Южная граница Россіи фактически сдѣлалась почти сопредѣльна съ сѣверной границей Афганистана. Это легко могло возбудить опасенія афганскаго эмира и дать ему почувствовать, что Россія сдѣлалась опаснымъ сосѣдомъ и что неприкосновенность его владѣній могла быть поддержана только при помощи одной изъ великихъ державъ, подъ выстрѣлами которыхъ онъ очутился».

Поэтому Ширъ-Али, не смотря на отказъ, который онъ получалъ со стороны Англіи, всякій разъ когда онъ искалъ у нея помощи и поддержки, былъ еще въ 1873 г. готовъ вступить въ дружескія отношенія съ этой державою, подъ условіемъ, чтобы Англія признала наслѣдникомъ престола его любимаго сына, и обѣщала бы ему свою помощь въ случаѣ нападенія со стороны Россіи. Но «нашъ отказъ»,—говоритъ сэръ Робертсъ,—«согласиться на эти условія, непріятное для него рѣшеніе вопроса о Сеистанской границѣ» и неудовольствіе, вызванное въ немъ вышеупомянутыми переговорами съ Россіей относительно сѣверной границы Афганистана, сдѣлали Шира-Али изъ нашего друга врагомъ, и онъ рѣшилъ, подобно тому, какъ его отецъ 40 лѣтъ передъ тѣмъ, предоставить свою судьбу въ руки Россіи».

Годъ или два спустя послѣ этихъ событій Робертсъ составилъ по порученію главнокомандующаго великобританскими войсками въ Индіи, лорда Непира, записку о военномъ положеніи англичанъ въ Индіи и о мѣрахъ, которыя необходимо было бы принять въ случаѣ, если бы Россія выказала намѣреніе продолжать свое поступательное движеніе къ югу отъ Аму-Дарьи.

Лѣтомъ 1876 г. обсуждался вопросъ о политикѣ, которой Англіи надлежало держаться на границѣ, о томъ, какъ опасно было продолжать политику невмѣшательства, и указывалось на необходимость войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ афганистанскимъ эмиромъ или съ хелатскимъ ханомъ.

Былъ также возбужденъ вопросъ о необходимости имѣть въ Афганистанѣ великобританскихъ агентовъ и склонить эмира допустить въ Кабулъ англійское посольство. Новый вице-король, прибывшій въ Индію въ 1876 году, лордъ Литтонъ получилъ особыя инструкціи относительно того образа дѣйствій, какого великобританское правительство считало нужнымъ держаться впредь въ виду дѣйствій Россіи въ Средней Азіи и полной невозможности знать, что происходило въ Афганистанѣ.

Лордъ Литтонъ рѣшилъ немедленно выяснить вопросъ о посольствѣ и извѣстилъ эмира собственноручнымъ письмомъ, что въ Афганистанъ

будетъ отправленъ посолъ для совмѣстнаго обсужденія съ эмиромъ нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ.

Отвѣтъ эмира былъ самый неблагопріятный; тогда ему было послано вторичное письмо, въ коемъ вице-король увѣдомлялъ его, что если, взвѣсивъ всѣ представленныя ему соображенія, онъ все-таки откажется принять посланнаго, то отвѣтственность за могущія изъ этого произойти послѣдствія падетъ всецѣло на афганистанское правительство, которое встанетъ этимъ въ непріязненныя отношенія къ державѣ, которая была какъ нельзя болѣе расположена относиться къ нему дружественно.

«Это письмо вызвало въ Кабулѣ серьезное волненіе, которое дошло до того, что былъ поднятъ вопросъ о необходимости объявить религіозную войну; дѣло осложнилось тѣмъ, что эмиру были сдѣланы въ это время нѣкоторыя предложенія со стороны туркестанскаго генералъ-губернатора, генерала Кауфмана».

Отвѣтъ Ширъ-Али былъ полученъ только по прошествіи шести недѣль. Обходя молчаніемъ предложеніе вице-короля относительно посольства, эмиръ предлагалъ со своей стороны послать для переговоровъ съ британскимъ правительствомъ довѣренное лицо, или же просилъ вызвать находившагося въ Кабулѣ великобританскаго агента, для обсужденія необходимыхъ вопросовъ съ вице-королемъ.

Послѣднее предложеніе было принято; вице-король поручилъ прибывшему къ нему изъ Кабула агенту сообщить эмиру условія, на которыхъ могло бы состояться заключеніе союза между нимъ и великобританскимъ правительствомъ.

Однимъ изъ главныхъ условій этого соглашенія было, чтобы эмиръ обязался уклоняться отъ всякихъ сношеній съ Россіей и, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, предоставлялъ ея агентамъ сноситься непосредственно съ англичанами, и, кромѣ того, чтобы великобританскимъ агентамъ было разрѣшено жить въ Гератѣ и въ другихъ пограничныхъ пунктахъ.

Для обсужденія предложеній, сдѣланныхъ вице-королемъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1877 г., съѣхались въ Пешаварѣ Саидъ-Нуръ-Магомедъ и сэръ Левисъ Пелли. Но переговоры не только не повели къ сближенію, а напротивъ окончились разрывомъ между Афганистаномъ и Великобританіей вслѣдствіе рѣшительнаго отказа со стороны эмира разрѣшить англійскимъ офицерамъ жить въ какой бы то ни было части Афганистана При этомъ дѣло весьма осложнилось внезапной смертью Саида-Нуръ-Магомеда.

«Ширъ-Али, узнавъ о смерти своего сановника, пользовавшагося его величайшимъ довѣріемъ, и о неудачѣ переговоровъ, пришелъ въ бѣшенство и выразилъ свой гнѣвъ угрозами и поношеніемъ великобританскаго

правительства, и заявилъ, что съ нимъ нѣтъ никакой возможности придти къ соглашенію, и что ему ничего не остается, какъ объявить войну».

«Въ это самое время, въ 1877 г., Россія объявила войну Турціи, которая продолжалась болѣе года. Такъ какъ можно было предположить, что великобританское правительство будетъ принуждено въ концѣ концовъ принять въ ней участіе, то оно сочло нужнымъ получить подкрѣпленіе изъ Индіи, и изъ Бомбея былъ отправленъ въ Мальту отрядъ изъ 51.000 туземныхъ солдатъ.

Россія отвѣтила на этотъ шагъ съ нашей стороны усиленіемъ своей дѣятельности въ Средней Азіи, и въ іюнѣ мѣсяцѣ 1878 г. маіоръ Каваньяри, англійскій уполномоченный въ Пешаварѣ, донесъ, что въ Кабулъ ожидается русскій посланный въ такомъ же званіи, какъ ташкентскій генералъ-губернаторъ, и что генералъ Кауфманъ писалъ эмиру, что посланный долженъ быть принятъ какъ посланникъ самого царя. Нѣсколько дней спустя было получено извѣстіе о мобилизаціи русскихъ войскъ и о намѣреніи разставить посты Россіи на переправахъ черезъ Аму-Дарью.

«Эмиръ, созвалъ, какъ говорили, на совѣтъ своихъ главныхъ вождей для того, чтобы обсудить вопросъ, что было выгоднѣе для Афганистана при данныхъ обстоятельствахъ: держать ли сторону Россіи или Англіи; очевидно, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу первой державы, ибо посланному въ Афганистанъ генералу Столѣтову и его спутникамъ по вступленіи ихъ на афганскую территорію былъ оказанъ самый восторженный пріемъ.

«За пять миль отъ столицы Столѣтова и его спутниковъ привѣтствовалъ афганскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Они были посажены на слоновъ, покрытыхъ богатѣйшими чепраками, и отправились далѣе, конвоируемые значительнымъ отрядомъ войскъ въ Бала-Гиссаръ, гдѣ торжественно были приняты на слѣдующее утро Ширъ-Али и важнѣйшими сановниками государства.

«Наканунѣ того дня, когда посольство вступило въ Кабулъ, Столѣтовъ получилъ отъ генерала Кауфмана депешу, въ которой генералъ-губернаторъ сообщалъ ему главныя статьи Берлинскаго договора, сдѣлавъ на депешѣ слѣдующую собственноручную приписку: «Если это извѣстіе справедливо, то конечно это очень грустно»; впрочемъ, онъ прибавлялъ, что такъ какъ «конгрессъ кончился, то посланнику, въ переговорахъ съ эмиромъ, слѣдовало уклоняться отъ какихъ-либо мѣръ, не соотвѣтствующихъ рѣшеніямъ конгресса, и отъ какихъ-либо рѣшительныхъ обѣщаній и вообще не заходить такъ далеко, какъ слѣдовало бы въ томъ случаѣ, если бы мы шли на разрывъ съ Англіей». Очевидно, эти инструкціи существенно измѣнили характеръ переговоровъ, которые Столѣтовъ

долженъ былъ вести съ Ширъ-Али; ибо хотя русскіе и отрицаютъ, что съ ихъ стороны существовало намѣреніе заключить съ афганскимъ эміромъ наступательный и оборонительный союзъ, но по тону депеши Кауфмана можно заключить, что инструкціи, данныя посланнику, были настолько растяжимы, что онъ могъ бы заключить подобный союзъ, если бы обстоятельства сдѣлали его желательнымъ, т. е. если бы Берлинскій конгрессъ не привелъ къ заключенію мира».

Увѣдомляя статсъ-секретаря о происходившемъ въ Кабулѣ, вице-король просилъ подробныхъ инструкцій относительно того, слѣдовало ли индійскому правительству смотрѣть на эти дѣйствія со стороны Россіи и Афганистана какъ на частное дѣло между нею и эміромъ, или же, принимая во вниманіе рѣшительныя обѣщанія Россіи, къ нимъ слѣдовало отнестись какъ государственному вопросу. «Въ первомъ случаѣ, писалъ вице-король, я предлагаю, съ вашего согласія, настаивать на томъ, чтобы былъ оказанъ подобающій пріемъ великобританскому посольству, которое должно быть послано въ Афганистанъ немедленно».

Предложеніе лорда Литтона было одобрено, и онъ немедленно сообщилъ эміру собственноручнымъ письмомъ, что «вслѣдствіе полученныхъ имъ извѣстій о событіяхъ въ Кабулѣ и странахъ сосѣднихъ съ Афганистаномъ» въ самомъ непродолжительномъ времени въ Кабулъ будетъ послано посольство для обсужденія важныхъ вопросовъ, затрогивающихъ интересы Индіи и Афганистана.

Вмѣстѣ съ тѣмъ маіору Каваньяри было поручено сообщить кабульскимъ властямъ, что посольство имѣетъ самыя миролюбивыя цѣли и что отказъ обезпечить ему свободный и безопасный проѣздъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ русскому посланнику, будетъ признанъ дѣйствіемъ враждебнымъ.

Письмо вице-короля было получено въ Кабулѣ 17-го августа нов. ст., въ день кончины любимаго сына эмира, Абдулла Джана. «Этимъ прискорбнымъ событіемъ воспользовались для того, чтобы замедлить отвѣтомъ, но переговоры съ Россіей отъ этого ни мало не замедлились. Когда они были окончены, Столѣтовъ спросилъ Ширъ-Али, намѣренъ ли онъ принять англійское посольство; эмиръ просилъ генерала посовѣтовать ему, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Столѣтовъ отвѣчалъ нѣсколько уклончиво, но тѣмъ не менѣе далъ понять Ширъ-Али, что одновременное присутствіе посольствъ двухъ странъ, находящихся между собою чуть не во враждебныхъ отношеніяхъ, было бы не совсѣмъ умѣстно. Тогда его степенство положилъ не разрѣшать британскому посольству въѣздъ въ Афганистанъ. Рѣшеніе это, однако, не было сообщено вице-королю, и посольство выѣхало 21-го сентября изъ Пешавара и стало лагеремъ въ Джамрудѣ, въ трехъ миляхъ отъ Хайбергскаго прохода.

Вслѣдствіе крайне враждебнаго отношенія эмира и весьма неудовле-

творительнаго отвѣта, полученнаго отъ Магомедъ-хана, командовавшаго афганскими войсками въ Хайберскомъ проходѣ, на письмо, посланное ему нѣсколько дней передъ тѣмъ, сэръ Невилль Чемберлэнъ, ѣхавшій во главѣ посольства, предполагалъ, что дальнѣйшее движеніе его встрѣтитъ препятствіе и для того чтобы «умалить насколько возможно оскорбленіе, которое могло быть нанесено правительству», онъ послалъ маіора Каваньяри впередъ съ нѣсколькими солдатами въ Али-Масджидъ, фортъ, лежащій въ десяти миляхъ по ту сторону прохода, чтобы просить о разрѣшеніи посольству ѣхать далѣе.

Въ разстояніи одной мили отъ форта, Каваньяри встрѣтилъ отрядъ афридіевъ, которые предостерегали его, что по ту сторону прохода дорога была занята афганцами, и что если онъ поѣдетъ далѣе, то въ него будутъ стрѣлять. Каваньяри остановился и сталъ было писать письмо Магомеду, въ которомъ увѣдомлялъ его, что онъ и его товарищи намѣрены ѣхать далѣе до тѣхъ поръ, пока въ нихъ не станутъ стрѣлять, и что отвѣтственность за это падетъ на представителей эмира, но въ это время ему подали письмо отъ Магомеда, въ коемъ онъ сообщалъ, что ѣдетъ къ нему на встрѣчу и готовъ выслушать все, что онъ имѣетъ сообщить ему.

Свиданіе произошло близъ водяной мельницы на правомъ берегу рѣки, протекающей ниже Али-Масджида. «Мнѣ случалось впослѣдствіи не разъ проѣзжать въ этомъ мѣстѣ, пишетъ Робертсъ, и я представлялъ себѣ мысленно встрѣчу великобританскаго дипломата и афганскаго генерала. Эта встрѣча имѣла чрезвычайно важное значеніе, ибо отъ нея зависѣла война или миръ».

Магомедъ держалъ себя въ высшей степени вѣжливо, но далъ ясно понять, что онъ не позволитъ посольству ѣхать далѣе, объясняя, что онъ только караульный и дѣйствуетъ согласно съ инструкціями, полученными изъ Кабула, и что онъ долженъ препятствовать вступленію посольства на афганскую территорію, опираясь на имѣющіяся въ его распоряженіи войска. Онъ говорилъ довольно горячо и сказалъ между прочимъ, что онъ до сихъ поръ не стрѣлялъ по немъ и его свитѣ согласно приказанію эмира, только въ виду существовавшихъ между нимъ и Каваньяри личныхъ дружественныхъ отношеній.

Спутники Магомеда держали себя менѣе почтительно, нежели ихъ начальникъ, и ихъ поведеніе показало Каваньяри, что продолжать разговоръ было бы неблагоразумно; поэтому онъ простился съ афганскимъ генераломъ и возвратился въ Джамрудъ.

«Донося статсъ-секретарю о происшедшемъ, индійское правительство выражало сожалѣніе по поводу того, что сдѣланная имъ послѣдняя попытка прійти къ какому-либо соглашенію съ кабульскимъ эмиромъ была отвержена столь оскорбительнымъ образомъ; вице-король заключилъ свою

депешу слѣдующими словами: «Отказъ со стороны Ширъ-Али пропустить сэра Невилля Чемберлэна черезъ свою границу въ то время, когда уполномоченный Россіи еще находится въ его столицѣ, доказалъ безполезность дѣйствовать дипломатическимъ путемъ и лишилъ эмира всякаго права на нашу дальнѣйшую снисходительность».

«Такъ долго ожидаемый отвѣтъ эмира на письмо вице-короля отъ 14-го августа нов. ст.(въ которомъ онъ потребовалъ объясненій по поводу оскорбленія, нанесеннаго посольству) былъ полученъ въ Симлѣ 19-го октября нов. ст. Онъ былъ написанъ въ крайне невѣжливомъ тонѣ; эмиръ не извинялся въ немъ за оскорбленіе, нанесенное публично великобританскому правительству, и не высказывалъ желанія установить болѣе дружественныя отношенія».

Отвѣтъ этотъ былъ немедленно сообщенъ статсъ-секретарю; вмѣстѣ съ тѣмъ правительствомъ Индіи было предложено принять слѣдующія мѣры:

Немедленно обнародовать манифестъ, въ которомъ было бы изложено нанесенное ему оскорбленіе, были бы высказаны дружескія чувства къ афганскому народу, нежеланіе вмѣшиваться въ его внутреннія дѣла, и вся отвѣтственность за дальнѣйшія событія была бы возложена на эмира и вмѣстѣ съ тѣмъ двинуть войска къ Афганистану.

Статсъ-секретарь отвѣчалъ 25-го октября нов. ст., что онъ не считалъ обстоятельства достаточно серьезными, чтобы принять крайнія мѣры, предложенныя индійскимъ правительствомъ, и что прежде, чѣмъ переступить границу Афганистана, надлежало послать эмиру письмо, потребовать, чтобы онъ извинился и допустилъ посольство въ предѣлы Афганистана, назначивъ довольно продолжительный срокъ для полученія отвѣта, а между тѣмъ сосредоточивать войска и двинуть ихъ къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ они должны бы были, въ случаѣ объявленія войны, перейти границу.

«Все это было выполнено въ точности; 30-го октября нов. ст. Ширу-Али былъ посланъ ультиматумъ, коимъ онъ увѣдомлялся, что если отъ него не будетъ получено въ требуемомъ смыслѣ отвѣта не позже 30-го ноября, то великобританское правительство отнесется къ нему, какъ врагу».

20-го ноября отвѣта еще не было получено; на слѣдующій день войскамъ было приказано выступить.

Началась вторая афганская война, во время которой Робертсъ командовалъ одной изъ трехъ колоннъ, вторгнувшихся въ Афганистанъ, и нанесъ афганцамъ чувствительное пораженіе при Пейверъ-Коталѣ. Война эта окончилась, какъ извѣстно, полнымъ пораженіемъ афганской арміи. Когда это извѣстіе было получено въ Кабулѣ, то «Ширъ-Али съ членами русскаго посольства, находившимися въ то время въ Кабулѣ,

уѣхали въ Туркестанъ, а его сынъ, Якубъ-ханъ, былъ освобожденъ изъ тюрьмы и принялъ въ руки бразды правленія».

«Въ это время сэръ Самуэль Броунъ, находившійся тогда въ Джалалабадѣ, получилъ отъ эмира письмо, коимъ онъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи отправиться въ Петербургъ съ цѣлью изложить дѣло царю и просить помощи Россіи

«Исчезновеніе Ширъ-Али и переходъ власти въ руки Якубъ-хана побудили вице-короля войти чрезъ маіора Каваньяри въ сношенія съ Якубъ-ханомъ и разъяснить ему, что индійское правительство находилось во враждѣ только съ Ширъ-Али и что онъ могъ разсчитывать на дружеское расположеніе великобританскаго правительства къ нему лично и что непріятельскія дѣйствія прекратятся, если онъ самъ не возобновитъ ихъ».

Между тѣмъ, сосѣднія племена, оказавшія во время войны помощь англійскимъ войскамъ, были приглашены Робертсомъ на дурбаръ и имъ было объявлено, что они будутъ отнынѣ подъ покровительствомъ Великобританіи, что ни одному изъ афганскихъ эмировъ не будетъ позволено впредь тиранить ихъ, что до тѣхъ поръ пока они будутъ жить мирно, ихъ религія и обычаи останутся неприкосновенны.

21-го февраля нов. ст. 1879 г. скончался Ширъ-Али въ афганскомъ Туркестанѣ, и Якубъ-ханъ, сообщая это извѣстіе вице-королю, писалъ, что онъ желалъ бы, чтобы дѣла приняли такой оборотъ, чтобы «дружба между даннымъ ему Богомъ государствомъ и великобританскимъ правительствомъ упрочилась и была непоколебима».

Лордъ Литтонъ отвѣчалъ полною готовностью начать переговоры для заключенія мира и возстановленія дружественныхъ отношеній между обоими государствами подъ условіемъ, что эмиромъ будутъ выполнены требованія англійскаго правительства; что онъ откажется между прочимъ отъ своихъ верховныхъ правъ надъ независимыми племенами, населяющими территорію, смежную съ главною дорогою, ведущею въ Индію, сдѣлаетъ нѣкоторыя территоріальныя уступки, будетъ сообразоваться съ совѣтомъ и желаніями великобританскаго правительства при сношеніяхъ съ иноземными державами, и что великобританскимъ офицерамъ будетъ дозволено жить въ извѣстныхъ пунктахъ Афганистана».

«Отвѣтъ Якубъ-хана былъ не вполнѣ удовлетворительный, но для окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ, онъ разрѣшилъ Каваньяри прибыть въ Кабулъ и, прося не требовать отъ него никакихъ территоріальныхъ уступокъ, обѣщалъ строго согласовать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій съ тѣми дружескими чувствами, которыя онъ питалъ къ Англіи».

Но едва было получено отъ него 29-го марта нов. ст. письмо съ этими увѣреніями, «какъ была перехвачена прокламація, въ коей эмиръ совѣто-

валъ одному изъ сосѣднихъ племенъ не бояться невѣрныхъ, противъ которыхъ онъ намѣренъ двинуть насмѣтныя силы» и кромѣ того онъ «совѣтовалъ убивать по мѣрѣ возможности. Это былъ чисто-азіатской комментарій къ его дружественнымъ увѣреніямъ».

Не смотря на это явное доказательство измѣны, было рѣшено не прекращать переговоровъ съ Якубъ-ханомъ, и лордъ Литтонъ собственноручно извѣстилъ его, что въ Кабулъ будетъ посланъ Каваньяри для личнаго съ нимъ совѣщанія по поводу разныхъ вопросовъ, возникшихъ между обоими государствами.

«Я лично былъ убѣжденъ,—пишетъ Робертсъ,—что время переговоровъ еще не настало, что афганцы еще не достаточно прониклись мыслію о томъ, что они потерпѣли пораженіе и поэтому не могли быть увѣрены въ томъ, что мы будемъ въ состояніи наказать ихъ за измѣну и вѣроломство, и что миръ, заключенный въ то время, когда они не понесли еще рѣшительнаго пораженія, будетъ непроченъ и создастъ много хлопотъ въ будущемъ».

Хотя эти соображенія были имъ высказаны и найдены лордомъ Литтономъ справедливыми, но онъ не могъ руководствоваться ими, такъ какъ «общественное мнѣніе Англіи было противъ продолженія войны; и если бы только эмиръ не предпринялъ никакихъ явно враждебныхъ дѣйствій, то миръ долженъ былъ быть заключенъ».

Полковникъ Коллэ (Colley), личный секретарь лорда Литтона, съ которымъ говорилъ по этому поводу Робертсъ, высказалъ между прочимъ, что договоръ, который Каваньяри надѣялся заключить съ Якубъ-ханомъ, имѣлъ цѣлью расширить границу Индіи и обезпечить Англіи преобладающее вліяніе въ Кабулѣ,—два пункта, коими, по его словамъ, вице-король особенно дорожилъ и которые играли главную роль въ его политической программѣ. Лордъ Литтонъ предвидѣлъ, что какова бы ни была въ будущемъ политика двухъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ европейскихъ державъ, соприкосновеніе въ Азіи границъ Великобританіи и Россіи составляло только вопросъ времени, и онъ стремился къ тому, чтобы пограничная линія была намѣчена англичанами, а не находилась въ зависимости отъ требованій минуты или отъ требованій Россіи.

«Бухтіаръ-ханъ, посланный къ эмиру съ письмами вице-короля и Каваньяри, прибылъ въ Кабулъ въ тотъ моментъ, когда афганскія власти, сопровождавшія Ширъ-Али въ его бѣгствѣ, возвратились въ этотъ городъ изъ Туркестана. Эмиръ совѣщался съ ними о томъ, какой пріемъ оказать великобританскому посланнику; но въ Кабулѣ была вліятельная военная партія, которая была противъ войны, и эмиру сильно совѣтовали оставить союзъ съ Англіей и довѣриться Россіи».

Услыхавъ это, Бухтіаръ-ханъ, опасаясь, что положеніе посольства

въ Кабулѣ будетъ не безопасно и что Якубъ-ханъ даже при желаніи не будетъ въ состояніи защищать его отъ оскорбленій, предложилъ, чтобы самъ эмиръ отправился для переговоровъ въ англійскій лагерь

8-го мая нов. ст. эмиръ прибылъ въ Гандамакъ въ лагерь сэра Самуэля Броуна, а 26-го числа, благодаря такту и дипломатической ловкости Каваньяри, былъ заключенъ гандамакскій договоръ, коимъ окончился первый фазисъ второй афганской войны.

Въ силу этого договора, Якубъ-ханъ уступилъ англичанамъ земли, которыя они требовали, обязался руководствоваться во внѣшней политикѣ совѣтами Великобританіи, которая со своей стороны обѣщала оказать ему помощь, въ случаѣ нападенія извнѣ; въ Кабулѣ долженъ былъ находиться впредь англійскій представитель, съ подобающей свитою, а эмиръ со своей стороны могъ при желаніи имѣть представителя при дворѣ индійскаго вице-короля; англичанамъ предоставлялось право свободной торговли во владѣніяхъ эмира и право провести на свой счетъ телеграфъ изъ Индіи въ Кабулъ; кромѣ того, Англія обязывалась выдавать эмиру и его преемникамъ ежегодно субсидію въ 6 лакъ рупій».

Мрачное предчувствіе Робертса, основанное на его знакомствѣ съ характеромъ афганцевъ, и его убѣжденіе въ преждевременности какихъ бы то ни было переговоровъ съ афганцами, которые еще не позабыли уничтоженія ими англійской арміи въ Ягдалакскомъ проходѣ въ 1842 г. и считали себя въ состояніи препятствовать ихъ движенію въ Кабулъ, и о необходимости внушить имъ предварительно уваженіе вооруженной силой,—оправдались самымъ трагическимъ образомъ шесть мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ онъ разставался съ грустнымъ чувствомъ съ Каваньяри, когда тотъ отправился въ свою миссію въ Кабулъ.

Въ первыхъ числахъ сентября нов. ст. 1879 г. цивилизованный міръ былъ потрясенъ извѣстіемъ объ убійствѣ въ Кабулѣ Каваньяри и его спутниковъ.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1902 г.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія. СТРАН

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Библіографическій листокъ.

Приложенія.

Галлерѣ. О Польшѣ. О воспитаніи императора Александра. Его переписка съ Лагарпомъ. О Сиверсѣ [1]). О письмѣ къ Л(агарпу) г(осударя) по восшествіи на престолъ. О письмѣ къ Наполеону [2]). О федеральномъ договорѣ. О базельской революціи. О путешествіи по Италіи [3]) вел(икаго) князя Михаила Павловича. Черта чувствительности Лагарпа при видѣ рисунка Александрова гроба. Ввечеру чтеніе безумна(го) [4]).

5 (17), воскресенье. У насъ Лютерно. Читалъ Галлера. Ввечеру Politische(s) Wochenblatt.

6 (18), понедѣльникъ. Рисовалъ. День ясный, но зимній.

7 (19), вторникъ. Читалъ Галлера. Письмо отъ Жилля. Прелестная прогулка къ Вареннѣ и къ Пертю(и). Всходъ вверхъ по горѣ вдоль потока. Роща. Видъ на колодезь въ Вареннѣ. Живописные домы въ Пертюи. Дверь, сквозь которую видно озеро и весь потокъ. Дорога по виноградникамъ къ Монтрё. Сходъ по верхней дорогѣ (въ) Вернѐ. Чудесное захожденіе солнца подъ синими снѣжными тучами. Озеро свинцоваго цвѣта, и на немъ лодка съ распущенными парусами и серебрянымъ слѣдомъ. Вся сторона Вевѐ въ пару. По озеру на темносинемъ фонѣ багровые столбы; солнце между тучею и Юрою. Мысы на савойской сторонѣ и отъ каждаго багряная полоса. Огненный багровый паръ на одномъ изъ мысовъ. Полосы падающаго снѣга на горахъ также багряныя. Край облаковъ и край Юры яркаго золота. Встрѣча съ двумя бернскими крестьянами. Ввечеру чтеніе Politische(s) Wochenblatt.

8 (20), середа. Рисовалъ. Грекъ и духи. Прелестная прогулка по горамъ. Возвращеніе изъ Вернѐ въ Вареннъ, оттуда верхомъ въ Монтрё. Видъ на озеро отъ утеса. Ущелье, покрытое деревьями. Ручьи, шумящіе въ оврагѣ. Наклоненныя деревья и сквозь нихъ заходящее солнце. Фіалки букетами. Высота. Мелкость деревень. Люди на дорогѣ. Ясное

---

[1]) Вѣроятно, о графѣ Яковѣ Ефимовичѣ Сиверсѣ († 1808), который былъ посломъ въ Польшѣ при Екатеринѣ II.

[2]) О письмѣ императора Александра къ Наполеону, въ то время первому консулу, которое долженъ былъ передать ему Лагарпъ. „Въ этомъ письмѣ Александръ предлагаетъ Наполеону идти къ одной цѣли и довѣряетъ, мимо министровъ, сноситься обо всемъ съ Лагарпомъ. Но Лагарпъ сказалъ Александру, что отдастъ письмо только въ такомъ случаѣ, если найдетъ, что Наполеонъ хочетъ добра; ибо тогда уже начиналъ онъ дѣйствовать деспотически: разогналъ трибунатъ и пр. И, возвратившись въ Парижъ, хотя Наполеонъ и догадывался, что у Лагарпа были къ нему порученія, не отдалъ письма и сохранилъ его до сего дня“ (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 186—187).

[3]) Въ которомъ Лагарпъ сопровождалъ великаго князя.

[4]) Слово не дописано и фамилія автора не выставлена; слѣдуетъ читать: Шпáцира (см. ниже подъ 9 марта).

захожденіе солнца за Юрою. Солнце какъ факалъ на горѣ. Голубая стѣна Юры. Ввечеру чтеніе.

9 (21), четвергъ. Прогулка поутру черезъ Монтрё въ Ветȯ и оттуда назадъ въ Вернȇ. Тотъ же видъ съ утреннимъ освѣщеніемъ. Холодная биза. Къ Лютерно. Передъ обѣдомъ прогулка черезъ виноградники къ потоку. У насъ Гизанъ. Ввечеру чтеніе глупаго Шпацира [1]).

10 (22), пятница. Утренняя прогулка въ Шарнȇ вверхъ по горѣ въ $^1/_2$ 11 часа. Видъ внизъ черезъ рощу. Трактиръ въ Шарнȇ. Видъ на вершины горъ, выходящихъ изъ-за зеленой поляны. Видъ отъ трактира; на первомъ планѣ зеленая площадка съ деревомъ и всѣ домашнія утвари, изъ-за нихъ снѣжный Мельерійскій утесъ; внутренность утесовъ и глубокихъ долинъ, покрытыхъ снѣгомъ. Голубое озеро. Дорога отъ Шарнȇ къ Шателару черезъ виноградники. Видъ Шателара на переднемъ планѣ. Солнце и озеро сквозь ворота. Дорожки между виноградниками. Письмо отъ Мердера, вел(икаго) князя и Вяземскаго [2]). Передъ обѣдомъ прогулка въ Вильневъ съ Лютерно. Снѣгъ. Пляска солдатъ на полянѣ. Встрѣча съ нѣмымъ и опрокинутый мулъ. Больной на дорогѣ. Возвращеніе пѣшкомъ.

11 (23), суббота. Прелестная прогулка по горамъ. Вверхъ къ Пертюи. Дорож(к)ою на верхніе виноградники. Холмъ виноградн(иковъ) на высотѣ въ глубинѣ, окруженный другими холмами. Видъ ограниченный. Кое-гдѣ вершины снѣжныхъ горъ. Далѣе по дорожкѣ къ стѣнѣ утеса. Спускъ по крутизнѣ въ ущелье. Освѣщенные зеленые луга на крутизнѣ. Внизу потокъ по камнямъ. Утесъ съ Zielscheibe [3]). Кругомъ утесы покрыты кустарниками. Впереди озеро и Мельерійскіе утесы. Однѣ кровли Монтрё за освѣщеннымъ зеленымъ холмомъ, входящимъ полуостровомъ въ ущелье. Шпицъ церкви и дымъ. Поворотъ и видъ на Монтрё, котораго всѣ улицы въ глубинѣ подъ ногами. Спускъ въ Монтрё. Возвращеніе черезъ виноградники. Встрѣча съ Лютерно. Ввечеру чтеніе Галлера. Глазная болѣзнь Рейтерна [4]). Весь день удивительно ясный, но холодный. Яркое захожденіе солнца.

---

[1]) Чтеніе сочиненія Рихарда-Отто Шпацира (Spazier, р. 1803 † 1854) „Geschichte des Aufstandes des Polnischen Volkes in den Jahren 1830—1831“, вышедшее въ 1832 г. въ Альтенбургѣ, въ 3 томахъ. Шпациръ былъ ярый защитникъ Польши и ждалъ общеевропейской за нее войны. Жуковскій просилъ Д. П. Сѣверина прислать ему это сочиненіе Шпацира въ письмѣ отъ 9 (21) ноября 1832 года (см. „Русскую Старину“ 1896 г., іюль, стр. 88).

[2]) Это письмо князя П. А. Вяземскаго къ Жуковскому было отъ 29 января 1833 года (см. объ этомъ замѣтку на об. л. 38 тетрадки дневника Жуковскаго № 8, б); оно напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, книга первая, стр. 368—370.

[3]) Т. е. мишенью.

[4]) Отъ ослѣпительнаго блеска Женевскаго озера, заставившая его на нѣкоторое время прекратить рисованье (см. „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, стр. 85—86).

12 (24), воскресенье. Прогулка по дорогѣ до самаго Шильона. Возвращенье мимо Монтрёской пещеры. Прекрасное захожденіе солнца подъ синею тучею. Огненное пятно на озерѣ свинцоваго цвѣта, потомъ синяго, и огненныя морщины на темномъ фонѣ. Багровое освѣщеніе Монтрё; мысъ въ пламенномъ парѣ; на остальныхъ горахъ снѣгъ и синій туманъ. Видъ отъ Шильона на Юру, которая вся въ свѣтѣ сквозь флёръ падающаго снѣга; нижніе пологіе берега какъ призракъ; свѣтлая полоса на краю озера и свѣтлыя полосы отъ всѣхъ мысовъ; оттѣнки красокъ береговъ отъ темно-фіолетоваго до свѣтло-голубаго. Озеро темно-фіолетоваго цвѣта. Черное облако, какъ орелъ посреди свѣта. Золотые края облаковъ надъ Юрою; снѣжная тонкая бахрома на ближнихъ облакахъ, какъ складки занавѣса. Ввечеру чтеніе Politische(s) Wochenblatt. Днемъ чтеніе Апостола и Semeur [1]).

13 (25), понедѣльникъ. Прогулка въ Монтрё на другую сторону оврага по крутому скату. Потомъ мимо церкви до Колонжа, сходъ черезъ виноградники къ кладбищу и на большую дорогу. Пляска подъ деревьями. Писалъ къ Тургеневу [2]). Письмо отъ Жиля [3]).

14 (26), вторникъ. Писалъ къ Вяземскому, Мердеру и Жилю. Прогулка черезъ Варенъ, Пертюи, Шарнè, Cousun и Монтрё. Прелестное время: солнце въ туманѣ. Небо и озеро слиты прозрачнымъ туманомъ, сквозь который снѣжныя горы, какъ волшебный міръ. На озерѣ тусклыя полосы и пятна отъ солнца янтарно-розоваго цвѣта. Пароходъ съ длиннымъ, широкимъ слѣдомъ, посреди яркая волнистая черта, по бокамъ расходящіеся лучи, освѣщенны(е) волненіемъ. Прелестная дорога отъ Шарнè къ Cousun. Отъ Cousun къ Монтрё тропинка по краю глубокой ущелины, покрытой лѣскомъ, въ глубинѣ которой невидимо реветъ потокъ. Крутой сходъ къ Монтрё. Туманный видъ береговъ и горъ, между коими дымится паръ. Чудесная таинственность и живительная свѣжесть воздуха. Ввечеру разговоръ о Галлерѣ.

15 (27), середа. Новой планъ съѣздить въ Неаполь. Отправилъ письма къ Тургеневу и къ Вяземскому. Прогулка на высоту надъ Монтрё отъ церкви по тропинкѣ вверхъ, потомъ лѣвою стороною потока до Пельза [4]). Возвращеніе черезъ Монтрё, мимо пещеры. Къ Fontaine d'ours.

16 (28), четвергъ. Читалъ Морица [5]) и Штольберга [6]). Поутру

---

[1]) Газета.

[2]) Это письмо, помѣченное 14 (26) марта 1833 г., напечатано въ „Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 273—276.

[3]) См. выше, стр. 206, прим. 3-е.

[4]) Т. е. до La Tour de Peilz.

[5]) По всему вѣроятію, сочиненіе Карла-Филиппа Морица (Moritz, р. 1757 † 1793) „Reisen eines Deutschen in Italien in den Jahren 1786—1788".

[6]) См. выше, стр. 182, прим. 5-е.

рисовалъ. Прелестная прогулка при ясномъ небѣ черезъ Вернѐ, Вареннъ и Пертюи къ Шарнѐ, оттуда черезъ Пертюи сперва по верхней дорожкѣ къ Монтрё, отъ Монтрё къ Вареннъ и Вернѐ; виноградниками опять къ Монтрё и нижнею дорогою домой. Чудесное захожденіе солнца. Облако надъ Юрою съ зо(ло)тою гривою; отраженіе горъ въ водѣ и на нихъ утки съ серебрянымъ слѣдомъ. Удивительная прозрачность и паръ. Погребеніе въ Вернѐ. У насъ Бокъ. Вечеръ чудесный. Четверть луны и яркій свѣтъ звѣздъ; снова тонкій паръ.

17 (29), пятница. Смотръ. Исключеніе выслужившихъ лѣта и включеніе запасныхъ въ élite. Élite, réserve, vétérans, dépôt. Путешествіе въ Эгль. Рисован(ье) на лугу. Завтракъ въ Эглѣ. Возвращеніе отъ Роша, черезъ Вильневъ и Шильонъ, домой. Прелестный вечеръ. Видъ Вильнева, освѣщеннаго заходящимъ солнцемъ. Горы въ голубомъ дыму. Янтарное озеро; парусъ; островъ Бонивара и Шильонъ въ свѣтѣ. Солнце сѣло, когда я былъ у Шильона. Остатокъ дороги въ сумерки. Ввечеру разговоръ о поѣздкѣ въ Италію.

18 (30), суббота. Рейтернова глазная болѣзнь. Поѣздка въ Вевѐ. У Гизана. У Жентона. У Бланшнѐ прощанье съ Мильномъ. У Бока. У Демоленя. Половина дороги пѣшкомъ черезъ Кларанъ и виноградники. Ввечеру чтеніе Шуберта [1]).

19 (31), воскресенье. Поутру писалъ къ императрицѣ, къ m-lle Wildermeth и къ Сѣверину. Поѣздка въ Женеву. Прекрасный полуясный день. Переѣздъ до Эвіана. Въ Ренна рисовалъ. Переправа черезъ Рону. Porte du Sex. Огромный утесъ, у подошвы котораго старинная крѣпость: башня и мостъ съ бойницами. Здѣсь взъѣзжають на Симплонскую дорогу. Отъ Бовере начинаются каштановыя рощи. Деревья часъ отъ часу крупнѣютъ. Прекрасныя формы; истеребленныя вѣтви и округленныя вершины. С.-Женгу [2]), съ высокими надъ нимъ утесами. Видимая бѣдность народа, утѣсняемаго таможнями. Виноградники съ подпорками изъ каштановыхъ деревьевъ и лозы, вьющіяся по деревьямъ, какъ въ Италіи. Изъ С.-Женгу черезъ Мельери въ Эвіанъ. Живописный утесъ Мельерійскій, побѣжденный Наполеономъ [3]). Видъ на противныя горы, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ. Ямы для жженія извести внизу дороги. Отъ Максильи до Эвіана переходъ пѣшкомъ въ сумерки. Нечистый савойскій Hôtel du Nord и двѣ горницы, разрѣзываемыя сквознымъ вѣтромъ, съ дымящимися каминами.

---

[1]) Сочиненіе извѣстнаго естествоиспытателя и философа Готгильфа-Генриха Шуберта (р. 1780 † 1860) „Reisen durch das südliche Frankreich und Italien", вышедшее, въ двухъ томахъ, въ 1827—1831 гг.

[2]) St-Gingolph.

[3]) Былъ взорванъ Наполеономъ при проложеніи Симплонской дороги.

20 (1 апрѣля), понедѣльникъ. Изъ Эвіана нѣсколько времени пѣшкомъ. Горы понижаются. Съ противной стороны Юра. Слѣва пологіе берега покрыты каштанами. Миндальныя и персиковыя деревья въ цвѣту. Виноградники. Архитектура хижинъ болѣе италіанская. Замокъ Рипальи [1]). Церковь, обращенная въ овинъ. Съ одной стороны переходы. Часть келій обращены въ терассу, на коей виноградъ. Кругомъ равнина, покрытая деревьями, изъ-за нихъ Савойскія горы и Вадскія. Видъ безпорядка. Разсказы садовника и его дочери, привратницы аббатства. Старый хозяинъ. Собаки и куры. Въ Тононѣ завтракъ въ нечистомъ трактирѣ, въ италіанскомъ вкусѣ, съ вонью, запачканными мебелями и картинами въ золотыхъ рамахъ. Погребальная процессія. Монахини, похожія на вѣдьмъ, и милосердные братья въ засаленныхъ капишонахъ. На площади экзерциція. Отъ Тонона до Женевы дождь. Встрѣча съ старушкою, которую несли на плечахъ дочь попеременно съ сестрою и братомъ. Дождь, испортившій прелестный видъ. Въ Женевѣ въ Écu de Genève въ двухъ довольно безпокойныхъ горницахъ, съ каминомъ безъ крыши. Свистъ вѣтра. Встрѣча съ Швальгеймомъ. Ввечеру въ пансіонѣ Привà [2]). Записка къ Голицыной.

21 (2). У насъ Привà, Мильнъ, Швалгеймъ. Письмо оффиціальное къ Сѣверину [3]). Къ Шаванну [4]). Въ Prison pénitencière. Входъ съ рѣшетками. Полукруглая инспекціонная зала, изъ коей видъ на всѣ рабочія комнаты. Безпрестанный надзоръ глазомъ и слухомъ; отдѣленіе преступниковъ отъ временныхъ заключенныхъ и отъ молодыхъ; для каждаго отдѣленія свой дворъ. Особыя лѣстницы для преступниковъ въ рабочія комнаты и въ кельи. Ихъ безпрестанная отдѣльность. Кельи свѣтлыя, но съ видомъ только на небо. Въ кельяхъ постель, съ бѣльемъ за нумерами. Постельное бѣлье на мѣсяцъ; прочее ежедневное. Чистый воздухъ. Молчанье въ рабочихъ и кельяхъ. Надзоръ за кельями. Звонки изъ каждаго отдѣленія. Входъ въ церковь и отдѣльность въ церкви. Двойная стѣна. Кухня и печи внизу. Вода вверхъ посредствомъ насоса. Особенныя лѣстницы для директора и служителей. Смертная казнь. Покушеніе уйти изъ тюрьмы. Пища. Поутру супъ. Потомъ картофель и хлѣбъ. Полдникъ. Лѣтомъ отъ 5 у(тра) до 7 в(ечера). Зимою отъ 5 до 9-ти. Поѣздка черезъ Жанту [5]) въ Верзуа. Греческій священ-

---

[1]) Т. е. Ripaille.

[2]) См. выше, стр. 248, прим. 3-е.

[3]) О паспортѣ для проѣзда черезъ Францію въ Италію. Это письмо, помѣченное 20 марта (1 апрѣля) 1833 г., напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., іюль, стр. 91.

[4]) См. выше, стр. 247, прим. 1-е.

[5]) Т. е. Genthod.

никъ. Пѣнье и альбомъ. О графинѣ Сиреку́ръ [1]), Хлюстиной [2]) и Шатобріанѣ [3]).

22 (3), середа. Отъѣздъ изъ Женевы въ 9½ часовъ. До Эвіана дождь. Возвратились въ половинѣ осьмаго.

23 (4), четвергъ. Писалъ къ императрицѣ. Прогулка къ Пертюи и оттуда къ Шарнѐ. Сходъ прямо внизъ.

24 (5), пятница. Прогулка черезъ Шателаръ.

25 (6), суббота. Писалъ къ императрицѣ и отправилъ письмо, также и къ Сѣверину. Поѣздка въ Лозанну къ Лагарпу. Нынче день его рожденія. Заѣзжалъ въ Вевѐ на почту. День прекрасный. Часть дороги отъ С.-Сафореня до Кюлли́ пѣшкомъ. Лучшій видъ на озеро отъ С.-Сафореня. У Лагарпа до семи часовъ послѣ обѣда. Встрѣтилъ на лѣстницѣ его жену. Потомъ пришелъ самъ старикъ, который нынче вступилъ въ 8-мидесятый годъ. По своимъ лѣтамъ свѣжъ и живъ. Дитя сердцемъ и, кажется, опытностью и по сію пору живетъ въ мірѣ воспоминаній лучшаго. Въ душѣ демократъ, но искренній и чистый. Мы читали письма Александра, цвѣтъ молодой, доброжелательной, неопытной души. Лагарпъ хранитъ перчатки Павла, данныя ему въ минуту дружескаго интереснаго разговора, и съ ними вмѣстѣ приказъ о отнятіи пенсіона [4]). Въ послѣднемъ разговорѣ съ Павломъ онъ сказалъ ему: «Vous ne vous conduisez pas comme vous devez avec vos fils. Soyez père pardessus tout et faites leur oublier en vous l'héritier du trone. Je ne puis, je n'ose vous rien dire de plus, mais votre propre salut l'exige» [5]).

---

[1]) Графиня Анастасія де Сиркуръ (Circourt), рожденная Хлюстина, жена французскаго публициста графа Адольфа де Сиркура (р. 1801†1879), женившагося на ней въ 1830 г. во время путешествія своего по Швейцаріи. Салонъ графини Сиркуръ въ Парижѣ посѣщался самыми извѣстными людьми Европы. О графинѣ Сиркуръ имѣется книжка Hubert Saladin „M-e de Circourt, son salon, ses correspondances" (Paris. 1881).

[2]) Мать графини Сиркуръ, рожденная графиня Толстая, сестра графа Ѳедора Ивановича Толстаго (американца).

[3]) См. выше, стр. 98, прим. 6-е.

[4]) „Павелъ во все время пребыванія его (Лагарпа) въ Петербургѣ, при Екатеринѣ, на него дулся,—писалъ А. И. Тургеневъ Н. И. Тургеневу, описывая свое свиданіе съ Лагарпомъ въ 1827 году;—но передъ отъѣздомъ Лагарпъ рѣшился объясниться; два часа говорилъ съ нимъ на балѣ въ Гатчинѣ и высказалъ ему самыя сильныя истины: они разстались друзьями и растроганные взаимно. У Лагарпа не было перчатокъ, а великая княгиня Марія Ѳеодоровна желала танцовать съ нимъ. Павелъ далъ ему свои, и Лагарпъ показывалъ ихъ мнѣ и хранитъ въ воспоминаніе послѣдняго разговора, о коемъ Павелъ за двѣ недѣли до своей смерти вспомнилъ и говорилъ Александру, спрашивая, "переписывается ли онъ съ нимъ?" (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 188).

[5]) Т. е. Вы поступаете съ вашими сыновьями не такъ, какъ должно. Будьте прежде всего отцомъ и заставьте ихъ забыть, что вы въ то же время

Эти слова Павелъ вспомнилъ за 15 дней передъ смертію. Письмо Александра, писанное ему въ 1801 году [1]) и присланное съ Новосильцовымъ, весьма достойно замѣчанія: мечты младенца. Ал(ександръ) жалуется на тиранство отца, съ ужасомъ говоритъ о деспотизмѣ, тоскуетъ о себѣ, что принужденъ заниматься капральствомъ и лишенъ способа обращать вниманіе на другія лучшія занятія, столь ему любезныя. Говоритъ о обществѣ, составленномъ между имъ, Новосильцовымъ, Строгановымъ и Чарторыжскимъ, коего цѣль освобожденіе Россіи. Между прочимъ способъ къ тому есть перевести лучшія книги, изъ коихъ тѣ, кои будетъ возможно, издадутся въ печать, а другія оставлены будутъ до времени. Въ другомъ письмѣ, писанномъ скоро по восшествіи на престолъ, Александръ говоритъ о окружающихъ его людяхъ, о трудности согласить страсти и направить къ одной и общей цѣли—благу отечества. Не помню, въ первомъ или во второмъ письмѣ говоритъ онъ о своемъ намѣреніи совершить освобожденіе Россіи, дать ей конституцію свободную и, укоренивъ ея благоденствіе, сойти съ трона и быть простымъ гражданиномъ. По пріѣздѣ своемъ Лагарпъ имѣлъ разговоръ съ нимъ о смерти Павла....... Панинъ [2]) хотѣлъ играть роль Ришелье. Лагарпъ читалъ еще свой прожектъ учрежденія министерства просвѣщенія. Съ нами обѣдали: Пердонне и Шаваннь и m-e Roverea, сестра г-жи Лагарпъ. Я возвратился домой въ 10 часовъ при свѣтѣ полной луны, которая прелестно освѣщала противулежащія горы. Меня ждало письмо Сѣверина, которое рѣшило мое путешествіе черезъ Марсель въ Неаполь.

26 (7), воскресенье. Свѣтлое Воскресенье по новому стилю. Читалъ Шуберта. Гулялъ къ Бюри черезъ холмы. Прелестная зелень. Ввечеру чтеніе Шуберта.

27 (8), понедѣльникъ. Читалъ Бунзена [3]). Весенній дождь. Прогулка по дорогѣ. У насъ Швалгеймъ. Вечеромъ чтеніе Шуберта.

наслѣдникъ престола. Я не могу, я не смѣю прибавить что-либо къ этому, но этого требуетъ ваше собственное благо.

[1]) Содержаніе этого же письма сообщалъ и А. И. Тургеневъ брату Николаю Ивановичу; но, по словамъ Тургенева, оно было писано въ 1797 году изъ Гатчины (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 182—183).

[2]) Графъ Никита Петровичъ (р. 1770 † 1837), вице-канцлеръ. „Онъ (Лагарпъ) объяснилъ мнѣ и причину отставки гр. Панина,—писалъ А. И. Тургеневъ брату:—онъ далъ циркулярное предписаніе министрамъ нашимъ писать двойныя депеши: однѣ для него и для государя, и другія о томъ же, съ подробными объясненіями для него, гр. Панина, только. Государь догадался, ибо гр. Панинъ не умѣлъ скрыть сего—и отставилъ его" (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу", стр. 185—186),

[3]) По всему вѣроятію, трудъ извѣстнаго прусскаго ученаго и дипломата Христіана-Карла фонъ Бунзена (р. 1791†1860) „Beschreibung der Stadt Rom", первый томъ котораго вышелъ въ свѣтъ въ 1829 году.

28 (9), вторникъ. Поутру читалъ Itinéraire. У Бридель [1]). Прогулка къ утесу надъ Вето̀. Ввечеру чтеніе Шуберта. Письма: къ Вяземскому, къ Шамбо, къ великому князю [2]), къ Вильдерметъ, къ Лютерно.

29 (10), середа. Планъ Рима и чтеніе Нейгебаура [3]). Прогулка къ Шателару. Ввечеру чтеніе Шуберта. Письма къ Сѣверину [4]) и Голицыной.

30 (11), четвергъ. Выписки изъ Нейгебаура. У насъ Бокъ. Поѣздка въ Вевѐ. На почту, къ Жантону, къ Бланшенѐ, къ Гизану. Письма отъ Мердера, Арента [5]), Кавелина [6]), Жилля [7]) и Плетнева [8]). Ввечеру планъ путешествія.

31 (12), пятница. Цѣлый день укладывался. Дождь.

1 (13) апрѣля, суббота. Отъѣздъ въ Женеву.

Путешествіе въ Италію.

1 (13) апрѣля, суббота. Выѣхали поутру въ 10 часовъ. Болѣзнь Лотти [9]). Въ Вевѐ у Гизана, Жантона, Бланшнѐ и Бока. Боку оставилъ двѣ тысячи франковъ на сохраненіе. День сначала сырой и дождливый, и дорога довольно печальная отъ разлуки и безпокойства. Видъ двухъ С.-Сафоренскихъ каскадовъ, наполнившихся отъ дождей. Мысль о жизни почталіона. Обѣдали въ Лозаннѣ въ Faucon съ тремя товарищами. При пріѣздѣ въ Ролль дождь перестал, Курьозныя рожи въ коляскѣ. Ніонъ. Замокъ Пренженъ, принадлежавшій Іосифу Бонапарте. Въ Женеву пріѣхали около 9 часовъ. Чудесный видъ Юры съ дымящимися облаками и громадою тучъ, на ней лежащихъ. Въ Женевѣ писалъ къ Прива̀ и Лютерно.

2 (14) воскресенье. Въ Женевѣ [10]). У насъ Лютерно, Швалгеймъ и

---

[1]) Philippe-Cyriaque Bridel (р. 1757†1845), швейцарскій литераторъ и пасторъ въ Монтрё, весьма интересовавшійся вопросами воспитанія.

[2]) Напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883 г., книга первая, стр. XXII.

[3]) Составленный Іоганномъ-Даніиломъ Нейгебауромъ (Neigebaur, р. 1783 † 1866) „Handbuch für Reisende in Italien“, изданный въ 1826 году.

[4]) Между напечатанными письмами Жуковскаго къ Сѣверину имѣется письмо отъ 28 марта (9 апрѣля) 1833 г. (см. „Русскую Старину“ 1899 г., іюль, стр. 92—93).

[5]) См. выше, стр. 254, прим. 9-е.

[6]) Александра Александровича (о немъ см. выше, стр. 115, прим. 2-е).

[7]) См. выше, стр. 206, прим. 2-е.

[8]) Это письмо П. А. Плетнева къ Жуковскому, отъ 17 февраля—11 марта 1833 года, напечатано въ Сочиненіяхъ и перепискѣ П. А. Плетнева, изд. Я. К. Гротомъ, т. III, стр. 524—529.

[9]) См. выше, стр. 254, прим. 3-е.

[10]) Отъ 2, 3 и 4 апрѣля въ дневникѣ имѣются записи въ черновой редакціи и въ бѣловой. Первыя мѣстами дополняютъ вторыя. Такія дополненія внесены въ текстъ и заключены въ прямыя скобки.

Привà съ Андрюшею [1]). Слушалъ обѣдню въ греческой церкви. К(нягиня) Голицына (10 франковъ). Выѣхалъ поздно въ 2 часа [2]). До самаго ночлега преслѣдовала насъ самая дурная погода, дождь, снѣгъ и холодный вѣтеръ. Всѣ сцены Юры были потеряны. Изрѣдка на минуту выходила она снѣжная изъ дождливаго тумана, но скоро скрывалась. Великолѣпное положеніе Fort de l'Écluse и видъ на Рону, зеленѣющую и кипящую внизу. Отъ мрачнаго неба и мысли сдѣлались мрачны. Хотѣли ѣхать до Nantua, но принуждены были ночевать въ худомъ трактирѣ въ Бельгардѣ, гдѣ таможенные досмотрщики были учтивѣе погоды. Виргинія [3]) и два дымящихся камина. Худая ночь отъ мрачныхъ мыслей.

3 (15), понедѣльникъ. Поутру нѣсколько разъ показывалось солнце, прерываемое дождемъ. Выѣхали въ шесть часовъ съ четвертью, надѣясь доѣхать до Ліона [4]). Обѣдали въ Cerdon, гдѣ кончилась дорога Юрою, весьма широкая, но худо защищенная отъ каприза лошадей. [Горница, увѣшанная подвигами Наполеона. Bougre. Légion d'honneur на крыльяхъ Амура. Разговоръ о предчувствіи]. Передъ Цердономъ великолѣпный спускъ мимо огромныхъ утесовъ; на высочайшихъ изъ оныхъ развалины замковъ и каскады. Внизу глубокая зеленая долина, по коей быстрятся ручьи, послѣ текущіе быстро по равнинѣ. Отъ Сердона до Pont d'Ain было еще по временамъ обманчивое солнце сквозь дождь и снѣгъ, и мы могли взглянуть на мостъ черезъ Энъ, желѣзный и легкій. Но отъ Pont d'Ain исчезла надежда на погоду и возможность доѣхать до Ліона. Дождь началъ лить ручьями. Мы принуждены были остановиться ночевать въ Méximieux и, къ счастію, нашли порядочный трактиръ, но уже на италіанскій манеръ съ кирпичнымъ поломъ. Засимъ, отправясь въ кухню, узнали мы къ своему успокоенію, что намъ не должно спѣшить въ Ліонъ къ пароходу, ибо онъ отходитъ въ 5 часовъ утра. Невозможность насъ утѣшила. Но ночью преслѣдовали меня мысли черныя, какъ ночь; и болтливость старой служанки была не великою помощью. Паспорты и жандармъ въ Pont d'Ain У насъ спрашивали паспорты при въѣздѣ за границу, въ Белгардѣ, въ Нантуа, въ Сердонѣ, въ Понъ д'Энъ. Инвалидъ почталіонъ и усталыя лошади.

4 (16), вторникъ [5]). Отдохнувши порядкомъ, въ половинѣ девятаго

---

[1]) Съ Андрюшею Воейковымъ, сыномъ Александры Андреевны Воейковой.

[2]) Въ черновой записи: „Выѣхали въ 1-мъ часу".

[3]) Въ черновой записи: „Трактиръ на почтѣ. Ночь безпокойная".

[4]) Тамъ же: „Весь день ужаснѣйшая погода и самыя мрачныя мысли".

[5]) Въ черновой записи читается слѣдующее: „4 (16), вторникъ. Поутру ясное небо и ясныя мысли. Пріятные разговоры. Нечистота жилищъ. Совершенный недостатокъ Häuslichkeit. Пріѣздъ въ Ліонъ черезъ предмѣстье; два прекрасныхъ моста черезъ (Рону)".

отправились въ путь. Отъ Мексимьё до Ліона не болѣе четырехъ часовъ съ половиною. Всю ночь шелъ дождь. Съ нашимъ выѣздомъ небо прояснилось, и погода была холодно ясная, выключая нѣсколькихъ короткихъ дождевыхъ эпизодовъ. Сторона ровная и веселая и гораздо лучше жилищъ человѣческихъ. Удивительная нечистота и безпорядокъ въ домахъ и деревняхъ. Ребятишки въ лохмотьяхъ; нѣтъ никакого признака веселія домашней жизни; виноградники не украшаютъ, а гадятъ стѣны, сбитыя изъ глины съ какими-то странными узорами; все набросано въ кучѣ. Рѣшительная противуположность Швейцаріи и въ особенности Женевскому кантону. Въ Ліонъ въѣхали черезъ предмѣстье S.-Clair. Рядъ высокихъ домовъ, между коими весьма немногіе напоминаютъ времена до революціи своею старинною архитектурою. Много домовъ въ шесть и семь этажей. По берегу Роны идетъ чистая набережная и аллея негустыхъ деревьевъ. Три моста: Pont rouge или Pont Моранъ, Pont de Charles X, перекрещенный Лафаетовымъ, и Pont de la Guillotière перегибаютъ черезъ Рону. Мы остановились въ Hôtel de l'Europe, недалеко отъ Place[1]), на коей стоитъ бронзовая статуя Лудвига Четырнадцатаго и два огромныхъ зданія, построенныхъ Наполеономъ. Отдохнувъ немного, пошли по городу, сперва на почту, которая привезла хорошія извѣстія изъ Вернè, потомъ по набережной, въ контору пароходовъ мимо огромнаго и величественнаго госпиталя. Городъ напоминаетъ Парижъ и зданіями, и узкими нечистыми улицами; но не столько толпы. Въ Hôtel de ville двѣ бронзовыхъ статуи Роны и Саоны. На башнѣ прекрасный барельефъ Генриха IV, въ коемъ схваченъ характеръ добраго короля. Купилъ зрительную трубку. Обѣдъ довольно хорошо приготовленный. Мы заняли комнаты Сульта[2]) или герцога Орлеанскаго въ послѣдній мятежъ фабрикантовъ. (Разсказъ лакея довольно оп(п)озиціонный). Въ театръ. Прекрасное зданіе, но не огромный, два этажа ложъ, надъ ними два ряда галлерей, балконъ въ три скамейки, партеръ и паркетъ; выкрашенъ бѣлымъ. Ложи раздѣлены пилястрами бѣлыми съ золотомъ. Занавѣсъ простая зеленая занавѣска съ золотою бахромою. Простъ и красивъ, и хорошо слышно. Играли L'amour et la raison — Pigual le Brun[3]), Marie, opéra de Héraul[4]), безхарактерная музыка и глупая піеса, и наконецъ балетъ Almavive et Rosine. Альмавива прекрасный статный мужчина и хорошій дансеръ. Розину также весьма аплодировали, но ничего необыкновеннаго; прочіе также не отличны, но есть ensemble. Сцена передъ

---

[1]) Для названія площади оставленъ въ рукописи пробѣлъ.

[2]) Французскаго маршала Сульта (Soult, р. 1759†1851).

[3]) Т. е. Pigault-Lebrun, французскій писатель (р. 1753†1835).

[4]) Т. е. Hérold, французскій композиторъ (р. 1791†1833).

зеркаломъ весьма удачная. Видъ изъ оконъ на С(а)ону. Мостъ: за мостомъ улица, ведущая на гору къ Notre Dame (de) Fourvière, и каеедральная полуготическая церковь. Сцены на площади передъ трактирами. Мальчики съ обезьянами. Фигляръ. Les badaux français. Омнибусы. Дилижансы. Разныя толпы. Qui veut le papillon?

5 (17), середа. Поутру съ лонъ-лакеемъ, старымъ, свидѣтелемъ революціи, къ мѣнялѣ, который взялъ за золото по 15 франковъ съ 1000, въ контору пароходовъ. Возвратясь, читалъ нѣсколько Шуберта, потомъ отправились ходить. Черезъ Саонскій мостъ по великолѣпному солидностью мосту въ архіепископство, старинное зданіе, въ коемъ останавливались короли, пріѣзжая и проѣзжая черезъ Ліонъ. Нашъ лонъ-лакей въ 1815 поутру служилъ за завтракомъ графу Артуа, а въ пять часовъ пополудни снималъ уже шинель съ Наполеона. «Déjeunez, messieurs, сказалъ графъ Артуа своимъ спутникамъ, car nous ne savons pas, quand nous dînerons» [1]). Церковь Notre Dame прекрасной готической архитектуры въ три раздѣленія. Изъ твердаго камня, почернѣлая совершенно отъ времени; она много претерпѣла въ революцію; всѣ статуи святыхъ или разбиты, или безъ головъ; цвѣтныя стекла великолѣпной работы были уничтожены, нѣкоторыя уцѣлѣли; часовня Лудвига Святаго замѣчательна своею рѣзьбою; арабески, вырѣзанныя изъ камня, стоятъ Рафаелевыхъ. Мы видѣли старика, который, не заботясь о проходящихъ, набожно читалъ по книжкѣ свою молитву. Удивительно трогательное, почтенное лице: сердце къ нему стремилось. Въ церкви еще замѣтилъ старинные часы, похожіе на гейльбронскіе и кельнскіе. Порталъ очень простъ, хотя покрытъ искусною рѣзьбою. По 219 ступенямъ лѣстницы, называемой pousse-cul, взошли на гору Fourvière и слышали, какъ усатый офицеръ въ нѣжномъ разговорѣ съ двумя сопутствующими ему дамами употреблялъ выразительное слово bougre [2]). Съ башни на горѣ (185 ступеней) великолѣпный видъ на весь Ліонъ, чернѣвш(ій) въ темномъ дымкѣ каменныхъ угольевъ; домы кажутся утесами. Мы стояли на мѣстѣ древняго Лугдунума. На сѣверъ гора la Croix-Rousse, предмѣстье S.-Clair и дорога въ Женеву. Внизу передъ глазами Саона съ тремя мостами и за нею Рона также съ тремя: Морандовъ, Лафаетовъ и Гильотинскій. Весь главный городъ лежитъ на полуостровѣ, образуемомъ Роною и Саоною. Тамъ, гдѣ Саона впадаетъ въ Рону, мостъ. Замѣчательныя зданія, видимыя сверху: музей, театръ и Hôtel de ville; Place Bellecour съ статуею Лудвига XIV и огромнымъ домомъ, построеннымъ Наполеономъ, Hôtel-Dieu и церковь Notre Dame. За рѣ-

---

[1]) Т. е. Завтракайте, господа, такъ какъ мы не знаемъ, когда мы будемъ обѣдать.

[2]) Тривіальное выраженіе.

кою дорога въ Гренобль, въ Марсель. Предмѣстье Гильотьеръ покрыто новыми зданіями. На восточномъ горизонтѣ Альпы, и надъ ними Монбланъ. На югъ церковь святаго Иринея, подъ коею катакомбы. Здѣсь много остатковъ римскаго времени. На башнѣ нашли книгу, въ которую записываютъ путешественники имена свои. Много сентенцій; но времени не было читать. Одну я замѣтилъ: Qu'est ce que Dieu? L'univers. Ne fais pas à autrui ce que tu ne veux pas qu'on te fasse, seule et vraie religion. Я подписалъ: Cette réponse est faite par un homme qui n'a ni coeur, ni tête, qui existe ici bas pour végéter, mourir et pourrir [1]). Близъ башни часовня Notre Dame de Fourvière, старинное зданіе съ рѣзнымъ образомъ Богоматери; статуя завѣшана ex voto [2]). Послѣ обѣда провели дома.

6 (18), четвергъ. Въ три часа вставъ, въ половинѣ пятаго отправились на пароходъ. Рыцарскій подвигъ въ пользу неизвѣстныхъ намъ сосѣдовъ, которые едва не пропустили парохода. Отправились съ мѣста въ пять часовъ и десять минутъ; а въ четыре часа пополудни были уже въ Авиньонѣ. Пароходъ былъ набитъ пассажирами. На палубѣ хаосъ ящиковъ, людей, собакъ, экипажей; въ тѣсной общей каютѣ всѣ мѣста были заняты спящими пассажирами, дамами вяжущими и мужчинами, читающими газеты; содержательница ресторацiи безпрестанно бѣгала, и всякій требующій получалъ свою порцію. Мы съ Рейтерномъ пробыли все время на палубѣ, предпочитая холодный мистраль стѣсненному воздуху каюты. Берега Роны мимо насъ мелькали, и пароходъ быстро пролеталъ подъ желѣзными мостами, коихъ мы насчитали болѣе шести. Самый лучшій въ Валансѣ. Изъ Ліона, гдѣ не было еще много зелени, очутились мы въ нѣсколько часовъ посреди расцвѣтшей весны въ Авиньонѣ. Берега вообще плоски, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ живописные утесы. Мы проѣхали мимо классическихъ береговъ бургонскаго вина: Кандріе, между имъ и Турновомъ Côte-Rôtie; близъ Ту(р)нона у мѣстечка Tain Croze и Hermige. Близъ Валанса С.-Перè, потомъ у Лоріола vin de Brézan (бордосское, бургонское). Всѣ видѣнныя мѣста исчезали какъ минутныя привидѣнія. Нѣсколько горныхъ утесовъ, нѣсколько живописныхъ зàмковъ феодаловъ на высотахъ ихъ, каѳедральная церковь Віенны, мостъ S.-Esprit, построенный монахами, подъ коимъ пароходъ пролетѣлъ какъ стрѣла, наконецъ, Авиньонъ съ своею зубчатою оградою и остаткомъ древняго моста—вотъ все, что осталось,

---

[1]) Т. е. Что такое Богъ? Вселенная. Не дѣлай другому того, чего ты не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ—вотъ единственная и истинная религія.—Этотъ отвѣтъ данъ человѣкомъ, у котораго нѣтъ ни сердца, ни ума, который живетъ здѣсь на землѣ, чтобъ прозябать, умереть и сгнить.

[2]) По обѣту.

какъ блѣдная тѣнь, въ памяти. Встрѣчи были на пароходѣ довольно интересныя: Roussan fils, marchan(d) de coton, bon vivant, который говорилъ языкомъ нынѣшняго времени; молодой, меланхолическій путешественникъ, вѣроятно, карлистъ, возвращающійся въ Авиньонъ къ роднымъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ разлуки, который очень умно разсуждалъ о состояніи политическомъ, религіозномъ и литературномъ нынѣшней Франціи и о с.-симонистахъ; толстый гражданинъ Валансы, довольно умный и образованная средина между первыми двумя; молодой, прекрасный сосѣдъ нашъ въ ліонскомъ трактирѣ, который ни съ кѣмъ не вступалъ въ разговоръ, или дремалъ въ каютѣ, или сидѣлъ съ женою въ коляскѣ, вѣроятно, аристократъ нынѣшняго покроя: вотъ всѣ воспоминанія парохода. Въ Авиньонѣ остановились въ Hôtel de l'Empire, очень хорошо устроенномъ, и отобѣдавъ съ аппетитомъ, отправились въ путь до Оргона, гдѣ въ трактирѣ A la vieille poste, принадлежащемъ эксъ-почтмейстеру карлисту, ночевали довольно покойно, угощаемые двумя красивыми дочерьми трактирщика. Провансъ не живописенъ; чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ пустѣе виды. Дорога весьма дурная и избитая. Блѣдныя оливковыя деревья не украшаютъ ее, а прибавляютъ къ печальному виду природы. Между Авиньономъ и Андіолемъ мы переѣхали черезъ Дюрансу, провожаемые рѣзкимъ мистралемъ, который здѣсь ужасно ободралъ утесы и оголилъ ихъ.

7 (19), пятница. Изъ Оргона черезъ Эксъ пріѣхали къ 4 часамъ въ Марсель. Окрестности дороги часъ отъ часу пустыннѣе; но надъ ними прелестное голубое небо. Несмотря на солнце, мистраль кололъ насъ въ догонку. Эксъ лежитъ посреди живописной долины; но отъ него до Марселя сторона такъ дика и пуста, что глазамъ больно смотрѣть на нее. Все сожжено и покрыто пылью, и домы не отличаются отъ утесовъ, на коихъ стоятъ; ни слѣда домашней жизни. Видъ на Марсель отъ Vista прелестный: голубое море съ голубыми сѣровіолетовыми горами и островъ, утѣсненный у береговъ, прелестны. Отъ тріумфальныхъ воротъ проѣхались внизъ по широкой улицѣ, напоминающей своею аллеею берлинскую Липовую улицу. Видъ великолѣпный. Бездна бастіоновъ, но безъ зелени, некрасивой архитектуры; на нихъ смотрѣть жарко. Въ зданіяхъ Марсели я пока не замѣтилъ ничего необыкновеннаго. Театръ тяжелой архитектуры; тріумфальныя ворота; мало зелени, отъ чего видъ болѣе ослѣпителенъ, нежели пріятный. Остановились въ Hôtel Beauveau. Первая встрѣча князь Тюфякинъ [1]), возвратившійся изъ Неаполя. Я въ пароходную контору и къ кон-

---

[1]) Гофмейстеръ князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ (послѣдній въ родѣ князей Тюфякиныхъ), умершій въ Парижѣ въ 1845 году.

сулу [1]), потомъ на почту. Возвратясь, нашелъ Рейтерна больнымъ, что, можетъ быть, лишило [бы] меня Италіи. Увидимъ, что̀ будетъ. Вечеръ прошелъ печально; его развеселилъ докторъ Corvier, хорошій медикъ и пламенный республиканецъ.

8 (20), суббота, Марсель. Визитъ нашего консула, пароходнаго спутника Руссана и доктора. Есть, кажется, еще надежда кончить начатое. Былъ въ конторѣ пароходовъ. Ходилъ по набережной. Пристань глубокая и обширная, вмѣщающая отъ 1500 до 2000 кораблей. Съ правой стороны бездна товаровъ въ лавкахъ; вывѣски на палаткахъ, служащихъ защитою отъ солнца для пѣшеходовъ. Встрѣча съ с.-симонистами, одѣтыми въ красныя шапки и панталоны, съ голубыми мантіями (les compagnons de la France). Ѣздилъ на лодкѣ на пароходъ Ferdinand и рѣшился взять мѣсто на этотъ пароходѣ. Время, кажется, установилось. Гуляли по той же набережной вмѣстѣ съ Рейтерномъ передъ обѣдомъ. Чувствительное вліяніе юга, видимое въ физіономіяхъ. Смуглыя лица, сверкающіе глаза и полуоткрытый ротъ. Разительная небрежность въ одеждѣ и запачканность нищихъ. Игры ребятъ—[2]). Пряники и драка. Послѣ обѣда былъ у Бланшнѐ, живущаго въ rue de Grignan, въ которой есть остатки дома маркиза Гриньянъ, бывшаго губернатора Прованса, зятя M-e Sévigné [3]). Видны вороты и часть замка; остальное застроено новыми зданіями. У Бланшнѐ просидѣлъ часъ и возвратился домой. Вечеръ провели съ Бланшнѐ и нашимъ консуломъ. Городъ (та часть, которую нынче видѣлъ) прекрасно выстроенъ: широкія улицы, вымощенныя широкими камнями, по коимъ итти весьма покойно. На Place Royale стоитъ большой сарай для военной стражи, загораживающій всю прекрасную площадь, которой украшеніемъ служитъ великолѣпный фонтанъ, построенный Карломъ X. Мой проводникъ утверждаетъ, что въ городѣ весьма много порядочныхъ ресторацій.

9 (21), воскресенье. Марсель. Поутру дома. Обѣдали у Лабанда [4]) въ его загородномъ домѣ. Разговоръ за столомъ съ реформатскимъ пасторомъ о смертной казни. Видъ съ павильона на Марсель: безплодность утесовъ и утесистаго грунта, покрытаго мохомъ. Деревья не густыя и не тѣнистыя. Маслины, сосны, исполинская шелковица. Здѣсь солнце свѣтитъ и не радуетъ. Послѣ обѣда къ Бланшнѐ въ его сельскій домъ, стоящій у подошвы голаго утеса, на коемъ возвышается Fort de Notre Dame de la Garde. Здѣсь былъ священный лѣсъ, описан-

---

[1]) Нашимъ консуломъ въ Марсели былъ коллежск. сов. Маврикій Макаровичъ Лабандъ.

[2]) Одна фраза при печати выпущена.

[3]) Одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ XVII вѣка (р. 1626 † 1696), извѣстной въ литературѣ своими „Письмами“ къ дочери, графинѣ Гриньянъ.

[4]) Нашего консула.

ный Кесаремъ [1]) и Луканомъ [2]). Домъ безпорядочный и не веселый, осѣненъ соснами. Кругомъ дичь и нечистота. Мѣста, гдѣ ростетъ болѣе деревьевъ, нездоровы отъ скопляющейся сырости. Многіе жители предпочитаютъ въ лѣтнія жары іюля и августа жить въ городѣ и возвращаться за городъ въ сентябрѣ, до генваря. Отъ Бланшнè возвратились въ трактиръ, гдѣ встрѣтилъ насъ Антонъ Чичеринъ [3]), пріѣхавшій изъ Флоренціи. Съ нимъ вмѣстѣ въ театръ, гдѣ давали сцены изъ Barbier de Séville [4]). Въ антрактѣ читалъ актеръ или, лучше сказать, ревѣлъ стихи Méry [5]), въ которыхъ самое надутое было аплодировано съ шумомъ. Вечеръ просидѣлъ у насъ Чичеринъ.

10 (22), понедѣльникъ. Марсель. Поутру дѣлалъ покупки. Завтракъ у Бланшнè съ докторомъ Лотиромъ, съ нашимъ консуломъ. Разговоръ о древностяхъ Марсели и о нынѣшнемъ состояніи Франціи. Вечеръ были у меня русскій консулъ и А. Чичеринъ; болтовня послѣдняго и воспоминанія.

11 (23), вторникъ. Отправленіе изъ Марсели на пароходѣ Фердинандъ въ 8 часовъ съ половиною. День ясный и тихій, но не жаркій. Прошли мимо бѣлыхъ утесовъ Марсели, столь же бѣлыхъ Тулона и видѣли зеленѣющіе берега Гіеры съ ея померанцовыми садами; прошли между берегомъ и островами, коихъ пять. Покрыты зеленью, но безлѣсны. Горы представляютъ видъ пріятный. Онѣ пропали изъ виду около 6 часовъ пополудни. На пароходѣ пассажировъ немного. Два молодыхъ француза Roger de la Bastide и La Tessonière [6]), путешествующіе для удовольствія; пожилой французъ съ женою, которой худо отъ морской болѣзни; два италіанца, изъ коихъ одинъ возвратился недавно изъ Сициліи. Пароходъ идетъ тихо. Я проклятый для моря и все себя чувствую дурно. Ночь проспалъ хорошо. Луна и звѣзды. Слѣдъ фосфорическій корабля.

12 (24), середа. Ночь проспалъ спокойно. Поутру послѣ завтрака морская болѣзнь взяла свое. Ночью проѣхали мимо Фрежюса, Антиба и Ниццы и были въ виду Финале. Виды береговъ величественны. Видъ картинный S. Mauricio [7]), Oneglio [8]), Alassio, Albenga. Заливъ Генуэзскій представляетъ цѣпь зданій и виллъ. Время благопріятствовало для

---

[1]) Т. е. Юліемъ Цезаремъ.

[2]) Римскій поэтъ I вѣка по Р. Х. (р. 39 † 65).

[3]) Камергеръ Антонъ Александровичъ Чичеринъ.

[4]) Извѣстная комедія Бомаршè.

[5]) Французскій поэтъ и романистъ Joseph Méry (р. 1798, въ Марсели † 1866).

[6]) Въ тетрадкѣ, въ которой содержится дневникъ путешествія Жуковскаго въ Италію, эти два лица записали свои фамиліи (на об. послѣдняго листа) такъ: Roger de la Bastie и De la Teyssonière.

[7]) Т. е. S. Maurizio.

[8]) Т. е. Oneglia.

въѣзда въ гавань Генуезскую. Великолѣпіе зданій и галерные невольники по два на цѣпи. Контрастъ великолѣпія и бѣдствія человѣческаго. Города представляютъ одни пункты блестящіе; но сколько промежутковъ мрачныхъ: нечистота улицъ, нищіе, вонь. Визитъ осмотрщиковъ; въ полицію со всѣми товарищами парохода; сперва вмѣстѣ въ Croix de Malte, гдѣ, къ счастію, разлучились съ толпою, и переселились въ Aigle d'or (Aquila d'oro), великолѣпный трактиръ съ мраморною лѣстницею, комнаты высокія съ покойными постелями и коврами на полахъ. (Осмотръ таможенный въ воротахъ). Глупость, застававившая меня выпить чаю съ ромомъ вмѣсто лимонаду, отъ чего часть ночи испортилась. Рейтернъ остался дома, а я въ театръ. Великолѣпное зданіе, лучшій, какой я знаю. Шесть рядовъ ложъ, по 30 въ двухъ низшихъ, 33 въ четвертомъ и по 31 въ двухъ верхнихъ, всего на все 155. Сцена огромная. Играли Il Pirata[1]). Ensemble, хотя нѣтъ особенныхъ талантовъ. Imogina и Pirata прекрасные актеры. Но еще болѣе поразилъ меня балетъ Etéocle и Polynice: пантомима, соединенная съ музыкою, точность движеній, соглашенныхъ съ тактомъ, вѣрность костюмовъ, живописность группъ, умѣренность въ танцахъ, однимъ словомъ, превосходное цѣлое. Въ этомъ зрѣлищѣ вся живописная живость Италіи; чувствуешь, что въ странѣ живописи, поэзіи и быстрыхъ страстей, энергическихъ въ своемъ выраженіи, но минутныхъ. Возвратился домой въ $^1/_2$ одиннадцатаго и долго не могъ заснуть отъ волненія, произведеннаго видѣннымъ, путешествіемъ и чаемъ.

13 (25), четвергъ. Генуя. Счастье намъ измѣнило въ Генуѣ. Проливной дождикъ, который скрылъ отъ глазъ ея прелести; надобно ограничиться осматриваніемъ архитектуры. Въ 8-мь часовъ съ половиною началось наше архитектурное странствованіе.

1. Palazzo Reale, въ улицѣ Бальбы. Уже старинное зданіе, купленное у фамиліи Дурацца. Изъ замѣчательныхъ горницъ одна галлерея, украшенная статуями, между коими Похищеніе Прозерпины во вкусѣ Микель Анжа. Украшенія другихъ комнатъ не замѣчательны, но есть картины достойныя вниманія. Особенно Марія, умывающая ноги Спасителя Павла Воронезскаго; Волхвы Іоанна Лейденскаго и Пастухи передъ Спасителемъ Тиціана; La confirmation d'Albert Durer.

2. Университетскій вестибулъ, великолѣпныя колонны, лѣстницы и переходы; мраморные львы.

3. Древній дворецъ Андрея Доріа, съ стѣнами, украшенными фресками. Терасса. Садъ съ переходами. Видъ на гавань. Лѣстница и трофеи А. Доріа[2]).

---

[1]) Опера знаменитаго композитора Беллини (р. 1802 † 1835).

[2]) Знаменитаго адмирала Андреа Доріа (р. 1468 † 1560).

4. Церковь Благовѣщенія. Великолѣпнѣйшая въ Генуѣ; своды покрыты позолотою; два ряда колоннъ красноватаго мрамора раздѣляютъ церковь на три части, надъ ними своды, украшенные фресками. Святая вечеря Прокачини.

5. Palazzo Serra. Богатая комната съ великолѣпно вызолоченными колоннами и зеркалами, стоившая 1.200.000 франковъ, что̀ невѣроятно; ничего, кромѣ позолоты. Тяжелое чувство. Портретъ хозяйки въ красномъ бархатномъ платьѣ, которое написано прелестно.

6. Palazzo Durazzo. Великолѣпный вестибулъ и лѣстница изъ бѣлаго мрамора.

7. Каѳедральная церковь св. Лаврентія изъ бѣлаго и чернаго мрамора, что̀ великолѣпно извнѣ, а внутри портитъ главное дѣйствіе. Замѣчателенъ особенно придѣлъ Іоанна Крестителя, въ коемъ хранится его прахъ. Саркофагъ, въ коемъ онъ привезенъ изъ Мирры генуезцами. Гробъ Фіески [1]).

8. Дворецъ дожа. Двѣ залы Большаго и Малаго Совѣта. Мѣсто трона въ первой и во второй съ полукругами для сенаторовъ. Малая съ вызолоченными пиластрами. Большая съ нишами, въ коихъ находились мраморныя статуи дожей и кои теперь замѣщены гипсами въ холстинныхъ платьяхъ.

9. Церковь Стефана. Старинное зданіе, замѣчательное великолѣпною картиною Рафаеля, изображающею избіеніе камнями с(вятаго) Стефана. Верхняя часть Рафаеля, нижняя Іюл(ія) Романа, но достойная учителя. Фигуры Спасителя и Бога Отца, контрастъ мученика съ бѣшеными мучителями. Все это Рафаель.

Контрастъ великолѣпія съ нечистотою. Итальянцы любятъ украшенія въ своихъ нечистыхъ лавкахъ. Но всѣ сіи украшенія не имѣютъ въ себѣ ничего привлекательнаго; тихая жизнь здѣсь не откликается. Чувствительно, что прибытокъ, какой бы то ни было, и чувственное наслажденіе туманятъ каждаго. День нѣсколько прояснился, когда мы возвратились на пароходъ. Тамъ все было загромождено экипажами принцессы Лейхтенбергской, ѣдущей во Флоренцію съ дочерью; полдюжины горничныхъ дѣвушекъ, нѣсколько попугаевъ, ящиковъ, узловъ, ящичковъ и прочее, цѣлый хаосъ. Скоро явились сами путешественницы, пароходъ тронулся, и началась качка. Дамы скрылись, и ночь ихъ была незавидная, такъ же, какъ и наша, ибо шелъ сильный дождь и очень качало. Я не спалъ; но тошноты не было.

14 (26), пятница. Къ утру прояснилось; но утро было холодное. Наконецъ передъ Ливурною все сдѣлалось ясно; но холодъ продолжался.

[1]) Извѣстнаго Джіованни Фіеско (р. 1524 † 1547), составившаго заговоръ противъ Доріа.

Сцена или, лучше сказать, приступъ на нашъ пароходъ лодочниковъ достоинъ Италіи. Ливурна не замѣчательна зданіями, но живой городъ. Мостовая превосходна. Нищіе приводятъ въ бѣшенство своею неотступностью; но здѣсь все нищенствуетъ: не любопытство, не доброжелательство заставляетъ ихъ глядѣть на путешественника, а надежда что-нибудь взять отъ него. Мы остановились завтракать въ café Minerva. Я отправился на кладбище. Долгъ свой милому праху Саши[1]) заплатилъ только біеніемъ сердца при приближеніи. Остально(е) смущено поспѣшностію, помѣхою; я срисовалъ милой гробъ нашъ. Мѣсто тихое и ясное. Возвратясь въ Ливурну, отправился въ Пизу: сторона италіанской равнины Арно, по которой[2]) прядутся бѣлые паруса; зеленые дубы; cascine живописныя, но нечистыя съ окнами безъ стеколъ; въ дверяхъ работницы съ своею пряжею; возы древней формы запряжены волами; надъ этою зеленою равниною, на коей кое-гдѣ чернѣли пиніи, голубые Альпы и Аппенины и прелестныя зданія Пизы. Городъ прекрасный, но какъ будто вымершій; на великолѣпной мостовой иногда попадается не болѣе трехъ человѣкъ при переходѣ черезъ улицу; прекрасная набережная Арно съ маленькою готическою церковью M(aria) Spina. Longarno[3]), maison Lenzi. Случай меня привелъ остановиться въ трактирѣ окнами противъ о(к)на, въ коемъ сидѣла Саша[4]), и противъ той башни, которая своимъ звономъ оживила ея послѣднюю земную минуту. Я входилъ въ домъ, но не видалъ горницъ, въ коихъ теперь живетъ M-e Perdonnet. Первый ходъ въ каѳедральную церковь: чувство изумленія, производимое ея сокровищами, есть болѣзненное. Видишь Италію, а нѣтъ времени насладиться. Картины главнаго алтаря, между коими особенно с(вятая) Екатерина A(ndrea) del Sarto, Жертвоприношеніе Авраама и Снятіе со креста поражаютъ душу. Все остальное потревожило ее, какъ великолѣпный сонъ; рядъ колоннъ, стѣны изъ чернаго и бѣлаго мрамора, потолокъ временъ Медицисовъ, нѣсколько великолѣпныхъ фресковъ и мозаика надъ главнымъ алтаремъ—все чудесно. Двери бронзовыя, подъ руковод(ствомъ) І(оанна) Болонскаго изваянныя, фасадъ зданія разительны. Площадь, поросшая травою, на коей онъ стоитъ, окруженный другими зданіями, говоритъ о минувшемъ величіи. Тутъ Баптистеріумъ, Campo Santo и наклоненная башня. Эффектъ послѣдней нарушителенъ. Баптистеріумъ чудесное зданіе. Величественная архитектура, сводъ, эхо, особенно каѳедра изъ разныхъ мра-

---

[1]) Племянницы Жуковскаго, Александры Андреевны Воейковой, рожд. Пратасовой, скончавшейся въ 1829 году въ Пизѣ и похороненной въ Ливорно.

[2]) Въ рукописи описка: которымъ.

[3]) Т. е. Lungarno.

[4]) Александра Андреевна Воейкова.

моровъ съ множествомъ барельефовъ на колоннахъ, поддерживаемыхъ львами, поражаетъ своею смѣлостью. Архитектура Campo Santo приводитъ въ изумленіе своимъ величіемъ и легкостью и землею изъ Палестины [1]). Все это величественный монументъ древней славы. Стѣны покрыты фресками Жіотто, Буфалмако, Органья. Это бездна, для которой нужны не часы, а годы. Тутъ видишь начало живописи. (Чортъ, сажающій на вило Наполеона). Въ стѣнѣ множество надгробныхъ памятниковъ. Особенно поразительны два древнихъ бюста, Адріановъ и Брутовъ, неизъяснимо превосходные. Мавзолей графини Шуваловой великолѣпный, но дурной. Множество древнихъ гробовъ, урнъ, барельефовъ и бюстовъ. Маленькая голова Микель Анжа. Бронзовый гиппогрифъ изъ Карѳагены. Нѣсколько фресковъ Жіотто, вырѣзанныхъ изъ стѣны. Отсюда возвратились домой усталые, черезъ Рыцарскую площадь и нѣкоторыя улицы, говорящія своими зданіями о древней Пизѣ. Послѣ обѣда ходили по Longarno. Ночь была спокойная.

15 (27), суббота. Поутру въ 8-мъ часу рисовалъ изъ окна. Осматривали по берегу Arno la Spinela [2]). Терновая игла уничтожена французами; осталось мѣсто, гдѣ она хранилась. Прекрасная маленькая совершенно готическая церковь изъ бѣлаго мрамора. Возвращеніе изъ Пизы прекраснымъ утромъ. Путь возвратный однообразный. Ливурна въ пустой равнинѣ. Все въ пышномъ цвѣтѣ: ленъ, бобы; высокая рожь, уже околосившаяся, тополи, обвитые зеленѣющими виноградниками. По равнинѣ канавы и лѣсъ изъ зеленыхъ деревъ кипариса. Ограды полей изъ виноградниковъ, которые идутъ вдоль аллеями. Въ Ливурнѣ завтракалъ у Рейтерна. Выѣхали изъ Ливурны въ $2^1/_2$, пріѣхали въ Ч(ивита) Векію въ половинѣ одиннадцатаго на другой день. Погода была холодная, но ясная. Паччини [3]). Ночь провелъ хорошо.

16 (28), воскресенье. Пріѣздъ въ Чивита Веккію. Пристань съ двумя узкими входами. Посреди факалъ [4]). По бокамъ башни временъ Траяна. Встрѣча съ Тургеневымъ [5]). Консулъ французскій. Послѣ завтрака

---

[1]) По распоряженію устроителя этого кладбища (Campo Santo), архіепископа Убальдо де-Лафранки (въ XIII в.), земля для кладбища была привезена въ Пизу изъ Палестины, съ Голгоѳы, на 53 корабляхъ.

[2]) Церковь S. Maria della Spina, въ которой хранилась игла отъ терноваго вѣнца Спасителя.

[3]) Былъ итальянскій композиторъ Антоніо Пачини (Antonio-Francesco-Gaetano-Saverno Pacini, p. 1778 † 1869).

[4]) На маякѣ.

[5]) Съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, находившимся въ то время въ Италіи. Жуковскій сообщилъ Тургеневу о своемъ предстоявшемъ пріѣздѣ въ Чивита Векію письмомъ изъ Марсели отъ 10 (22) апрѣля (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 276—277).

выѣхали въ 3¼ часа изъ Чивиты Веккіи. Погода часъ отъ часу лучше. Вечеръ лунный и звѣздный.

17 (29), понедѣльникъ. Переѣздъ въ Неаполь. Ночью передъ захожденіемъ луны одинъ на палубѣ. Чистота неба, движеніе корабля и яркихъ звѣздъ между мачтами; полярная звѣзда; цвѣтъ луны. Въ это время мы были противъ c(a)p(o) Circello. Всталъ съ захожденіемъ (sic) солнца. Мы противъ Террачины; видны горы, находящіяся по дорогѣ отъ Террачины до Гаеты; изъ-за нихъ выглядываютъ снѣжныя вершины Abruzzo, видны Террачина, Connetto и Gaeta. Магическая смѣна видовъ: Гаета на утесѣ; постепенное явленіе Искіи, Прочиды, Везувія, Капри. Цвѣтъ неба, моря, соединяющій ихъ паръ, пріятность и неопредѣленность формъ, голубой цвѣтъ горъ и янтарный цвѣтъ снѣга, гармонія всего невыразимы. Но все превзошелъ послѣдній видъ Неаполя, когда мы прошли Низиду, Мизенумъ, исполинскій утесъ, и передъ нами открылся городъ и весь его заливъ съ одинокимъ посреди Везувіемъ. Это зрѣлище единственное въ мірѣ. Прошедши Castel Nuovo, мы вошли въ гавань, гдѣ въ первый разъ я почувствовалъ жаръ Италіи; мы принуждены были дожидаться болѣе двухъ часовъ. Потомъ насъ спустили съ корабля, чтобъ бросить въ когти перевощиковъ и потомъ таможни, которая, заставивъ насъ прождать подъ открытымъ небомъ, посреди толпы въ отрепьяхъ, которая жадно глядѣла на наши разбросанные пожитки, наконецъ, поступила съ нами благосклонно. Поѣхали въ коляскѣ въ трактиръ della Vittoria, но мѣста не нашли и остановились въ Hôtel de la Russie, въ хорошихъ комнатахъ, въ коихъ свободно гуляетъ вѣтеръ. Въ этотъ вечеръ усталость ничего не позволила предпринять, даже и на балконѣ сидѣть было нельзя отъ довольно рѣзкаго холода. Еще нѣтъ Италіи—все, что и гдѣ не природа и не искусство, отвратительно.

18 (30), вторникъ. Дождикъ льетъ ливнемъ, и холодный вѣтеръ свищетъ въ окна; отъ сильнаго вѣтра нѣтъ пріюта; всѣ окна со щелями, двери не затворяются—вотъ какъ Неаполь насъ угощаетъ! Но этотъ день и такъ долженъ быть потерянъ на визиты. Въ десять часовъ мы отправились сначала къ Местеру [1]) и нашли его больнаго жабою и въ опасности, потомъ къ Лебцелтернъ [2]), отъ нея къ графинѣ Алопеусъ [3]),

---

[1]) Вѣроятно, къ извѣстному писателю Ксавье де Местру (Xavier de Maistre, р. 1763†1852 въ Петербургѣ). Начавъ службу сардинскимъ офицеромъ, онъ перешелъ потомъ въ русскую службу, на которой получилъ чинъ генерала. Въ 1825 году онъ покинулъ Россію, уѣхалъ въ Савойю, нѣсколько лѣтъ жилъ въ Неаполѣ и въ 1839 году вернулся въ Россію.

[2]) Женѣ австрійскаго посланника въ Неаполѣ (ранѣе бывшаго посланникомъ въ Петербургѣ) графа Лудвига Лебцельтерна, графинѣ Зинаидѣ Ивановнѣ, рожденной графинѣ Лаваль.

[3]) Къ вдовѣ нашего посланника въ Берлинѣ графа Д. М. Алопеуса

которая не приняла, ибо уѣзжала въ Римъ, а съ нею и князь Лопухинъ[1]); потомъ къ Кривцовой[2]), которая въ Соррентѣ; потомъ къ посланнику[3]); онъ принялъ; холодный, привѣтливый и весьма учтивый старый дипломатъ съ умною женою. Отъ него въ Музеумъ Бурбонскій, гдѣ успѣли только видѣть одни фрески и мозаики Помпеи и Геркуланума. Во многихъ надобно удивляться и сюжету, и исполненію, во всѣхъ благородству и царствующему чувству прекраснаго. Это училище вкуса, драгоцѣнные правнуки древняго искусства и неистощимый источникъ матеріала для художника. Жаль, что все это снято со стѣнъ, что нельзя было оставить тамъ, гдѣ все это было: тамъ было бы оно питательно для воображенія, здѣсь представляетъ какую-то уродливую массу, которая, наконецъ, утомляетъ вниманіе. Отпечатокъ груди и руки молодой женщины въ лавѣ и ея черепъ; фрески, взятыя изъ дому поэта; алтарь Пріаповъ, имена солдатъ, найденныя на стѣнахъ казармы; Медузина голова; мозаики изъ камней, камней и состава, изъ состава; нѣкоторыя прекрасны; но такъ много, что память не въ силахъ ничего сберечь. Изъ музеума въ нечистый Albergo Reale, оттуда къ княгинѣ Волхонской[4]), которую не застали, наконецъ, домой; отдыхалъ и грѣлся у камина. Дож(д)ь льетъ рѣкою.

19 (1 мая), середа. Дождь продолжается съ холодомъ. Неожиданное появленіе Есипова, который для того, чтобы удобнѣе возвратиться въ Россію, разсудилъ изъ Парижа пріѣхать въ Неаполь. Попытались съѣздить въ Музеумъ, но имъ весьма не въ пору завладѣла королева. Рѣшились употребить дождливый день на осмотръ нѣкоторыхъ церквей и поѣхали въ каѳедральную церковь святаго Януарія, которую приготовляютъ къ празднику, имѣющему быть въ слѣдующую субботу. Колонны завѣшаны простою обивкою съ позументами, алтарь весь уставленъ свѣчами. Церковь, обновленная Карломъ Анжу, была первоначально построена въ чистомъ готическомъ стилѣ, но совершенно испорчена передѣлками; потолокъ, богато вызолоченный, покрытъ фресками Ланфранка и Спаньолета. Главный алтарь изъ vert antique выкладенъ lapis lazuli. Близъ него серебреный бюстъ св. Януарія. Двѣ боко-

---

(† 1831), графинѣ Жанеттѣ Эрнестовнѣ, рожденной фонъ Венкстернъ. Въ 1834 году она вступила во второй бракъ съ генералъ-маіоромъ княземъ Павломъ Петровичемъ Лопухинымъ (р. 1790 † 1873).

[1]) См. предыдущее примѣчаніе.

[2]) Быть можетъ, къ женѣ Николая Ивановича Кривцова (о немъ см. выше, стр. 187, прим. 5-е), Екатеринѣ Өедоровнѣ, рожденной Вадковской.

[3]) Нашимъ посланникомъ въ Неаполѣ былъ дѣйств. тайный совѣтникъ графъ Густавъ Оттоновичъ Стакельбергъ (р. 1766 † 1850). Онъ былъ женатъ на графинѣ Каролинѣ Христофоровнѣ Лудольфъ.

[4]) Къ извѣстной княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской, рожд. княжнѣ Бѣлосельской (р. 1792 † 1862).

выя капеллы сохранили первоначальный стиль, но закрашены фресками. Въ главномъ алтарѣ подъ престоломъ мощи святаго. Въ капеллѣ св. Януарія прекрасная картина Ланфранка. Тутъ же въ сакристіи хранятся тридцать шесть большихъ серебреныхъ литыхъ бюстовъ, изображающихъ разныхъ святыхъ, архангеловъ Михаила и Гавріила и пр. Грубое, матеріальное богатство; ихъ выносятъ въ процессіи въ день совершенія чуда. За главнымъ алтаремъ бронзовые два шкапа съ двумя замками, отъ коихъ одинъ ключъ находится у короля, а другой у архіепископа. Лучшее украшеніе сей церкви суть картины Доминикина, изображающія: 1-я—мученичество св. Януарія, 2-я—чудо, совершаемое во имя его надъ увѣчными и слѣпыми, 3-я—воскресеніе мертваго. Обѣ послѣднія превосходны: выраженіе воскресшаго и лица, его окружающія; лице, совершающее чудо, въ обѣихъ картинахъ и ожиданіе исцѣленія въ увѣчныхъ—все это достойно великаго живописца; рисунокъ, композиція, колоритъ, все превосходно. Изъ сей церкви, позавтракавъ въ нечистомъ кофейномъ домѣ, на засаленныхъ стульяхъ, посреди вонючей толпы нищихъ, отъ коихъ нѣтъ нигдѣ прохода, отправились осматривать катакомбы. Живописный входъ черезъ женскій монастырь. Монахини, испуганныя нашимъ приходомъ. Чичероне съ факеломъ посреди подземелья. Гробы, церковь, молебницы съ живописью, остатки древнихъ костей. Мнѣнія насчетъ катакомбовъ, ихъ обширность, закладенная дорога. Обѣдали у Штакельберга[1]) съ княгинею Волхонскою. Послѣ обѣда въ коляскѣ, при очаровательномъ свѣтѣ мѣсяца, путешествіе по Кіяѣ до замка королевы Іоанны (Дон'Анна). Villa Reale слѣдъ французскаго правительства. Прекрасное освѣщеніе домовъ. Пустынность мертвенная; домы, гдѣ гнѣздятся лаццарони[2]), берегъ, уставленный ихъ лодками. Villa съ огромною пальмою. Домъ поэта Саннацара[3]); Aqua Leone. Позилиппо[4]).

20 (2), четвергъ. Все утро проведено въ Музеумѣ Бурбонскомъ. Прежде всего осматривали мраморы. Семейство Бальбовъ[5]), дочери, мать, отецъ и сынъ; верховыя статуи; лѣтопись сѣдоковъ и коней. Умирающій гладіаторъ при чувствѣ смерти въ полнотѣ еще силы. Флора и Геркулесъ Фарнезскій; послѣдній для меня превосходнѣе: точно дышетъ, сила покойная, но ничего божественнаго. Быкъ Фарнезскій имѣетъ много красотъ, статуя королевы и самъ быкъ превосходны, но нѣтъ единства и ничто не поражаетъ. Самое превосходное твореніе Аристидъ: ясная, прекрасная душа, привѣтливость, вниманіе и спокойствіе. Осо-

---

[1]) См. выше, стр. 277, прим. 3-е.

[2]) Самый низшій классъ населенія въ Неаполѣ.

[3]) Итальянскаго поэта Якопо Саннацаро (р. 1458 † 1539, въ Неаполѣ).

[4]) Т. е. Posilipo.

[5]) Одна изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Геркуланумѣ.

бенное впечатлѣніе производитъ галлерея императоровъ и посреди нхъ стоящая въ размышленіи Агриппина. Сходство, мысль о современности и древности, все это производитъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели простой гипсовый бюстъ. Сидящій Августъ, Ливія, Маркеллъ, головы императоровъ отъ Тиберія до Каракаллы. Величественная голова Марка Аврелія, привлекательное благородное добродушіе Антонина Кроткаго, колоссальный Титъ, Адріанъ, Траянъ, все это вызванныя тѣни. Чувствуешь въ душѣ особенное движеніе. Послѣ прошли въ бронзы: дитя Геркулесъ, отдыхающій Меркурій, Фавнъ, колоссальная голова коня и другія. Послѣ бронзовъ помпейскіе и геркуланумскіе памятники: канделабры, домашнія утвари: вѣсы, пинсеты, оружія, инструменты хирургическіе, уборы, чашки, кринки, кувшины и вазы. Цѣлое отдѣленіе наполнено вещами стеклянными; другое—остатками пищи: хлѣбъ съ именемъ, фрукты, вино въ кувшинахъ; жидкость. Женскіе уборы, каме и пр. и пр. Папирусовъ не могли видѣть отъ поздняго времени. Изъ картинъ взглянули на нѣкоторыя превосходныя Рафаеля: портретъ Льва X и еще два портрета, два святыхъ семейства, чудесное совершенство. Доминикинова Невинность подъ защитою ангела. Тиціановы Филиппъ II и Данте. Караважіева ужасная Юдифь, приводящая въ трепетъ. Питоруччіо [1]) Вознесеніе Богоматери, достойное Рафаеля. Портретъ Хр(истофора) Колумба, кажется, Пинтуриччія, и двѣ прелестныя маленькія картины Кореджія. Не забыть Магдалины [2]). Сей осмотръ кончили взъѣздомъ на Capo di Monte; быстрѣйшая смѣна видовъ; особенно поражаетъ богатство растеній: кактусы, тополи, сплоченные виноградомъ, между ими бобы, горохъ и огородныя растенія, и въ нхъ хаосѣ черныя пиніи, и надо всѣмъ этимъ невыразимая лазурь италіанскаго неба. Встрѣча съ Михайловою [3]). Обѣдали у княгини Волхонской съ Еспиповымъ. Пицати. Вечеръ дома. Легли спать рано, дабы на другой день быть ранѣе готов(ыми).

21 (3), пятница. Чудесный, незабвенный день. Поѣздка въ Помпею. Съ Цаномъ [4]) черезъ С.-Жіованни, Портичи, Резину, Torre del Greco

---

[1]) Фамилія живописца въ этомъ мѣстѣ написана ошибочно; слѣдуетъ читать: Пинтуриччіо.

[2]) Для имени живописца оставленъ пробѣлъ.

[3]) Быть можетъ, съ Елизаветою Павловною Михайловою, рожденною Голенищевою-Кутузовою, дочерью генералъ-адъютанта (и впослѣдствіи графа) Павла Васильевича Голенищева-Кутузова.

[4]) Вильгельмъ Цанъ (Zahn, р. 1800 † 1871), извѣстный нѣмецкій архитекторъ и живописецъ, долгое время жившій въ Италіи. Жуковскій пріобрѣлъ у него экземпляръ его изданія, посвященнаго раскопкамъ Помпеи („Die neu entdeckten Wandgemälde von Pompeji“ или „Die schönsten Ornamente und merkwürdigsten Gemälde aus Pompeji, Herculanum und Stabia“ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 277).

(кораллы) и Torre del Anonciata[1]) (матеріи). Въ Портичи взглянули на Геркуланумъ. Въ Аннонсіатѣ заказали обѣдъ и погонщиковъ, [и] отправились въ Помпею. Величественность и пустынность; тишина Везувія; лазурные пары, все обнимающіе; все въ дыму жаркаго дня. Входъ мимо Діоме(д)овой виллы черезъ улицу гробницъ. Два великолѣпныхъ гроба съ барельефами, окруженные стѣнами. Триклиніумъ. Вилла Діомедова: atrium, tablinum, внутренній дворъ съ колоннами, прудъ съ фонтаномъ, двѣ бани, терасса, внизу подземный ходъ со сводами и еще много вазъ съ виномъ, гдѣ найдено много скелетовъ. Скелетъ хозяина въ воротахъ. Триклиніумъ на кладкѣ[2]). Гробъ въ подземельѣ. Цицеронова вилла. Лавка. Слѣды гипса. Геркуланскія ворота съ будкою для сторожа, коего скелетъ здѣсь найденъ. Домъ весталокъ. Фабрика. Домъ Саллюстія одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Фрескъ Актеоновъ. Домъ трагическаго поэта, весьма сохраненный. Домъ Кастора и Поллукса, величественныя колоннады. Домъ Фавна, наибольшій, лучшій, вырытый въ честь Гёте[3]); праздникъ его рожденія; мозаика, представляющая сраженіе Александра съ Даріемъ. Все это мы обходили въ жаръ, который менѣе мучитъ, нежели свѣтъ солнца въ этомъ городѣ тѣней безъ тѣни. На форумѣ былъ Юпитеровъ храмъ; я отдохнулъ за рисованьемъ. И эта половина путешествія была очаровательна. Пустота форума съ алтаремъ по срединѣ; возвышающійся надъ площадью храмъ; великолѣпный храмъ Венеры и Аполлона съ одной стороны, а съ другой храмъ Меркурія. Пантеонъ (вѣроятно мѣсто гульбища) съ статуями Августа и Ливіи. Отъ храма Юпитерова видъ на M(onte) S(ant) Angelo и Castel(l)amare, отъ Базилики видъ на Везувій. Тишина, пустота, цвѣты и растенія—невыразимо. Отъ дома Шампіонеттова[4]) (минутный гость, дающій свое имя чужому неизвѣстному) видъ на равнину, скрывающую подъ собою остатокъ Помпеи, заливъ, берега съ Ca(stella)mare, Sorrento и Вико и на Капри чудесный. Отсюда пошли смотрѣть начало рытья: явилась стѣна съ фрескомъ, изображающимъ лиру и вазу, на красномъ фонѣ, и часть колонны. Отсюда въ театръ, храмъ Изиды, Одеонъ (змѣи). Торговая площадь. Съ холма виденъ всходъ на амфитеатръ и надъ нимъ чудесный Везувій. Вечеръ. Пустота арены. Скелеты, изображающіе христіанскую смерть и геній, смерть древнихъ. Вечернее освѣщеніе Везувія. Нищіе. Обѣдъ въ T(orre) del Annunciata. Дремота при переѣздѣ.

---

[1]) Т. е. Torre Annunziata.

[2]) Въ дневникѣ помѣщенъ затѣмъ маленькій чертежъ.

[3]) Въ 1830 году, въ присутствіи сына Гёте.

[4]) Домъ, вырытый въ 1799 году, благодаря заботамъ извѣстнаго французскаго генерала Шампіоннѐ (Championnet, р. 1762 † 1800), командовавшаго французскою арміею въ Италіи, и названный его именемъ.

Спускъ въ Геркулановскій театръ: слои, лежащіе надъ погибшимъ городомъ.

22 (4), суббота. Праздникъ с(вятаго) Януарія. Вошелъ въ каѳедральную церковь с(вятаго) Януарія. Процессія и воющія женщины. Всеобщее равнодушіе къ празднику. Послѣ обѣда черезъ Позилиппо на Strada Nuova. Смѣна чудесныхъ видовъ: рисованіе у villa Barbaya (старая и молодая королевы), виды по берегамъ на Неаполь, сіяющій въ заходящемъ солнцѣ, на равелины, дворцы, замки, на Капри, лодки, виллы внизу, lazzaroni. Драка женщинъ. Виды отъ Strada N(u)ova на Низиду, Искію, Мизенумъ, Байю и Campagna Felice. Захожденіе солнца за Байею. Возвращеніе. Часть дороги при свѣтѣ полной луны; восхожденіе величественно изъ-за S(ant) Angelo. Фіолетовый цвѣтъ неба, и береговъ, и островóвъ. Полоса по морю. Лодки въ блескѣ. Путешествіе по Villa Reale. Свѣтъ луны сквозь зеленые дубы, храмъ Петра подъ стражею. Путь къ стѣнѣ, шумъ моря и чудесный блескъ луны. Освѣщенная окрестность; Везувій и всѣ берега въ дыму.

23 (5), воскресенье. Въ семь часовъ (Штакельбергъ и приглашеніе къ обѣду) отправились черезъ Позилипскую пещеру въ Пуццоли[1]). Пещера широкая, устланная лавою, способная для проѣзда трехъ каретъ; по обѣимъ сторонамъ зажжены фонари; виденъ слѣдъ прежней пещеры. Черезъ Fuorigrotta мимо Campagna Felice, восхитительную своимъ разнообразіемъ и плодородіемъ и достойную своего имени, въ Баньоли, откуда видъ на Позилиппо, Низиду и весь заливъ; на горизонтѣ Капри. По обѣимъ сторонамъ дороги безпрестанная тополевая роща, покрытая сѣтью виноградниковъ и ковромъ цвѣтовъ, полевыми и огородными растенія(ми), лупиномъ: сквозь деревья мелькаютъ безпрестанно виды и вьются прекрасныя дорожки; плодородіе во всемъ своемъ восхитительномъ цвѣтѣ. Но люди противные; ни признака привѣтливости; самое отвратительное нищенство во всѣхъ движеніяхъ. Они портятъ здѣсь всякое наслажденіе и приводятъ точно въ бѣшенство своимъ безстыдствомъ и неотступностію. Всякое чувство участія исчезаетъ. Нигдѣ нѣтъ такого разнообразія нечистоты и лохмотьевъ. Въ Пуцоли мы выдержали нападеніе этихъ нищихъ, къ нимъ присоединились лодочники, погонщики ословъ и продавцы всякаго рода антиковъ. Изъ Пуцоли мимо Lago d'Averno черезъ Arco Felice на Кумейской холмъ. Съ высоты, съ которой видно L(ago) d'Averno, виденъ весь міръ баснословный: преданіе о киммеріянахъ, входъ въ подземный міръ[2]). Lago d'Averno было соединено съ Lucrino каналомъ; а послѣднее составляло съ моремъ

---

[1]) Т. е. Pozzuoli.

[2]) Преданія древняго міра полагали у Авернскаго озера входъ въ подземный міръ и родину киммеріянъ.

Portus Julius. Явленіе Monte Nove, близъ коего возвышаются Фавернскія горы (M. Barbaro), измѣнило видъ сего мѣста. Здѣсь Агриппина была брошена въ воду и отсюда спаслась и пришла берегомъ къ своему замку, гдѣ погибла отъ убійцъ. Arco Felice остатокъ воротъ Кумейскихъ; на высотѣ холма остатки храма Аполлонова; внизу пещера Сивиллы, въ которую мы входили. Влѣво отъ дороги глубокая яма, означающая мѣсто Кумейскаго амфитеарра. Отъ Кум(сйскаго) холма до Lago del Fusaro въ коляскѣ; отсюда весь остатокъ путешествія на ослахъ. На берегу залива храмъ Венеры и Діаны, двѣ велич(ественныя) развалины. Далѣе такъ называемый гробъ Агриппины, вѣроятно ея вилла; въ водѣ слѣды храма Геркулеса; далѣе такъ называе(мая) Cento Camerelle и чудесная Piscina Mirabile; тутъ взглядъ на Мизенскій заливъ, мѣсто древняго Мизенума, театръ, гдѣ былъ Тиверій за минуту до смерти, и городъ, откуда Плиній отправился черезъ море, дабы погибнуть у подошвы Везувія; здѣсь началось наше обратное путешествіе на ослахъ, берегомъ Байскаго залива, посреди разрушеннаго міра; стѣны слились съ утесами: мы проѣхали ми(мо) бань Нерона, Лукринскаго озера, Кесаревой пристани, Цицеронова Помпейанума [1]), взглянули на развалины храма Юпитера [2]), Сераписа и на остатокъ моста Калигуллы. Было 7 часовъ, когда возвратились обѣдать въ Пуццоли. Отсюда обратно въ Неаполь въ коляскѣ, при блескѣ луны; но я спалъ отъ усталости.

24 (6), понедѣльникъ. Приглашеніе Штакельберга и отказъ. Пицати [3]). Визитъ къ Местеру [4]), Лебцельтерну [5]) и Штакельбергу. Флюсъ Тургенева. Послѣ обѣда въ S. Elmo. Церковь с(вятаго) Мартына. Удивительное богатство мраморной мозаики, lapis lasuli, verde antique. Спаситель, снятіе со креста, Спаньолета, превосходная живопись. Нѣсколько фресковъ Спаньолета. Великолѣпные дворы и переходы; вездѣ мраморъ и мозаика; необыкновенная чистота. На мѣсто монаховъ инвалиды. Видъ съ балкона и изъ саду на Неаполь. Утесъ домовъ, разрѣзанный узкими улицами; шумъ и движеніе. Испорченная улица и испорченная прогулка; хотѣли ѣхать черезъ Позилиппо и возвратились черезъ Каподимонте тѣсными переулками изъ высокихъ стѣнъ, обросшихъ живописными растеніями и уставленныхъ солдатскими будками, точно жизнь, испорченная однимъ преступленіемъ, которое бросаетъ противъ воли на путь неизбранный, печальный, безъ перспективъ и

---

[1]) Описка; читай: Путеоланеума.

[2]) Описка; слѣдуетъ читать: Нептуна.

[3]) См. выше, стр. 279, подъ 20 апрѣля.

[4]) См. выше, стр 276, прим. 1-е.

[5]) См. выше, стр. 276, прим. 2-е.

съ безнадежностію; сверху только небо; но и оно печалитъ, а когда выйдешь на воздухъ, оно уже темно, мрачно и свободно, какъ смерть. Вечеръ дома. У насъ княгиня Волхонская. Болѣзнь Тургенева во всю ночь.

25 (7), вторникъ. Пицати[1]) и планы. Поутру въ Музеумъ осматривать папирусы. Образъ развертыванія. Главное содержаніе. Переписка. Чтеніе. Дополненія. Изданіе. Профессоръ. Запрещенный кабинетъ. Напрасная попытка ѣхать на Везувій. Прогулка въ Позилиппо. Бергъ и Фитингофъ [2]).

26 (8), середа. Путешествіе на Везувій. Салваторо проводникъ и продавецъ минераловъ въ Резинѣ. Регіонъ растеній, регіонъ лавы и печальные слѣды разныхъ изверженій. Возвратились въ 4 часа. Паденіе. Обѣдъ у Штакельберга. Убриль [3]), но котораго я принялъ за англичанина. Шеппингъ съ женою. Молодой Штакельбергъ. Катакази [4]). Вечеръ дома.

27 (9), четвергъ. Поѣздка въ Сорренто. Въ 7 часовъ изъ Неаполя. До Вико на шлюбкѣ. Жаръ и усталость. Обѣдъ на терассѣ въ Вико, посреди залива, померанцевъ и—[5]). Въ четыре часа отправились на ослахъ въ Сорренто. Чудесные виды при переѣздѣ черезъ гору, между лѣсовъ оливовыхъ, померанцевыхъ и лимонныхъ, по высокому берегу моря; чудесныя промоины съ пещерами, покрытыя лим(онны)ми и померанцовыми деревьями. Лица и обращеніе совсѣмъ иное; привѣтливость безъ всякой надежды на награду. Съ захожденіемъ солнца пріѣхали въ Сорренто и остановились въ трактирѣ Donna Rosa.

28 (10), пятница. Смотрѣли Тассовъ домъ. Переѣздъ въ Carricatogna на ослахъ. Воръ проводникъ. Цвѣтущая долина. Спускъ по крутизнѣ въ Каррикатонью. Каменная избушка. Переѣздъ въ Салерно. Сперва жаръ и виды дикихъ береговъ до Vettig Majora [6]). Великолѣпные берега отсюда до Салерно, особенно виды Амальфи, Минуры, Майуры [7]) и Салерно. Смѣшная сцена на пристани салернской и учтивый полицмейстеръ. Видъ изъ трактира, ужинъ на терассѣ; общество

---

[1]) См. выше, стр. 279 и 284.

[2]) Ср. выше, стр. 215, подъ 22 октября.

[3]) Вѣроятно, Петръ Яковлевичъ Убри (Oubril, † 1847), нашъ посланникъ въ Мадритѣ, а потомъ во Франкфуртѣ.

[4]) Дипломатъ Гавріилъ Константиновичъ Катакази (р. 1793 † 1867, въ званіи сенатора и въ чинѣ дѣйств. тайнаго совѣтника). Въ 1833 г. онъ былъ отправленъ съ особымъ порученіемъ въ Баварію и въ августѣ того же года былъ назначенъ посланникомъ при греческомъ королѣ Оттонѣ.

[5]) Одно слово выпущено при печати.

[6]) Т. е. Vettica Majore.

[7]) Т. е. Minori, Majori.

французскихъ путешественниковъ. Темная ночь съ прелестными звѣздами. Летучія свѣтящіяся мухи.

29 (11), суббота. Поутру рисованье на терассѣ. Путешествіе черезъ Віетри, La Cava. Обѣдъ въ La Cava. Оттуда въ Помпею, гдѣ рисовали на развалинахъ торговой площади, осмотрѣли храмъ Геркулеса, форумъ, театры, храмъ Изиды, большой форумъ и мозаику. Преслѣдованіе нищихъ. Встрѣча съ процессіею погребальною. Les pénitents blancs и les pénitents noirs[1]). Король и молчаніе пѣвчихъ. Ужасная пыль.

30 (12), воскресенье. Перемѣна плана. Ванна. Послѣ обѣда черезъ Campagna Felice въ Пуццоли. Встрѣча съ жандармомъ. Въ театрѣ Ромео и Юлія Беллини и Carlo Temerari, балетъ.

1 (13) мая, понедѣльникъ. Покупки. Обѣдъ у Местера[2]). Вилла Ричарди. Извѣстіе о Мердеровой смерти[3]).

2 (14), вторникъ. Выѣздъ изъ Неаполя въ 5 часовъ утра. Проѣхали черезъ Капую, гдѣ осматривали бѣгомъ каѳедральную церковь съ старыми колоннами, съ статуею Снятія со креста Іисуса Бернини и съ прекраснымъ древнимъ барельефомъ. До S. Agata ѣхалъ въ каретѣ, потомъ пересѣлъ на козла любоваться красотами Кампаніи: Гарильяно и въѣздъ къ Via Appia, гробы по обѣимъ сторонамъ. Изъ Гарильяно въ Mola di Gaeta. Цицеронова вилла и мѣсто его убійства. Между Итри и Фонди классическая сторона разбойниковъ. Великолѣпная печальная сторона. Быстрый спускъ и пещеры. Развалины. Проводникъ. Между Фонди и Террачиною классическая сторона разбойниковъ. Границы неаполитанскія, границы Римской области. Утесы Террачины. Развалины Ѳеодорикова замка и видъ моря.

3 (15), середа. Выѣздъ изъ Террачины и пріѣздъ въ Римъ. День богатый впечатлѣніями. Переѣздъ черезъ Понтійскія болота. Via Appia, богатая пышная зелень, аллея ильмовая и тополевая. Съ лѣвой стороны каналъ. Видъ на Monte Circello. Террачинская гора, поворотъ въ Самнитскія горы, вертепы разбойниковъ. Впереди малая низкая гора, какъ отдѣлившійся утесъ. Чѣмъ далѣе отъ Террачины, тѣмъ обширнѣе

---

[1]) Монахи Францисканскаго ордена.

[2]) См. выше, стр. 276, прим. 1-е.

[3]) Извѣстіе о смерти воспитателя наслѣдника Александра Николаевича, К. К. Мердера было ложно. „Въ самую минуту отъѣзда изъ Неаполя—писалъ Жуковскій наслѣднику Александру Николаевичу 9 (31) мая, изъ Рима—получилъ я записку изъ министерства нашего, въ которой увѣдомляютъ меня—о чемъ бы вы думали?—не менѣе, какъ о смерти Карла Карловича [Мердера]. Можете вообразить, каково мнѣ было! И четыре дня его не было для меня на свѣтѣ: я похоронилъ его въ сердцѣ. Но встрѣча [въ Римѣ] съ принцемъ [Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ] его воскресила“ („Русскій Архивъ“ 1883 года, книга первая, стр. XXIII—XXIV).

равнина; богатство растеній, жатва, тростникъ высотою съ деревья, табуны лошадей, стада, буйволы; но люди блѣдные; состарѣвшіяся юноши; оставленныя караульни; почтальоны. Вкругъ пѣніе соловьевъ; поля покрыты желтыми цвѣтами, лиліями. Отъ Террачины до Веллетри все болотная равнина. Видимы вправѣ сперва Самнитскія, потомъ Сабинскія горы, Сесса [1]), Кори на высотахъ. Между Пиперною [2]) и Веллетри послѣднее классическое мѣсто разбойниковъ; на высотахъ ихъ притоны. Самыя прелестныя деревья, какія я видѣлъ въ жизни, находятся между Женцано и Ал(ь)бано. Въ Альбано, отдохнувъ, осматривали озеро Неми, съ береговъ коего видны Римъ, куполъ с(вятаго) Петра. Съ пункта, на которомъ я стоялъ, видно вправо мѣсто древней Альбы, Монте Каво, Ro(c)ca di Papa, напротивъ Фраскати и Тускулумъ, слѣва Castel Gandolfo и затѣмъ въ отдаленіи Римъ. Отъ Альбано до Рима все пустѣетъ; безлюдность, но не безплодность; природа та же, почти Римъ; все покрыто его гробомъ и развалинами гробовъ, идущими вдоль развалинъ Аппіанской дороги; прекрасно озаренные солнцемъ акведюки; изъ-за всѣхъ развалинъ куполъ Петра; цвѣтъ суровый; ясное небо. Великолѣпная равнина; пастухи верхомъ съ конями; въѣздъ въ ворота S. Giovanni; проѣздъ мимо S. G(iovanni) di Laterano [3]), Колоссея [4]), форума, Траяновой и Антониновой колонны на Piazza di Spagna. Остановились въ Strada di Condotti, Hôtel de Franz.

4 (16), четвергъ. Римъ. Всталъ рано. Въ 8 часовъ отправились въ S. G(iovanni) di Laterano. Остановились въ Forum. Первый взглядъ. Потомъ въ Колоссей: тутъ весь Римъ. Этого впечатлѣнія огромности угадать невозможно, не видѣвши, такъ же, какъ и впечатлѣнія развалинъ Рима и пустыни, его окружающей. Тоже долженъ произвести гробъ Наполеона на С(вятой) Еленѣ. Изъ Колоссея на минуту въ Латеранскую церковь, изъ коей прогналъ назадъ холодъ. Муравьевъ [5]). Взглядъ во внутренность великолѣпной Maria Maggiore; отсюда въ Амфитеатръ Преторіанусъ, въ храмъ Венеры и Амура и S. Croce in Gerusalemme. S. Stefano Rotondo (храмъ Бахусовъ); внутренность, колонны. Исторія мучениковъ, изображенная фресками, на стѣнахъ, Pomarancio и Tempesta. Ожиданіе Папы въ тѣни; равнодушный народъ; пѣніе; игры въ кости. Величественность явленія Папы; индульгенціи. Пустота площади. Развалины папства и римскаго величія рядомъ. Воз-

---

[1]) Т. е. Sezze.

[2]) Т. е. Piperno.

[3]) Т. е. S. Giovanni in Laterano.

[4]) Такъ пишетъ Жуковскій и далѣе вмѣсто Колизей.

[5]) Т. е. встрѣча съ Иваномъ Матвѣевичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ (см. ниже, подъ 8-го мая).

вращеніе домой черезъ Monte Cavallo: великаны Фидія и Праксителя [1]). Взглядъ на Гвидову Аврору въ palais Rospigliosi: древняя прелесть, яркость красокъ и свѣжесть всей композиціи; смотрѣть всего лучше лежа и въ зеркало. Черезъ Fontana di Trevi домой. Кривцовъ [2]). Послѣ обѣда путешествіе въ церковь св(ятаго) Петра. Замокъ Св. Ангела и мутный Тибръ. Явленіе храма не поражаетъ, но, подходя, на тебя падаетъ огромная масса. Удивительная фасада—это не есть ошибка. Какъ идея Бога, въ которой нѣтъ ничего разительнаго, ибо она въ жизни души, но въ которой все велико, все необъятно, все глубоко, таковъ Св(ятой) Петръ. Бездна богатства, но все исчезаетъ въ одной великой идеѣ. Наконецъ нашлись три предмета, давно знакомыхъ издали, давно ожидаемыхъ истощеннымъ воображеніемъ, которые въ существенности вполнѣ удовлетворили ожиданія. Это входъ въ обѣтованную землю. (Гробница Петра и передъ нею папа на колѣняхъ. Гробы папъ Берниніевъ [3]), Кановы [4]) и Торвальдсена [5]). Manière grandiose, mais apprêté(e), simple [6]), но безъ цѣлости. Памятникъ съ фигурою, покрытою бронзовымъ платьемъ. Глупое пѣніе и жалкіе органы. Стулъ Петра (Maître-autel) [7]). Отсюда черезъ Trastevere и островъ Тиб(е)рина мимо театра Маркеллова къ Ponte Rotto, дому Ріенци [8]), храму Добродѣтели и Чести, храму Весты, Cloaca Maxima, Янусову храму и, наконецъ, въ Колоссей. Величественный видъ отъ креста на всю обширность; странная надпись на крестѣ: кто поцѣлуетъ сей деревянный крестъ, тотъ получитъ разрѣшеніе на 200 дней. Мелкость креста. Видъ на переходы. Вечернее небо, кипарисы, бурныя тучи, растенія между аркадами; темнота низшихъ переходовъ. День полный въ жизни меланхолической глубокимъ ощущені(е)мъ.

5 (17), пятница. Въ 5 часовъ началось наше странствіе черезъ Капитолій. Всходъ мимо статуй Кастора и Пол(л)укса къ коню Марка Аврелія, окруженному дворцомъ сенаторовъ, домомъ Музеума и двор-

---

[1]) Колоссальныя мраморныя статуи, изображающія укротителей коней, приписываемыя знаменитымъ Фидію и Праксителю.

[2]) Павелъ Ивановичъ Кривцовъ († 1846), второй секретарь посольства въ Римѣ, а позже повѣренный тамъ въ дѣлахъ.

[3]) Бернини (р. 1598†1680), знаменитый итальянскій живописецъ, скульпторъ и архитекторъ.

[4]) См. выше, стр. 160, прим. 2-е.

[5]) См. выше, стр. 181, прим. 3-е.

[6]) Т. е. Видъ величественный, но лишенный естественности; простой ,но безъ цѣлости.

[7]) Т. е. главный алтарь.

[8]) Знаменитаго римскаго народнаго трибуна (р. 1313), убитаго въ 1354 г. во время народнаго возстанія.

цомъ Conservatori. Любовались видомъ Рима изъ оконъ Бунзена [1]), живущаго на скалѣ Тарпейской въ виду всѣхъ памятниковъ Рима. Мимо Aracoel(i), Scala Germanici, по дорогѣ Тріумфальной сошли къ воротамъ Септимія Севера; видъ на весь форумъ. Отсюда между Палатинской горой, мимо развалинъ императорскаго дворца и Circus Maximus, потомъ бань Каракаллы, черезъ Арку Друза и Porta Capena вдоль по Via Appia. Гробъ Горацiевъ и Куріацiевъ. Гробы отпущенниковъ Августа и Ливіи. Дорога идетъ между стѣнъ и виноградниковъ, и всюду гробы, одѣтые прелестною зеленью и кажущіеся густыми деревьями; поворотивъ влѣво къ храму Вакха или Каликста [2]), в(е)сьма сохраненному, отъ него въ уединенную зеленую долину къ гроту Эгеріи (Тургеневъ и газеты), потомъ назадъ и опять по Аппіанской дорогѣ къ великолѣпному гробу Сесиліи Метеллы: ротонда, надстроенная зубчатыми стѣнами Среднихъ вѣковъ; убѣжище фамиліи Гайетано [3]); соединеніе здѣсь готическаго съ древнимъ. Головы быковъ [4]). Кремль Гаетано. Отсюда черезъ развалины базилики Павла къ Сестіевой пирамидѣ, подлѣ коей лютеранское и англійское кладбище съ гробомъ атеиста Шеллея [5]). У Брюлова [6]): Гибель Помпеи, портретъ Самойловой [7]), Демидова [8]), множество начатаго, и нѣтъ ничего конченнаго. Послѣ обѣда съ Брюловымъ и Габерцетелемъ [9]) въ Ватиканъ, начавши взглядомъ на чудесный Пантеонъ. Сперва въ Музеумъ, или въ бездну статуй: Minerva Medica, Демосѳенъ, Мелеагръ, Аполлонъ, Лаокоонъ, Бойцы и Персей Кановы; быстрый взглядъ на остальное и на библіотеку. Папа богатѣйшій государь въ свѣтѣ. Отъ статуй къ картинамъ. Рафаелевы ложи. Станцы [10]), къ счастью, были закрыты. Въ галлереѣ величайшее наслажденіе. Преображеніе рядомъ съ Іеронимомъ. За ними Тиціановы.

---

[1]) См. выше, стр. 263, прим. 3-е.—Бунзенъ былъ тогда прусскимъ посланникомъ въ Римѣ.

[2]) Т. е. храму св. Урбана (S. Urbano); недалеко отъ него катакомбы св. Каликста.

[3]) Фамилія Гаетано сдѣлала, въ XIII вѣкѣ, изъ этой гробницы крѣпость.

[4]) Capo di Bove—названіе, данное фризу гробницы Цециліи Метеллы, бывшей замужемъ за сыномъ извѣстнаго тріумвира Красса.

[5]) Извѣстнаго англійскаго поэта Шелли (Schelley, р. 1792 † 1822, утонулъ въ Специйскомъ заливѣ), друга Байрона.

[6]) У Карла Павловича Брюлова.

[7]) Красавицы графини Юліи Павловны Самойловой, рожд. графини Паленъ.

[8]) Анатолія Николаевича Демидова.

[9]) Іосифъ Ивановичъ Габерцеттель (р. 1791 † 1857), живописецъ, бывшій потомъ профессоромъ исторической живописи Императорской Академіи Художествъ.

[10]) Stanze, залы въ Ватиканѣ, тоже съ фресками Рафаеля.

Караважіево Положеніе во гробъ. Гвидово Мученіе Петра. Пинтурикіево и Рафаелево Вѣнчаніе Мадонны. Мадонна di Foligno. Святой Бруно. Все это въ одинъ день! Отдохнулъ на Monte Pincio въ виду Рима и заходящаго солнца. Нашелъ у насъ Рожалина [1]) и Иванова [2]), живописца съ добрымъ сердцемъ и энтузіасмомъ къ своему искусству.

6 (18), суббота. Рано поутру въ St. Augostino: запертъ. Въ Maria della Pace. Рафаелевы Савиллы. На развалины Діоклитіановыхъ термовъ. Прелестная церковь Maria degli Angioli [3]) и переходы монастыря съ кипарисами; одинъ построенъ, другіе посажены Микель Анжемъ. S. Maria Maggiore великолѣпіе необыкновенное. Отсюда черезъ S. Pietro in Vincoli (Моисей Микель Анжевъ и с(вятый) Петръ Доминикиновъ) къ Брюлову. Его картина и талантъ: онъ въ опасности избрать ложный путь [4]). Съ нимъ въ Palazzo Borghese. Доминикиновы Охотницы, Рафаелево Положеніе во гробъ и нѣсколько портретовъ, Доминикинова Сивилла, Корежіева Даная. Кар(р)ачіевы фрески въ Palazzo Farnese и Рафаелева Галатея и Психея въ Фарнезинѣ. Потомъ чудесныя Станцы [5]); въ 1 Константинъ [6]); во второй Атилла, Геліодоръ, Чудо Бользенское и св. Петръ; въ 3 Школа Аѳинская; Соборъ и Парнасъ; медальонъ Философія, Поэзія, Правосудіе и Ѳеологія. Въ 4 Пожаръ.

Возвратился домой въ чрезвычайномъ утомленіи физическомъ и моральномъ. У насъ оказались: Ивановъ и Рожалинъ. Потомъ Муравьевъ [7]) и к(нягиня) Зинаида Волхонская. Стендаль [8]) и споръ. Не успѣвъ отдохнуть, въ Капитолинской Музеумъ, который прошелъ съ чувствомъ усталости. Океанъ; Пастухъ съ занозою; бюсты кесарей съ Агрипиною; Умирающій воинъ; бюсты философовъ. Планы Рима и консулярные фасты; колосальныя головы и ноги; ваза Митридатова. Въ картинной галлереѣ Волчица, разбитая громомъ, и бюстъ стараго Брута; въ картинной же галлереѣ: Гвершинова Петронилла, Веронезово Похищеніе Европы, Іисусъ и развратница Тиціана, Дарій и Александръ Pietro

---

[1]) Николай Матвѣевичъ Рожалинъ († 1834), другъ Д. В. Веневитинова и пріятель М. П. Погодина и С. П. Шевырева, извѣстный въ литературѣ переводомъ „Страданій Вертера" Гёте (Москва, 1828—1829), находившійся въ то время въ Италіи, гдѣ онъ занимался изученіемъ классической литературы.

[2]) Знаменитый живописецъ Александръ Андреевичъ Ивановъ (р. 1806 † 1858).

[3]) Т. е. Maria degli Angeli.

[4]) Ср. отзывъ Жуковскаго о Брюловѣ, сообщенный въ письмѣ А. Н. Струговщикова къ В. В. Стасову („Русская Старина" 1880 г., т. XXVII, стр. 190). См. также Собраніе сочиненій В. В. Стасова, т. II, Спб. 1894, столб. 859—862.

[5]) См. выше, стр. 287, прим. 10-е. Далѣе идетъ перечень фресокъ Рафаеля

[6]) Св. равноапостольный Константинъ Великій.

[7]) См. выше, стр. 285, прим. 5.

[8]) Псевдонимъ французскаго романиста и критика Henri Beyle (р. 1783 † 1842). Въ то время онъ былъ французскимъ генеральнымъ консуломъ въ Чивита Векія.

Комитета по очереди старшинства въ чинѣ, каждый въ четырехъ засѣданіяхъ. Журналы засѣданій сначала составлялъ кто-либо изъ товарищей министра, а съ 1805 года—статсъ-секретарь. Засѣданіе открывалось чтеніемъ и утвержденіемъ журнала предъидущаго собранія; затѣмъ предлагался перечень дѣлъ, назначенныхъ къ сужденію; общее рѣшеніе и отдѣльныя мнѣнія, если были такія, записывались въ журналъ, который, по утвержденіи его, представлялся государю, который, читая журналъ засѣданія—читалъ какъ-бы совмѣстный докладъ всѣхъ министровъ.

Война 1812 г. и отъѣздъ государя изъ столицы расширили предѣлы власти и кругъ дѣятельности Комитета; на это время Комитетъ Министровъ былъ учрежденъ «съ особенною властію по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія»; назначенъ былъ особый предсѣдатель Комитета — генералъ - фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ; членами, кромѣ министровъ, были назначены: главнокомандующій въ столицѣ гр. Вязьмитиновъ и предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта, и усилена была Канцелярія Комитета. Въ отсутствіе государя, Комитетъ, главнымъ образомъ, былъ занятъ дѣлами, вызванными обстоятельствами: укомплектованіе арміи рекрутами, одеждою, обувью, провіантомъ составляли не легкую обязанность въ то время при крайнемъ недостаткѣ свободныхъ средствъ въ государственномъ казначействѣ; пострадавшія отъ нашествія непріятеля губерніи требовали самаго внимательнаго попеченія и денежной помощи; къ неизбѣжному злу всякой войны—распространенію злокачественныхъ заразныхъ болѣзней, присоединилась еще чума,- вотъ при какихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать Комитету.

Въ 1813 г. Н. И. Салтыковъ просилъ государя о позволеніи Комитету Министровъ образовать изъ своихъ членовъ особый Комитетъ со включеніемъ туда и сибирскаго генералъ-губернатора. Государь не только согласился на это, но рескриптомъ на имя графа Салтыкова обобщилъ эту мѣру: «но какъ случиться могутъ дѣла подобнаго рода и кромѣ сибирскихъ, то я считаю полезнымъ постановить на будущее время, чтобъ для разсмотрѣнія дѣлъ, требующихъ особаго времени, всегда составлены были Комитеты таковые... Комитетамъ симъ имѣть особо положенные часы для засѣданія и, окончивъ каждое дѣло, представлять съ мнѣніемъ своимъ и въ общее присутствіе Комитета Министровъ». Такимъ путемъ при Комитетѣ Министровъ начали образовываться особые Комитеты, членами которыхъ въ большинствѣ были министры: т. е. часть предварительной работы изъ общаго присутствія переносилась въ частныя; этимъ облегчался ходъ занятій Комитета Министровъ, и расширялись предѣлы его дѣятельности и его компетенціи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи С. М. Середонинъ выясняетъ отношенія Комитета Министровъ къ Государственному Совѣту и къ Сенату. Отношенія его къ Сенату въ дѣйствительности не соотвѣтствовали тому положенію вещей, которое опредѣлено было закономъ. Обширная фактическая власть Комитета часто нарушала значеніе и компетенцію Сената.

Во второй главѣ разсматривается дѣятельность Комитета Министровъ въ отношеніи народнаго здравія, продовольствія и переселенія. Дѣла высшей полиціи предоставлялись Комитету Министровъ только на время отсутствія государя изъ Россіи, и то, что относится до сохраненія тишины и порядка, изъято было послѣ 1814 г. совсѣмъ изъ вѣдѣнія Комитета; охрана же населенія отъ эпидемій и продовольственное дѣло во все время царствованія императора Александра I были въ вѣдѣніи Комитета Министровъ, при чемъ на немъ лежала обязанность принимать мѣры и распоряжаться не только тогда, когда начинался голодъ или проникала въ государство чума, но и въ то время, когда не было никакой опасности.

Третья глава отведена дѣятельности Комитета Министровъ въ вопросахъ сословныхъ. Задачею его въ этомъ отношеніи было не созданіе новыхъ отношеній и даже не видоизмѣненіе старыхъ, а по мѣрѣ возможности—урегулированіе и упорядоченіе отношеній дѣйствующихъ: Комитетъ старался вдвинуть въ рамки закона замѣчаемыя отклоненія во взаимныхъ отношеніяхъ сословій или въ отношеніяхъ ихъ къ государству.

Отношенія Комитета Министровъ къ центральному и мѣстному управленіямъ разобраны авторомъ въ четвертой главѣ, а въ слѣдующей онъ разсматриваетъ отношенія къ государственному хозяйству.

Разсмотрѣвъ въ шестой главѣ участіе Комитета Министровъ въ разрѣшеніи дѣлъ военныхъ, С. М. Середонинъ въ седьмой, послѣдней главѣ своего труда останавливается на дѣятельности Комитета въ отношеніи къ просвѣщенію и Церкви.

Таково, въ краткомъ изложеніи, содержаніе интересной и весьма важной книги С. М. Середонина.

Н. К-ш-ъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

